НЁМАН

6/2015
ИЮНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

«СЯБРЫНА»: БЕЛАРУСЬ – РОССИЯ
Совместный номер издан при поддержке
Постоянного Комитета Союзного государства

СОДЕРЖАНИЕ

Григорий РАПОТА. Уважаемые читатели, дорогие друзья! 3

«Мост дружбы»

Евгений КАПУСТИН. Воспоминания о войне и не только.
Екатерина ФЕДОТОВА. Марьина осень. Перевод с белорусского Т. Сивец.
Илья ЛУДАНОВ. Звериной тропой. Виктория СИНЮК. Разыскивается философ.
Алёна ПАПКО. Волчица. Перевод с белорусского Т. Сивец. **Георгий ФОМИН.**
Иллюзия полезности. Андрей ДИЧЕНКО. «Европа». Ирина ИВАННИКОВА.
Васильковые души. Алексей СТАРУХИН. Пульс на грани восторга.
Мария ПЕРВУШИНА. Тишина и я. Татьяна ЗАХАРЕНКО. Кара небесная.
Елизавета РОЖКОВА. Ты называешься богом. Вячеслав КОТОВ.
Автоответчик. Юлия БОГДАНОВА. Вчера я видел. *Рассказы* 4

Сергей ФИЛИППОВ. Вишневый сад. *Стихи* 86
Виктор СЛАВЯНИН. Ромась и Варька. *Повесть* 91
Петр ИСАКОВ. Мартиролог. *Стихи* 136
Николай ГЕРМАНСКИЙ. Оно рядом. *Дорожные заметки* 138
Римма ХАНИНОВА. Запах полыни. *Стихи* 142

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Катрин ШМИДТ. Почему вы плачете каждую среду? *Рассказы.*
Предисловие и перевод с немецкого Ю. Саврицкой 146
Виктор ГЕРМЕНЧУК. На службе королю и отечеству 179

Collegium musicum

Светлана БЕРЕСТЕНЬ. Дирижер — это судьба 196

Литературное обозрение

С точки зрения рецензента
Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО. Время яблок 212

Напоследок

Литературное содружество
Светлана АНАНЬЕВА. Великая гуманистическая миссия 215
Алесь КАРЛЮКЕВИЧ. «Созвучие» без границ 220

Авторы номера 224

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Редакционная коллегия:

*Вадим Гигин, Наталья Голубева, Олег Ждан (редактор отдела прозы),
Алесь Карлюкевич, Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Владимир Макаров, Роман Матульский, Владимир Мозго (зам. главного редактора),
Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, Елена Попова, Олег Пролесковский,
Алесь Савицкий, Анатолий Сульянов, Николай Чергинец*

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Александр Николаевич КАРЛЮКЕВИЧ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Таргонская*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 10.06.2015. Формат 70 ×108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,76. Тираж 2263. Заказ .

Цена номера в розницу 23 500 руб.

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

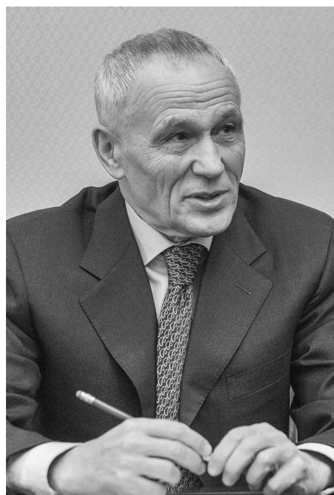
К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

© Министерство информации Республики Беларусь, 2015
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2015
© РИУ «Издательский дом «Звязда», 2015

«Сябрына»: Беларусь — Россия

Уважаемые читатели, дорогие друзья!

Плодотворное сотрудничество российских и белорусских литераторов складывалось на протяжении не одного столетия. Продолжается оно и сейчас. Подтверждение тому — этот номер журнала «Нёман», вышедший в свет при поддержке Постоянного Комитета Союзного государства.

Михаил Салтыков-Щедрин писал: «Здоровая традиция всякой литературы, претендующей на воспитательное значение, заключается в подготовлении почвы будущего... литература проводит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека». Хотя эти слова сказаны почти два столетия назад, они актуальны. В нынешнем мире интернет-формат соперничает с литературой. Однако ее воспитательную задачу не может столь же полно выполнять никакое из современных средств коммуникаций. Именно на писателей ложится огромная ответственность за то, каким будет общество завтра, насколько глубокими и думающими вырастут потомки.

Появляются новые поколения молодых людей, пробующих себя именно в литературном творчестве. Кто-то из них наверняка через десять-двадцать лет станет известным, прославит свою страну. Но на первом этапе их нужно поддержать. Именно такую задачу выполняет Конкурс молодых литераторов Союзного государства «Мост дружбы», ориентированный на поиск и поддержку молодых талантливых авторов, привлечение их внимания к истории, культуре и литературным традициям России и Беларуси, строительству Союзного государства.

Только что подведены итоги второго такого конкурса молодых авторов коротких рассказов. Жюри состояло из профессиональных литературоведов, специалистов по классическим произведениям, которые оценивали работы по целому ряду профессиональных показателей. По их мнению, уровень присланных рассказов — высокий, их авторы имеют данные, позволяющие надеяться, что у них есть перспектива найти свое место в литературе. Уже сейчас это думающие, тонко чувствующие люди, которые работают со словом, не считая это архаизмом. Вы можете составить свое собственное мнение о потенциале наших молодых литераторов — произведения победителей и участников конкурса печатаются на страницах номера журнала «Нёман», который перед вами. Будем надеяться, эта публикация откроет молодым авторам дорогу в мир настоящей литературы.

Хотел бы поздравить читателей с 70-летием Великой Победы, а журнал «Нёман» — с юбилеем, и пожелать всем здоровья, счастья и процветания!

Государственный секретарь Союзного государства — ***Григорий РАПОТА***

Конкурс молодых литераторов Союзного государства «Мост дружбы» проходил с 15 сентября по 15 ноября 2014 года. Авторы из Беларуси и России представили более 100 произведений малой литературной формы — рассказы, новеллы, очерки, эссе. Жюри рассмотрело 84 работы с российской стороны и 18 работ — с белорусской. Представляем нашим читателям произведения победителей и участников конкурса, получивших максимальное количество баллов от членов Экспертного Совета.

ЕВГЕНИЙ КАПУСТИН

Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

Воспоминания о войне и не только

Рассказчики:

Капустин Николай Петрович, родился 19 декабря 1931 года. Деревня Новинка, Тихвинский район Ленинградской области.

Капустина (Трошкова) Любовь Ивановна, родилась 4 сентября 1930 года. Деревня Ваньково, Тихвинский район Ленинградской области.

До войны

Л. И.: Свекор участвовал в Германской войне (в Первой мировой). Их часть стояла в Финляндии. Немцы всех захватили, угнали в Германию. Пять лет он провел в плену. Его держали в холодном сарае. Отморозил пальцы ног — пришлось ампутировать. Спасла его немка-доярка: выкормила, отогрела.

Все уже думали, что он погиб, никто не ждал, что вернется.

Однажды на Троицу свекровь собралась идти в соседнюю деревню на престольный праздник. Перед уходом наказала всем домашним: «Сегодня мой муж Пеша придет. Сводите его в баню, дайте чистое белье!» Все переглянулись, пожали плечами — решили, что тетя Феня из ума выжила. Но к обеду свекор пришел! Как она велела, его сводили в баню, дали переодеться в чистое белье, и он отправился вслед за супругой.

Л. И.: Был в наших краях знаменитый разбойник Ланцов. Здоровенный, высокий. Страшный! Ловкий и до чего сильный! Однажды в тюрьме руками разжал решетку и сбежал. В другой раз ушел из камеры через дымоход.

Ланцов — личность знатная. Все боялись одного его имени. Все бандиты стремились подражать ему, учились у него. Про него даже песню сочинили. Народ знал эту песню, но теперь она забылась.

Всю округу в страхе держал со своей бандой. Грабили всех проезжающих и проходящих. Все отбирали, у кого-то и одежду снимали. Иногда убивали. А оружие у них было — только ножи, колья да сильные руки.

Шел на танцы парень в красивом костюме. Попался Ланцову — тот его убил, думал, что если в костюме, значит богатый. А у парня в карманах только три копейки оказалось. Ланцов потом сокрушался: «За три копейки человека убил! Всю жизнь жалеть буду!»

Девушка ехала с мужиками. У нее кобыла ленивая — чтобы заставить бежать, нужно долго хлыстом работать. Ехали через лес, заметили разбойников. Мужики сразу ускакали вперед, а моя подруга пока хлестала кобылу — подошли разбойники с кольями. Один хотел лошадь по голове ударить, да промахнулся, попал девушке колом по бедрам. Тут кобыла понесла и проскочила сквозь толпу бандитов. А когда выехала из лесу — встретила своих спутников, они ее тут ждали. Видели, что она отстала, но вернуться не рискнули.

Вел мужик корову в город продавать. На дороге в лесу Ланцова и встретил, да не узнал, — его не все знали в лицо. Разбойник спрашивает: «Куда путь держишь?» Мужик искренне отвечает: «На базар иду корову продавать, да Ланцова боюсь». А Ланцов улыбнулся: «Не бойся, Ланцов тебя не тронет!» А действительно — зачем бандитам корова? Возиться с ней... Им деньги нужны!

Как-то молодая девушка Дуся одна бежала по дороге через лес. Бегом бежала, в жутком страхе перед Ланцовым. На него и наткнулась. Не узнала. Он и говорит: «Иди своей дорогой спокойно. А если попадется тебе кто-то на пути — говори всем, что Ланцов тебя не тронул, и они не тронут». Дуся так и обмерла, поняв, что перед ней он сам. А когда пришла в себя — побежала дальше что есть духу, не останавливаясь.

Ланцов не обижал тех, кто ему приходился хоть в какой-то степени родней. В одной семье его даже иногда пускали ночевать. Кажется, там жила его сестра. Когда Ланцова последний раз арестовывали, он им сказал: «Если и теперь уйду из тюрьмы — отблагодарю, всю жизнь богаты будете!» Ходили слухи, что у него где-то зарыта целая яма с деньгами и драгоценностями. Но на сей раз знаменитый разбойник не вернулся. Говорят, в тюрьме его тайно убили и через заднюю дверь вынесли. Видимо, решили избавиться, не дожидаясь суда.

Л. И.: Рассказывают, что некая девка была очень серьезно больна, уже лежала при смерти. Отнесли ее к бабке, которая заговаривала болезни. У той бабки жила змея. Змея залезла через рот в нутро к девке. Видно было, как змея извивалась в животе. Потом змея вылезла и вытащила болезнь. Девка выздоровела.

Л. И.: Младенцам давали маковое молоко, чтобы лучше спали и не плакали. Тогда не знали, что такое наркотики...

Л. И.: В соседней деревне — на Шижне — перед войной церковь разрушали. Все убранство вытащили, купола сбили. Колокол сбросили — говорят, он так в землю и ушел. В церкви потом лошадей держали, капусту солили, затем там располагался клуб.

Свои же мужики разрушали, помню фамилии — Петров, Кузнецов и другие... Все они погибли в войну, все до единого! Лишь Кузнецов

вернулся с войны живым — зачах и вскоре скончался. Врачи не могли определить, что у него за болезнь. Просто угас на глазах.

Иконы из разрушенной церкви — большие, метра два на полтора — забрали к некоему Грише, в доме сделали из них перегородку и заклеили обоями. Тогда была мода вешать на стенах фотокарточки. В эту перегородку вбили гвозди и повесили фотографии в рамках. Гвозди сквозь обои вбили в глаза Богоматери — это потом узнали. Человек, который это делал, вскоре ослеп.

Однажды я ночевала в том доме, взрослых с нами не было, лишь старшая дочь хозяина Нюша. Как раз в ту ночь ей во сне явилась Богородица и велела: «Освободи меня, открой лица всем!» Нюша проснулась и разбудила нас. Мы набирали воды, отмачивали и снимали обои, вытаскивали гвозди. Потом позвали мужиков, те послушались нас, поместили иконы в рамки и установили их в комнате на почетное место.

Война

Н. П.: Брат Сергей — офицер, служил в пограничных войсках в Литве, в Лиепае. Пограничники приняли на себя первый удар фашистов, все там и сгинули. Утром 22 июня 1941-го Сергей из своего гарнизона позвонил Катерине, своей жене, жившей на съемной квартире. Только и успел сказать несколько слов — сообщить, что начинается война, что нужно срочно эвакуироваться, что скоро отходит корабль... Внезапно связь прервалась. Что там произошло дальше — неизвестно... Тело Сергея не найдено, он числится пропавшим без вести. Есть предположение, что литовцы сами наших пограничников и убили.

Катерина сразу бросила все и побежала на пристань, а там люди грузятся на корабль с вещами, даже мебель забирают, — видимо, заранее знали, успели подготовиться. А она ничего не взяла, так, с маленькой сумочкой, и эвакуировалась.

Катерина была беременна. Из Литвы она приехала к нам в деревню и у нас родила сына, назвали его так же — Сергеем.

Л. И.: 22 июня я была в гостях в соседнем селе — в Ладвушах. Приехал Яков Семенов из сельсовета, сообщил о войне. Мы чаю попили — и бежать домой.

А у нас уже начали призывать мужиков и парней.

Мой дядя Вася-малый обучал новобранцев. Тренировал: как держать винтовку, как целиться. Учил ходить в строю, надевать противогазы, бросать гранаты.

Когда забирали брата Пешу, я чихнула. Он вернулся живым, получив ранение.

Муж моей крестной, Саня, был председателем колхоза, его в армию не брали. Но через пару месяцев он сам запросился на фронт: «Я больше не останусь тут бабами руководить! Пойду воевать!»

Когда мы его провожали, все смотрели на меня, ждали, что я чихну. Не чихнула. Через неделю он погиб. Но об этом мы узнали только зимой, когда пришел солдат, разыскал его жену и все рассказал: Саня утонул на переправе, получив ранение в живот.

Н. П.: Мы, мальчишки, бегали смотреть на строевые упражнения новобранцев, нам интересно было. Призывникам выдали охотничьи ружья. «Лечь!.. Встать!.. Целься!.. Коли!.. Бей прикладом!..» Удары отрабатывали на соломенных снопах. Мы все повторяли за ними.

Н. П.: Немец рвался на Свирь — чтобы соединиться с финном и замкнуть второе кольцо блокады Ленинграда. Тогда городу было бы не выстоять! В октябре немцы заняли Тихвин, 60 дней его удерживали, пока наши их не выбили оттуда. В тот период линия фронта проходила в 50 км от нашей деревни. Ночью мы видели вдали зарево от боев, от пожаров и взрывов.

Нас посылали рыть землянки в лесах — если бы враг придвинулся ближе, пришлось бы покинуть дома.

Л. И.: Когда фронт приблизился, нас хотели эвакуировать за реку Пашу, но когда немец сначала занял Тихвин, а потом продвинулся еще на 12 км, — наоборот, людей с Паши эвакуировали к нам.

Н. П.: Через наши деревни вывозили раненых, мимо постоянно ездили военные автомобили — ЗИСы, полуторки, студебеккеры. На краю деревни располагался медсанбат, здесь раненым делали перевязки и везли дальше в тыл. На дороге оборудовали КПП, все машины проверяли — возможно, отлавливали дезертиров.

Солдаты, курсанты шли через нас — отступали на Вологду. Шли беженцы из занятых врагом деревень. Они у нас меняли одежду на еду.

Наш дом — предпоследний от края деревни, после него семь километров чистого поля до следующего жилья. Зима лютая, морозы под минус сорок. Мы избу и не запирали — все шагали сплошным потоком, заходили к нам погреться и передохнуть перед дальнейшей дорогой.

Ночевали в том числе и в нашем доме — голодные, холодные. Много их было, все запасы съели. Спали вповалку на полу, головами на пороге, шагнуть некуда было.

Отец ночевал в сарае — корову охранял и присматривал, чтобы сено не загорелось от случайного окурка.

Л. И.: По деревне машины шли и шли... Раненых везли, очень много их было... Стон стоял... Машины с людьми открытые, а холод, мороз...

Н. П.: В деревне стояли конные обозы — телеги, сани — в том числе и с оружием.

Однажды соседский парнишка где-то украл гранату. Похоже, это была лимонка — зеленая, круглая. Мы вдвоем с другим мальчишкой бегали за счастливым похитителем, просили показать находку. Он сначала похвастался, а потом не захотел делиться добычей — удирал от нас, в итоге забежал к себе в дом и закрылся. Мы долго ломились в запертую дверь, потом сообразили пойти посмотреть в окно. Только зашли за угол — шарахнуло, стекла вылетели...

Взрослых дома не было, и обладатель гранаты решил разобрать свою находку. Видимо, держал ее на коленях — ему разворотило все между ног, бедра и живот. Он умер в медсанбате.

А если бы мы сумели открыть дверь и попали бы в дом? Или успели бы влезть в окно?..

Л. И.: Об авианалетах нас предупреждали — бегали по деревне: «Тушите свет! Закрывайте окошки! Самолеты летят!» Мы занавешивали окна одеялами.

Свои и вражеские самолеты мы различали по звуку: немецкие гудели натужно, неравномерно, наши — более размеренно и плавно.

Однажды на поле сел подбитый советский самолет. Постоял, отремонтировался и улетел. При взлете поля ему не хватило — въехал в рожь.

Н. П.: Неподалеку, в Кайваксе, располагался наш аэродром, и над деревнями постоянно летали самолеты. Бомбардировщики летали строем в сопровождении истребителей — на Свирь, на финнов.

Один неисправный истребитель полсотни метров не дотянул до поля, врезался в деревья в осиннике. Самолет развалился на три части, летчик погиб. Мы, ребятишки, потом ходили на место аварии собирать патроны и детали. Кто-то принес домой ткань от парашюта...

Н. П.: С зимы 1941-го по весну 1942-го в соседнем доме располагался штаб тыловых частей, а офицеры жили у нас. В дом провели телефон и часто звонили в штаб фронта, в Чудово. Днем офицеры совещания устраивали, а ночами пьянствовали, с бабами гуляли, песни пели под гармошку, слушали патефон. Я сидел на печи, видел, как они пили: в стакан на треть заливали крепкий чай, на две трети — водку. Это называлось «пунш». Один офицер объяснял другому, молодому: «Так приятнее, мягче».

Моя мать готовила им еду — американскую тушенку, гречу или перловку с мясом в больших железных банках. И нам, детям, немного доставалось. Вкусные консервы! Офицеры рассуждали: «Все-таки Америка помогает».

Офицеры регулярно менялись, каждый месяц приезжали новые.

Л. И.: В деревне лошадей не осталось, всех забрали на войну.

Мы, дети, все время работали. Например, палками молотили лен — тяжелая работа! Женщины работали за мужиков, дети за женщин... От голода постоянно хотели спать. Ослабели, еле ноги переставляли, но работали.

Нам выдавали один мешок зерна в месяц — это десять килограммов. В некоторых семьях сразу все мололи и съедали, а потом голодали. То ли не могли удержаться, то ли боялись, что украдут...

Весной откапывали мерзлую сгнившую картошку. Ее очень легко чистить — кожура сама отпадает, а внутри один крахмал. Из него на противнях пекли оладьи. В поле удавалось найти примерно одну картофелину на два метра земли. Все у себя перекопали — потом в другие деревни ходили копать.

Питались мякиной: толкли в ступах и пекли лепешки. Пока был запас ягод, ели мякину, толченную с клюквой. Ели жмыхи из отрубей. В других семьях лебеду ели; от нее пухли. Ели жареный щавель с яйцом — от него тошнило. «Дудки» (сныть) сушили, резали ножом и толкли в ступах или мололи на жерновах, потом пекли лепешки. От них мучились сильными запорами.

Одна бабка в поле работала, полола картошку, не могла утерпеть, доставала мелкие, еще незрелые картошины, и сразу ела их — сырые, зеленые, прямо с землей. От этого и умерла, прямо в поле.

Когда косили — все сено отдавали государству, а для себя по кустам вдоль дорог собирали сено, выпавшее из повозок. Из соломенных крыш доставали гнилую солому — давали корове. Голодная корова на ногах не стояла — ее подвешивали к потолку, пропуская под животом длинный узкий ковер-дорожку.

Мы держали корову, потому и выжили. Надо 300 литров молока сдать государству, остальное — себе. У кого коровы не было — те тоже выживали, но было гораздо тяжелее.

Умер в деревне только один человек — в семье Чуркиных, уже в августе, когда голод был не такой сильный, ягоды появились...

Бывало, военные у нас ночевали — делились сгущенкой, тушенкой.

Мы всю теплую одежду — шубы, тулупы — променяли на хлеб. Потом мама даже полотенца выменяла. Когда несла их, у нее слезы катились из глаз, от этого мама по дороге спотыкалась, падала и роняла свою ношу.

У нас был штабель бревен, заготовленных для постройки нового дома. В войну все пошло на дрова.

Н. П.: Мякину ели — это отходы от помола зерна. Лепешки из нее пекли. В основном питались картошкой и молоком, летом запасали грибы и ягоды на всю зиму.

Н. П.: Во вторую и третью военные зимы в нашей деревне размещался спецотряд. Бойцы на лыжах, в маскхалатах, вооруженные карабинами с оптическими прицелами, — невиданное дело! Они били лосей. Потом приезжали машины и забирали туши — мясо для фронта.

Л. И.: 9 мая 1945-го мы работали на реке, сплав гнали. Вдруг всех позвали в клуб, а там сообщили, что война закончилась. Рев стоял, крик, вой, плач — от радости и от горя...

После войны

Л. И.: После войны к нам в дом прислали белорусов. Нам сколько-то денег начислили от лесопункта, чтобы мы о приезжих заботились. Много малышей, крошечные, все грязные, вшивые. Мы затопили баню, наподдавали пару, собрали их всех в парилку, закрыли там и снаружи подперли дверь. Они с непривычки орут, плачут, ломятся — а не выйти. В бане вши надуваются, красные делаются, толстые... У них все вши и вывелись!

В деревне был паренек один — не то чтобы дурачок, но немного с придурью. Эти ребята стали его дразнить, водой поливать. Он не выдержал — схватил палку и погнался за ними. Они от него врассыпную — кто в дом вбежал и дверь захлопнул, а кто в картошку сиганул, в ботве залег. Потом они нам рассказывали: «Мы в бульбовнике прятались!» Так смешно их речь звучала!

Н. П.: После войны вместо наших лошадей, отправленных на фронт, в колхоз прислали иностранных. Были монгольские лошадки — маленькие, но выносливые. Они панически боятся леса — не

привыкли, ведь в Монголии голая степь. Едут через лес — дергают ушами, нервничают, от каждого шороха шарахаются. Если их оставить без присмотра — сбегут.

Были шведские кони — огромные, сильные. И цивилизованные! Едят только из кормушки, сами пастись не умеют.

Л. И.: Пригнали к нам скот из Германии. Лошади все больные, в лишаях. Мы их лечили.

Л. И.: Мы работали все, от мала до велика. По утрам по деревне ходила женщина и будила народ на работу — стучала палкой по подоконникам и громко пела:

— Вставай, дружки! Вставай, молодцы!
Вставай!
Каша сваривши, горох перепривши!
Вставай!
Каша на Паши, горох на Ояти!
Вставай!

Паша и Оять — это крупные реки на востоке области.

Мы пололи колхозные поля. Лягушек боялись до смерти! Особенно подруга Шурка: когда квакушки из грядок выскакивали, ревмя ревела, убегала! Но потом возвращалась — работать надо...

Жили весело, развлекались после работы. Был клуб, была изба-читальня, хотя в ней мы не читали, а плясали под гармошку, а мужики в домино играли. Бывало, весь день мы трудились — окучивали картошку, потом вечер и всю ночь гуляли, а поутру снова отправлялись в поля.

Мы работали, поэтому и жили неплохо. Нам завидовали, вредили. Например, однажды соседка нам картошку в погребе посолила (от этого появляется гниль). Пришлось заколотить окошко погреба, чтобы такое не повторялось. А та соседка потом как-то вывихнула челюсть. Пришлось ей с перекошенным лицом, с разинутым ртом ехать в город в больницу, там ей доктор кулаком врезал — и челюсть встала на место.

Н. П.: После войны в деревнях воровства не было, в домах двери на замки не закрывали.

В 1947-м мы с другом ездили в Ленинград, сделали свои дела и всю ночь гуляли по городу. Ни хулиганства, ни бандитизма, бродили спокойно, бояться некого было.

Л. И.: В 1951 году я ждала ребенка. Тогда беременные до последнего дня работали, иногда рожали прямо в поле во время работы. Я бедовая была, все делала по хозяйству. Беременная ходила в Тихвин и обратно, — а это 60 километров, — и ничего страшного!

Дверь в нашу избу закрывалась изнутри железной накладкой. Я дома работала на втором этаже, и когда кто-то приходил, я, чтобы не спускаться по узкой крутой лестнице, дверь открывала ухватом, перегнувшись через перила. Однажды я потеряла равновесие, кувыркнулась через перила и упала со второго этажа. Сильно ударилась о лестницу животом, потом головой о стену... До сих пор не понимаю, как это прошло без последствий для меня и для дочери?

Еще, беременная, шла провожать Колю в армию. На косогоре поскользнулась, упала на спину и съехала по грязи с очень длинной и крутой горы. Очевидцы говорили между собой: «До низа доедет и родит!» Ничего, тоже обошлось.

Рожала я дома, без врачей. Пришла после молотьбы, ночь промучилась и родила дочь. Кровь останавливали — холод прикладывали, внутренности мне застудили. Бабка же сама рожала — что ж она, не знала, как правильно кровь останавливать? Когда сообразили, что случилось, — хотели меня везти в город в больницу, да поняли, что не доеду, умру по дороге. Оставили дома. Ничего, выжила, как кошка! Только с тех пор печень застужена осталась.

Л. И.: Мой брат Пеша здоровенный был! Кровь с молоком! Подковы гнул! Мать доила корову, приносила парное молоко, наливала ему кувшин, Пеша садился на крыльцо, кувшин выпивал и цельную сахарную голову съедал.

Племянник Коля, сын Пеши, после войны служивший в Германии, рассказал историю: его сослуживец однажды заметил яблоню на чьем-то участке. Забор невысокий — он залез яблок набрать... А там воровать не принято! Его убили, живот разрезали и яблоками набили — «чтобы наелся»!

Л. И.: Как-то раз я прихожу с работы, — а у нас теленка увели в колхоз. Свекровь рассказала, что к ней пришли, она не пускала, а они без спроса открыли стойло, взяли теленка за хвост и за ухо и увели. Свекровь пошла в сельсовет жаловаться: «У меня один сын на войне погиб, другой в армии служит — верните теленка!» А теленка уже зарезали... В итоге она вытребовала деньги.

Н. П.: В магазине все меняли на яйца. Два яйца — пачка папирос. Также тряпки принимали.

Л. И.: Был один конь дурной, всегда идет шагом, и никак не заставить его бежать. Хоть понукай его, хоть хлещи — все бесполезно, идет шагом и ни на что не реагирует. А вот с горы бежит галопом, и тут уже наоборот — никак его не остановить, ни «тпру», ни хлыст не действуют. Больше всего я боялась свалиться с телеги — конь, разогнавшись под гору, не заметит, что я упала, и дальше побежит.

Была кобыла Майка. Она на всем скаку останавливается перед ямой — и седок летит через голову. Кстати, почему-то это всегда проходило без серьезных последствий для людей.

Жеребец один был как дикий! Когда бесился — убегал, носился по деревне, а весь народ прятался по домам: «Опять жеребец Трошковых буянит!» Брат Пеша — сильный очень, смелый, однажды поймал его, намотал вожжи на руку; жеребец таскал его по всей деревне, топтал... всего затрепал, тот еле жив остался. А соседа Трошку на дороге насмерть затоптал. После этого от жеребца избавились.

Однажды конь пасся и с травой проглотил змею. Словно взбесился! Бегал по деревне как сумасшедший, все от него шарахались. Мужики с трудом поймали коня, повалили на землю, связали. Влили ему в рот сыворотки с табаком. Змея вышла.

Л. И.: Редкостная у нас была корова! Гнали сплав, бревна шли по реке, а река шириной пять-семь метров. Корова паслась, увидела красивый зеленый луг на другом берегу — и переплыла. Как?! Никто не знает. Плыла, уворачиваясь от бревен? Или шла по дну пешком под ними? Обратно ее с трудом перевезли на плоту.

Бедовая была, буйная! Других коров бодала! Хозяева боялись вместе с ней своих буренок отпускать. Но когда начал нападать медведь — она других коров защищала, бросалась на медведя! Однажды он все-таки ранил ее, сломал позвоночник в трех местах. Со сломанным позвоночником корова стоять не могла, ползала. Когда ей надо было в туалет — я сама ее из стойла на улицу волокла и обратно. Потом ее выходили, вылечили!

Бык был дурной, всех бодал. Однажды меня на скотном дворе чуть до смерти не забодал! Я подпрыгнула, схватилась руками за балки под потолком и висела ногами вниз — он все ноги мне перебодал, до сих пор шрамы остались. Рядом маленькая Галя, доченька, сидела в санках за ящиками. Чудо, что сидела тихо, не выходила, а то бык ее убил бы! Народу набежало — с вилами, с кольями, — могли бы быка отогнать, но все стояли в стороне, смотрели да охали. Я не выдержала, соскочила и побежала. Бык за мной! Я за стену юркнула и спряталась в шкаф. Бык не нашел меня, выбежал со скотного двора и направился в поля. Только через несколько дней его поймали и привели на место.

Л. И.: По соседству, в Каськово, на скотном дворе женщина допоздна задержалась, все уже ушли, одна осталась. Темно, ходит с керосиновым фонарем в руке. Слышит — за спиной кто-то шлепает. Думает — мужики остались, кричит «Кто тут?», но не оборачивается. Вдруг сзади ее кто-то обнял... Разозлилась она от такой наглости, фонарем назад отмахнулась... раздался рев... обернулась — а это медведь! Голова его облита горящим керосином; катается по полу, ревет, сучит лапами. Женщина выскочила на улицу, мужикам встречным про медведя сказала, а сама дальше бежит. Домой заскочила, только дверь открыла — и на пороге свалилась. Потом несколько дней говорить не могла — речь отнялась. А мужики медведя не нашли — ушел в лес.

В феврале-марте волки во дворы забирались, овец убивали, но не съедали, а только кровь выпивали. Это к весне у них недостаток витаминов.

Как-то раз парень провожал девушку в другую деревню. Неподалеку возникла стая волков. Парень посадил девушку на огромный стог сена, а сам побежал за помощью, за лошадью. Вернулся — девушка съедена, волки ее со стога стащили...

На Воздвижение — в сентябре — звери гуляют. Я на лесной поляне встретила 12 лосей — прямо так и вышли на меня! Но я стояла тихо, они меня не заметили, прошли мимо. А лесник в тот же день видел на речке 12 медведей; от них под мостом спрятался. Когда вернулся домой, жена спросила: «Что это у тебя на голове? Пепел?» А он посмотрел в зеркало — совсем седой стал!

ЕКАТЕРИНА ФЕДОТОВА
Республика Беларусь, г. Новополоцк

Марьина осень

Ветер постучал в окно яблоневым суком, и Марья в очередной раз пожалела, что не спилила его: не дай бог, выбьет стекло. Оно и так чуть держалось, заклеенное пластырем аж в трех местах, а при особенно сильном ветре звенело жалобно и тонко. Марья тяжело поднялась, припала лицом к холодному окну, молча вглядываясь в осеннюю темноту. А там — глухой и слепой ноябрьский рассвет — хоть глаз выколи... Где ты теперь найдешь ту пилу в сараюшке... Едва переставляя ноги, Марья добралась до кровати и села, долго, по-стариковски, приноравливаясь, чтоб прилечь. Но опять разболелся бок — не полежишь. За ночь ветер выстудил дом, и было так холодно, что не спасало и теплое одеяло. Марья сидела на кровати и слушала, как шумит ветер, как горько плачет стекло... Не выдержала, тяжело подошла к щитку печки, прижалась к нему старческой грудью — холодно... Поплотнее завернулась в старую поддевку, стащила со щитка теплый платок и завязала его крест-накрест. Протяжно загудело в дымоходе, и сук хлопнул по стеклу так сильно, что затрепетало от страха сердце. Но стекло выдержало. Марья прижалась к нему, вглядываясь в мокрую слякоть. Из окна на нее смотрело маленькое, сухонькое личико с обветренными жизнью губами...

Ветер подул не на шутку. Стекло уже не просто звенело от его порывов, а просто стонало, предупреждая хозяйку, что скоро не выдержит. Марья взяла с кровати подушку и приложила к оконной раме. Та сразу успокоилась, и в доме стало тихо, даже белоснежные занавески перестали шевелиться. Бок как будто успокоился, уже не рвал нутро, не дергал, просто висел тяжелой нитью навязчивой боли. Дочь говорила, как называется эта болезнь, лекарство из Москвы привозила, но что с того...

Дочь у Марьи умная — врач... Сразу после школы поехала учиться в мединституте. И поступила... А выучилась и замуж сразу вышла... в Москву. Люди говорят — хорошо... Тодорова дочь счастливая, богатая... Марья тяжело вздохнула.

Часы на окне тихо отсчитывали минуты, в углу на кухне скреблись мыши.

— Вот уж кота на вас нет, чтоб вас... Кот... Кот... Кыци-кыци-кыци...

Мягко спрыгнул на пол старый серый кот и одним махом оказался рядом со старой женщиной. Она на ощупь протянула к нему руку, погладила по мягкой шерсти. Кот сразу заурчал и примостился рядом на кровати.

— Совсем ты от рук отбился, мыши по дому пешком ходят, а ты только на печи лежишь... — почесала Марья мягкий бок и замолчала. Старческая тонкая рука лежала на теплой кошачьей голове. Спустя

несколько минут она перевернулась на спину и спросила: — Может, приедет наша Танечка на Рождество? В том году не было... И на эти Коляды не приедет, наверное...

Кот вытянулся и мягко зевнул, показывая, что разговоры эти пустые, но Марья не успокоилась.

— А помнишь, Кот, раньше все собирались на Рождество... И Танечка. И Иринка из Минска приедет, и Петя с Васей... Девчата мне дом уберут, все вымоют, хлопцы кабанчика заколют... Помнишь, Кот? А потом вечером кабана разберем, печеночки нажарим, сальца... Колбасы крутим... Помнишь, как Танька не могла кишки в руки брать... А еще врач... А теперь нет никого... Никто не едет, все городские стали... Всем некогда. Иринке писала — приезжай... А она мне — некогда, работаю, может, летом... Ну и пусть летом... Летом работы много. Петя с Васей, близнецы, не так далеко живут, в райцентре. Километров тридцать... Эти чаще бывают, да и внуки приезжают... Но чтоб все собрались... Кот, почему мышей не ловишь? Скоро по голове ходить будут... Старый ты стал... Как и я. Это же тебе уже сколько годков? Тебя еще Иринка привела котенком от Игнатихи... А Иринка уже одиннадцатый год как уехала... О-хо-хо-хо-хо... Старый ты, котик, как и я...

Кот еще минуту полежал рядом, потом осторожно поднялся и изогнулся, грозно сверкнули зеленоватым светом глаза. В углу снова прошелестела мышь, и полосатый спрыгнул на пол.

Холод брал свое, забирался под платок, не спасала и старая поддевка, стыли ноги в вязаных бурках. Старуха слезла с кровати и пошаркала к печке, взялась растапливать.

Сначала огонь только ласково лизнул сухую лучину, будто приглашая, а потом вошел в охоту и, проглотив всю, весело поскакал по сухим поленцам. В доме стало тепло, а на дворе незаметно посветлело, и Марья отправилась во двор, в хлевушок. Оттуда сначала слышалось тихое чириканье, потом беспокойное квохтанье потревоженных кур, и вот Марья вышла из сарая с ведром в руке и двумя яйцами в подоле. Кроме кота делили с Марьей судьбу коза Манька и две курочки.

Картошка сварилась. По дому пошел сытный картофельный запах. Полилось из подойника в кошачью миску молоко. Потом в чашку, белую с голубыми горошинами, Танину любимую. Как приедет, бывало, только из нее пьет.

— Кот, иди, есть будем, — позвала Марья. И он тут же спрыгнул с печи. Лениво подошел к миске с молоком.

— Кот... Кот ты, Кот. Кот-муркот...

Марья тихо сидит на диване. В доме тепло, тихо...

— Ай-яй-яй-яй-яй... Дробны-ы дождҗык, ды накрапае. Выйдзі, дзяўчына, сэ-э-рца жа-а-да-е-е-э...

Марья поет... Кот привык уже. Раньше пугался и убегал... А теперь смотрит на Марью зелеными глазами и слушает. Марья часто поет. А бывает, и сказки рассказывает... Кот любит сказки больше, чем песни... Под сказки Марьина рука мягко гладит его, чешет за ухом плавно, как сама рассказывает. Ни на минуту не останавливается... А под песню разное бывает... Может даже и за шерсть дернуть... Сказки лучше. Сегодня Марья пела, поэтому Кот наблюдал за ней со стороны, близко не подходил.

— Ну, что смотришь? — Марья перестала петь. — Думаешь, баба с ума сошла? Нет, не сошла... Баба твоя еще все понимает... Вот Васька

с Петькой зазывали на зиму к себе, а я ж не согласилась... У Васьки детки, квартиры нет, куда мне... А к Петьке я сама не хочу... Там невесточка такая, что не приведи господи... Глупая была б — поехала бы... Иди-ка сюда...

Кот вроде только этого и ждал — запрыгнул на колени к хозяйке.

— Какой это день сегодня? Суббота? Мозги-то совсем отсохли... А может, воскресенье? Ящик этот поломался... Так хоть новости смотрели... Одного только боюсь — умру и буду лежать... Одна здесь, пока не найдут. А кто меня найдет? Сыновья раз в месяц звонят — некогда, дочки — далеко... О-хо-хох-хо... А и быстрей бы уже... Восемьдесят шестой годок... Пожила уже... Пожила. Всего было...

Кот не стал слушать дальше — с ней всегда так, все разговоры одинаково заканчиваются. Повернулся, махнул хвостом и исчез.

День входил в полную силу, но был неярким. Низко над землей ходили серые тучи, готовые вот-вот прорваться снегом, тоскливо смотрели они на одинокую Марьину избушку. А она еще ниже прижималась, старалась стать незаметной, слиться с черной осенней землей, а то и сравняться с ней, как уже сравнялись остальные.

Марья поплелась в сени. Накинула на плечи старый мужнин кожух и вышла на крыльцо. Влажный ветер вырвал из рук дверь, и она гулко ударила о стену. От неожиданности Марья ойкнула. Осторожно, чтобы не поскользнуться, спустилась с крыльца и пошла к сараю. Где-то там, на полке, лежала пила. Через несколько минут Марья осторожно наклонила яблоневый сук, мокрый и скользкий, да пила все никак не хотела резать, соскакивала, скользила... Марья и так подступалась, и этак. От усердия сползли кожух и платок, но сук не поддавался. Тогда Марья отступилась. Тяжело дыша, подошла к яблоне, положила руки на ствол.

— Смотри ты... Теплый... Прости ты меня, старую... Я же знаю, что болит... И мне больно. Каждую ночь, моя родная, болит... А выбьешь стекло — что буду делать? — Марья опять взялась за ножовку и наконец спилила сук, бросила на мерзлую землю — тащить в сарай уже сил не было. — Хай себе лежит, — махнула она рукой и тихо поплелась в дом. Не дошла, тяжко колотилось в груди сердце, и опустилась на старую, хрупкую скамейку, прислонилась к теплому боку дома.

Свет медленно уступал место осеннему полумраку. Еще можно было рассмотреть одинокие очертания деревьев, низкие кусты шиповника и сухие стволы желтых георгинов, но и они начинали сливаться в ровный серый туман. Тихо-тихо было вокруг. Послышалось, по тропинке кто-то идет, Марья присмотрелась... Показалось... Откуда-то появился Кот, потерся о ноги.

— Не успела оглянуться. А жизнь, вот она — как ниточка, в клубок завилась-закрутилась. Будто и не было... Эх, короткая она, жизнь эта... Такая короткая, что только вчера, кажется, бегала маленькая, босая, в одной майке... И мама смотрела из-под руки, и папа... Короткая жизнь моя... Одно хорошо — прожила ее так, как хотела, правильно прожила... Никому обиды не делала, а если кого и обидела, то не со зла, так, по глупости... Детишек вырастила, каждого в мир выпустила... С мужем всю жизнь вместе прожили — от свадьбы до последнего его денечка — вместе... Кажется, и не поссорились ни разу... Хорошую жизнь прожила — дай Бог каждому. Да вот под старость одна осталась... Слышишь, Кот. Никому не нужна. Оно конечно, старые никому не нужны... Но сейчас такой мир, что никто никому не нужен... Каждый сам по себе — бегут.

Как бешеные. А куда бегут — неизвестно... И мои вот гонятся за чем-то, бегут... Некогда им — а я одна... Так и не дождусь, видать, детей своих... Что-то, Кот, сломалось в этом мире, а что — не знаю... То ли я недосмотрела, то ли мир поменялся... Кто его знает... Так-то...

Ветер выдул из старческого глаза слезинку и оставил на тонкой восковой щеке.

Низкие тучи расступились и выпустили осеннее солнце на свободу. Оно не собиралось долго смотреть на одинокую землю, прошлось по небу, взглянуло на Марью и растеклось розовой лентой по вершинам близкого леса. Тихо опустилась на воротник кожуха белая муха, потом еще и еще... Пошел снег. Спорно и тихо, будто старался прикрыть неприглядную эту землю, людские поступки и мысли.

Марья, заметенная снегом, смотрела на розовое солнце и видела там такую короткую жизнь свою. И чудилось ей, будто идет она, маленькая, в белой длинной рубахе, по росистой высокой траве навстречу большому красному солнцу и входит в теплую его красноту, и сама наполняется ею до краев, до донышка. До последнего волоска... Красным ласковым светом, основой всего живого. Наполняется и поднимается высоко-высоко, и летит над всем белым светом, и видит дальние страны, и людей, и высокие горы. А поднявшись так высоко, что и птицы не долетают, — рассыпается по земле теплыми прозрачными каплями дождя и прорастает зеленой травой, прекрасными цветами и вновь соединяется с солнцем, чтобы не расставаться с ним никогда.

Перевод с белорусского Татьяны СИВЕЦ.

ИЛЬЯ ЛУДАНОВ
Российская Федерация,
Тульская область, г. Узловая

Звериной тропой

Выше густого ивняка, над водой, нарезал круги потревоженный ястреб. Птичий крик звучал резко, отрывисто. Он сдернул с плеча ружье, на ощупь достал патроны. Зарядил и, глухо хрустя болотными травами, двинулся к широко разлитой от половодья бобровой запруде.

Неделя как сошел лед. Полевые птицы еще не начали распев, но было совсем тепло. Он щурился на солнце, сверкавшее отовсюду.

Вскинул двустволку на всплески в камышах. Легко посвистывая, не страшась выстрела, перед ним набирала высоту пара крякв. Червленая мушка села под блестящего перламутровой головой селезня, провела

за ним черту по белесому небу и сникла. Он совсем не умел разбивать пары, стрелял одиночек. Утки дали круг горячей апрельской любви у него над головой, ушли по речке, буйной стремниной убегавшей от озерка по лощине. Еще недельку-другую полетают, потом она найдет себе скрытное местечко в дебрях или затопленных камышах и сделает гнездо, думал он, закинув стволы за спину.

С тихим наслаждением от весны, после слабой на морозы, чавкающей зимы, обошел причесанный половодьем берег. У статной, разлапистой ели присел отдохнуть. Трава едва наметилась. Земля холодила.

Не хотелось сюда приходить. Но как и каждую весну, в редкую неделю вольной охоты, он сидел у столба и, не оборачиваясь, видел, как обрывками проводов покачивал на ветру черный смоленый столб, крытые летом крапивой и лопухами, чернели остатки горелого прошлогодним палом частокола. Из дубовой, огнем не взятой опоры — врастопырку рыжие гвозди. На обожженной воротине — закрывашкой проволочное кольцо. С робостью вспомнил, как поднимал это кольцо. Ломая сухой крапивный частокол, вошел на бывший двор. Навалом обломки печи, битый шифер. В заросшем саду — кусты одичалой смородины. На кустах черные, как ее глаза, блестящие ягоды. В тени яблонь в жару всегда было свежо. И тогда, дальше, вместо сухого бурьяна перед ним встали размашистые и длинные, до верхней дороги, грядки картошки, где среди высоких плетней белело пятно ее футболки.

Ему пятнадцать. Парит жаркий июль, они только приехали. Бабушка, тяжело двигаясь, кормит птицу. Больше живности держать не по силам. Мама, в цветастом летнем халате, с порожков звонко кличет Митю с крыльца — съездить за молоком:

— В Болотовку нужно. Это за ямами, где коровники. В конце лощины, у пруда, красный дом.

У Бураковых был большой кирпичный дом (дед их еще в войну на всю деревню кирпич делал из местной глины, что у речки брали) с рыже-оранжевой железной крышей и выцветшей коричневатой террасой. Оттого дом звали красным. В их Заовражье скотины не осталось (по осени соседи через два дома зарезали последнюю корову), и приходилось ездить в Болотовку.

Из сарая, где столярничал дед, Митя вывел синий, с проржавлинами велосипед: подкачал колеса, попробовал натянутость цепи. В сарае дед, в пыльной от опилок куртке, работал на верстаке, показывал сорта древесины: «Галавой-та работать сам навостришься, а руками — у меня учися, пока я жывой ишо». Теперь в сарае только старый верстак и опилочная пыль. Будто дед с силой вытряс куртку и ушел.

В просторном поле, на душистой травами дороге, ветер играл с волосами. Митя вслушивался, как шуршат по проселочной дороге шины, проверял, держится ли сумка с банкой на багажнике.

Бураковы встретили приветливо. Дед на лавке щурился на Митю с папиросой в зубах, бабка в фартуке выглядывала с терраски. Спрашивали, как деды, как родители. Налили до краев молока, поменяли крышки. Во двор высыпала гурьба ребят. Знакомились весело, с ребяческой пружинистой силой узнавали, кто такой, откуда, приглашали на футбол. Митя робко улыбался, испуганно жал руки, а из головы не выходила белизна футболки, вынырнувшая из густой зелени. Он гнал вдоль

огородов, когда мелькнуло справа белое пятно, в память впечатались угольного цвета курчавые волосы, схваченные в упругий пучок, и такие же угольные глаза, блеснувшие в повороте головы.

На другое утро, после быстрого завтрака, сославшись маме на рыбалку и запрятав у речки удочку, Митя сидел в непролазных зарослях ивняка через заливной луг от ее дома. Для секретности шел не по деревне, а ручьем. Сразу по пояс вымок и запыхался, радостно холодя сильной росой ноги и потея на ранней жаре. Теперь, на берегу речки прислушивался к горластым бронзовым петухам и рябым, беспокойным индюшкам с выводками. В буйной траве, через дорогу от дворов, сиротливо мычали телята. Толстошеий гусак, усевшись на зеркало близкого залива, лениво шевелил в воде красными лапами, с подозрением косился на Митю. Он приложил палец к губам и подмигнул важной птице.

Просидел часа два, пока не увидел ее в саду: сонно потягиваясь, она говорила что-то ребятам. Горячее солнечного жар в груди, топот бьет в уши, сдавливает дыхание. Не выдержал, вылез по кустам на другой берег, ругаясь на затекшие ноги. Полями вернулся домой и долго скрывался от мамы, которая, как его увидела, тут же спросила, что же это такое с ним случилось.

Митя сам не знал, зачем все утро просидел в кустах у ее дома. Но в футбол — тем же вечером, в Болотовке, на выкошенном между дворами куске луга — бился как зверь. По дороге к пруду, за лесом, куда рванули назавтра купаться все оравой (и она, где-то сзади, на красном велосипеде, с блестящим на солнце рулем), на педали жал так, что потом дрожали и болели ноги, а сидевший на раме Витька, моложе Мити года на четыре, жмурился что было мочи со страху. По вечерам с шутками и анекдотами резались в карты у огня, цедили по глотку добытый у старухи-соседки (по пятналику за чекушку) марганцовкой чищенный пшеничный самогон. Митя, налитый необъяснимой силой, притаскивал из лощинки громадные сухие бревна ветел, ставил шалашиком, разводил жуткой высоты костры, так что, верно, и звездам в холодной пустоте становилось теплее.

Где-то здесь была терраска. Сапогом отвалил обгорелые доски сарая. Тут же где-то? Найти не смог: от дома остались одни красноватые развалины русской печи. От бревенчатой террасы, настланной толстыми, по-хозяйски, досками, с высоким крепким крыльцом, в зеленый крашеным, ничего не осталось. Сломанная пожаром печь по сторонам зарастет бурьяном, и никогда случайный прохожий не представит, как могло здесь в довольстве шуметь привычное к труду хозяйство. Вспомнилась песня, которую она вдруг запела в один из последних вечеров. Пела неумело, тихо. Ему нравилось. Сидели здесь, на терраске, свесив наружу ноги. Она лирично прислонила голову к косяку. Семьи разъезжались, оставляли стариков на зимовку. Он не знал, что сказать. Тогда она тихо, глядя на лунный сад, запела, и он не знал, как уйти от нее, и не знал, как сделать, чтобы песня не кончалась.

Песню вспомнил и никак не мог вспомнить ее лицо. Тогда зло дернул за проволочное кольцо, отворил невидимую воротину и вышел на чавкающий веселым половодьем луг. Здесь будто так и замер гусиный гогот у воды, шорох кур в крапиве у забора, высокий клекот хищника, клич вспугнутой индюшки.

Остаться вместе им случилось лишь через неделю после его появления в Болотовке. После костра (в игре языков пламени ее лицо, смотрит мимо куда-то, молчит), печеной картошки с утянутой из бабкиного подвала склянкой, ночью, тихой тропой Митя провожал ее к дому.

— В Москву поступать буду, — говорила она. — Еще два года, и все.

— А куда? — Митя говорил мало, выравнивал в дрожи голос.

— Не знаю пока. Может, на экономический. А все говорят — на юридический надо. Дядя — декан у меня там.

Потом они подолгу стояли у ворот, молчали, и он почему-то страшился ее больше не увидеть.

Другим вечером притащил тяжелый отцовский бинокль, и, усевшись на плетень, они долго разглядывали испещренное блюдо Луны. Ночи стояли в тепле, ветер стих, и казалось, на Луне что-то должно вот сейчас зашевелиться и поползти по щербатым кратерам. И вдруг ее рука тронула его. Они просидели вместе ночь, а под утро, когда за далеким лесом разгорались зарницы, и казалось, даже птицы замерли в садах, он с трепетом коснулся ее лица. Провел рукой по курчавым, жестким волосам. Она не отстранялась, смотрела блестящими лунными глазами и ждала его.

Вариант окончания первый

Продрался заросшим садом, вышел к разбитым коровникам. Скелет колхоза плохо шел солнечной весне. Его остов, след чужой эпохи, летом утопал в крапиве и борщевике. Не так давно в этих местах еще оставались люди, коровники разбирали на кирпич; после бросили. Когда деревня умерла, первые годы приезжие грибники еще набивали тропы по старым колеям.

Теперь здесь ходят дорогой зверя. Короткий путь в бурьяне пробила шустрая лисица, брод через полную весной речку отыскали кабаны. В излучине, под бугром, где старик Бураков брал глину на кирпич, у них грязевые ванны. Широкорогие лоси за зиму ободрали яблони в садах, стволы длинными полосами исчерчены их острыми резцами.

Пробираешься натоптанной копытами тропой через остатки дворов, заборов, мимо устало скособоченных столбов электропередачи, тонешь в бесконечных, подтопленных апрелем лугах и болотах, врастаешь в природу, как привитый к дереву отросток, и некого бояться, кроме человека. Вдыхаешь лесную сырость, ветер широких полей, и так хочется брести и брести по зарослям, скрываясь в траве, шумно, зверем засопеть, одичало улавливать тонкие запахи, прислушиваться к неслышимому людьми шороху мыши, чесаться о молодые дубы густой к холодам шерстью. Изредка поднимешь мохнатую голову на медленный гул, посмотришь медовым глазом, как чертит белую полосу в синеве неживая птица. И скроешься, рыская, в кущах.

Вариант окончания второй

Когда он вернулся, Варежка, в расстегнутой от припека курточке, кричала во все горло, вытянув вверх озябшие кулачки:

— Папа, папа! У меня зуб вырвался!

Он торопливо скинул сапоги, куртку, убрал в машину ружье. Вытащил Сашку из-за руля, где тот жужжал вместо двигателя на весь двор. Катя махала из палисадника, где дымил на костре обед. Она была хороша в этом свитере с высоким горлом.

— Мы уже и в доме убрались, и все приготовили, — она поцеловала его и посмотрела с любовной претензией. — Что бы ты без нас делал?!

Попробовал из котелка, смачно, чтобы Катя видела, с удовольствием причмокнул. Оглядел двор, убедился, что все в порядке. Взял на руки Варежку, которая тут же принялась наводить порядок в его темно-русой густой шевелюре. Сел с ней на лавку, откуда открывался вид на речку. Варежка стала считать пальцы и кричать что-то бабушке, которая вышла из дома. Катя рассказывала маме, что на работе все в порядке, хотя времени совсем нет, что скоро выборы и лицами заклеен весь город, что пробки жуткие, по два часа коптишь на жаре или дрогнешь на холоде, что продукты и услуги дорожают, а зарплата как-то хитро так растет, что не увеличивается.

Он посмотрел на них, потом дальше, где изгородью шелестел на ветру седой сухостой, шумел талыми водами ручей и во весь горизонт темнел лес за полем. От ручья прорезал слух одинокий зов ястреба. Он высоко над головой поднял Варежку, потеребил игриво.

— Ничего, ничего бы я без вас не делал! Не делал бы совсем ничего!

Чмокнул ее в пухлую щечку и потащил к столу, где мама раздавала приборы и Катя, усадив ерзающего на месте Сашку, разливала по тарелкам горячий пахучий обед.

ВИКТОРИЯ СИНЮК
Республика Беларусь, г. Минск

Разыскивается философ

Почти все свободное время Виктор Велемыслов проводил в библиотеке. Согласно индивидуальному плану работы аспиранта, он должен был подготовить первый раздел диссертации к апрелю. Кроме того, ему нужно написать статью к ежегодной мартовской конференции, чтобы разжиться первой аспирантской публикацией. Сроки поджимали, а у Виктора по-прежнему не получалось засесть за кропотливый научный труд. «Чем же занимался этот бездельник в библиотеке? — спросите вы. — Гонял чаи с маковыми булками

в буфете или попусту бродил по мраморным лабиринтам огромного здания, разглядывая нелепые гобелены и барельефы, развешанные на его стенах?» Да-да, и чаи он гонял, и гобелены рассматривал («Это же сколько времени нужно угрохать на эту нелепицу!» — думал, глядя на них, Велемыслов). Но не чаи и гобелены занимали его. Попадая в благоуханный, призывно шуршащий миллионами страниц мир книг, он пропадал, возносился в ноосферу и с большим неудовольствием покидал ее, когда третий звонок приглашал последних читателей оставить уютные залы. Постклассическая нарратология, на которую обрек его профессор Роботенков, мало занимала Виктора, хотя, надо отдать ему должное, он неплохо в ней разбирался. И все же она проигрывала философии, психологии и классической литературе, которым Велемыслов отдавался со всепоглощающей страстью. Настала блаженная пора, когда все экзамены, все списки для обязательного чтения остались позади и можно было лакомиться знаниями, как того пожелает ненасытный разум.

Коллег-аспирантов, иногда появлявшихся в библиотеке, Велемыслов старался обходить стороной. Впрочем, так было не всегда. «Шел я к людям с открытой и детской душой...» — писал Александр Блок. Так и Виктор шел к своим товарищам по факультету: щедро делился идеями, почерпнутыми из книг, увлеченно рассказывал интересные и поучительные случаи из жизни их авторов, поверял свои сокровенные замыслы — до тех пор, пока однажды в буфете две милые аспиранточки с кафедры языкознания не вернули его из мира горнего в мир дольний:

— Ох, и нелегко, Велемыслов, будет с тобой твоей будущей жене! — подначивали они Виктора после его великолепного монолога о психоаналитических изысканиях Карен Хорни.

— Не понял. Это почему?

— Она тебе: «Витька, купи норковую шубку! Холодно ведь!» А ты ей что? «Дорогая, у тебя компульсивно-обсессивное расстройство».

— Между прочим, это не так уж далеко от истины. Ведь все эти шубки покупаются женщинами вовсе не для теплоты, а для того, чтобы соответствовать предписаниям гламура и не чувствовать себя чужими на празднике жизни. Уверяться в собственной состоятельности, приобретая модные и трендовые штучки, — согласитесь, в этом определенно есть что-то нездоровое, даже невротическое...

Здесь филологини не выдержали. Они расхохотались так, что суровая, каменноликая буфетчица попросила всю троицу немедленно покинуть помещение.

Больше Виктор просветительством не занимался и родственных душ не искал. Если коллеги, с которыми он время от времени сталкивался в библиотечных коридорах, спрашивали Велемыслова, чем он занимается, Виктор, пряча за спиной жизнеописание Пушкина, или Чехова, или Сократа, отвечал:

— Пишу первый раздел диссертации и доклад на мартовскую конференцию.

Идеи, культурное значение диссертации и доклада никого не интересовали, зато всех беспокоил объем проделанной работы и сроки

сдачи ее научному руководителю. Когда Виктор говорил, что написал не слишком много и сдаст раздел еще не скоро, они облегченно вздыхали:

— Ой, и не говори! Эта диссертация — вынос мозга какой-то! Меня научрук поедом ест, а толку мало! Нет, уж лучше б жениться!

Однажды солнечным февральским утром Велемыслов отправился в зал периодических изданий. Он с трепетом выгреб из специального ящичка все номера одного философского журнала за минувший год и, предвкушая увлекательный экскурс в ноосферу, устроился поудобнее в кресле. Виктор не спеша перелистывал чистые, никем не тронутые страницы — к его разочарованию, интересного было не много. Начинал читать статьи с интригующими заголовками — не увлекало: казенный, мертвый академический язык никак не соответствовал представлению Виктора о языке живой философии. Даже Гегель изъяснялся не столь мозголомно! С каждым номером разочарование все более настигало его... Он мрачно перелистывал страницы последнего журнала, и тут глаз зацепился за странное слово — «технобиоэволюция» (оно фигурировало в названии одной из статей). Велемыслов стал читать.

Авторы статьи вдохновенно вещали о грандиозном антропологическом сдвиге, который уже стартовал; о совершенствовании природы человека с помощью новейших технологий; о невиданных прелестях прогресса вроде каких-то лекарственных суперпилюль, которые — представьте себе! — будут телефонировать человеку в случае, если он забудет их принять, и так далее, и так далее. Больше всего Велемыслова впечатлил проект одного чудо-устройства: специальный чип, вживленный в организм «техночеловека», будет полностью сканировать состояние здоровья его владельца и в трудную минуту на основании своих показаний сам вызовет «скорую помощь» вышедшему из строя «киборгу». Провозвестники технобиоэволюции призывали не бояться этих грядущих новшеств и принять их как должное. Ведь станок Гуттенберга или радио тоже когда-то казались чем-то вопиющим и неслыханным! Такое развитие человечества вполне закономерно, а против объективной исторической необходимости ничего не попишешь. Что поделаешь, коль природа человека столь несовершенна! Слаб человек, слаб. Чип, разработанный лучшими умами современности, спешит на помощь!

Велемыслов вернул журналы на место и сел за стол возле окна. В голове его калейдоскопически менялись картины будущего. Вот он, дряхлый старик, может быть, именитый профессор, сидит в своем кабинете и вздыхает о прошлом: о веселом деревенском детстве, о набегах на соседские сады и сладком соке краденой черешни, о первом поцелуе с дерзкой Ленкой, которая уже на следующий день целовалась с Сережкой за огородами... Ах, эта Ленка! До чего хорошо, до чего коротко было ее синее в белый горошек платьице! До чего милы круглые коленки в маленьких ссадинках! И тут его старческое сердце екнет, застучит быстрее, в глазах сверкнут слезы ностальгии и умиления... И в этот самый момент бдительная пилюля, о которой он совсем позабыл, начнет трезвонить по телефону. Чип, вживленный в ткани организма, добросовестно зафиксирует: «Аритмия», — и немедленно вызовет «скорую». Через несколько мгновений в квар-

тиру профессора Велемыслова ворвутся врачи-киборги и начнут оказывать экстренную помощь. Их супердатчики, обладающие способностью к полному сканированию психологического и физического состояния человека, определят причину сердечного сбоя: воспоминания о прошлом. Профессор незамедлительно получит инъекцию, раз и навсегда освобождающую его от волнительных мыслей, тревожной памяти и ненужных фантазий...

— Пресвятой Хаксли! Бред какой-то! — Виктор вскочил. Ноги понесли его в буфет: нужно было обдумать прочитанное за чашкой горячего кофе...

* * *

Однажды в библиотеке Велемыслов наткнулся на антропологический трактат одного неизвестного философа современности. Этот труд столь поразил молодого человека, что он ничтоже сумняшеся наделил автора статусом гения, непризнанность которого была вполне объяснима: его идеи, как принято говорить, опережали время, шли вразрез с самим духом эпохи, с ее идеологической органикой. «Нет-нет, — возразил Виктор расхожему мнению, — это не идеи опережают время — они как раз весьма современны, это человечество катастрофически отстает от них!» Больше всего Виктора вдохновили взгляды мыслителя на будущее и на перспективы развития человеческой природы. В отличие от журнальных философов, обеспокоенных чудочипами и киберпилюлями, автор труда говорил о том, каким должен стать человек, чтобы подлинная история человечества, освещенная солнцем разума, наконец началась. Ум, сознание, духовность — вот качества, которые превращают человека в Человека, в Личность, каковых, увы, пока ничтожно мало. Большинство организует свою жизнедеятельность согласно императивам коллективного бессознательного, главные из которых — обогащение и власть. Именно поэтому социальное бытие человечества омрачено нескончаемыми войнами, революциями, проблемами экологии. И частная жизнь человека, в которой главенствует все тот же принцип власти, чаще всего не имеет никакого отношения к счастью, подменяемому довольством и удовлетворением властных амбиций. Смысл жизни умного человека, личности — не в довольстве и не в господстве над ближним, а в полнокровном, разумном счастье, основанном на любви и познании, на жизнетворчестве и гармонии. Не тюнингованный киборг должен прийти на смену современному человеку, а человек воистину разумный, духовно здоровый, для которого главной заповедью станет заповедь Сократа: «Cognosce te ipsum». Вот это была бы эволюция! Новая, невиданная эра! Социум, состоящий из людей, культивирующих духовные потребности и гуманистические ценности, — это социум без войн и угрозы техногенного апокалипсиса, перед которым даже сверхмощный интеллект окажется бессильным. Не интеллект, пролагающий новые пути приспособления к действительности, а разум, постигающий истину и на основе истины гармонизирующий универсум, — вот в чем жизненно нуждается Homo sapiens, получивший свой видовой эпитет авансом! Пора, наконец, начать его отрабатывать! Пора умнеть, человече, иначе

необузданный разумом и нравственностью интеллект сотрет тебя в космическую пыль, с которой, как с горсткой золы, будут играть ветра Вселенной.

Эти идеи всколыхнули Велемыслова и в то же время подарили ему ту мировоззренческую почву, которую он долго искал, но нигде не находил. В невостребованном, никем не прочитанном томике, завалявшемся в библиотечных хранилищах, он нашел ответы на вопросы, задавать которые в двадцать первом столетии было не принято. Спроси-ка — в чем смысл жизни, начни рассуждать об истине — непременно заподозрят в сочувствии проклятым тоталитарным режимам! Развлекайся, милый Homo ludens, прекрасный «техночеловек», и не ищи ума. Поклонись малютке чипу — он подскажет, как жить, как мыслить и страдать...

После роковой встречи с этой книгой у Велемыслова и начались проблемы с диссертацией: постклассическая нарратология утратила для него свое схоластическое обаяние и стала казаться чем-то таким, что назойливо отвлекает его от главного...

Виктор пробовал найти какую-нибудь информацию об авторе трактата, мечтал связаться с ним, если тот еще жив, однако всеведущий интернет не знал о нем ровным счетом ничего.

* * *

Через несколько часов Велемыслов сидел на кухне у своего друга, Пашки Железнова, студента машиностроительного факультета, и излагал ему свои сумбурные соображения о «техночеловечестве». Пашка терпеливо слушал, вовремя подливал чай, но не совсем вникал, из-за чего Витя, обычно спокойный и уравновешенный, так кипятится. Конечно, он и раньше с жаром что-то доказывал Пашке, но в этот раз градус явно побил все рекорды.

— Нет, Пашка, ты понял, да? — негодовал Велемыслов. —Технобиоэволюция! И они с восторгом об этом пишут! Эти кабинетные умники снимают свои цилиндры перед техногенным варварством! Сократа на них нет!

Наконец Павел не выдержал и от чистого сердца решил заступиться за идеологических противников Велемыслова:

— Вить, если подумать, а что плохого? Прогресс не остановишь, да и зачем? Все течет, все изменяется, как сказал философ. А чипы — это же новые ощущения, новые возможности! Поставь себя на место пенсионера, которому, случись что, некому вызвать «скорую помощь». А чип взял и вызвал! Гуманно, между прочим...

— Допустим. Еще гуманней пересоздать человека так, чтобы у него в принципе никогда и ничего не болело, не находишь? Иными словами, подменить жизнь «умным» железом — со всеми вытекающими последствиями. Как ты не понимаешь, что «гуманные» чипы — это всего лишь частный случай стратегии тотальной дегуманизации! Масштабней мыслить нужно, дружище!

Пашка не горел желанием вникать в подобные диалектические каверзы (такого рода рассуждения казались ему типичной гуманитарной болтовней) — он был очарован тем, что услышал ранее:

— Нет, послушай, ведь действительно когда-нибудь у каждого человека в мозгу будет встроенный компьютер! Это же какая экономия пространства, времени, а! Какая свобода действий! Нет, Витек, ты как хочешь, а я тоже снимаю свою бейсболку перед таким будущим. В каком, говоришь, журнале эта статья? Не думаю, что ее авторы так наивны, как ты себе это представляешь!

Витя обхватил голову руками и стал нервно дрейфовать по небольшой Пашкиной кухне.

— Пашка, ты совсем одурел? Эволюция должна пойти по другому пути, голова ты дубовая! Человек разумный, а не киборгоподобный интеллектуал, — вот альтернативный вектор эволюции! Думаешь, компьютер в голове сделает тебя свободным? Как говорили древние, истина сделает тебя свободным! А не чип в башке! Ты, Железнов, просто еще не понял, что технический прогресс амбивалентен: даруемая им «свобода действий» для большинства людей оборачивается новым «крепостным правом», а в нашу эпоху оно, между прочим, самое коварное за всю историю — информационно-виртуальное! Вот тебе и «свобода действий»! Заранее запрограммированная и просчитанная! Наслаждайтесь, рабам Рима такое и не снилось!

— Да ты чего, братан? — Пашке уже не хотелось продолжать этот странный разговор с взвинченным Витей, и он предпринял попытку его успокоить: — Не кипятись ты так! Тебя, может, вообще не будет, когда эти «технолюди» с чипами явятся!

Виктор рассвирепел не на шутку. Принцип «после нас хоть потоп» был отвратителен его душе, устремленной в разумное будущее человечества.

— Нет, Паштет, они уже явились! Ох, прошу прощения — вы, вы уже явились! Здравствуйте, добро пожаловать на Землю! Приятного вам апокалипсиса! — Витька схватил рюкзак и выбежал из Пашкиной кухни.

— Придурок! — бросил вдогонку обиженный Пашка.

Не кипятиться и смириться с этим будто бы естественным ходом вещей Велемыслов не мог. Бездействовать тоже. О собственной роли в истории он не помышлял (разве когда-то, давным-давно, в наивном отрочестве, но кто не тешился подобными фантазиями?), однако сидеть сложа руки, препоручив судьбу — свою и общечеловеческую — амбициозным закройщикам будущего, не входило в его планы. Если действовать, то как? Наука — вот единственный инструмент, находящийся в его распоряжении! От постылой постклассической нарратологии он откажется (профессор, конечно, будет страшно разочарован в аспиранте, подававшем большие надежды), но что дальше? Кому нужна наука, обеспокоенная этими, так сказать, сомнительными проблемами и не верифицируемыми гипотезами? Надо заниматься текстами, дискурсами, семиотикой — никто не поспорит с тем, что это научно. А личность, например, или духовность, или разум — это чертовски ненаучно, с этим вам, товарищ, в монастырь или в Древнюю Грецию! Субъективистский каприз, понимаешь ли! То ли дело «техночеловек» с его «технодискурсами»! Нет, все-таки нужно, нужно отыскать того философа (что-то подсказывало Виктору, что он жив), сделаться его учеником и писать, писать! Иначе к концу жизни превратишься в одного из этих, кабинетных...

Побродив по городу, Велемыслов решил отправить в редакцию философского журнала письмо. В нем он, ссылаясь на своего учителя, изложит концепцию альтернативного вектора эволюции и выскажет собственную точку зрения на различия между кабинетной, академической философией и живой мыслью о бытии, которая не трепещет перед истиной и не торопится за идеологическими поветриями эпохи...

Было около пяти часов вечера. Если вернуться в общежитие, соседи по комнате, любители шумных пирушек, не дадут ему осуществить то, что он задумал, поэтому Виктор решил вернуться в библиотеку — только там в этом чужом городе он чувствовал себя как дома и мог работать.

К девяти часам письмо было готово. По правде говоря, оно куда более походило на философское эссе, нежели на произведение эпистолярного жанра. К редакторам Виктор обращался вежливо, но в изложении своей позиции был категоричен и прям. Он старался не оставить ни одной логической бреши, чтобы титулованные софисты поняли, что перед ними — подкованный оппонент, а не какой-нибудь взбалмошный мальчишка.

В конце письма Виктор указал свои координаты и, немного подумав, назвал свой возраст (было ему двадцать три года). Затем его осенило: а что, если кто-нибудь из редакторов журнала слышал о том философе? «Была не была!» Виктор оформил свой вопрос в виде постскриптума. В зале периодики он уточнил электронный адрес редакции и, несколько раз вдумчиво перечитав свой труд, отправил его в путешествие по просторам мировой сети...

Всю следующую неделю Велемыслов ежечасно проверял почту — ответа не было... Напряжение ожидания постепенно ослабевало, и рассудок переключался на другие дела. На диссертацию, например. Профессор настоятельно требовал первый раздел, хотя и согласился дать Виктору еще неделю отсрочки. Вылетать из аспирантуры Велемыслов пока не собирался, потому и возобновил научную работу...

А в один из последних дней февраля, когда долгожданная весна и мартовская конференция были совсем близко, Виктор, наконец, получил заветное письмо из Москвы. Содержание его было следующим: «Здравствуйте, уважаемый Виктор! Невзирая на то, что взгляды, изложенные в Вашем письме, в корне не соответствуют концепции нашего журнала (философская фантастика не наш профиль), мы благодарны Вам за отклик на опубликованный материал. Вы интересовались, не известен ли нам философ А. В. Головин, автор трактата «Природа человека». Что ж, рады сообщить Вам следующее: этот автор нам известен, так как в прошлом году он присылал в редакцию журнала вышеназванный труд, удостоившийся впоследствии разгромной рецензии. По информации, актуальной на 2013 год, А. В. Головин проживает в г. Тихвине Ленинградской области и является преподавателем одного из средне-специальных учебных заведений города. Более точными данными мы не располагаем. Всего доброго, Виктор. С уважением, редакция журнала “Философия и современность”».

Прочитав письмо, Виктор просиял от счастья. Нашелся! Его наставник, его далекий друг — нашелся! И не где-нибудь, а в род-

ном городе композитора Римского-Корсакова, участника пресловутой «Могучей кучки»! В этот же вечер Велемыслов разузнал в интернете координаты тихвинских ссузов — к счастью, их оказалось всего два. Уже к обеду следующего дня он владел информацией о том, что А. В. Головин является преподавателем кафедры гуманитарных дисциплин промышленно-гуманитарного колледжа. К утру письмо для философа, которое Виктор (за неимением личного адреса) решил отправить прямо на кафедру, было готово. Никогда в жизни он не испытывал столь напряженных творческих мук и столь чистой радости от проделанной работы!

* * *

В конце марта, как раз в день конференции (по иронии благосклонной судьбы), Виктор Велемыслов, сияя и искрясь, словно весенний ручеек, в котором искупались солнечные лучи, садился в поезд «Минск—Санкт-Петербург». Александр Валентинович Головин должен был встретить его на автовокзале в Тихвине ровно через сутки.

АЛЁНА ПАПКО

Республика Беларусь, Брестская область, Березовский р-н, а. г. Соколово

Волчица

Сколько было счастья для десятилетней Женьки, когда ее дедушка-лесник принес домой настоящего живого волчонка! Девочка прыгала от радости и хлопала в ладоши.

— Волчонок! — руки сами потянулись к дедушке, чтобы тот дал и ей подержать этот тепленький серенький комочек, что испуганными глазами поглядывал на Женьку. Такой маленький, худенький. Потерялся, наверное.

— Держи, — Игнат передал внучке волчонка, которого та ласково прижала к груди и начала гладить по головке. Волчоныш был серый, за исключением передних лапок и шерсти на животе белого цвета.

— Ласка, — окрестила его девочка.

— Возвращаюсь домой, смотрю, а у нашего забора что-то шевелится. Присмотрелся — и вот, — начал рассказывать Игнат жене, которую почему-то находка мужа не очень обрадовала.

Волчонок принялся глотать пищу, иногда оглядываясь недоверчиво по сторонам, словно боясь, что кто-то заберет вкусности, которыми угощала его Женька.

— Дедулечка, можно, я с ним поиграю? Ну, совсем чуточку! — взмолилась внучка, состроив такую умоляющую мордашку, что Игнат не выдержал, только кивнул в ответ:

— Но потом мы вернем его обратно в лес, потому что он будет скучать по своей маме.

Этих слов девочка уже не слышала — радостно подхватила волчонка и понеслась с ним в свою комнату.

— Не надо было его приносить. Потом слез не оберешься, — покачала головой жена, Дарина Алексеевна, женщина лет шестидесяти, сообразительная и острая на язык.

Игнат снял с плеча ружье, добродушно улыбнулся жене и сел за стол, где его уже заждался обед.

— Дориночка, пусть порадуется малая, — Игнат взял ложку и стал хлебать борщ. — Вкуснятина... — похвалил он жену. И та тотчас подобрела.

— Хитрый ты однако! Столько лет, а не меняешься. Вон, седой уже, — задумчиво проговорила женщина, не сводя с Игната глаз.

Действительно, повезло ей с ним. Всегда найдет, чем ее удивить, чем порадовать. Вырастили они сына, который и сам уж женился. Вот, привез к ним на каникулы внучку. Чего сидеть в четырех стенах в городе! А тут и воздух свежий. Вдохнешь полной грудью — и такое чувство, будто вновь на свет родился. Так легко сразу! Несколько метров — и ты в Беловежской пуще, где Игнат работает лесником. Всю свою жизнь он защищает этот вековой лес и его живность от браконьеров. А какая богатая история у пущи! Эти могучие дубы-великаны, которым и лет-то не сосчитать, а вдвоем не обхватить, помнят князя Витовта, подарившего когда-то своей дочери, которая любила природу, пущанские угодья. Была она не только самой красивой девушкой на всю округу, а еще и слыла большой оригиналкой: носила одежду только белого цвета. Люди прозвали ее «Белой княжной». Влюбился в нее сын польского князя Ягайлы. Такая сильная любовь была у молодых, что и водой не разлить. Они с удовольствием путешествовали по лесам пущи, любовались ее животными и растениями. Но в 1383 году князь Януш Мазовецкий, воспользовавшись междоусобной борьбой Витовта и Ягайлы, захватил Каменец и пущанские угодья. Молодые люди решили тайно жениться, понимая, что не смогут прожить друг без друга, несмотря на то, что родители были против. Девушка ждала своего возлюбленного у стен Каменецкой башни, которую через несколько недель осады взял Ягайло. С Витовтом они примирились, после чего князь Витовт присоединил Каменец к своим землям. Тогда они и решили благословить брак своих детей. На белых конях, в белых одеждах молодые, объехав три раза Каменецкую башню, направились в город, который теперь называется Беловежем. Дорога, по которой они ехали, была выстлана белым полотном, которое ткали женщины пущанских деревень, а потом отбеливали в реке. Кстати, все башни замка, в котором жили влюбленные, были окрашены в белый цвет. Много названий осталось, связанных с «Белой княжной», а край стал называться — Беловежским...

Несколько дней пробыл волчонок в доме Загорских, подрос, возмужал. Женьке не хотелось возвращать его в лес. Глаза наполнились

слезами, так она привыкла к этому пушистому серому комочку, такому беззащитному, с грустными блестящими глазками. Кроме того, это была девочка. Не ошиблась Женька, назвав ее Лаской.

Маленькая волчица быстро побежала по тропинке в лес, а после исчезла среди кустов и колючих елей.

— Дедулечка, я ее никогда не забуду, — пообещала девочка дрожащим от слез голосом. Ей так понравилось заботиться о лесной гостье!

Теплый сосновый запах щекотал ноздри. Сосны, будто тонкие свечи, смотрели в небо, тянулись к солнцу, которым август щедро одарил в этом году пущанские леса. Бодро и звонко перекликались птицы, в горе и радости помолвленные со своей зеленой родиной. Доносились и протяжно-монотонное «тук-тук» дятла, и колдовское кукушкино «ку-ку», полное одиночества. Пуща жила своей ни с чем не сравнимой жизнью. И неизвестно, кто тебя подстерегает там, среди мрачных и молчаливых елей, алчущих горячих следов человека, или среди выцветших от старости болот: вертлявая камышевка, бородатая неясыть, лесная куница, благородный олень или хищница рысь?

В школе Женька с удовольствием сообщила друзьям о новой подружке. А когда учительница попросила написать учеников о том, как они провели лето, Женька написала о волчонке, принесенном дедушкой из леса в один из летних солнечных деньков. Когда он вырастет, обязательно превратится в красивую волчицу.

С тех пор прошло много лет. Женя Загорская, девятиклассница, приехала с родителями к бабушке с дедушкой на новогодние праздники. Девочка украшала елку разноцветными игрушками, пока ее родные готовили праздничный ужин.

— А вчера трех браконьеров поймали... — поделился новостью дед с искорками справедливой радости в глазах.

— Папа, бросать тебе надо этот лес и к нам с Нюркой в город перебираться, — сказал сын, глядя, как отец чистит ружье.

— Слышь, Дарина, меня уже в пенсионеры зачислили, — не удержался от улыбки Игнат, обратившись к жене, нарезавшей с невесткой овощи.

— А что ж тут плохого? На пятом этаже жить будем, и к тому же — в столице, — проговорила иронично та, чтобы поддержать разговор. Знала, что Игнат никогда не согласится, да и она без него не поедет.

— Нет, детки, извините, но пока я жив, отсюда не поеду. Нечего мне кости отлеживать раньше времени. Что я там буду делать? А здесь хоть какую-то пользу принесу, — отчеканил Игнат, надевая рубашку.

Его сыну ничего не оставалось, как согласиться.

Нюра ничего не ответила, промолчала. Она никак не понимала, почему дочь и муж сюда ее затащили. Новый год в лесу! Детектив какой-то! Лучше бы в гости к Якушкиным сходили. Муж ее подруги получил повышение. Посидели бы в кругу интеллигентных богатых людей.

— Дедушка, а ты обещал, что возьмешь меня на работу, когда я подрасту. Вот, я уже взрослая, — подбежала Женька к дедушке и обняла его за плечи.

— Даже не думай, — запротестовала Нюра, — там волки ходят, кабаны. А это опасно.

— Но со мной же будет дедушка, — подбодрила Женька маму.

— Ну какой может быть лес в такую погоду? Снега по колено! — не унималась Нюра.

— Собирайся, сейчас пойдем, — Игнат вскинул на плечи ружье. — Если обещал — надо выполнять обещания.

Женька оделась потеплей, и они направились в лес. Серое небо нависало над головой, а вокруг лежал снег, в который проваливались сапоги. Лес в зимнее время был похож на какое-то белое царство, в котором и жила Ее Величество Зима. Но находятся и такие, что причисляют зиму к небожителям. Как будто она, седая старушка, по три месяца в год убирается в доме, где полно мусора. Вот и летит он безудержно на землю красивыми снежинками.

— Смотри! — Женька подтолкнула дедушку в плечо. — Белка!

Действительно, такая серенькая и ловкая! В мгновение ока перескочила с одного деревца на другое и спряталась в дупле.

— Лесные жители, — заметил Игнат и прислушался: неподалеку стреляли из ружья. Надо проверить. Игнат подкрался поближе, а за ним и Женька.

— Кто это? — спросила она, не отрывая взгляда от двух широкоплечих мужчин, что склонились над волком, который лежал на земле и сипло скулил от боли.

— Чужие это, Женька. Чужие...

Красные пятна крови горели на чистом снегу. Сердце сжалось. Она вспомнила волчонка, гостившего в их доме. А что, если это она?

Игнат сжал от злости кулаки, его лицо напряглось, излучая ненависть и отвращение:

— Сиди здесь, не высовывайся, — скомандовал он и набрал по мобильному номер лесника, с которым работал. Приказал собрать остальных и спешить на объект под номером... Каким, Женька не услышала, молча сидела в засаде, пока дедушка пробирался в другом направлении. Чужие люди подошли к подстреленному волку, который еще дышал и судорожно корчился на земле. Раздался хохот — и выстрел. Волк затих.

На глаза Женьки навернулись слезы. Нелюди! Решили пристрелить его для забавы.

И тут Женька увидела среди белоснежных деревьев серую фигуру: на браконьеров испепеляющим взглядом смотрела волчица: выжидала момент, чтобы броситься на них. Женька почувствовала, как внутри все похолодело, даже дыхание перехватило от страха. Волчица прислушалась и, почувствовав сердцебиение живого человека совсем рядом, недоверчиво повернула голову в сторону девушки. Они были в нескольких метрах друг от друга. Женьке показались знакомыми ее глаза, взгляд. Только теперь он был полон горя и отчаяния.

«Это твой ребенок?» — спросила ее мысленно Женька.

Волчица, будто поймав невидимую радиоволну ее мысли, как будто кивнула, подготовилась к прыжку.

— Нет, не делай этого! — тихо прошептала Женька, но волчица уже была рядом с браконьерами — повалила одного из них на землю. Тот застонал, сжав зубы от боли. Второй дрожащими руками поднял ружье и выстрелил, но промахнулся от волнения. Волчица взвыла. Пуля задела лапу, оставив на снегу алые капли крови. Волчица оскалилась, готовясь к нападению. Что-то похожее на злорадную усмешку промелькнуло на лице браконьера, он уверенно нажал на курок. Но... впустую. Пули закончились. Бедняга отчаянно заметался туда-сюда, а серые глаза разъяренной волчицы, обжигая, жадно следили за ним.

Через несколько минут браконьеров окружили. Игнат приказал преступникам сдаться и сложить оружие. Послышались голоса остальных лесников.

— Беги! — закричала девушка, которая выскочила из своего укрытия. — Ласка, беги! Прошу тебя.

Волчица понимала, что если бросится на браконьера, выстрелят в нее.

Игнат приказал не стрелять. Волчица жалобно взглянула на свое убитое дитя, тяжело вздохнула и быстро исчезла среди раскидистых елей, прихрамывая на переднюю лапу.

Браконьер поднял вверх руки, бросив ружье на землю. Возле него лежал его полуживой друг.

— Женька, я же сказал тебе сидеть тихо. Почему ты выбежала? — начал было кричать на нее Игнат, но девушка посмотрела на него грустными глазами, как у той волчицы.

— Дедушка, это была Ласка. Наша Ласка, — ответила она тихо, чувствуя, как соленые слезы текут по щекам.

Дедушка молча посмотрел в сторону раскидистых елей, за которыми исчезла волчица, оставляя на праздничном снегу алые следы.

Родителям о том, что случилось в лесу, они решили не рассказывать. Иначе больше их вдвоем не отпустят. Все имеют свои секреты — вот и у них будет. Но Игнат взял с внучки обещание, что больше она никогда не будет вести себя так необдуманно. Загорскому не очень верилось в то, что волчица была тем самым волчонком, которого он когда-то нашел. Мало что Женька могла придумать! У детей в таком возрасте фантазий море. Только вот Женька была уверена, что судьба подарила ей встречу с подругой детства. Медленно они шли домой, а волчица, спрятавшись за снежными деревьями, следила за ними. Она вспомнила эту девочку. «Пожалуйста...» Она однажды уже слышала это слово. Волчица больше не чувствовала боли в раненой лапе, только зализывала время от времени больное место. Она снова ощутила себя тем волчонком, в летний день покинувшим уютную норку, чтобы попутешествовать по лесу. Очень уж интересно было, куда ходит мать-волчица, оставляя ее с братьями и сестрами одних. Долго брела Ласка по лесу, измученная голодом и жаждой, пока не оказалась у забора Загорских. А тут и добрые люди нашлись: покормили, обогрели, а маленькая девочка так охотно играла с ней тогда... Если бы волки умели плакать, то в этот момент взрослая волчица заплакала бы навзрыд. Она хорошо помнила доброту этих людей. Но есть и плохие, те, о которых тоже нельзя забывать. Волчица злобно оскалилась, вспомнив о своем убитом браконьерами ребенке.

В доме Загорских пахло мандаринами и конфетами. Новый год послал в окна пушистый снег, который уже превращался в метель.

— Женька, передай, пожалуйста, оливье, — обратилась к девушке мама, только та не слышала ее, углубившись в собственные мысли. — Женька!

— Что? — она удивленно вскинула брови. На помощь пришел дедушка, передав невестке салатницу.

— Женька, ты уже придумала, какое желание загадаешь, когда часы пробьют полночь? — спросил дедушка, но внучка только пожала плечами. А потом мгновенная идея, будто звездочка, осветила ее мысли: «Я пожелаю еще раз встретиться с Лаской».

Жизнь Жени завертелась: она окончила музыкальную школу, выдержала школьные экзамены, а через два года намеревалась поступить в университет. Тщательно учила биологию и химию, надеясь стать врачом.

— И всегда быть бедной, — не поддерживала ее выбор мать.

На каникулах намечалась поездка с классом в Беловежскую пущу, куда отправилась и Женька. Экскурсия была изумительной, они посетили животных в вольерах, полюбовались мохнатыми буро-рыжими зубрами, которые несколько сотен лет тому назад были хозяевами лесов Европы от Балтики до Кавказа. Вот какой он — символ Беларуси! С таким ничего не страшно! Когда-то их смелость и силу прославил в «Песне про зубра» Микола Гусовский, пусть и на заказ Папы Римского Льва X Медичи, желавшего узнать как можно больше об этих необычных животных, живших в лесах Великого Княжества Литовского. Да и на логотипе хоккейного клуба «Динамо-Минск» и в наши дни красуется красавец зубр.

Женька между делом похвасталась друзьям, что бывает часто в этих местах, а леса знает как свои пять пальцев, ведь дедушка у нее опытный лесник.

— Так ты и знаешь! — иронично произнесла ее одноклассница Ирочка. — Хочешь пари?

— На что будем спорить? — подхватила Женя.

— Пойдешь вперед вон тот тропинкой, — Ирка показала вдаль. — Твоя задача — быстрее нас добраться до школьного автобуса. Если выиграешь, я подарю тебе свой новенький айфон, а папа мне еще один из Москвы привезет.

Женька кивнула. Незаметно отбилась от группы и зашагала по тропинке. Потом решила сократить путь и пойти напрямик по лесу. Несколько минут быстрой ходьбы — и в ее кармане будет настоящий айфон. Действительно ли нужна ей эта дорогая игрушка, она как-то не задумывалась. Желание иметь то, чем не каждый может похвастаться, захлестнуло девушку с головой. Ей будут завидовать, все будут с ней дружить. Но скоро оживление Женьки как рукой сняло: она поняла, что заблудилась. Вокруг только молчаливые ели и сосны. Девушка стала звать на помощь, но ее никто не слышал. Сердце, казалось, сейчас вырвется из груди. А еще больший страх ее охватил, когда она увидела перед собой волка. Видимо, она потревожила его спокойствие. Серый хозяин Беловежских лесов заинтересованно смотрел на незнакомку. Несколько дней ему не везло с едой, измучился, бедный. А тут на тебе, живой человек. Девушка прислонилась спиной к дереву, словно прочитав его мысли. Тревога и страх застыли в ее глазах, она закрыла лицо руками, чуть сдерживая слезы. Но когда волк хотел наброситься на нее, его перехватила волчица, рванув зубами за шерсть и отбросив на землю. Женька всхлипнула. Это была ее Ласка. Но обиженный волк не хотел сдаваться. Со всей звериной яростью он набросился на волчицу, укусив ее за больную лапу. Та взвыла. Да так, что казалось, разорвется сердце от этой боли. Волчица все-таки загрызла волка, после чего и сама, раненная, опустилась на землю. Дышала она тяжело... Чувствовала, что смерть где-то совсем близко, и сипло заскулила на прощание. Волчица устало смотрела в глаза Женьке, склонившейся над ней, словно благодаря за тот зимний вечер, за несколько месяцев жизни, которые ей подарила девочка, бросившись на помощь. У Женьки комок подкатил к горлу. Она присела возле умирающей волчицы и, как в детстве, начала гладить

ее по голове. Слезы текли по щекам, а она все гладила и гладила свою спасительницу, пока та не закрыла глаза, из которых скатилось что-то похожее на скупую слезу.

— Прости меня, — сказала Женька. — Ты была моим лучшим другом, — и подняла глаза к небу. Очень уж дорого обошелся ей Иркин айфон...

В кармане вибрировал мобильник, про который девушка совсем забыла.

Ее искали и учительница, и экскурсовод, и дедушка, который быстро догадался по рассказам, где сейчас внучка. Когда они пришли, то увидели, как Женька, склонившись над мертвой волчицей, что-то ей шептала, после чего посмотрела на дедушку с сожалением и растерянно проговорила:

— Ее... больше нет.

Игнат подошел к волчице, из тела которой сочилась кровь, и коснулся ее передней лапы. Нащупал под шерстью неровно сросшиеся кости. Сомнений не осталось: это была та самая волчица, на которую они наткнулись в лесу под Новый год. Загорский перевел взгляд на волка рядом.

— Ласка спасла меня, — Женька тяжело вздохнула, не способная продолжать.

Дедушка только кивнул. Ему вспомнился маленький волчонок, теплый серый комочек...

Ласку похоронили там, где она погибла. И только осиротевшие волчата, не дождавшиеся матери, тихонько выли лунной полночью.

Перевод с белорусского Татьяны СИВЕЦ.

ГЕОРГИЙ ФОМИН

Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ

Иллюзия полезности

Я плакал. Я плакал оттого, что устал. Устал не от чего-то конкретного, а просто устал. Кончались силы. Плакал оттого, что было больно.

Я открыл окно, сел на подоконник, смотрю вдаль, и слезы текут из моих глаз. Я думал только о том, как устал. Затем начал думать, почему мне так не везет и из-за чего у меня кончались силы. Это был самый тяжелый день в моей жизни. Для кого-то этот день был бы обыкновенным или легким. В моей жизни это не так. Я вымотался. Я весь иссяк. Не хочу вспоминать, что было. Но все началось не

сегодня. И не вчера. Все началось в разные дни. Все сплелось в одно и взорвалось в один день.

Ночь. Этот день уже закончился, но он продолжается. Он будет длиться вечно, пока время не вылечит. «Вечно» слишком страшное слово, как слово «всегда». Хемингуэй не обманул. Зачем я прочитал так много книг? Они тоже виноваты во всем. Все книги виноваты во всем. Из-за них тоже сижу на подоконнике, свесив ноги на улицу, и смотрю то вдаль, то вниз. Внизу одиннадцать этажей, внизу была жизнь, внизу этот день. Этот день и в комнате за моей спиной. Я его вижу перед собой. Перед собой я вижу соседний дом. Там все спят. Меня никто не видит. Не видит и она. Она тоже виновата. Из-за нее тоже я плачу. Скорее всего, она тоже не спит.

Зачем она устроилась работать в мое любимое кафе? Зачем она прочитала так много книг?

Я люблю читать. Любил читать. Да, именно любил. В прошедшем времени. Больше не стану читать книги. Буду как все. Я читал везде. И в кафе.

Темнота ночи заполонила собой комнату и вытеснила темноту квартиры. Моя квартира — это одна комната, кухня, ванная, туалет, коридор, темнушка. Может быть, у «темнушки» есть другое название, но я его не знаю. Что толку от прочитанных книг, если ты не знаешь другого названия темнушки?

Она принесла мне чай и спросила, что я читаю.

Книги и герои книг научили или приучили жить по своим правилам. Поэтому я не пошел работать в офис после университета, а открыл свое дело. Начал заниматься тем, что нравится. Ведь, как говорится, «найди работу по душе, и ты не проработаешь и дня». Я получал удовольствие от своего дела, но денег это не приносило. Мне было плевать. Моим знакомым, а точнее, людям, которые считали себя моими друзьями, было непонятно.

Звезд на небе не видно. Город слишком яркий, чтобы можно было увидеть звезды. Когда я в детстве летом приезжал в деревню, то специально просыпался в три часа ночи, чтобы увидеть Млечный Путь. С тех пор я его ни разу не видел. А многие за всю жизнь его не видели. Хотя, скорее всего, я ошибаюсь. Как и всегда.

В соседнем доме загорелось одно окно. Кажется, пятый этаж. Видимо, кто-то решил поесть или попить. Странно, что во всем доме люди выключили свет в своих квартирах. За этим домом стоит еще один такой же, а за ним еще один. А за ним город, из которого я уеду через неделю. Уеду навсегда. «Навсегда» тоже страшное слово. Никогда не говори «навсегда».

В пятнадцать лет я впервые побывал в городе М. и влюбился в него. Спустя десять лет я буду жить в городе М. После школы я переехал из родного города. После университета я уезжаю из города, где мое любимое дело и она.

Она первая заговорила со мной. Я ответил, что читаю «Капитанскую дочку», и показал обложку книги. Она спросила, не читал ли я ее в школе. Все читали ее в школе. Я перечитываю. Она сказала: «Береги честь смолоду», — и ушла. Я не стал пить чай и тоже ушел.

Свет в окошке на пятом этаже погас. Я посмотрел на небо. Там нет звезд. Я обернулся и посмотрел в комнату. Там тоже нет звезд.

Два года назад я окончил университет, а год назад мой друг переехал в город М. Два месяца назад он предложил мне переехать в город

М. к нему. Он знает, как я люблю этот город. Он хорошо устроился, поэтому сможет помочь и мне. Мне нужна его помощь.

Вчера я дочитал «Двойника» Достоевского. Сегодня ничего не читал. И больше не буду. Буду как все. Я очень устал.

Мое дело — это организация и проведение различных мероприятий. Неважно каких. Можем провести день рождения, можем — научно-практическую конференцию. Этому меня научили в университете. Я работаю не один. Но дело мое. А заказов мало. Сегодня проводили открытие кинотеатра. Город маленький, событие большое. Нас пригласили организовать мероприятия благодаря человеческому фактору. Директор кинотеатра учился со мной в университете, только на три курса старше. Мы познакомились на какой-то конференции. Зачем я писал статьи на конференции?

Со вчерашнего дня, а особенно весь сегодняшний вечер после мероприятия, мне кажется, что мой друг — это мой двойник. «Весело мне жить мешает Достоевский в голове». Какая интересная фраза. Ее мне сказала она.

На следующий день я опять пришел в кафе и думать не думал про нее. Опять была ее смена. «Как долго вы ее читаете?» — спросила она. Что же я тогда ответил? Что-то умное. Точно. Я сказал, что уважаю писателей, а прочитать его роман, над которым он трудился какое-то время, за один день — это неуважение, как мне кажется. Что-то такое я и сказал. Это было пять недель назад. В это время я уже договорился с другом о квартире. То есть, договорились, что он ее найдет, а потом я заеду на все готовое.

Меня никто никогда не любил. Хотя мама и папа меня любят. Да и два брата с сестрой тоже. Я уверен, что и бабушки с дедушками меня любили. Тогда почему я так думаю? Может, эта не такая любовь? Или я очень устал? Какой невыносимо тяжелый день. Как медленно течет время. Как медленно оно меня лечит. Как быстро текут слезы.

Смотреть на Луну мне доставляет удовольствие. Видеть, как Солнце освещает часть или всю Луну. Луна дает понять, что если мы чего-то не видим, то это не значит, что его нет. Солнце скрылось, но освещает Луну. Луна меня завораживает. Я и сейчас смотрю на нее. Море Спокойствия проникает в меня. Но я никак не могу успокоиться.

Начало мероприятия в 17:00. Музыкальную аппаратуру должны были привезти за час до начала, но не привезли. Она оказалась у нас в 17:45. В 18:30 моя работа должна была окончиться. В 19:00 премьерный показ. Три зала, три премьеры. Билеты были раскуплены еще за неделю. Город маленький, событие большое. Я 45 минут говорил без микрофона. Говорил громко, почти кричал. В глазах директора кинотеатра читались несбыточные надежды. Крики людей, типа «нам ничего не слышно», вгоняли меня в маленький ступор. Через 45 минут дело пошло веселей, но темп был потерян. Меня тоже пригласили на премьерный показ. Мне было плохо еще до начала мероприятия.

Интересно, как выглядят заплаканные глаза при свете луны? Если стану режиссером, то обязательно вставлю в фильм такой кадр. Если стану писателем, то опишу его в романе. Если стану никем, то опять буду плакать всю ночь, а луна не сможет меня успокоить. Что мне теперь делать?

«А что вы читаете?» — первое, что я услышал от нее. Она должна была видеть обложку книги. На второй день мы разговорились. Она

присела ко мне за столик. Но быстро спохватилась и побежала обслуживать следующих посетителей. Это была женщина с двумя детьми. Кажется, это были ее дети. Я опять не стал пить свой чай. В этом кафе сначала нужно оплатить свой заказ в кассе, и только потом тебе его в порядке очереди принесет официант или официантка, или она. Я не хотел бы работать официантом. Мне некогда было думать о ней — мне нужно было организовывать свадьбу.

Наш оператор выиграл что-то на фестивале короткометражек. Мы были все рады за него. Но книги все равно лучше фильмов. В школе я однажды подрался с одноклассником, потому что сказал ему, что его любимый фильм — это лишь жалкое подобие того, что было написано в книге. Он ударил меня. Зря я сказал, что подрался. Точнее, меня побил мой одноклассник. Никогда не говорите, что чей-то любимый фильм плох. В первую очередь тем, кто сильнее вас. Это одно из правил моей жизни. Какая жизнь, такие и правила.

К концу открытия мой голос не охрип, но голова разболелась. Таблетки больше калечат, чем лечат. Фраза, сказанная одним из моих педагогов, заставила меня перестать пить таблетки. Голова заболела от усталости. Сейчас она не болит. Боль головы ушла вместе со слезами. Боль в душе уйдет вместе со временем. Я — душевнобольной.

Кажется, про любовь была короткометражка нашего оператора.

Квартира в городе М. уже снята, мой друг заселился в нее. Через неделю там буду и я. Уже куплен билет на самолет. Билет в один конец.

Сегодняшний день был неминуем. Я был обречен на усталость и боль.

Все, что мне нравится, есть в городе М. В городе М. есть все, что мне нужно. Но там нет ее. Но она не причина отказываться от мечты. Ничто и никто не причина отказываться от мечты. Так меня научили романы, повести, рассказы. Моя мечта — жить в городе М. Про родной город я уже и забыл. Наверное, лучше сказать «город, в котором я родился», а не «родной город». Родной город — это город, где ты чувствуешь себя дома. Но в этом городе я всегда себя ощущал чужим. Я приезжаю в него только из-за родителей. Я их люблю. Конечно, вслух об этом ни разу не сказал. Это у меня от отца, скорее всего. Но они знают, что я их люблю. Этого достаточно. Там же живут мои братья и сестра. Они все старше меня. Я единственный, кто уехал из семьи. Книги во всем виноваты. Все книги виноваты во всем. Настанет время, и их все сожгут. Настанет время, и мы полетим на Марс.

Еще одно окошко загорелось в соседнем доме. От соседнего балкона доносится устойчивый запах сигарет. Противный запах сигарет. Но ко всему привыкаешь. Уже не обращаешь внимания. Ночью он становится острее, ведь других запахов нет. В комнате за моей спиной не только не видно звезд, но и вообще ничего не видно. Темнота победила. Луны мало. Противный запах сигарет настигает меня волнами. Свет в окошке погас. Думается, это был десятый этаж. Еще час назад у меня раскалывались виски. Было такое ощущение, что в них вкручивают болты. Будто из меня хотят сделать монстра Виктора Франкенштейна. Боль ушла со слезами.

В третий раз мы случайно увиделись в продуктовом магазине. Я, как обычно, покупал две пачки молока, ватрушки с творогом и какао — оно закончилось. Что покупала она, я не помню. Хотя она говорила об этом. Я заметил ее первый. Не знал, с чего начать разговор,

поэтому решил сделать вид, что очень увлеченно разглядываю фрукты и овощи. До этого я не видел ее три дня. Прошло пять дней с момента нашей первой встречи.

— Вместо того, чтобы читать «Капитанскую дочку», вы читаете ценники. Или вы ее уже дочитали? — услышал я ее голос за спиной. Я повернулся и растерялся. Что сказать? Вроде нужно ответить на вопрос.

— Я уже ее дочитал. Теперь Гоголь, «Тарас Бульба».

— Такое ощущение, что вы школьник.

— А вы на школьницу не похожи, — сказал я и понял, что сморозил ужасную глупость. Видимо, она прочла это на моем лице и не стала развивать эту тему. Мы заговорили о книгах. Она назвала свою любимую — «Замок» Франца Кафки. Мне показалось это странным, потому что Кафку невозможно было понять. В какой-то момент она назвала причину прихода в магазин. Я назвал свою. Она назвала меня Леоном. Я не понял. Я не нашел еще свою любимую книгу. Пока больше всех нравится Керуак и его «На дороге». «Особенно тема поиска отца», — как же я помпезно выражался, будто я известный литературный критик или старый преподаватель.

Я чувствую, что мои глаза опухли от слез, а нос — от бумажных салфеток. В Луну я влюбился летом. Случайно увидел ее днем на небе. Так удивился. Потом наблюдал за ней весь день и всю ночь.

В моем подъезде установили лампочки, которые реагируют на движение. Моя дверь находится чуть в стороне от них, поэтому мне каждый раз приходится пройти пару метров до лампочки и помахать руками. После этого могу разглядеть замочную скважину и правильную сторону ключа.

Мне сегодня было так стыдно, что хотел вернуть весь гонорар. Не сделал этого. Стал жадным. Или я таким был всегда.

Во время третьей встречи я узнал ее имя, а она — мое. Я назвал ей свое настоящее имя, хотя часто представляюсь как Артем, Андрей или Артур. Внутренняя мания преследования и несуществующие теории заговора заставляют меня скрывать свое имя. Удивительно, что все псевдонимы начинаются на «А». Не знаю, из-за чего так. Почему-то я захотел предложить ей еще раз встретиться. Затем подумал, что она ответит: мы и так встретимся в кафе. И ничего не стал предлагать. Лишь сказал: «До встречи в кафе». Она мне пожелала всего доброго. Я ушел домой пить какао и есть ватрушки с творогом. Моя мама в детстве (в моем детстве) очень вкусно их пекла. Теперь я живу один, далеко от родителей. Ем ватрушки — вспоминаю маму.

Ночью на улице прохладно, а я сижу в одной футболке. Мне холодно. Не хочу вставать и идти за кофтой. Боюсь нарушить момент. Я так просидел уже почти три часа. Хотя точного времени не знаю. Я много чего не знаю. Некоторые люди меня считают умным. Одно время я им верил. Сейчас — нет. В данный момент — нет. И завтра не буду.

Молоко закончилось, а какао есть. Еще закончился хлеб. Она не ест мучное — бережет фигуру, и не пьет молоко — аллергия. Что же она тогда покупала?

День сегодня не задался с самого утра. Начиная с того, что мне пришлось вставать в 8 утра. Я редко встаю так рано. Мой среднестатистический день начинается в полдень. Когда я усну в эту ночь или утро, то буду спать, пока не надоест лежать в кровати. А может, я усну на полу.

А может — на подоконнике. И потом ненароком вывалюсь из окна. Но со мной ничего не будет, ведь мышцы во сне расслаблены. Хотя я могу проснуться от свободного падения. g = 9,8 м/с^2. В школе я впервые уснул в десятом классе на уроке физики.

Я ей об этом рассказывал.

В дни, когда я сильно устаю, начинаю ненавидеть себя больше обычного.

Спустя неделю после нашего знакомства мы с ней гуляли целый день по городу. В этом городе некуда идти и не на что смотреть. Было не важно, куда мы идем и где мы идем. Важно было, что МЫ идем. Темы для разговора всплывали из ниоткуда.

Я всегда старался быть занятым. Занятым важным, как мне казалось. И если я целый день что-то делал, то я сам себе казался полезным. И поэтому я меньше ненавидел себя. Ох уж эта иллюзия полезности. Без нее моя жизнь была бы ужасной, тлетворной.

Всегда после проведения мероприятия у меня чешется голова. Мероприятия я провожу нечасто. Занимаюсь этим почти год. Открытие кинотеатра — это огромный шаг вперед. Мог бы быть. Но это был провал. В газете можно написать «Провел провал». Наверное, кто-нибудь и оценил бы каламбур.

Этот провал не сравнить с тем потрясением, что я испытал в 13:28. Я зачем-то посмотрел на часы на Центральной площади. Они показывали 13:28. Я никогда не забуду эти цифры. Всегда буду вздрагивать, когда увижу их на циферблате или на табло, или на экране. Кого я обманываю. Я слишком драматизирую.

И сейчас чешется голова.

Когда рассветет, нужно будет слезть с подоконника. Как я хочу спать! Резко напала сонливость.

На первом свидании мы гуляли целый день. В моем рюкзаке лежала книжка. Только книга и больше ничего.

— Почему ты не угостишь меня мороженым? — смеясь, спросила она.

— Потому что у меня нет денег, — признался я. И она купила два — себе и мне. В следующий раз мы пошли в кино.

Неужели это трамвай? Так поздно? Я не ослышался, это точно был трамвай. Так грохочет только он.

Мы договорились встретиться сегодня возле памятника Лермонтову в 12:00. После чего, в два часа, мне нужно было идти готовиться к проведению открытия. Она никогда не опаздывала. Приходила даже раньше назначенного времени. Опаздывал я. Опаздывал, потому что она приходила раньше времени.

Все-таки прохладный ветер дует на высоте одиннадцатого этажа. На первом этаже такие ветра не дуют.

На первом курсе университета я был самым прилежным студентом. А на втором — нет. В университете я впервые уснул на биологии. Когда меня хотела разбудить преподаватель, мой сосед попросил не беспокоить, и она продолжила лекцию. После окончания ВУЗа я почти не общаюсь с соседом по парте. Мы живем в разных городах. Он уехал в свой родной город. Для него он действительно родной, как город М. для меня.

Через неделю я буду пить какао и смотреть в окно на точно такие же дома и улицы, только в городе М. Эти улицы и дома будут такими же, но лучше.

Боль в голове прошла. Слезы больше не текут. На смену им пришла тяжесть в глазах. Веки закрываются. ПОДНИМИТЕ МНЕ ВЕКИ. Несколько часов назад я думал, что просижу на окне два-три дня. Почему я сразу не одел кофту? Или «надел»? Где вечно поправляющие люди, когда они так нужны. Что мне теперь делать?

«Почему ты не устроишься на нормальную работу?» — спросила она. «Я ненавижу работать», — ответил я. «Но ты же сейчас работаешь?» — продолжала она. «Это не работа», — отвечал я. «Ты на ней устаешь? Значит, работа», — доказывала она. «Я устаю и когда книги читаю», — разбивал ее доказательства я.

На втором свидании я постарался ее удивить. Я подготовил несколько сюрпризов в кинотеатре. Специально договорился с персоналом, чтобы они мне подыграли в нужный момент.

Скоро уже должно было выглянуть солнце. Как-то я всю ночь проходил по незнакомому городу, где был в первый раз, один. Было страшно. Таким образом я ждал поезд. Мои друзья спали на полу в здании вокзала. Их я могу назвать своими друзьями. Тогда они были ими. А сейчас — не знаю.

Я никогда не гнался за прибылью. Поэтому я плохой бизнесмен. Но это дело мое, и веду его как хочу. Со мной работают такие же энтузиасты. Кажется, я всегда был жадным.

Очень неудобно, когда тебе приходится постоянно делать несколько шагов и махать руками, чтобы закрыть входную дверь. Очень надоедает. Как и этот ветер, который с каждым разом все противней.

В кинотеатре ее ждало три сюрприза.

Первый сюрприз.

Я ждал ее в кафе кинотеатра, сидя за столиком. Она пришла раньше назначенного времени, но я пришел еще раньше. Она села напротив меня. Мы стали говорить. Неожиданно подходит официантка и приносит вкусное пирожное. Она смотрит на меня. Я делаю удивленное лицо в стиле «не умею играть, только переигрывать». «Я не ем мучное», — говорит она. Я убеждаю ее, что одно пирожное не навредит и что она его заслужила, и что не каждому человеку неожиданно приносят пирожное. Мы смеемся.

Конец первого сюрприза.

Если я сейчас не одену\надену кофту, то заболею. Болезнь мне не помешает. Давно не болел. Придет она и приготовит какао. Нет, я не должен ее больше видеть. Ни за что. Через неделю я улетаю. Она не достойна того, чтобы мешать моей мечте. Самообман. Иллюзия полезности — тоже самообман. Она никогда не была в этой квартире. В этой квартире никогда не было звезд. Она не полна звезд. Но была темнота. Были Солнце и Луна.

Между свиданием в кинотеатре и сегодня — 18 дней. Из них 15 я хотел сказать, что скоро уеду. Из них 10 дней я хотел сказать, что люблю ее. Меня никто никогда не любил. Никогда не говори человеку, что любишь его, ведь он может ответить, что он тебя не любит. И скорее всего, так и сделает. Сегодня я ей признался. Это была ошибка.

Второй сюрприз.

При входе в кинозал билетерша подарила ей книгу. По ней был снят фильм, на который мы идем. Моему удивлению не было границ.

Конец второго сюрприза.

Когда сильно хочешь спать или ненавидишь себя, высота в одиннадцать этажей кажется притягательной. Уже не смотришь вдаль. Твой

взгляд направлен вниз. Это из-за нее я устал и плакал. Открытие ни при чем. Какая разница, что о тебе напишут в газетах и скажут люди? Я улетаю через неделю. Там у меня будут совсем другие заботы. Как бы я хотел, чтобы не было мыслей о ней. Это книги виноваты в нашем знакомстве.

Интересно, за сколько я долечу до земли, если мой вес 70 кг? Зря я спал на уроках физики.

Сегодня мы просто гуляли. Большую часть времени молчали. Я решил ей все рассказать. Видимо, она это подозревала. Она единственная, кто меня понимает. Кроме мамы и сестры. И моего школьного друга, которого я уже не видел три года. Она ждала, когда я, наконец, скажу что-то важное. Я готовился. Тяжело говорить такое. Хотя это просто слова. Если я никогда никого не любил, то как я понял, что это любовь? Опять самообман? С чего вообще начать такой разговор? Нужно ли при этом стоять или идти? Или лучше сесть? А сидеть рядом или друг против друга?

Сразу два окошка загорелись в разных концах дома. Почти одновременно. Неужели это все-таки был трамвай? Есть ощущение, что я задремал на несколько секунд или минут.

Третий сюрприз.

Он ее ждал на улице. Мы уже шли на остановку, когда нас догнал мой знакомый, которого она не знала, с букетом цветов и сказал: «Девушка, вы, кажется, оставили цветы в кинотеатре». Она с удивленной, забавной улыбкой смотрела на меня. Я чувствовал себя значимым и полезным. Иллюзия полезности.

Конец третьего сюрприза.

Наверное, скоро рассвет. Самый темный час перед рассветом. Еще одно окно озарилось светом. Неужели кто-то встает в такую рань? Видимо, это работа заставляет их вставать в это время. Сколько же сейчас? В комнате до сих пор ничего не видно. У меня замерзло все: ноги, руки, лицо. Футболку заправил в штаны, но все так же сижу на подоконнике, свесив ноги на улицу.

Мы шли по Центральной площади. Людей было мало — местные на работе, а туристы в этот город редко приезжают. Я остановился. Она тоже. Мы стоим друг против друга. Я говорю, что через неделю улетаю в город М., что уже куплен билет. Она молча смотрит на меня. Я продолжаю говорить, что это моя мечта — жить там.

— Это все пустяки, — говорю я, — главное, что я хотел сказать... это... это. Я люблю тебя.

Что-то странное мелькнуло в ее глазах. Часы на Центральной площади показывали 13:27. Я смотрел на нее. У нее было незнакомое мне выражение лица. Думаю, оно выражало сожаление. И вот она ответила.

Слезы давно перестали течь и высохли. Голова перестала болеть. Она теперь тяжелая от сонливости. Весь продрог. Я развернулся, слез с окна и закрыл его. Я виноват во всем. Я просидел всю ночь, но так и не решил, что делать. Сегодня я услышал от нее самые ужасные слова в этой ситуации. Я плотно закрыл окно. Расстелил диван и лег под одеяло прямо в одежде. Из-за ее слов не могу найти себе места. Только ее слова в голове. Что теперь делать? Кажется, это было проявлением эгоизма с ее стороны. Нет, это я эгоист. До сих пор думаю, что я не заслужил таких слов.

Часы на Центральной площади показали 13:28.

— Я тоже тебя люблю. Не уезжай.

АНДРЕЙ ДИЧЕНКО
Республика Беларусь, Минский р-н, п. Лесной

«Европа»

Дети находились в учебном классе. С виду это была самая обыкновенная аудитория, разве что без окон и с довольно скудным ламповым освещением. Из-за этого лица учеников выглядели покрасневшими, будто каждый из них сгорел на полуденном солнцепеке, а сейчас пришел отвечать на вопросы по предметам.

Дети были необычными. Они не бегали по рядам между партами, вздымая клубы пыли. А еще не кричали друг на друга и не исписывали парты революционными речовками взросления.

Атмосфера в классе напоминала заброшенный в подвальных коммуникациях буддистский храм будущего, монахами в котором внезапно стали ученые люди.

Входная дверь отворилась, и в класс вошел Учитель. Никто из детей не поднялся. Все лишь молча следили за этим высоким, атлетически сложенным мужчиной, которому очень шли осенние пальто и диковинная шляпа с широкими полями.

— Здравствуйте, мои дорогие ученики!

Услышав в ответ сказанное хором «здравствуйте», Учитель отодвинул кресло и уселся за стол.

— Итак, мои необычные дети. Как всегда, вас здесь семеро, и сегодня у меня для вас особенное задание...

Учитель говорил предельно серьезным голосом, будто бы в следующую минуту отправит всех своих послушников на верную смерть. Впрочем, они бы пошли и на это, потому что были особенными и совсем не знали, что такое самосохранение и для чего нужна человеческая жизнь.

— Сегодня каждый из вашей семерки, мои маленькие гномы, должен будет рассказать...

— Что такое Европа! — перебила Учителя белокурая девочка Алеся. Она умела читать мысли, а поэтому часто говорила обрывками непонятных ей предложений. За это Алесю часто били, заставляли произносить всякую похабщину и брызгали в лицо перцовым баллончиком, чтобы записать из ее уст потоки бессознательного. В школе Алесе нравилось, потому что тут на ее ступнях и шее больше не будет синяков.

— Алеся сказала нам все верно! — подтвердил Учитель и улыбнулся. — Ну, раз ты, Алеся, первая начала говорить, тогда скажи нам всем, что же такое Европа?

С протяжным скрипом отодвинув стул, Алеся встала и начала свой рассказ.

«Европа — это сплетение красивых лиц и мыслей, которые как бы направлены в будущее. И это все при том, что человек на этой территории ходит и много думает. Затем он достигает облаков и пьет их, как топленое молоко. После этого спотыкается и начинает плакаться. Но не всем подряд, а только далеким птицам, которые кружат над ней и думают, как бы им поклевать Европу. Если собрать все мысли этой территории в одно предложение, то там совсем не будет запятых. Для всех слов не хватит строчек, а буквы смешаются в большой и невкусный коктейль, который нам всем когда-нибудь придется распить и поблагодарить неизвестного повара.

Иногда Европа начинает раздуваться в огромный шар, наполненный огнем. Тогда нам всем надо бежать. Я один раз видела этот шар. Он целиком состоял из микроскопических глазных яблок, пронизанных черными сосудами жидкости, в которой нет жизни. Мне стало очень страшно, и с тех пор мысли мои были направлены сугубо в квадраты. Там, где есть квадраты, нет места Европе».

Сказав это, Алеся вышла из класса.

— Ну что ж, Сергей, настал твой черед!

Сергей обладал мускулистым и совершенно безволосым телом. Голос его был беззлобен, а в глазах сверкали молнии тотального уничтожения. Сергей питался только человеческим мясом, а после выл на встречных людей. Тот, кто попадал в диапазон протяжных звуков Сергея, моментально излечивался от всех недугов и сиял счастьем.

«Европа — она на вкус сладкая. По выходным воняет дохлыми псами, по будням летает на титановой метле вокруг планеты Земля. Европа жрет планету Земля. Европа жрет все. Она белая, как плотный метастаз. Взяв в ладони Европу, ты поймешь, что ее никак не сжать. Металлические прессы ломаются, прежде чем приступишь к давлению. Фактически Европа — это и есть давление на все вокруг. Если вдруг ее убрать, то основание разлетится, как череп, в который зарядили свинцовой дробью».

Сергей втянул ноздрями сырой воздух аудитории. Инстинкты тянули его в столовую. Сергей встал на четвереньки и, как слизняк, пополз за пределы класса.

Очередь дошла до Философа. Кажется, при рождении его назвали Алексеем, но на свой двенадцатый день рождения это создание обложилось толстыми книгами и подожгло себя. Из пепла Алексея возродился Философ.

«Европа. Как каземат. Как животное, у которого урчит. Никакой Европы на ощупь нет. Это только... фантазия!»

Философ хотел сказать что-то еще, но внезапно уснул. Учитель не стал его будить. Каждый раз, когда Философ спал, несколько солдат на КПП брали пластиковые шариковые ручки и писали своды высокопарных слов. После все это прочитывали люди из специальной службы консервации разума. Подложив Философу под голову черный вязаный шарф, Учитель посмотрел на следующего ученика.

Девочка Ира больше всего в своей жизни любила рисовать. Раньше она брала в руки карандаш и графитом пачкала столешницы и белые половики в подъездах. Потом она была как бы в депрессии и забыла технику рисования. Сейчас же с ней был Учитель, а поэтому лицо Иры на первых порах было синим, потом красным, а иногда и вовсе прозрачным. Сквозь нее люди видели *реальную картину мира.*

«Черный бьет белого. Желтый рвет красного. Синий спит с зеленым. Фиолетовый на всех смотрит свысока. Радуга становится нитью ДНК всяких цветов вообще. Ее прочитать легко. Но сделать это лучше в Европе. Потому что во всех остальных местах за такое морят голодом и умерщвляют, воспаляя легкие».

Ира достала листик и принялась рисовать цветы. Когда Ира много думала и обижалась, она всегда рисовала цветы.

— Теперь ты, Владик. Что ты думаешь про нашу текущую тему?

«М-м-м-м-м. В-в-в-в-в-в. Г-а-а-а-а-а-а-а».

Набрав в рот воды из стакана, который он всегда носил собой, Владик заурчал. Через пять минут урчания он проглотил воду и продолжил:

«Европа не стала изначальным источником всего живого. Им была вода. Но вода появилась не в Европе. Там, о чем вы говорите, Учитель, там воду только портят. Злые люди портят».

Владик плюнул на пол и растер ладошкой свой плевок. Фрагмент доски, выкрашенный в красный цвет, заблестел.

«Вы не видите в лакированной поверхности моего отражения. Я не вижу в Европе чего-то, что способно поглощать».

Владик сомкнул губы и приложил к ним указательный палец. Учитель понимающе кивнул головой. Владик умел *настраивать.* Учитель же хотел держать дисциплину в классе, поэтому не противился молчанию своего подопечного.

Рядом с Владиком сидела Лена. Губы ее были созданы для поцелуев, а голос — для звонких песен. Лена не стала дожидаться, когда Учитель вызовет ее, и начала говорить сама.

«Когда я думаю о том, что вы мне говорите, я имею в виду песню. Когда я пою песню, энергии хватает, чтобы создавать сверхновые. У Европы не получится стать сверхновой, потому что такая уже есть немного западнее и в чем-то она от этой части света зависит. Вы меня поняли?»

Учитель одобряюще кивнул головой. У него остался последний ученик, который все это время отсиживался.

Лохматый Миша, надувший щеки. Он положил перед собой тетрадь и, изо всех сил надавив грифелем карандаша на бумагу, что-то вырисовывал, вкладывая в этот процесс не умение, а сугубо эмоции.

— Миша, мой дорогой мальчик, что такое Европа? — вежливо спросил Учитель.

Миша лишь зло фыркнул, словно в нос ему засунули порох, и продолжил царапать листы в клеточку. Учитель подошел к нему ближе и увидел, что Миша рисует свастики, кресты с мертвецами и светила, пронизанные двумя молниями сразу.

Закончив выводить последний агрессивный коловрат, означающий тотальное затмение, он принялся схематично изображать гору из пробитых человеческих черепов.

Настроение у Учителя от увиденного совсем испортилось. Все дело в том, что Миша видел будущее, а поэтому и без вопроса знал, что со всеми нами будет. И уж тем более с Европой.

ИРИНА ИВАННИКОВА
Российская Федерация, г. Рязань

Васильковые души

Лариса, молодая художница-пейзажистка, нередко бывала в Москве по профессиональным делам. На этот раз они с коллегой Мариной приехали в Златоглавую для участия в проведении благотворительной выставки картин.

Три дня командирки были расписаны по минутам, но никто и предположить не мог, что все лоты выставки-аукциона обретут своих покупателей сразу после премьерной демонстрации! Состоятельные люди, да и просто ценители искусства, не скупясь, отдавали внушительные суммы за картины малоизвестных, но многообещающих художников. Собранные средства были направлены в детские дома.

Впечатленные успехом мероприятия, женщины решили устроить себе маленький отпуск и остаться в столице до окончания командировки. На второй же день они отправились на экскурсию по городу. Вслед за традиционным посещением Красной площади и Поклонной горы Марина неожиданно предложила подруге посетить Ваганьковское кладбище, на котором ни одна из них прежде не бывала. Лариса согласилась скрепя сердце — ей не хотелось завершать свое пребывание в Москве столь печальной нотой. Но Марина заявила, что Ваганьково — это, скорее, аллея славы, нежели пристанище скорби и грусти, и Лариса сдалась.

...Фотографии известных актеров, музыкантов, спортсменов, шоуменов мелькали повсюду. Нигде и никогда Лариса не встречала такого количества имен разных эпох и поколений. Многие были ее современниками — Тальков, Листьев, Абдулов... С последним она мечтала познакомиться с детства, была преданной поклонницей актера. «Вот мы и встретились, Александр Гаврилович! Жалко, что так...» — еле слышно произнесла Лариса на могиле артиста.

— Что ты там бормочешь себе под нос? — одернула ее Марина. — Если ты немного поторопишься, мы успеем присоединиться к экскурсионной группе школьников.

Лариса последовала за подругой, и вскоре они слушали, затаив дыхание, удивительные рассказы экскурсовода:

— ...Обратите внимание, рядом с поэтом покоится Галина Артуровна Бениславская, большая поклонница и сподвижница Есенина. Именно здесь, спустя год после кончины Сергея Александровича, в день своего рождения, она застрелилась. Случилось две осечки, но третье нажатие на курок оказалось для молодой женщины роковым. В тот день ей исполнилось всего 29 лет.

«Как и мне тогда...» — подумала Лариса.

Марина вновь вывела подругу из задумчивости, решительно ухватив за руку.

— Пойдем, не хочется отставать от группы.

Многие надгробия поразили Ларису, затронув самые тонкие, болезненные струны души. Умершая в родах мать со своим мертворожденным ребенком — убитый горем глава семейства поставил им памятник в виде фигуры Девы Марии с младенцем на руках. И еще одна могила... дочери известного художника Шилова. По словам экскурсовода, девочка погибла после долгой и безуспешной борьбы с лейкозом.

Лариса почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. Ее душили рыдания, горло сковали спазмы. Не в силах больше находиться в тягостной атмосфере некрополя, она метнулась к выходу.

«Сколько лет уже прошло? — роились в голове привычные мысли. — Пять, целых пять лет. Почему я до сих пор не могу смириться?»

Слезы текли по лицу, и Лариса по-детски утирала их рукавом свитера. Она смогла немного успокоиться лишь за кладбищенской оградой. Жизнь текла в своем прежнем, неугомонном ритме, ласково улыбалось апрельское солнце. Лариса скользила безучастным взглядом по лицам прохожих, и вдруг ей показалось, что она увидела ее. Короткая сиреневая ветровка, легкая голубая беретка, черные лаковые сапожки на ножках.

— Женька! — закричала Лариса и бросилась к девочке. Это была ее дочь. Она шла под руку с высокой дамой в красном пальто.

— Женька, доченька! — схватила Лариса малышку за плечо и развернула к себе. Взгляд серо-голубых глаз девочки был полон удивления — незнакомая женщина плакала и гладила ее по непослушным русым кудряшкам, торчащим из-под беретки.

— Ее зовут Маша, — холодно прозвучал голос дамы в красном, лицо которой тоже показалось Ларисе знакомым. Мать резко дернула девочку за руку, увлекая за собой, и поспешила прочь от ненормальной незнакомки.

— Простите, женщина, я обозналась! — прозвучал им вдогонку голос Марины.

Дама не обернулась. Сиреневая курточка и красное пальто скрылись в иномарке, припаркованной неподалеку, и вскоре исчезли из виду. Марина обняла подругу и тихо проговорила:

— Ты должна смириться, милая! Жени больше нет...

Эту жестокую, убийственно простую фразу говорили Ларисе все, кто окружал ее последние пять лет. Кроме мужа. Он ушел сразу после того, как это произошло. Лариса осталась одна.

— Неправда, неправда... — задыхалась бедная женщина, цепляясь за паутинку обманчивых слов. Девочка в сиреневой куртке была так похожа на Женю!..

Лариса снова воскресила в памяти события пятилетней давности. Они с дочерью шли на дачу вдоль огромного пшеничного поля. Малышка заметила синеющие в зеленых волнах головки васильков. Их было так много, что девочка с восторженным визгом бросилась собирать букет. Вместе с мамой они сплели чудесный венок, который Женька сразу же водрузила на свои светлые кудряшки. Лариса долго любовалась дочерью, не в силах отвести взгляд. Она еще не знала, что это лето для девочки — последнее.

— Мам, ты чего? — засмущалась Женя.

— Я только сейчас заметила, родная, что глаза у тебя, как эти цветочки, васильковые!

Спустя два месяца девятилетняя Женька на уроке физкультуры сломала руку. Лариса вначале спокойно отнеслась к случившемуся: с каким ребенком не бывает? Но врач-рентгенолог, внимательно изучив снимок, неожиданно сообщил:

— Костная ткань лучевой кости поражена опухолью, что, собственно, и стало причиной перелома.

Женю срочно положили в онкодиспансер на обследование. Диагноз прозвучал как приговор: саркома, запущенная форма. Лариса постоянно задавала себе вопрос — за что так жестоко наказала судьба ее девочку?! Ответа не было. Несколько сеансов изнурительной химиотерапии имели кратковременный положительный эффект, но рост опухоли и распространение метастазов не замедлили. Накануне Нового года Жени не стало. Она тихо заснула в своей кроватке, пожелав, как всегда, спокойной ночи родителям, и больше не проснулась.

Лариса замкнулась в себе. Она находилась в состоянии, близком к помешательству. Муж отдалился от нее и решил, что им легче будет пережить боль порознь. Еще недавно крепкая и благополучная семья распалась. Лариса искала утешения в творчестве. В один из зимних вечеров она написала картину: до самого неба бескрайнее пшеничное поле, в центре — хрупкая фигура девочки с васильковым венком на белокурой макушке. Глаза ребенка светятся счастьем и любовью к жизни.

Выставлять полотно Лариса наотрез отказалась, несмотря на пламенные уговоры Марины и ее хвалебные отзывы.

— Напрасно прячешь свой шедевр, — не уставала увещевать Марина приятельницу. — Это лучшая твоя работа! На выставке ее с руками оторвут!

Лариса и сама прекрасно знала цену своей картине — для нее она была бесценна. Время шло, бежало, неслось, мчалось, а ее девочка в окружении васильков все так же беспечно улыбалась, неподвластная времени.

Расстаться с полотном Лариса смогла только теперь, ради благотворительной выставки-аукциона. Ее картина возглавила тематический ряд произведений «Дети — цветы жизни» и была куплена в первые же часы за немалые деньги. Имя покупателя Лариса узнавать не пожелала. Ей было достаточно того, что вырученные средства очень пригодятся обездоленным детишкам.

...Рейсовый автобус замер в многочасовом столичном заторе. Лариса безразлично смотрела в окно, глубоко погруженная в раздумья и воспоминания.

— Похоже, мы нескоро домой приедем! — донесся до нее тоскливый вздох Марины.

Невелика беда: спешить Ларисе некуда, да и не к кому.

— Говорят, где-то впереди авария, — продолжила Марина. — А впрочем... — махнула она рукой, видя безучастность подруги и будто жалея о сказанном.

— Вдруг там кому-то помощь нужна? — внезапно оживилась Лариса.

— Сказала на свою голову! — недовольно процедила Марина. — Тебе разве плохо сидится?

— Выпусти меня, пожалуйста! — решительно потребовала Лариса у сидевшей с краю приятельницы.

— Ладно уж, пойдем вместе! — нехотя согласилась она.

Через сотню метров их взору предстало жуткое зрелище — последствия лобового столкновения автомобиля и маршрутной газели. Маршрутка стояла с помятым бампером, и, по словам вездесущих зевак, ее пассажиры отделались испугом и синяками. Автомобиль же, вернее, то, что от него осталось, напоминал сплющенную консервную банку. Страшное ДТП случилось, по-видимому, несколько минут назад. Из разбитого водительского окошка крохотной иномарки, неестественно свесившись, торчала бледная женская рука в красной материи. На асфальте с противоположной стороны валялась маленькая голубая беретка.

— О Господи! — вскрикнула Лариса, пронзенная внезапной догадкой. — Что с девочкой? Где ребенок?

Она бросилась к спасателям. В этот момент один из них как раз вскрывал заднюю дверь автомобиля. Лариса зажала рот дрожащей ладонью.

Она смотрела и не могла произнести ни слова. На заднем сидении неподвижно застыла пристегнутая ремнями Маша. В глазах ее замер ужас. Непостижимым образом та часть салона, где находился ребенок, избежала смертоносной деформации. Медики осмотрели девочку, пребывавшую в состоянии шока, и серьезных повреждений не обнаружили, а вот ее маме, сидевшей за рулем, помочь не удалось — женщина умерла мгновенно. Лихорадочный взгляд Ларисы упал на предмет прямоугольной формы, зажатый между мягкими спинками переднего и заднего сидений. Он-то и спас малышке жизнь! Массивная металлическая рамка с позолотой органично дополняла дивной красоты полотно. С него, не тронутого ни единой царапиной, улыбалась девочка с васильковыми глазами...

АЛЕКСЕЙ СТАРУХИН
Республика Беларусь, г. Лепель

Пульс на грани восторга

1

Его звали Максим. 22 лет от роду. Жил он в Санкт-Петербурге. Среднестатистический парень с неопределившейся жизненной позицией, вечно что-то ищущий. Играл на пианино. Воспламенялся новыми идеями в своей музыке, но быстро загораясь, так же быстро и потухал.

Занимался он много, в этом ему не откажешь. Все мечтал в один из дней написать что-нибудь этакое — гениальное. Чтобы до слез пробирало, до мурашек, восторгало. Веселая музыка для него была

так себе. Он считал, что в грусти, приобретая спокойствие, можно умыслить, почувствовать то, что не передать словами. Что понимается с полувздоха.

С самого детства Максима мучила боль в сердце. Родители очень волновались за него. Но врачи, к которым они ходили, говорили, что все хорошо, ссылаясь на данные их технических приборов: «Сердце как сердце, здоровое».

Парень больше не давал повода для волнения и при следующих покалываниях старался скрыть порок от всех свидетелей. Чем ближе он приближался к 23-летию, тем сильнее и чаще начинал волновать его орган, отвечающий за искренность.

Его жизнь в сознании перевернулась после неожиданного звонка. Это звонил один из врачей той больницы, где раньше Максим делал кардиограмму:

— Здравствуйте, могу я поговорить с Максимом? — проговорил врач.

— Это я, говорите.

— Меня зовут Сергей Алексеевич, я один из врачей 66-й больницы.

— Чем могу быть полезен?

— Скорее это я вам могу быть полезен. Я просмотрел все ваши анализы, снимки, и у меня есть новости. Приходите завтра в 11 часов утра в 6-й кабинет. Не затягивайте, это в ваших же интересах, Максим.

— У меня что-то нашли, рак?

— Да нет же, не стоит паниковать. Приходите!

Далее послышались гудки, и Максим положил трубку. Он был удивлен такой прытью врача. «Что-то действительно интересное, наверное».

Перед сном Макс сыграл одну из симфоний, на радость соседям, и лег спать, вспомнив перед самым прыжком в мир сновидений передачу про то, как у одного человека нашли в легких прораставшее зернышко.

Что же за новость у врача? — единственный вопрос, задаваемый Максимом с утра. Выпив кофе, почистив зубы, пациент оделся в каждодневную форму и поехал получать ответ.

Это была одна из многих частных клиник города с новейшей аппаратурой, внимательным персоналом и длинными коридорами. На проходной Максима не стали задерживать, даже не попросили надеть бахилы и халат. Указав, где находится шестой кабинет, пропустили с миром. На дверях было написано: «Идет кварцевание». Он постучал в дверь, и за ней послышался голос: «Войдите!»

Приоткрыв дверь и заглянув внутрь, он увидел человека, сидящего в кресле к нему спиной. Тот, смотря в окно, через недолгую паузу повторил еще раз: «Входите же! Не бойтесь!»

— А вы, надо отметить, пунктуальный молодой человек. — И с этими словами врач в белом подошел к Максу, пожав ему руку, показал другой рукой на стул возле стола.

— Стараюсь. Воспитание, понимаете ли.

— Понимаю! Ветровку можете положить на соседний стул. Вы хотите что-нибудь выпить? — предложил человек в белом.

— Этиловый спирт подойдет! — пошутил пациент. — Нет, не хочу.

— Ха-ха, здорово! Хорошо, тогда перейдем к тому, зачем я позвал вас, — уселся на край стола врач.

Максим смотрел на него настолько выжидательно, что тот не мог долго задерживать взгляд на пациенте.

Тихо прокашлявшись, прикрывая рот рукой, Сергей Алексеевич начал свое повествование.

— Как вы знаете, Максим, сейчас век не только новых супертехнологий, медицинских достижений, музыки, но и век новых заболеваний и патологий. Я как раз последнее и изучаю очень детально, уже много лет. Боль вашего сердца, как вы догадываетесь, не случайна. При этом показатели последнего слова техники говорят об идеальном здоровье вашего органа. Я объясню, в чем дело, но сначала хочу взять с вас слово, что вы не станете паниковать и примете трезвое решение, как поступить дальше. Что скажете?

— Я устал, вот что я скажу. Чтобы там ни было, мне кажется, что даже смерть меня уже так не пугает.

— Вот и отлично! — И немного помедлив, врач продолжил: — Дело в том, что у вас очень редкая патология. Как известно, патология означает болезненное отклонение от нормального состояния или процесса развития. В нашем случае, — здесь врач сделал еще паузу, посмотрев на Макса, — ваше сердце остановится после того, как вам исполнится ровно 23 года. Но при условии, если вы перестанете идти. То есть передвигать ногами, создавая тем самым нагрузку, не опускающуюся ниже нормы. — Сергей Алексеевич очень волновался, хотя о подобных вещах ему не раз приходилось говорить за свою карьеру, и даже людям, которых он впервые в жизни видел.

— Стойте! Я запутался! Еще раз, я не понимаю вас! — был в недоумении Максим.

— Тише, мы ведь договорились с вами. Скажите, пожалуйста, вы знаете время вашего рождения?

— На удивление, интересовался у мамы: 18 мая в 4.55 утра.

— Так вот. Эта редкая болезнь, которая у женщин возникает в возрасте ровно 21 года, а у мужчин в 23, наступит и у вас. Ровно 18 мая в 4.55 у вас остановится сердце. Но есть выход. Вы должны постоянно идти, чтобы создавать ритм сердечных сокращений не ниже нормы. И ровно через неделю постоянной ходьбы патология пройдет.

— Постойте, но ведь мне нужно спать, выдержу я максимум двое суток, есть, ходить в уборную, наконец!?

— Хорошее замечание! Насчет сна нужно подумать, а по поводу еды и туалета — все решаемо. Если пробежаться в течение, скажем, минуты, то у вас есть время остановиться и сделать все что угодно, что невозможно сделать на ходу. Так как пульс будет много выше нормы после бега. Что касается сна... — врач опустил взгляд в пол, как будто что-то увидел там, и, подняв снова, признался: — Я не знаю, что делать. 18 мая завтра. У нас, чтобы что-то придумать, есть меньше суток.

Макс приуныл, глубоко утонув в своих мыслях.

— И еще, вы такой не один. — Максим как будто проснулся, посмотрел на врача. — У меня есть еще пациент с аналогичной проблемой. Это девушка, ей исполняется двадцать один, тоже завтра, но в ноль часов пять минут, то есть, чуть раньше, чем ваш день рождения.

— Мне это должно быть интересным!?

— Я подумал, что легче переносить боль, если тебя понимают. Смотрите сами, я даю вам ее номер телефона. — И врач отдал прямо в руки Максиму листочек бумаги с одиннадцатью цифрами. Но тот в свою очередь сложил бумажку вдвое, положил на стол и, сделав резкое движение указательным пальцем, отбросил ее.

— Спасибо, но я как-нибудь сам, — здесь он встал и пошел к выходу. У самых дверей Макс обернулся и добавил: — Если будут идеи по борьбе со сном, сообщите, пожалуйста.

— Да, конечно. Держитесь, что-нибудь придумаем. И ветровку не забудьте. — Врач подал Максиму ветровку, пожал руку и закрыл за ним дверь.

Макс спускался по лестнице, не замечая других людей. Задевая их и не извиняясь, хотя в другой раз он бы очень сильно раскаялся.

Что делать? — сейчас основной вопрос. Мелькания в голове, суета, мир в глазах расплывался, как будто его нарисовали с помощью воды на стекле и после размазали рукой. Пешеходы, транспорт — все в полужидком виде. «Куда вы все бежите, вам вроде не по 23 года. Стойте, лучше подскажите, что делать. А хотя — куда вам. Желаю успеть! Туда».

По привычке ноги переместили Максима домой, где он сел в любимое кресло, закрыл глаза и начал собирать мысли в одно целое.

«Итак, что я имею. Чуть больше 12 часов до судной секунды, когда начнется отсчет недели. Какой-то недели. Подумаешь. Бойцы спецназа могут восемь дней без сна. Да, конечно, я не сотрудник спецназа, — с сарказмом подумал он. — Нужно хотя бы попытаться! Выжить, что ли. Я не собирался покидать этот мир. Ведь не зря говорят, что у каждого своя миссия. Так что же это за миссия надоедать соседям своим пианино и прозябать, не зная, что дальше!?»

Через минуту Максим сидел с листком бумаги и ручкой, записывая по пунктам план спасения себя.

«Первое. Самая главная проблема — сон. Поспать бы, но не хочется. Снотворное? Но после него вдруг еще больше станет клонить ко сну. Ладно, дождусь, когда по-настоящему захочется, только не забыть поставить тысячу будильников.

Второе. Путь, где меня не потревожат и не остановят естественные преграды. Дорога — но на ней автомобили, службы, ремонты. Поле. Ходить по кругу? Но где найти такое тихое место подальше от города? Беговая дорожка, ага, только денег поднакоплю. Пойду куда глаза глядят, — твердо решил Максим. — И третье — вещи: рюкзак, еда, вода, деньги, документы».

«Нужно как-то попрощаться с родными, — подумал он позже, — статус в интернете, нет, слишком обширная аудитория, письмо, да, по старинке, самый верный способ».

И Максим принялся писать. Что-то невнятное, труднообъяснимое, с кривым почерком. И в конце: «... не волнуйтесь, я справлюсь».

«Ерунда какая-то! Мама с отцом точно начнут меня разыскивать, и все тогда».

В следующее мгновение парень смял письмо и принялся писать новое, на этот раз очень короткое: «Уехал за город на неделю. Не волнуйтесь!»

Вечером пришли родные. Максим вел себя непринужденно, стараясь не выдать свою озабоченность. И не стал менять репертуар, сыграл одно из прекрасных произведений уважаемого Вольфганга. Только вот мама как будто что-то чувствовала, неожиданно взяла скрипку, что было последнее время очень редко, и подыграла сыну, стоя у него за спиной. Оба слились с музыкой, и только в этот момент Максим понял по-настоящему, что, возможно, это его последняя игра с мамой. Он нажимал на клавиши с особой нежностью.

Когда они закончили, не поворачиваясь, сказал маме «спасибо». Та сделала реверанс и с достоинством учителя и матери удалилась.

Парень смотрел в стену, а стена все отдалялась, мыслей не было. Пустота, нужен был воздух. Не выдержав напряжения, Макс вскочил со стула, чуть не опрокинув его. Быстро подошел к окну и замер от увиденного — на него смотрел кто-то в черной одежде, стоя у одного из деревьев. И в следующее мгновение быстро зашагал прочь, сгорбившись и засунув руки в полы куртки. «Что еще за наблюдатели, — возмутился Максим, передумав открывать окно, — к черту все, хватит, пойду лучше спать».

Сон. Будильник.

На удивление, Максим заснул практически сразу, как будто это был обычный тяжелый день.

Наш герой идет босиком по мокрой траве. На поле плавно вырисовываются замысловатые зигзаги прозрачной дымки — это как будто сама матушка природа дышит полной грудью. Лазурное небо начинает открывать свое пространство для лучей светила. Лесная темнота растворяется с каждым мгновением и под песни птиц уходит вовсе. Мир оживает. «Как здорово, я почти летаю, ах, мое прекрасное детство», — переходил на бег спящий. Мурашки играли симфонию на его теле, радуясь, танцуя и дыша ароматом воли.

Пение крылатых все усиливалось и усиливалось. Через секунду оно превратилось в писк, невыносимый писк. Лицо мальчика выражало отвращение к звуку. Даже очень сильно закрыв руками уши, он не смог уменьшить раздражающий скрежет, а еще эта вонь от дымки и травы. «Куда девалась эта красота? Детство! Ведь я мог танцевать, практически летать, а теперь могу только свернуться калачиком и ненавидеть, не-на-ви-деть».

Время уже показывало 3.30. Будильники спрятали стрелки и, как будто сговорившись, забыли про свою миссию. Дыхание спящего начинало замедляться, как вдруг зазвонил телефон. Макс подскочил, упав с дивана, и потянулся к телефону. Держа его в руке, он обратил внимание, что времени еще достаточно, чтобы собраться, а затем нажал кнопку:

— Максим, это ведь вы!? Извините, что разбудил, — и тут же врач подумал, что вряд ли это было к месту, — я думал, позвоню на всякий случай, а то вдруг уснете.

— Да, спасибо. Я действительно чуть всю жизнь не проспал в буквальном смысле. Что-нибудь придумали?

— У вас есть дома беговая дорожка?

— Ха, считаете, я про это не думал? Нету!

— Тогда пока все. Что будете делать? — поинтересовался врач.

— Пойду туда, откуда пришел.

— Восвояси, значит, — понимая значение этого слова, прошептал Сергей Алексеевич.

— Именно, — ответил парень.

Максим положил трубку, зная, что не обидит этим собеседника, и начал собираться. Вещи были готовы еще с вечера, поэтому оставалось только умыться, одеться, присесть на дорожку, включить плеер и тихо уйти из дома, оставив короткое письмо на кухонном столе.

Время 4.30 — осталось двадцать пять минут до начала отсчета. Макс как-то читал, что время с 04.00—05.00 является часом смерти из-за того, что организм настолько замедляет свою работу, что сердечники

во сне умирают, так как красному моторчику не хватает сил снабжать кровью весь организм.

Идущий вглядывался в темные окна и думал, что, возможно, в одной из этих кирпичных клеток кто-то не выдержал прямо сейчас.

«Вроде все взял. Сейчас по Марата к ТЮЗу, затем по Загородному на Московский и в сторону Пулковского шоссе вдоль трассы — куда глаза глядят».

— Скромный план, но что делать — сдаваться я не намерен! — размышлял вслух «сердечный».

Темные ночи становятся все короче — приближаются белые ее сестры. Это как минимум один плюс, немного обмануть организм, который реагирует на темноту через желание уснуть, особенно ночью.

Некоторые люди уже куда-то выбирались из своих берлог, а кто-то вовсе и не ложился, гуляя весь предыдущий вечер, затем ночь, плавно перешедшую в утро.

С каждым шагом он приближался ко дню рождения.

Сердечко начинало изменять ритм биения — готовясь к остановке, если его носитель вздумает перестать двигаться.

Пять минут до начала — вот-вот оно выскочит из груди.

Аккорды Людовика Эйнауди звучат синхронно с действием внутри. Четыре минуты — оно начинает замедляться, и как бы нащупывая ритм, два через три, стучаться.

Три минуты — Максим решает отключить музыку в плеере, так как нет лучше музыки мира.

Ветерок, ласкающий молодые побеги в сквере у всегда молодого ТЮЗа, создает фон. Пернатые вокалисты разговаривают сладким пением. И потрескивающий песочек под ботинками, дополняющая композицию — перкуссия. Макс хотел насладиться этим, может быть, в последний раз, ибо вдруг ходьба не поможет.

Последняя минута, сердце замедлило бег, как будто прячась за угол дома. На часах Витебского вокзала стрелка приближалась к 04.55.

Максим схватился правой рукой за грудь, наклонил голову, нарисовав на лице боль, чуть не упал и... перешел на бег. Биение стабилизировалось, и можно было снова просто идти.

Отсчет начался. Идущий еще пару раз попробовал проверить, правда ли ему грозит остановка во всех смыслах, но как только он начинал останавливаться, орган жестоко карал остротой, заставляя идти дальше.

Если забраться на высокий дом, то можно было бы увидеть солнце. На улице становилось все больше людей. Они начали создавать толпы. Иногда Максиму приходилось выскакивать на дорогу, чтобы не замедляться, таким образом обходя толпу. Не говоря уже о светофорах, на красный свет которых Макс пробегал не раз. Злостные сигналы водителей резали слух. Герою оставалось лишь поднимать ладонь, как бы прося прощения.

«Главное, выйти из города — там посвободнее будет. И чтобы никто не вздумал остановить меня силой, иначе...

А ведь врач говорил о какой-то девушке. Если она решила «драться», то наверняка тоже где-то сейчас идет. Но в отличие от меня — уже на протяжении более пяти часов. Зачем я не взял ее номер!? Можно было бы поддержать друг друга. Или вовсе идти вместе. Такие особенные! Где она живет, чем занимается, как отреагировала на новость

Сергея Алексеевича?!» Максим так задумался, что врезался в одного из прохожих, которого столкновение будто разбудило. Макс извинился, а прохожий даже не обратил на него внимание и как ни в чем не бывало зашагал дальше.

«И что теперь!? Неделю не выдержать? Ах, этот чертов инстинкт самосохранения! Все, хватит об этом! Не думать час о белых медведях», — попытался рассмешить сам себя Максим.

«Нужно сделать что-нибудь такое, что принесло бы пользу, запомнилось мне и людям — хотя бы сегодня. Да, точно!» — и он зашел в цветочный магазин. Подойдя к кассе, Макс перешел на бег. Выглядело это очень забавно — взрослый человек, одетый будто в поход, бежит на месте и с серьезной миной пытается объяснить, что ему нужно. Продавец цветов, женщина лет тридцати пяти, слушая просьбу парня, не выдержала и рассмеялась.

— Простите, я, конечно, сделаю, что вы просите, но не могли бы вы остановиться?

— Теперь вы меня простите, вам нужен труп в магазине?!

Женщина недоуменно посмотрела на него и молча принялась упаковывать два десятка белых роз.

— Не обижайтесь, просто мне нельзя останавливаться, понимаете?

— Как вам угодно. Все в порядке, — ответила продавец, лишь бы ее больше не доставали.

И вот через несколько минут Максим снова оказался на Московском проспекте с огромным количеством цветов. И сразу же начал ловить на себе вопросительно-восхищенные взгляды.

Идущий начал дарить по одной розе всем девушкам, обращавшим на него внимание. Большинство из них либо с удивлением молчали, превращая свои губы в улыбку до ушей, либо просто мило улыбались и добавляли тихое: «Спасибо».

Когда была подарена последняя роза, к нему подбежала одна из тех, кому повезло получить белое чудо природы.

— Молодой человек, вы волшебник! Я серьезно вам говорю!

— Спасибо! Я рад, что вас это затронуло, — спокойно ответил Максим.

— Куда вы так спешите, может, ко мне на чай, я недалеко здесь живу, вон там мои окна! — показывая рукой, приглашала к себе в гости девушка.

— Поймите меня правильно, в другой раз, хорошо?

— Но все же, почему? — настаивала леди.

— Я запомнил, где ваши окна, останется дело за малым. Договорились?

— Хорошо! Но знайте, ваш чудесный подарок спас мне жизнь. — И девушка быстро пошла в другую сторону.

Максим от неожиданности чуть не остановился, но вовремя одумавшись, зашагал дальше. «Интересно, что же у нее в жизни такого случилось, что мое внимание помогло ей?» Но ответами стали только предположения.

В следующий час Макс просто поник. Уже виднелась площадь Победы и пик с надписью внизу: «Подвигу твоему, Ленинград».

Он соображал, что скоро выйдет из города, надо признаться, одного из лучших в мире, а для Максима он точно вне конкуренции. Ведь здесь он начал дышать. Впервые в жизни сделал настоящие, без чьей-

либо помощи, неуклюжие, но полноценные шаги. Сказал первое слово. Правда, это случилось в парке Петергофа: в тот момент, когда он с родителями прогуливался по аллее, перед ними опустился резной, сказочной красоты листик клена. Ничего удивительного? Но вблизи не было ни одного клена. Это падение увидел и малыш, после чего сказал первое слово в своей жизни — «бал».

Возможно, маленький имел в виду — упал, ну, а может, листок так красиво кружился, что очень было похоже на кружение в танце мужчины и женщины, как на балу.

Петербург просто так не позовет тебя. Если ты ему нужен, двери откроются незамедлительно. Но в то же время он и щедр своей красотой, встречами, поучениями и легендами, а когда это необходимо, с огромной любовью, но выпустит тебя из своих объятий.

Подул ветерок, откуда-то со стороны Финского залива. Стало прохладно, и Макс, спасаясь от непогоды, съежился, засунув поглубже руки в ветровку. И в ту же минуту был приятно удивлен.

— О, нет! Что это? — чуть не кричал Максим. Толпа, которую он обгонял, — оглянулась. — Это записка с телефоном! Как она... врач передавал мне ветровку! Ах, он... — здесь Макс зажал бумажку в кулак, и медленно добавил: — Мо-ло-дец.

Парень лихорадочно нашел свой телефон, набрал номер и сразу же сбросил вызов. «А что я ей скажу? Впрочем, какая разница!» И Макс снова набрал номер, на этот раз решив непременно дозвониться!

Прозвучали первые гудки, и практически одновременно заиграла музыка на одном из телефонов в толпе, которая шла еще не так далеко, позади него.

Другой раз он бы и не обратил на это внимание, но заиграла одна из его любимых композиций.

Повернувшись назад, он увидел среднего роста, с большими, зелеными глазами, полными надежд, хозяйку телефона. Она стала замедлять шаг, будто загипнотизированная, не отрывая взгляда от Максима, но парень первым отреагировал, заорав на весь Московский проспект:

— Не останавливайся!!!

Максим подбежал к ней, взял за руку и спокойно прошептал: «Пойдем». Они прошли метров двести до того, как кто-то из них нарушил тишину.

— Ты Максим? — зная ответ, спросила девушка.

— Он самый, а тебя-то как зовут, сестра по несчастью?

— Меня зовут Татьяна, можно просто Таня. И почему по несчастью? Посмотри вокруг, кто еще в таком редком испытании кроме нас?

А вокруг все шло своим чередом: пролетал над головами самолет, шедший на посадку в «Пулково», по скверику пробегали люди в спортивной одежде, по шоссе проносились ряды автомобилей, несущие людей по делам.

— Да ты философ, — посмеялся Макс, — тебя не смущает, что мы взялись за руки раньше, чем узнали наши имена?

— Это, видимо, ты не знал моего имени, а мне твое Сергей Алексеевич сказал, и номер телефона он тоже давал.

— А чего ж первая не позвонила?

— Я случайно постирала джинсы вместе с той бумажкой, с номером, и потом рыдала еще долго, что упустила возможность быть понятой в последние часы моей жизни. А теперь не могу поверить, что, не сго-

вариваясь, мы выбрали один и тот же путь, и ты позвонил мне, а теперь идешь рядом и крепко держишь мою руку. — На глазах у нее показались сверкающие кристаллики. Ей даже это было к лицу, по крайней мере, в данную секунду.

— Что ты, Танюша, не плачь, — Максим заботливо поправил ее длинные русые волосы и прижал к себе, — теперь мы вместе, все будет хорошо.

— Кажется, я знаю тебя уже вечность! Спасибо, Максим! — И она прижалась к нему еще сильнее. Идти так долго было не очень удобно, и они снова взялись за руки, понимая, что теперь никогда не отпустят друг друга.

Приговоренные проходили под мостами кольцевой автодороги, повороты на разные торговые центры, оставляя все дальше и дальше волшебный Петербург. Шок от встречи еще долго не отпускал их. Они то и дело переглядывались, обмениваясь взаимными улыбками. Казалось, что и молчать некогда, но и говорить особо не хотелось. Главное было то, что они вместе.

— Максим, ты знаешь, почему так с нами происходит?

— Исследующий эту проблему Сергей Алексеевич до сих пор не может разобраться. Где уж мне. Хотя нужно признать, он точно вычислил возраст перед началом недельной ходьбы.

— Слушай, мне это кино напоминает — может, у нас что-то общее есть, особенное, из-за чего и развивается этот недуг?

— Может, и есть, — без особого энтузиазма отреагировал Макс и тут же вернул блеск в глаза, — но как минимум одна общая деталь у нас точно есть: мы выбираем один и тот же путь.

Оба рассмеялись. В эту секунду рядом с ними остановился автомобиль, из которого послышался голос:

— Ребята, вас подвезти? Садитесь!

— Мы прогуливаемся, спасибо вам! — прокричали ребята.

— Ладно, как говорится — Have a nice day! — Не без юмора оказался водитель.

В следующее мгновение молодые задумались об одном и том же — что же делать, должен ведь быть какой-то выход? Не получив и в этот раз ответа, они снова нашли тему для беседы.

— У тебя есть сестра? — поинтересовалась Таня.

— Нет, но хотелось бы. А у тебя, я так понимаю, есть?

— Да! Она у меня такая красавица! «Мне пять годиков», — как она говорит! И этим явно гордится. А ты бы пел своей сестре колыбельные?

— Конечно, каждый вечер пел бы!

— А давай мы споем с тобой колыбельную для моей настоящей и твоей будущей сестры! Пусть сон у них будет всегда сладок, — предложила Таня.

— С прекрасными и разноцветными сновидениями! — добавил Макс.

И в солнечном небе раздались любящие голоса:

— Спят усталые игрушки, книжки спят, одеяла и подушки ждут ребят...

2

С момента начала пути прошло более двенадцати часов. Идущие уже проголодались и не мешкая достали свои запасы с едой.

Время шло неумолимо. Усталость давала о себе знать покалыванием в ногах. Но переносить боль всегда легче, когда ее есть с кем разделить.

— Какой группы у тебя кровь? — поинтересовалась девушка.

— Продолжаешь искать общее? — с иронией в голосе произнес Макс. — Вторая положительная.

— У меня первая. Значит, не в крови причина. Какие ты вещи взял с собой кроме теплых, средств гигиены и прочее?

— Понял, о чем ты! Из таких, чтоб со смыслом, — фотоаппарат. Учитывая мое положение и возможность, что в исследовании нашего с тобой врача я останусь, а значит, об этом могут узнать массы людей, я решил сделать фотографии. Ты ведь прекрасно понимаешь, что когда человек узнает день прощания с жизнью, его психология, восприятие мира — меняются. Значит, и фотографии будут другими, — жестикулировал парень свободной рукой. — Подожди, в смысле, продолжай идти, я тебя догоню! — сорвался Макс и побежал в сторону поля.

Пока он бегал по полю, Татьяна достала свои «особенные вещи» — бумагу и заточенный карандаш. Она давно успела заметить видные черты лица Максима и принялась на ходу наносить их карандашом на поверхность листа. Она уловила его утонченные брови, устремленные грустные глаза, растрепанные волосы и милую ямочку на подбородке, появляющуюся, когда он начинал иронизировать или в шутку тосковать.

Через пару минут в руках Татьяны оказался букет из полевых цветов, а в руках Максима портрет с его изображением. Оба подарка пара прижала к груди как одни из самых дорогих на свете вещей. Как хочется в такую минуту остановиться, смотреть друг другу в глаза и словить момент под названием «Можно!».

Танцуют облака, пляшут бабочки, качаются деревья, словно руки на концертах, держащие зажженные зажигалки, яркость красок обжигает зрачки, всеобъемлющая любовь настигает и тебя!

— Тань!?

Девушка повела бровями вверх, как бы спрашивая: «Что?» — она обычно так делает, когда не хочет говорить.

— Спасибо тебе! Не спрашивай, за что! Просто спасибо.

Танцы! Увидав рядом с дорогой три березки, ребята побежали к ним, сбросили рюкзаки и начали танцевать, прыгать и размахивать руками, радуясь радуге в голове и на сердце, как маленькие беззаботные детишки. Некоторые водители, видя эту картину, сигналили им, дополняя гармонию сумасшествия.

Натанцевавшись и тем самым набрав себе задел активной работы сердца, мальчики удалились направо, а девочки налево.

Наступал на пятки дню вечер. Чем ближе к ночи, организм, хочешь ты того или нет, начинает оберегать себя, приводя в боевую готовность все чувства, отвечающие за защитную реакцию во время опасности.

Держащие друг друга руки сжались крепче.

— Максим, о чем ты мечтаешь?

— Ты снайпер — это очень близкая для меня тема.

Я ведь пианист. С самого детства. Мама повела меня в музыкальную школу, и с тех пор я прирос к этому прекрасному инструменту. Я всю жизнь играю чужие, пусть и великие, произведения. А своих практически нет. Моя мечта написать такую композицию, которая трогала бы

до глубины души, будила чувства людей, если хочешь, даже вызывала слезы, — в этот момент Максим сделал несколько плавных движений пальцами левой руки. — Теперь твоя очередь, выкладывай.

— О, Максим, у тебя прекрасная мечта! Музыка, как ничто иное, способна повлиять на человека. Что касается меня, то моя мечта исполняется прямо в эту минуту! Раньше мне мешало осознание того, что я буду жить долго. Думала, успею почувствовать вкус существования. Сейчас же я в удовольствии ловлю каждый момент.

Оба переваривали сказанное и услышанное. Вскоре над ними нависло напряжение, и первой не выдержала Таня.

— Я хочу спать, — с явным раздражением произнесла она, — я иду уже почти сутки, не имея особой тренировки. Ты-то, мужчина, выдержишь дольше. Оставишь меня или умрешь рядом?

— Никто не умрет! — не веря в свои слова, закричал Макс. — Если ты сдашься, я понесу тебя на руках сколько смогу.

— Метров сто выдержишь, не больше, я тяжелая. — Минутная паника разрядилась смехом. — Я действительно устала, максимум, еще пару часов, — и она зарыдала.

— А ну-ка возьми себя в руки, тряпка! Высуши слезы! Мы выдержим...

Оба замолкли. Но первой снова заговорила Таня:

— Даже в гневе ты не отпустил мою руку, — произнесла она с улыбкой, — я живу в мечте, — как бы говоря это в сторону, — конечно, мы выдержим.

Уже стемнело. Петербург был позади километров в пятидесяти. Таких марш-бросков никогда в жизни из них никто не совершал.

Они не шли, а плелись, едва находя силы, чтобы передвигать ноги. Оба отлично понимали, что им еще и суток не выдержать, не то что неделю.

Для разнообразия решили изменить маршрут и свернули с трассы. Новый путь шел через лес. Иной раз было бы страшно, но сейчас уже все равно.

Из лесной гущи за ними пристально наблюдал заблудший волк. Но смотрел он на них не как на шанс насытить свой голодный желудок, а как на бесстрашных, уважаемых воинов, сражающихся до последней капли крови.

Та часть леса, где они проходили, — то замолкала, то начинала снова «болтать», обсуждая неожиданных гостей, когда люди уходили дальше.

Молодые воины шли, сохраняя молчание. Дорога пошла вверх к высокому холму. Несмотря на это, идущие ускорили шаги, как будто у них появилась конкретная цель и они старались успеть к ней.

На выходе из леса подъем стал еще круче. Показались просторы лежащих вокруг земель. Проснулся прохладный, усиливающийся ветер, придавая их телам бодрости и всячески отбивая желание уснуть на ходу.

Ребята сбросили рюкзаки, подозревая, что они им больше не понадобятся.

Вот уже из-за холма появилась заря — это солнышко с новым настроением вот-вот должно было начать очередной и такой важный день. Макс, подняв взгляд, немедля перешел на бег, потянув за собой Таню.

— Быстрее, радость моя, быстрее! Мы должны это увидеть, пусть и в последний раз!

Они бежали изо всех сил, ноги вязли, присутствовало ощущение замедленного кадра. Казалось, в это мгновение всё и все до единого на планете и за ее пределами смотрели исключительно на них.

Хотелось кричать, плакать навзрыд. Сносило голову! Буря чувств, переживаний, боли никого не щадила.

Максим и Татьяна добежали на самый верх холма. Рухнули в изнурении на колени и зарыдали то ли от страха, то ли от счастья.

Солнце начинало свой путь к восходу, озаряя лица мальчика и девочки. Они смотрели друг другу в глаза и считали удары сердца, количество которых уменьшалось с каждой секундой.

В это мгновение в глазах уже не было страха — царило нечто новое, что только предстояло узнать. Под нежность мелодии чарующего солнца и минорного ветра вокруг звучала совершенная композиция.

Настал момент под названием «Можно!», и их губы восторженно соприкоснулись.

Сердца, которые только-только собирались остановиться, забились снова, с еще большей жизненной силой, и не собирались больше останавливаться.

Человек, наблюдавший за ними в бинокль издалека, напротив строки «лекарство для излечения патологии» написал слово — ЛЮБОВЬ.

МАРИЯ ПЕРВУШИНА
Российская Федерация, г. Пермь

Тишина и я

Глава первая

Она стучится, а я как раз натягиваю штаны. Пока ремень не приходится на свое место, она все более нетерпеливо отбивает ритм своей маленькой костяшкой. Опять не пошла на работу, по-видимому. Конечно, если существует такая работа, на которую она могла бы пойти. Еще в начале нашего знакомства я спросил довольно прямо об ее занятии. Она рассеянно махнула рукой, думая, возможно, совершенно о другом, и сказала: «Там... Неважно». И я понял, что вытянуть из нее больше информации будет сложно.

Открываю дверь, она входит, смотрит на меня, голого по пояс, и бесцветным голосом говорит: «Опять тебе к десяти?» Притворяется, конечно. Мне всегда к десяти. Но я молчу, потому что понимаю — она опять закинулась. Другого повода быть не может. Интересуюсь, что сегодня было в ее меню.

По привычке она садится на диван в большой комнате и начинает говорить. Я в это время надеваю рубашку, умываюсь и готовлю кофе. А она говорит, и ее слышно везде — на кухне, в ванной. Она не обижается, если я не сажусь с ней рядом. Я даже мог бы подойти к окну и сесть на подоконник, глядя на серый город, на серое небо.

«У Ховарда словно механизм в голове, который выдает безупречные кадры», — говорит она, а я сижу напротив и пью кофе. Сегодня она чем-то расстроена. Это видно даже по тому, с чего начинается ее рассказ — с постановки камеры и цветокоррекции. Почти каждая ее пауза сопровождается тяжелым выдохом. Она как-то сказала, что нуждается в доле печали, поэтому могу предположить, что нынешнее состояние доставляет ей удовольствие. Можно ли узнать об этом, слушая ее?

«Я всегда хочу увидеть откровение в кино, а мне то и дело норовят подсунуть билет на “американские горки”». Неосознанно смотрю на настенные часы — она это замечает. Сейчас примет на свой счет. «Извини, что задерживаю тебя», — говорит она тонким голосом и опускает голову, будто раскаиваясь, а на самом деле просто злится. Я спешу оправдаться, но напоминаю, что до моего выхода осталось пять минут. Она кивает и продолжает свой рассказ. В голосе — остатки обиды. Мне действительно не стоило об этом напоминать — она хорошо знает мой распорядок дня.

Мы знакомы, кажется, полгода. Но я слушаю ее мелодичный голос слишком долго. Слишком долго для простых знакомых.

Поначалу я, конечно, относился к ней как к любой другой симпатичной соседке по лестничной клетке. Ошибочно полагая, что каждый вечер она приходит в мою квартиру лишь для того, чтобы увидеть меня, я старался произвести на нее впечатление. Где-то привирал, где-то недоговаривал, но очень скоро понял, что ни мои разглагольствования, ни мои умалчивания не имеют для нее никакой разницы. Она либо отрешенно кивала, либо пристально смотрела мне в глаза, ни разу в них не заглянув. Постепенно я перестал разговаривать с ней вообще и с удивлением обнаружил, что не только ей, но и мне это очень нравится. До этого открытия я все время на что-то надеялся — пытался угостить ее пивом, уговаривал прогуляться и даже пригласил в кино, о чем сразу же пожалел. Она разозлилась так сильно, что в первые секунды не могла сказать ни слова, а только беззвучно шевелила ртом, как выброшенная на берег рыба. Потом же последовала убедительная тирада из ста причин «почему я не хожу в кино».

Однако я решился еще на один шаг. Хотя я не назвал бы это шагом. Скорее это было событие, случайное до определенной степени. Дело в том, что на работе я познакомился с Раей. Она мне нравилась. По большей мере из-за того, что не имела на меня никаких планов, обычно появляющихся у девушек ее возраста. Мы посидели в баре, выпили и отправились ко мне домой, где меня ждала моя киноманьячка (она всегда ждала меня после работы). И вот мы зашли в подъезд — я попросил Раю не шуметь, она громко согласилась, — потом открыл дверь своей квартиры и с силой захлопнул ее. Налил девушке добавки и пытался поцеловать в шею, одновременно напрягая слух. Через минут пять, когда я уже немного расстроился, в дверь постучали.

Оторвав от себя Раю, поспешил открыть. Соседка внимательно смотрела на меня, видимо, соотнеся странные звуки в подъезде и мой поздний приход. «Ты пьян?» — спросила она серьезно. Я соврал на вся-

кий случай. Тут Рая из дальнего угла комнаты что-то пропищала. Я смотрел на соседку во все глаза, но она словно этого не замечала, словно и думать не думала, что для меня этот момент очень много значил. Она чуть заметно скривилась, глядя перед собой, и, повернувшись, затопала к себе в квартиру. Я еще немного постоял в двери, размышляя. Она пришла на следующий день, не изменившись ни в голосе, ни в лице, ни в жестах. Абсолютно обычная.

Таким образом, между нами очень скоро все стало предельно ясно. Я ничего не ждал. Она не существовала, пока не входила в комнату. Как будто меня все время отвлекали более важные вещи, неотложные дела, но штука была в том, что никаких дел не было.

Она уже заканчивает свой рассказ — я замечаю знакомые нотки вывода. Она всегда говорит выразительно, только не для того, чтобы слушателю было интересно, не для меня. Она словно считывает свои впечатления из памяти. Как ни посмотрю — ее взгляд всегда устремлен внутрь. Но в то же время от нее не может ускользнуть ни одна деталь, касающаяся моего расположения к ней. Я наблюдаю, как она, ухватив мою эмоцию, сравнивает ее с той, которая ей ненавистна и которую она боится, и, не найдя сходства, с пренебрежением отбрасывает. Если бы мне все это надоело, она бы догадалась об этом раньше меня.

Поднявшись с дивана, благодарит за то, что я ее выслушал. Сдержанно улыбаясь, закрываю за ней дверь. В комнате остаются еле уловимый запах шампуня, сложенные друг на друга диванные подушки и — молчание.

Я добираюсь до места работы на автобусе за десять минут. Еще пять минут — страховочные, для непредвиденных событий, которые могут случиться по дороге. Сегодня, как и примерно в девяноста восьми процентах случаев, ничего непредвиденного не происходит, поэтому я появляюсь на работе на пять минут раньше. Сидя в своей кабине и дожидаясь десяти, наблюдаю за постепенно подтягивающимися коллегами, которые приходят сюда выполнять точно такую же работу, что и я. Смотрю на часы — минутная стрелка уже подошла на нужное место, но секундная — нет. Во время трех последних движений этой маленькой и тонкой стрелки гулкие удары моего сердца заглушают все звуки вокруг.

В обеденный перерыв спускаюсь в столовую и делаю свой обычный заказ. Ко мне подсаживается молодой парень в очках и безупречно выглаженной рубашке. Он аккуратно раскладывает сдачу в небольшой кошелек — монеты в один отдел, бумажки в другой, и говорит мне, что отлично провел выходные. Я вспоминаю, что в нашем отделе он сидит на две перегородки правее меня. Хотя, возможно, левее.

«Я ездил вчера на горнолыжную базу. Катался на лыжах», — рассказывает он, а я не мешаю, ем. «Замерз ужасно, но покатался классно. О, в рифму. Ха-ха. И там был подъемник». Парень режет котлету сильными и короткими рывками, при этом часто поднимает на меня глаза — ему не терпится о чем-то рассказать. «Ты был когда-нибудь на горнолыжной базе? Там бывают подъемники». Я согласен, киваю. «Этим подъемником управляет человек, который сидит в кабине с окнами и большой оранжевой кнопкой». Тут парень наклоняется ко мне и радостно, как ребенок, сообщает: «Я за ним проследил. Он сидит там для того, чтобы изменять скорость подъемника с помощью только этой

оранжевой кнопки. Представляешь? Кто-нибудь, поднимаясь, навернется — и этот человек нажмет на кнопку. У него должна быть хорошая реакция, как считаешь?» Я решительно не понимаю, что этот парень хочет от меня услышать. «Управлять подъемником — вот такую заимел мечту». Я не выдерживаю и спрашиваю у него, что же в этом хорошего, а он отвечает: «Никаких отсчетов, звонков и этих голых стен... Да, особенно голых стен. Небо, снег и эта кнопка...» Он блаженно улыбается, но потом вздрагивает и добавляет: «Мне кто-то говорил, что у меня хорошая реакция, а ты как считаешь?»

Я спрашиваю, сможет ли такое занятие обеспечить ему безбедное существование, и где он должен находиться, чтобы выполнять эту работу круглый год. Парень реагирует крайне раздраженно, будто я сказал, что его темно-синий галстук не подходит к его темно-синим брюкам. И говорит, что я, видимо, не знаю определения слова «мечта» и, вероятно, увяз в своей картонной кабине настолько крепко, что не хочу провести выходные с коллегами по отделу, приобщаясь к коллективному духу. Который, между прочим, имеет непосредственное влияние на эффективность работы отдела в целом, что включает в себя творческий подход к выполнению поставленных перед отделом задач и чего в данный момент так не хватает.

Я однажды серьезно задумался на тему творческого подхода, у меня была одна идея. Писать ежедневные отчеты на разноцветной бумаге, потом складывать их в самолетики и запускать в отдел управления.

Но я не решаюсь озвучивать задумку — парень, судя по всему, не готов к масштабным переворотам.

Он принимает мое молчание за результат своего убеждения. И с высоты мнимого превосходства жалеет меня, говорит, что именно на таких, как мы, и держится наша компания, что мы — те самые кирпичики, которые, объединившись, могут поднять все здание на недосягаемую высоту, — и прочую фигню. Я бы послал его, но представил, сколько еще моих коллег мечтают об оранжевой кнопке и обдумывают идеи творческого подхода одновременно. Мне не одолеть эту ватагу одному и за один присест.

Наконец он тщательно вытирает салфеткой рот, удовлетворенный, поднимается со стула, похлопывает меня по плечу, как старого друга, из-за чего я чувствую себя участником ужасно наигранной сцены, и уходит. Я доедаю свой обед.

Почему он подошел именно ко мне? Кто добрался до оранжевой кнопки? Я захожу в продуктовый магазин после работы, беру там овощей и немного мяса. Придя домой, готовлю ужин и ем под ее рассказ о фильме Вуди Аллена тысяча девятьсот семьдесят пятого года.

Глава, в которой ко мне приезжает брат и говорит, что хотел бы остаться здесь на несколько дней

Мы сидим в большой комнате. Я подсчитываю свои финансы и соотношу их с потребностью в новом телефоне, а она говорит, как идут Бену Аффлеку роли недалеких, но чувствительных парней. Иногда я смотрю на нее, чтобы понять, нравится ей фильм или нет, и вдруг начинаю жалеть ее. Ведь она могла бы быть кем-то. Или с кем-то. Не знаю, что для нее важнее.

Неожиданностью для нас обоих становится звонок в дверь. Он дребезжит так пронзительно и неистово, словно уже знает, как мы с ней относимся к звонкам в такое время, и ему хочется довести нас до исступления. Или до отупения. По крайней мере, именно так я смотрю на своего старшего брата, с ухмылкой стоящего в дверях, — тупо.

«Здор-рово!» — жизнерадостно кричит он, как всегда не подозревая о том, что кому-то, может быть, совсем не жизнерадостно от его появления. Зайдя в прихожую и кидая на пол две большие сумки, он крепко и долго жмет мою руку, и я понимаю, что вынужден буду исполнить все его просьбы. Стянув куртку с широких плеч и повесив ее на крючок, он традиционно рассказывает о том, как доехал, какая была погода и чем родители решили заменить пароварку. Я в это время пытаюсь спиной скрыть от глаз брата присутствие соседки. Априори бессмысленное занятие — когда родители баловали нас шоколадками, он быстро съедал свою, а потом с настырностью бойцовой собаки находил мою и делал с ней то же самое.

«У тебя девушка?» — тихо спрашивает он, глядя вперед, шагнув в направлении большой комнаты. Из меня вдруг вырывается «Не трогай ее!» шепотом высокой частоты, которую мой басистый брат справедливо не распознает. Мы вместе заходим в комнату — она сидит на диване вытянутой струною, готовая в любую секунду встать и уйти, хотя до этого лежала головой на подушках и уходить никуда не собиралась.

«Как зовут столь прелестное создание?» — спрашивает брат и, не отводя от создания взгляда, садится в ближайшее кресло. «Кристина», — настороженно отвечает она. Ей не идет это имя. Он здоровается, до безобразия слащаво улыбаясь, и я представляю его вымазанный в шоколаде рот. Соседка смотрит на меня сначала с упреком, а вскоре — с гневом. Глазами прошу ее еще немного потерпеть. Брат спрашивает, где она работает, — молчание. «Ты у меня всегда скрытным был, братишка. Неужели и женщины такими бывают?» — хитро протягивает он, ухмыляясь. Она не выдерживает и встает, одаривая меня испепеляющим взглядом. «Извини, Кристин, глупость сказал, — присядь, пожалуйста», — говорит он нежно. Она еще зачем-то ему нужна. «Извините меня, ради бога — может, вы о чем-то до меня говорили? А я пришел так некстати, прервал вас? Пожалуйста, продолжайте, не обращайте на меня внимания... Хочу стать вашим другом». О, я знаю его приемы, знаю эту его улыбку — для непросвещенных она может показаться искренней, но не для меня. У этого, в принципе неплохого человека, есть одна нехорошая особенность — все, что я имею, что меня окружает и чем я горжусь, он может превратить в ничто. Всякий раз, выполняя эти превращения, он оставляет меня с грудой развалин. Поэтому я говорю ей, я пытаюсь: «Мой брат устал после долгой дороги. Не думаю, что он сможет выслушать твой рассказ».

Но я не успеваю. Она уже решительно декламирует: «“Город воров”. Две тысячи десятый год. Режиссер — Бен Аффлек». Брат говорит, что не знает о таком фильме, подпирает голову рукой и готовится слушать, и смотрит на нее внимательно. Я никогда так на нее не смотрел. Где же ее сознательность? Разве не она мне говорила «ненавижу людей»? Корю себя за то, что сам подтолкнул ее в лапы своего брата. Он просит поставить чайник — я иду на кухню.

Слышу, как она говорит что-то про экранизации и оригинальные сценарии — но это так, вводное слово. Уверен, в этот момент брат

глубокомысленно кивает, показывая, что знает про это если не все, то многое. Прихожу к ним в комнату и раздумываю, чем бы еще заняться, чтобы не видеть брата, а он говорит: «Садись, что как не у себя дома». Вот именно — я не у себя дома, даже сажусь только по его приказу.

Она упоминает предыдущие актерские работы Аффлека, и до меня, наконец, доходит, что фильм ей не понравился. Задевая закрученный сюжет лишь моментами, она рассказывает о достоинствах фильма поверхностно, а в недостатки вгрызается подробнейше. Чем дольше она говорит, тем больше замечаю за братом сосредоточение, которое впоследствии выливается в «Так я же его смотрел!». Она, испуганная выкриком, ждет, что будет дальше, а он в порыве чувств распространяется: «Я же названия-то не запоминаю, а вот ты начала про этих бандюганов в “адидасе” рассказывать, я и вспомнил, что смотрел! Крутой фильм, про реальных мужиков!»

Она, тем не менее, продолжает говорить, нелестно выражаясь о теме, выбранной режиссером. «Чем тебе не понравилась эта тема?» — спрашивает брат, уже с претензией. Ей неприятно, что ее перебили, но она отвечает: «Вы смотрели фильм “Умница Уилл Хантинг”?» Конечно, нет. «Эта тема вторична, она меня не задевает», — даже сейчас, когда собеседник нашелся, она осторожно выбирает выражения.

«То есть, ты сыта по горло темой о парнях, у которых нет выбора?» Она нервничает. Она не привыкла пускаться в полемику, ей неприятна эмоциональная планка, которую поднял мой брат. Завязывая узлом бахрому диванных подушек и тут же ее развязывая, она тихо говорит, что фильм неровен, что романтические сцены не сочетаются со сценами тупого насилия — где-то должен быть пафос, и он есть. «Да что ты можешь знать о мужской дружбе? Когда брат на брата!..» — он уже кричит, с него спала маска, и я почти доволен. «Извините! — вставляет она с присущей ей холодностью. — Хотелось бы знать, какой ваш любимый фильм!» Брат замолкает, раздумывает пару секунд и самозабвенно выдает: «Аватар!»

Я слышу ее смех — или он только почудился мне. Во всяком случае, лицо ее смеется. Она еще ничего не говорит, но, руку даю на отсечение, брат уже двадцать раз пожалел, что пошел на поводу у эмоций. «Тогда нам не о чем больше говорить», — ставит она точку, имея на то законное право. Встает, бросает через плечо прощание (я не понимаю, предназначается ли оно и мне тоже) и уходит, закрыв за собой дверь.

Мы сидим на своих местах и смотрим друг на друга. Брат довольно быстро очухивается и говорит слова, которые могут его реабилитировать, но я ликую. Он замечает это, чувствует мое вдохновение. И тут происходит поистине удивительная и беспрецедентная вещь — он встает, наклоняется ко мне и с каким-то отеческим состраданием говорит: «Давно ты был у бабушки? Я вот на днях заезжал. Ничего, бегает еще, правда, видит совсем плохо». Я вставляю, что был недавно, месяца два назад, и если он хочет упрекнуть меня в чем-то, то пусть выбирает другого члена семьи, а он мотает головой и продолжает: «Она сидит, бывало, и рассказывает о своей молодости, вообще о немыслимых вещах, а ты слушаешь и не можешь поверить, что это происходило с ней». Я говорю, что да, бывает. А брат: «У меня ощущение, что твоя Кристина — это наша бабушка».

На кухне чайник закипает.

Глава, в которой я убеждаюсь, что можно мыть посуду и находиться в центре невероятных событий одновременно

Она приходит на следующий день, вечером. Переступив порог, долго высматривает признаки присутствия брата, но ничего подобного не находит.

«Где он?» — спрашивает меня, а я отвечаю, что уехал, и ухожу на кухню. Мою посуду, жду, когда она доберется до большой комнаты и начнет рассказывать об очередном фильме, но этого почему-то долго не происходит. Я уже подумываю о ее незаметном уходе, но скоро слышу: «Я хотела поговорить с твоим братом...» Повернувшись спиной к умывальнику, вижу ее прямо у кухонной стойки. «Я могу передать ему все твои слова», — говорю не без удивления. Она мнется, смотрит в пол, потом — на меня, на мои руки в пене, оценивает и: «Тогда передай ему, пожалуйста, извинения по поводу моего вчерашнего поведения». Киваю, немного жду чего-то, потом поворачиваюсь к тарелкам. Но не успеваю домыть и одной, как она опять говорит: «Он оставался на ночь? Я видела сумки, когда уходила вчера». И тут я понимаю, что между нами может завязаться самый настоящий диалог.

Диалог

— Да, на ночь.

— Что он про меня говорил?

— Что ты похожа на нашу бабушку.

— В смысле одной ногой в могиле?

— Может быть. Почему не садишься на диван?

— Я больше не хочу сидеть на этом диване. Когда я в последний раз на нем сидела, надо мной пытались надругаться.

— Не знал, что ты такая чувствительная.

— Ха... Еле сдерживаюсь, чтобы не привести пример из кино.

— К чему такие жертвы?

— Не придуривайся, пожалуйста.

— Я правда не понимаю, почему ты это затеяла.

— Тебе не нравится?

— С тобой сегодня явно что-то странное творится.

— Так. Давай просто забудем обо всем, что было с нами до этого момента.

Вот это поворот.

— Хорошо. Это игра?

— Можешь считать это экспериментом.

Я киваю. Она опускает голову, проводит пальцем по поверхности стойки, поднимает голову и говорит в совершенно не свойственной ей манере:

— Как дела?

— Нормально.

Я заканчиваю мыть посуду, вытираю руки о штаны. Вижу, как она кусает губу. Наконец не выдерживает:

— Ты не хочешь мне помочь?

— Я не знаю твоего плана.

— Нет никакого плана. Ты не понимаешь? Я зашла сюда в первый раз, меня зовут Кристина, и я спрашиваю, как твои дела.

— Нормально.

Она кривит лицо. Я думаю о том, на сколько ее хватит.

— Как работа? — спрашивает она.

— Хорошо.

Ей кажется, что я издеваюсь, но я действительно не знаю, о чем можно поговорить.

— Почему ты не спрашиваешь у меня?

— Что не спрашиваю?

— Как моя работа. Это же всех интересует.

— Ладно. Как твоя работа?

— Отлично. Я бы могла дать более полный ответ, но, видимо, у вас это не принято.

— У кого это у вас?

Да, теперь я издеваюсь.

— Хочешь знать, что я о тебе думаю?

— Ты все-таки решила выйти за нормы принятого?

Она облокачивается на стол и, глядя на меня в упор, говорит:

— Я думаю, ты — обычная офисная крыса. Даже не крыса, а хомячок, который до сих пор боится старшего брата и не имеет ни малейшего представления о том, как нужно общаться с девушками. Я приходила сюда только потому, что чувствовала себя здесь в безопасности, потому что сразу поняла — ты вытерпишь кого угодно. Не станешь спорить или оригинальничать. Да что я говорю — даже не выгонишь меня сейчас, после всего услышанного!.. Вчера я узнала, как сильно ты можешь прогнуться под обстоятельства... А еще я узнала, что... в общем... я, конечно, и до этого догадывалась... но вчера, при разговоре с твоим братом... Это так пафосно звучит в моей голове... Короче, моя гордость не позволяет мне этого озвучить. Зато позволяет сказать вот это... Помоги мне. Может, не все еще потеряно ни у меня, ни у тебя... Я не хочу стоять одной ногой в могиле.

Между нами повисает тишина. Но она не тяжелая, не такая, как будто связующая нить между людьми оборвалась или потерялась. Бывает, слово забываешь или целую фразу, и — тишина, но не эта, нет. Еще когда она мне рассказывала о фильмах и прерывалась ненадолго, я тоже останавливался вдруг — может, что-то случилось, может, о чем-то важном сказала и ждет моего ответа, а ведь я всегда был к этому готов — такая еще была тишина, что сердце замирало. Так вот, это уже похожая, но все равно не та. Нынешнюю я и не заметил вовсе, потому что всю потратил. Несмотря на испытанное мною острое чувство несправедливости, я обдумывал свой ответ, зная, что он будет иметь очень большую ценность в моей жизни.

— Нужно начать с малого, я считаю.

Она, не мигая:

— С чего?

И я такой:

— Пошли в кино.

Конец первого диалога.

Глава историй

Она приходит ко мне в три часа, как и договаривались. Впервые вижу на ней выходную одежду. Она немного накрасилась и выглядит не то чтобы лучше, а как-то приготовленнее. Волосы уложены, а мне больше нравились распущенные, но я, конечно, не говорю ей об этом. Вообще стараюсь не упоминать ее внешний вид — понимаю, что для нее это и без того большой шаг. Но точный размер шага я определяю только на выходе из дома — «Последний раз я так наряжалась, когда шла оформлять договор о приеме на работу». Я спрашиваю, как давно она работает там, куда ходила оформлять договор, и она рассказывает. Рассказывает мне все, пока мы едем четырнадцать остановок на автобусе. Что начала писать кино-рецензии в газету «Грани города», как только окончила университет по специальности «Прикладная геодезия», то есть два года назад. Газету эту выбрала потому, что редакторам было все равно, о каких фильмах публиковать статьи. В то время как для большинства издательств очень важно заинтересовать читателя мнением о новинке, которая идет в кинотеатрах. Платят ей совсем немного, но она приноровилась и пишет теперь по несколько рецензий в день. И приходила она ко мне как раз для того, чтобы поразмышлять о фильме, прежде чем перенести мысли на бумагу.

Потом я задаю ей много вопросов — «почему после университета ты выбирала газеты, а не какие-нибудь строительные компании?», «почему не стала смотреть новинки, чтобы больше зарабатывать?», «зачем вообще окончила университет?», и она отвечает на все словами «мне так захотелось». Говорит, что всегда была верна своему внутреннему голосу.

Я интересуюсь, как же она поняла, что хочет посвятить свою жизнь кино, и тут она излагает свою историю.

История одного киноманьяка.

— Все началось в университете, на втором курсе. Наш факультет характеризовался как технический, но в нем училось гораздо больше творческих людей, чем можно было себе представить. Группы, которые они создавали, для многих являлись единственными отдушинами. Я столкнулась с одной из них совершенно случайно — проходила мимо аудитории, где устраивались собрания. И остановилась у открытой двери, потому что услышала одну короткую фразу — «Жизнь имитирует искусство». Мне стало не по себе, я не могла соотнести окружающий меня бесконечный коридор, чьи стены выкрашены в стандартный тускло-голубой цвет, и эти слова, произнесенные в порыве чувств. Встав у двери таким образом, чтобы сидящие не могли меня видеть, начала прислушиваться.

Я определила, что они говорят о фильмах, только через некоторое время, поскольку не была знакома ни с одним из названных. Помню, меня поразило, как серьезно они относились к теме разговора. Кино в буквальном смысле влияло на их жизни. Я простояла, прислонившись к стене и прижав тетрадки к груди, около получаса, а на следующий день подошла к парню, который произнес ту знаковую для меня фразу, и попросилась к ним. Он быстро согласился взять меня на следующее собрание и заодно поинтересовался моими знаниями о кино. Признавая свою несостоятельность, я смущенно «разложила» перед ним все свои пожитки, а он не только не удивился, но даже решил помочь.

Вскоре во мне родилась настоящая страсть к фильмам. Она была настолько сильной, что распространилась и на моего проводника. Да, мы были вместе, но я постоянно спрашивала его: «Сколько еще фильмов мы должны посмотреть, чтобы не надоесть друг другу?» А он убеждал меня, что это не важно. Люди спят друг с другом и любят лето. Спят друг с другом и любят мороженое. Спят друг с другом и любят говорить о политике. А мы спим друг с другом и любим кино.

Примерно через год он изменил мне с фанаткой Дэвида Кроненберга. А мне не нравился ни один фильм этого режиссера. Я, конечно, понимала, что о вкусах не спорят, но меня интересовал вопрос: что он в нем нашел? Потом была любительница фильмов ужасов, и я сразу спросила, чье творчество она предпочитает — может, Карпентера или Ромеро, — но она не знала этих имен! А это все равно что филолог не знал бы о Пушкине, а политолог — о Марксе! Я продолжала разочаровываться в своем друге. Последней каплей стал наш спор о российском кинематографе. Он яро отказывался в него верить, вообще отрекался от принадлежности к своей стране, игнорируя ее и презирая. Я же — надеялась, зная, что выгляжу как полная дурочка. Поэтому можно сказать, что наши отношения не перенесли национального конфликта.

После университета я устроилась на работу и поселилась в старом районе города, в доме у Южного парка. Ну, ты ведь примерно представляешь, где это. Там у меня тоже был сосед, к которому я наведывалась каждый день. Не особо искушенный в вопросе о кино, он, тем не менее, вел со мной диалоги, порой выдавая оригинальные мысли. Помогал мне писать. Но спустя полтора года мое присутствие все-таки стало для него невыносимым, и он заменил меня собакой, с которой мог гулять по парку. То есть я была для него домашним животным, понимаешь? Вот ты сидишь дома один, работаешь, или смотришь телевизор, или ужинаешь, и в какой-то момент тебе становится не то чтобы одиноко, а просто страшно от мысли, что, кроме тебя, на свете никого нет. И вдруг твой пес, или кошка, или крыса зашуршат пакетом, или опрокинут чашку с водой, или просто дернутся во сне — и твой страх уже прошел, и ты — почти счастлив. Я не знала об этом, когда, обозленная, переезжала сюда. А здесь узнала.

— Ты завела кошку?

— Нет. Познакомилась с тобой.

Конец истории одного киноманьяка.

История одного бухгалтера.

— А я работаю бухгалтером.

— Я догадывалась. А кем ты хотел стать?

— В смысле? Я уж не помню...

— Как печально звучит...

— Я хотел стать футболистом.

Остановки заканчиваются — нам нужно выходить.

Конец истории одного бухгалтера.

Глава пятая

Мы выходим из автобуса, я смотрю на часы и не верю своим глазам. В панике спрашиваю, сколько на ее часах, и мои опасения подтверждаются. Вспоминаю, что по пути мы стояли в пробке, а я за

рассказом не придал этому значения. Восклицаю: «Мои страховочные пять минут!» — и взяв ее за руку, резко тяну в направлении кинотеатра. Она спрашивает, сильно ли мы опаздываем, и я кричу ей, что очень. Мы мчимся по улице, мой красный шарф трепыхается перед лицом подобно флагу, а сзади тяжело дышит она. Мы стоим на светофоре. Бежим со всех ног по пешеходному переходу, пробираемся через лабиринт толпы, она прерывисто кричит мне, что не надо, что не хочет больше бежать, что оно того не стоит, а я кричу, чтобы она не останавливалась. Зеленый никак не загорается. Мы поднимаемся по рабочему эскалатору, как по нерабочему, на второй этаж. Я покупаю билеты, отдаю один ей, оставляю сдачу на кассе, а когда, раскрасневшиеся и запыхавшиеся, наконец подбегаем к входу в кинозал, обнаруживаем его закрытым.

Я облегченно вздыхаю: «Успели!», а она смотрит то на билет, то на часы, и ее лицо вытягивается. «Успели? — она говорит. — Да мы, блин, первые!» Я не понимаю, что в этом плохого, а она начинает смеяться. Потом садится на рядом стоящую скамейку и смеется там. Я пытаюсь доказать, как важно прийти первыми, что однажды в зал начали запускать за пятнадцать минут до фильма, а как-то раз вообще не стали показывать рекламу, а сразу пустили фильм, но это ее еще больше веселит. Не сказал бы, что мне было неприятно слышать ее звонкий откровенный смех.

Мы входим в зал и усаживаемся на свои места. Я вижу, как она нервничает, как беспокойно оглядывается на приходящих зрителей.

— Почему так много народу? А? Что за фильм такой — «“Задание 34”?» — спрашивает она, а я отвечаю, что это боевик с Джейсоном Стэйтемом в главной роли, но мой голос перекрывают громкие звуки начавшейся рекламы.

— С кем? — кричит она.

— Со Стэйтемом!

Когда яркие блики экрана падают на ее лицо, я вижу выражение «Что за фигня?» на языке мимики.

— Ты специально держал это в тайне?

— Да!

Она смотрит на меня большими глазами, сдерживаясь, чтобы не сказать что-то гадкое.

— Что? — кричу я серьезно.

— Ничего! Хорошо, что ты платил, — говорит она, и я понимаю, что начинаю ей нравиться.

Первые пятнадцать минут она то и дело меняет свое положение на мягком кресле. Затем, осознав всю неизбежность происходящего, спрашивает меня цинично, позевывая: «Героя Стэйтема уже хотят убить?» Я киваю. «Чудесненько», — реагирует она и, наконец, поднимает глаза на экран. Через некоторое время начинаются драки, я с интересом за ними наблюдаю, а она язвительно замечает: «Пока это единственное место, где нет халтуры». А когда в фильме появляется красивая девушка, прогнозирует: «Он с ней переспит». В сцене, где лучший друг героя желает ему удачи и машет на прощание рукой, усмехается: «Да он же и есть предатель». А при изображении полицейских, сидящих в машине, возмущается: «Где хот-доги и кофе? Почему второй тоже белый?» Я спрашиваю, неужели она никогда не позволяет себе расслабиться, а она отвечает, что обычно делает это в ванне и что она не

одна такая — режиссеры подобных фильмов именно там придумывают свои сюжетцы. Играет энергичная музыка — герой сломя голову мчится на крутой машине и сбивает указатели, а я спрашиваю, думала ли она когда-нибудь о такой жизни. Посмотрев мне в глаза, еле слышно отвечает: «Думала. Но она не для таких, как мы».

За последним эффектным кадром идут музыкальные титры — мы покидаем зал. По пути я замечаю за ней странное воодушевление — она идет пружинистой походкой, подтанцовывая.

— Неужели терапия Стэйтемом помогла?

Она не отвечает, лишь подергивает плечиком в такт. Выйдя в коридор, заявляет:

— Ты выбрал отличный фильм. Как раз хотела ненадолго забыть об искусстве.

— Чувствую себя медбратом.

— Почему это?

— Вывел почти безнадежную пациентку на прогулку.

Она улыбается: «Но я пока не видела ни деревьев, ни травы, а только Джейсона Стэйтема». — «Будет тебе трава, только потише об этом», — говорю я. Мы выходим из кинотеатра, а на улице уже темно, и морозно, и фонари постепенно загораются. Северный ветер крепчает, под подошвами ботинок хрустит свежий снег, а над головой повисают звезды, — все как всегда, но она идет и радуется. «Как будто все это — для меня», — вздыхает она. А потом поворачивает голову и понимает, что для нас.

ТАТЬЯНА ЗАХАРЕНКО
Республика Беларусь, г. Минск

Кара небесная

— Арсентьевна, хватит! Я не могу больше задерживать товарищей уполномоченных. И так уже две недели вожу их вокруг да около. Глядишь, донесут куда надо, — тут Мишка перешел на шепот, — полетять шапки с голов наших, моей и Казимирыча. Завтра мы придем.

— Так, Мишка, Лексей-то в бреду лежит! Куда мы с ним таким поедем? Куда? — отчаянно завыла Арсентьевна.

— Может, вступишь в колхоз, а? Уж я как-нибудь улажу.

— Да ты что! — ошарашенно вскрикнула Арсентьевна, а если точнее — Светлана Арсентьевна Дерягина. — Лексей против колхозу. Не бывать тому, чтоб я мужу перечила. Как он сказал, так и будет. И даже если он не понимает, что творится вокруг.

— Ай, дура! Вышлют же! Лексей и так помирает!

— Не помирает Лексей! Не пойду в колхоз. Иди вон, Мишка. Видеть тебя не хочу.

Мишка сплюнул.

— Ладно... Увидимся завтра. Скотину хоть прирежь, совет мой тебе.

— Разберусь. Прощевай.

Он молча ушел, и осталась Арсентьевна одна на крыльце. Причудливо выписывал узоры ледяной ветер, обретая форму при помощи летящего снега. Светлана прошла в дом. Керосиновая лампа дарила мало света. Однако горел он хотя и тускло, но обнадеживающе. «Скотину и впрямь лучше прирезать... — подкмала она. — Лексея положим в сани, авось выживет, детей подле себя посажу. Ах, покажу я вам всем, ироды!» — пригрозила неизвестно кому кулаком. Хотя отчего же неизвестно? Власти большевистской пригрозила, им, родимым, всем до единого, придумавшим проклятую коллективизацию. Беззвучно заплакала Арсентьевна, прилегла на лавку да так там и заснула.

На дворе была зима. Три недели назад Лексей отправился на охоту и неожиданно получил вместо добычи воспаление легких. Крепкий мужчина двухметрового роста до этого всегда отличался богатырским здоровьем. На восточном фронте самой известной мясорубки дореволюционного времени санитарные повозки российского войска и знать не знали рядового Дерягина. Судьба Лексея не торопила отдавать жизнь за царя. А вот год одна тысяча девятьсот семнадцатый изменил жизнь не только всей державы, но и бравого рядового. Аккурат во время февральского переворота и отняли ногу доктору аж до колена. Немецкий пулемет, брат, это тебе не шутки. Тогда и отбыл домой солдат, но пыла не растерял, работал за троих. Ну, так как же Лексей подхватил это окаянное воспаление, которое в итоге... Но не будем забегать вперед.

Советскую власть умный и дальновидный крестьянин принял неохотно, но виду не подал. Помещиком их был Иван Алексеев, а в лихом восемнадцатом году его расстреляли. Так и перешел кусок земли Лексею. Светлана ждала его во время войны, почти до тридцати лет в девках сидела. И дождалась, черт возьми, дождалась! Хотя и сватались к ней многие, в том числе и Мишка. И вот, казалось, зажили, наладили хозяйство. Однако Дерягин не верил большевикам и обреченным голосом шептал по ночам Светлане: «Не верю я им, Арсентьевна, наобещали много, вроде дали свободным воздухом подышать, а неспокойно мне. Чую, заберут все, как в гражданку забирали... А я, я же как проклятый пашу!»

А потом — «кулак». Вот те на! Лексей-то? Да «кулак»? Враг советской власти? Не может быть! Вы что-то путаете!

Несмотря на, казалось бы, крепкую дружбу с односельчанами, был он в родной деревне как бельмо на глазу. Душила людей зависть, близкая подруга предательства и слепой ненависти. Подошла пора коллективизации, и Лексей наотрез отказался вступать в колхоз. Уж как ни умоляла его жена, не согласился. Стучал кулаком по столу и яростно кричал: «Чтоб я да в колхоз? Чтоб моими лошадьми землю боронил этот нищий Ярошкин? Ивановы? Веревкина со своим ленивым отродьем? Пока жив буду, не пойду!» — уперся Лексей. Поначалу ситуацию пытался уладить Мишка Скоробогатый, тот самый, который сватался к Светлане. Годы шли, а он так и не женился. Все знали, что любил он Арсентьевну ничуть не меньше, чем раньше. И почти все бабы на деревне тайно завидовали: ишь ты, почти сорок ей, а уха-

жер до сих есть! Лексей не ревновал, кажется, даже был рад такому удивительному помощнику. Поначалу как-то умудрялась их семья не попадать в черные списки. А потом уж приехали товарищи из города. «Двадцатипятитысячники».

На весь район было их двенадцать человек, как апостолов. Апостолов, абсолютно ничего не смыслящих в сельском быте и, между нами говоря, в деревне оказавшихся чуть ли не первый раз в жизни. Но все они, все до единого, рвались помочь крестьянству, опьяненные пропагандистским энтузиазмом и желанием как можно быстрей привести партийный корабль к заветной мечте — коммунизму. «Кулаков» извольте выкинуть с нашего судна, так сказать, очистить его от нежелательных элементов! Лексей Дерягин, до того, как счастливый случай распорядился его судьбой и заставил слечь и забыться в сладостном бреду, даже и не предполагал, что товарищи уполномоченные из города скоро прибудут в их деревню. А посему от колхоза воинственно отрекался.

А уж когда вышел он из игры, побежала Арсентьевна к Мишке Скоробогатому и взмолилась, чтобы к ним «двадцатипятитысячники» пришли в последнюю очередь. Ведь Мишка был председателем колхоза. Тот обещался помочь, по причине, известной всей деревне.

Но подошел срок семьи Дерягиных, и даже Мишка, так рьяно оберегавший свою возлюбленную, решил, что собственная жизнь и свобода ему важней, чем жизнь и свобода другого человека. Председатель просто умыл руки и ушел, оставив Светлану в одиночку противостоять машине раскулачивания.

* * *

О, это была волшебная ночь! Сугробы были белоснежными, воздух — пронзительно морозным, а небо... Доведется ли нам увидеть такое небо хотя бы еще раз в бренной жизни? Обитель Божья была черной, как коса цыганки, а звезды сияли так притягательно, что хотелось оторваться от горестной земли и умчаться ввысь, к покою и радости. Да, такая ночь подошла бы к сказочной истории, и только к ней. Но, увы, жизнь уже давно перестала быть сказкой. Да и была ли она ей? В реальной жизни Светлана тревожно спала на лавке. К слову, несмотря на взвинченное состояние, спала она беспробудно до десяти часов утра, когда в сени уже стучали Мишка, секретарь партячейки Анатолий Казимирыч и те самые «апостолы», в количестве, правда, всего двух. Как вы уже поняли, никакую скотину Светлана прирезать не успела, равно как и не успела умыть и одеть детей.

Но пока была ночь, и дети тоже спали, спали крепко и удивительно легко, так как совсем не подозревали о том, что должно случиться. Им снились большие лошади, полностью сотворенные из пряника. Глаза у лошадей были карамельные, а копыта были кусками сладкого пирога, который иногда готовила мать. Дети, совершенно счастливые, скакали на лошадях по кристально чистому снегу. Им было жарко, несмотря на то, что они были одеты в легкие костюмчики, которые прошлым летом батька привез из райцентра. Счастливое место — благостные детские сны! И даже ужасы окружающей действительности не смогут, слышите, не смогут черным вихрем ворваться в это охраняемое царство и навести там шороху.

Лексей же спал как-то неясно, размыто. Или не спал вовсе? То снились, то мерещились ему всю ночь какие-то непонятные образы каких-то непонятных людей, и не знал Лексей, кто это, и было Лексею страшно, так страшно, что этот храбрый человек бежал от них со всех ног, бежал в какой-то лес. Да только и там не нашел покоя. Лес вдруг загорелся огнем красным, ярко-алым, да чего тут таить! — кровавым огнем. От ужаса Лексей застыл на месте, и привиделось ему, что пламя то безжалостно пожирает людей, одетых богато и бедно, имеющих разные оттенки кожи и разного цвета волосы. Были там и дети, и женщины, и мужчины. Никого не жалел огонь, и вдруг заплакал Лексей, повалился на землю и распластался на ней.

А уже ближе к утру его рассудок помешался окончательно.

А что же Мишка Скоробогатый делал в эту ночь? Нет, не угадали. Он не спал, как спали все жители деревни. Мишка сидел за грубым деревянным столом в своей комнате. Левая рука его подпирала подбородок, а левое полушарие мозга считало не часы даже, а минуты до того страшного часа, когда придется ему вставать с этого стула, одеваться и идти вместе с товарищами уполномоченными и Казимирычем раскулачивать любимую женщину. В это же время все то же левое полушарие пыталось заглушить любовь и заставляло думать о собственной шкуре. «У меня же мать, отец... На кого я их оставлю-то? И вообще, дружба дружбой, а служба...» — Мишка не успел додумать, как внезапно ехидный и злорадный голос, его собственный, сказал в пустоту: «Да ты просто трус, Михал Федорыч!» Но Мишка знал это и без противного голоса. Уронив голову на руки, он беспомощно заплакал, не зная, что в эту самую минуту в своем страшном видении плачет и Лексей.

Вот так и прошла эта совершенно удивительная ночь, а за ней, осторожно ступая, пришло не менее удивительное утро двадцать пятого февраля одна тысяча девятьсот тридцатого года.

Когда Лексей проснулся, за окном было светло, но странным образом этот свет нисколько не наполнял его душу. Было ему неспокойно, но Лексей никак не мог припомнить, что именно терзало его ночью. Кроме того, непонятная тяжесть разлилась по телу. В груди тревожно билось сердце, и болело что-то, болело непонятно отчего. Лексей с трудом сел на кровати и вдруг услышал, как во дворе плачут его родимые дети. Мозг прожгла ошеломительная мысль: «Немцы, немцы в деревне! Ну, держись, шакалы! Только бы успеть, пока в хату не зашли!»

Стараясь производить как можно меньше шума, Лексей поднялся с кровати и медленно стал пробираться к шкафу, где лежало охотничье ружье.

Ружье было на месте. Через три минуты, идя с большим трудом, Лексей очутился в сенях. Надев тулуп и сунув свою единственную ногу в валенок, он открыл дверь деревяшкой, заменявшей потерянную конечность. «Немцы, немцы там, добрались-таки, ироды, до деревни!»

Тысячу раз сон этот снился Лексею, и теперь его больной мозг обратил сон в явь.

Дверь с грохотом открылась, зазвенели стекла в окнах на деревянной, желтого цвета стене. Лексей увидел жену, детей и, как и ожидал, двух немцев, одетых почему-то в штатское. Были тут и Мишка Скоробогатый с Казимирычем. Появление двух последних не вполне соответствовало представлению Лексея о захвате дома немцами. Но мозг сразу выкрутился и мгновенно причислил местных к предателям.

За забором что-то выглядывала почти половина жителей деревни. «Эти-то что здесь забыли?» — мимоходом заметил Лексей и направил ружье на немцев.

Один из «апостолов» сглотнул слюну и как-то совсем по-женски в страхе поднес ладонь ко рту. Второй неожиданно для всех и, может, для самого себя, неуверенно перекрестился. Их лица были почти такие же белые, как снег, который ночью намело на весь двор. Светлана почему-то улыбалась (может, тоже с ума сошла), а Мишка с Казимирычем просто стояли разинув рты. Дети мигом перестали реветь и уставились на отца. Тот выглядел страшно. Три недели без сознания дали о себе знать. Рыжая борода была всклокоченной, огромные синяки под глазами походили на беззвездное ночное небо. Сквозь распахнутую рубаху виднелась волосатая грудь.

В молчании простояли они секунд десять. За забором кто-то кричал: «Алексей, ты чего-о-о?»

Но мозг Лексея блокировал эти слова, сужая сознание лишь до восприятия людей, находящихся непосредственно на дворе. Товарищи уполномоченные, не сговариваясь, меленькими шажками начали пятиться к калитке.

— Стоять, дрянь! — взревел Алексей, в этот момент очень похожий на бурого медведя.

— Аккуратней, товарищ! — стараясь придать голосу как можно больше строгости, крикнул «двадцатипятитысячник». — Вы позволяете себе оскорблять должностных лиц! Вам это может дорого обойтись!

— У-у-у! По-нашему умеешь размовлять. И где выучился только... — пробормотал Лексей, но ружье не убрал.

Единственный, кто по-настоящему понял, в чем дело, был Казимирыч. До революции Казимирыч был не кем-нибудь, а фельдшером. Пока «апостолы» пытались говорить с Лексеем, секретарь партячейки тихо прошептал Мишке:

— Он умом повредился. Надо бы осторожней.

Мишка кивнул и, стараясь прикрыть детей и Светлану, раскинув руки, пошел к крыльцу.

— А ты куда, иуда? — усмехнулся Лексей. — Пошел вон!

Но Мишка продолжал идти, улыбаясь, как ему казалось, успокаивающе.

Через несколько секунд по холодному и безразличному снегу стала растекаться горячая кровь из головы человека, который ночью называл себя трусом. Пуля по намеченной траектории достигла затылочной кости Мишки, когда тот повернул голову, чтобы посмотреть, защищена ли от собственного безумного мужа любимая Светлана. Ее лик освещался солнцем, которое било прямо ей в голову. И этот образ светлой женщины с солнечным нимбом был последним, что увидел в своей жизни Михаил Федорович Скоробогатый.

За забором возникла паника.

А Лексея била дрожь. Он прошел всю войну, но никогда не доводилось ему лишать жизни безоружного человека. В этот раз он даже не успел подумать, а ружье уже породило пулю. Лексей бросил орудие убийства и упал на колени. Остальные, кроме детей и Светланы, беспомощно столпились возле трупа. Зеваки открыли калитку и стали забегать во двор. Хозяйка ни с кем не здоровалась. Она присела на корточки, обняла плачущих детей и подумала: «Что же будет теперь?»

ЕЛИЗАВЕТА РОЖКОВА
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

Ты называешься богом

Киносеанс закончился. Подавая пальто Лизе, я предложил проводить ее до дома. Весь фильм в руках я держал ее невесомое, почти несуществующее запястье. Иногда она сгибала пальцы и осторожно, будто бы нечаянно, дотрагивалась до моей руки. Про дом она ответила не сразу: два раза поправила на себе платье, проверила, не распалась ли прическа, и только когда застегнула последнюю пуговицу, подняла на меня глаза. Лиза плакала на последней сцене — это было видно по ее расплывшимся на худом лице темным пятнам косметики. Ее своеобразной красотой мог не восхититься только незрячий.

«Я не домой», — сказала она и утопила меня в глубоких, глубже, чем любой океан, глазах.

«Провожу не до дома», — ответил я.

Мы шли, и она говорила о фильме. Не о том, кто ее родители, какой она была в детстве, почему учится в университете и о чем мечтает по вечерам. Не о том, в какую бы из всех стран уехала, где бы провела старость и какие цветы ее любимые. Словом, говорила не о том, о чем говорят мужчина и женщина на первых свиданиях.

Бывает, совершенно не важно, рядом с каким ты окажешься человеком, но тебе вдруг в голову западает что-то невыпадающее. Ты бы рад поддержать разговор о хорошей музыке, но если думаешь не о музыке, ты его не поддержишь. Лиза говорила, что фильм ее удивил и ей хочется побыть одной. Но для этого существует специальное место, и туда-то мы идем.

В темноте я разглядел нечто вроде церковных куполов, укрывшихся, словно бы только на ночь от холода, деревьями. Когда мы совсем подошли к крыльцу, я понял, что это действительно церковь. Под пиджаком я нащупал наручные часы и заметил Лизе, что для молитвы уже поздно. Но она сказала, что это не та церковь, которую мы привыкли представлять и в которую можно прийти только тогда, когда тебя будет ждать священник. А потом она добавила, что не очень-то верит в Бога, про которого издревле пишут в книгах.

Я ничего не понял.

— Если правда хочешь проводить меня, подождешь у входа? — спросила она, не объясняя мне ничего. Эта ситуация не казалась ей странной.

Я утвердительно кивнул. Ветер разливал по телу противный холод. Я спросил, можно ли подождать ее прямо в церкви. Лиза не отказала, но предупредила, что внутри нет стульев. Греться можно будет только на ногах.

Что ж, это лучше, чем стать жертвой ночного ветра — без женщины рядом, которую ты держишь за запястье, он менее романтичен.

Мне показалось странным, что в церкви, где мы оказались с Лизой, не было ни одной иконы. Не было привычного алтаря и закутка для хора. Не было даже общего паникадила.

Вместо этого я насчитал тринадцать мольбертов с картинами, прикрытыми белой бумагой. На мольбертах было написано по имени. Андрей. Филипп. Дальше не видно. Везде стояли большие, высокие подсвечники — точно такие же, как в церкви. Подсвечники были единственным напоминанием о храме. Правда, не похоже, что в них когда-либо ставили свечи.

Лиза прошла в самый дальний угол зала.

— Возьми мой шарф, ты забыла платок, — торопливо крикнул я ей в спину, а она обернулась и сказала, что это лишнее.

Я видел, как она осторожно сняла бумагу и о чем-то долго-долго, старательно и со всей душой говорила. Она неистово молилась. Хотя нарушала все порядки обращения к Богу. Вышла она навстречу радостной, словно очищенной от той задумчивости и угрюмости, которую оставили на память ей час и еще половина часа кино.

Мы шли, и она вспоминала картинки из детства, а потом то, что ей приснилось накануне нашей встречи. Лиза все рассказывала, рассказывала, а я представлял, как каждый вечер она расчесывает на ночь волосы, перелистывает тетрадку со стихами. Потом допивает хербал, расслабляя ступни, чтобы с них легче скатывались на пол тапочки. Наконец запрыгивает на кровать и прячет ноги под теплым одеялом.

Так она засыпает.

На следующее утро я позвонил ей и предложил увидеться. Мы встретились, и с тех пор так проходил каждый наш вечер. Она больше не заходила в церковь. Более того, когда я сам попытался найти этот храм, вспоминая по крупицам наш маршрут из кино и пытаясь угадать в домах, освещенных мягким сентябрьским солнцем, силуэты той темной улицы, по которой мы шли, я ничего не нашел. Этих куполов не существовало. Не было дорожек, с которых бы виднелись те высочайшие деревья до крыши. Я решил, что забрел не в тот район.

У Лизы я не спросил, где мы были в ту ночь. А сама она об ангелах, Боге и прочем не говорила. Никогда не говорила.

В мае мы были совсем уже парой, и в первый раз она не пришла на наше излюбленное место. Парк на набережной, куда мы любили приходить пораньше, покупать, как только наступила весна, у пухлощекой продавщицы Марьи Никитичны мягкий, свежеиспеченный хлеб, а потом бежать к реке и кидать его по щепотке уткам, впервые мне предстал во всей своей невзрачности. Тихая синяя речка, узкие дорожки вдоль, в шахматном порядке деревья — здесь никогда не бывало изысканных фонтанов, саксофонисты здесь не играли, не раскладывали футляры и шапки в этом отрезанном от городской суеты месте. Это были обыкновенный берег и обыкновенная вода. Я не знал об этом раньше.

Левый рукав я измял уже напрочь, когда прошло только тридцать минут, на которые задержалась Лиза. Трубку она не брала, и это стало серьезным поводом для моего волнения. Я просидел на лавке возле

реки в надежде ее дождаться четыре часа, все в перерывах от тревоги удивляясь, как это я раньше не замечал скучность паркового пейзажа. Наверное, зимой он был волшебнее. Но как я ни старался припомнить эти же самые деревья, возле которых мы гуляли с Лизой вот уже полгода, в серебряных варежках и снежных шапках, никакая картинка не всплывала в голове.

Да, когда пошел второй час, а Лизы все не было, я понял, что она не придет. Я понял, но все равно ждал еще два часа.

Наконец вышел из парка и поймал такси. Машина везла меня к дому Лизы — я хотел знать причину ее отсутствия. Водитель ехал быстро, люди за окном превращались в кучу мелькающих вертикальных полосок. Эпизоды их жизни можно было разглядеть только на светофорах. Вот молодая женщина стоит в двух метрах от моего такси и поправляет ребенку спавший ботинок. Так странно, что я запомню этот эпизод, потому что женщина напоминает мне материнское будущее Лизы, а сама мать никогда об этой крошечной, незначительной остановке не вспомнит. Не вспомнит, хотя будет уверять людей даже через сто лет, что бережет в памяти каждую секунду, которую она провела со своей дочерью.

Машина остановилась, я полез в карман за деньгами, но тут же увидел, что водитель привез меня не туда. Я поинтересовался, в чем дело, а он с веселой улыбкой обернулся и сказал:

— Подожди, сейчас я иконку прибью. Без иконки ехать нельзя, вдруг чего. Отвалилась, ехали быстро.

Я пожал плечами. В тонне тревоги четырех часов эти пятнадцать минут не сделали бы погоды. Что я могу сейчас предпринять? Успокоиться, расслабиться, поудобнее уткнуться в сидение. Так хорошо видно, что прибивает водитель, — маленькое развлечение. Это лучше философских мыслей.

Неожиданно он стал приколачивать белую бумажку, напомнившую мне бумажные чехлы мольбертов, которые я видел в церкви осенью. На этой бумажке было написано «ИАН».

— Что такое ИАН? — от удивления во мне проснулась смелость и даже дерзость лезть не в свое дело.

— Мои инициалы: Иван Андреевич Носов.

— А где икона? Почему только бумажку крепите?

— Она за бумажкой. Все должны подписывать иконы. Ты разве не в курсе? — он по-доброму крякнул на мое молчание и мое «не в курсе». Через десять минут мы расстались у Лизиного дома.

Лиза долго не открывала, но как только высунулась из-за двери, бросилась в руки, словно ее толкнули откуда-то сзади. Она рыдала, рыдала настолько сильно, что не держали ноги.

Она не пришла, потому что сегодня не стало ее мамы.

После похорон она молчала месяц. Конечно, дар речи у нее не пропал, а вот желание говорить исчезло. Она не снимала черное платье, некогда сшитое ее мамой для выпускного вечера. Лиза думала, что это платье сшито для прощания со школой, а оказалось, что для прощания с матерью.

Лиза в горе не была эгоистичной. Ни разу она не попросила меня уйти, хотя ни разу не пригласила. Ни разу не отказалась от моих ласк. Она по-прежнему расчесывала на ночь волосы, допивала хербал и укутывалась пледом. Я все это видел. Я видел эту же картину раньше

в воображении, когда еще не знал, как готовится она ко сну. Теперь это оказалось реальностью. Это было похоже на сбывшуюся мечту. Несмотря на трагедию, я чувствовал, что оба мы счастливы холодными, грустными ночами в пустом доме.

Церковь стала для нас ежедневной традицией. Я сразу вспомнил дорогу к куполам, как только мы дошли до определенной улицы. Не зная, чем занять себя внутри этого таинственного места, я просто смотрел на Лизу. Она иногда кричала на свою так называемую икону, иногда сидела на коленях, иногда молча стояла и смотрела в мольберт. Это могло продолжаться часами. Это могло закончиться через пять минут. В какой-нибудь жаркий июльский день мы могли не прийти сюда вовсе.

Я не знал, в чем заключается смысл стаскивания белого полотна и мольбы мольберту. Что было там изображено, и было ли, я тоже не знал. Может, там был Иисус?

Она всегда выходила из церкви сильной и мужественной. Она не брала с собой горе на прогулки со мной, но могла рыдать у своего мольберта, могла ударить его.

Однажды я попросил Лизу показать мне ее икону. Но она ответила, что лучше уж мне завести свою и никому не показывать, что там изображено. А чужие видеть не принято. Даже самый близкий человек не может посмотреть твою икону.

В один из таких молитвенных дней в церковь зашел мужчина. Он был одет в протертые джинсы и в сетчатую майку явно не первой свежести. В руках он нес доллары. Стопка по толщине была не уже всех четырех томов «Войны и мира». И все-таки он не боялся ее нести в руках, а не в сумке, и, по-видимому, нес эту пачку так же и по улице. За окном не было автомобиля.

Он подошел к мольберту с надписью «Петр» и развернул его от меня — только потом он снял белую обертку. Я долго смотрел на него, уже потеряв интерес к молящейся Лизе. Мужчина бормотал под нос фразы, которые мне невозможно было разобрать. Я не был уверен, что он говорит сейчас по-русски. Я видел только его прыгающие брови. Они выражали сосредоточенность. Потом он накрыл мольберт бумагой и достал спички.

В одну минуту в подсвечнике сгорела целая стопка долларов.

Он вышел из церкви с улыбкой облегчения и предчувствия радости.

После сцены с долларовыми купюрами, горящими в церковном подсвечнике, мы прожили с Лизой в одной квартире еще ровно десять лет.

Она стала матерью троих прекрасных детей.

Если я проживу еще девяносто лет, я все равно буду говорить, что помню каждую секунду, проведенную с ней.

Лиза умерла.

Я буду говорить, что помню каждую секунду своей тоски, проведенную без нее.

Когда у нас появился ребенок, Лиза впервые после переживаний смерти матери подошла к мольберту. И впервые она смеялась, а не плакала. И даже впервые она унесла эмоцию, отданную своей иконе, мне — счастье.

Я так и не знал, кому она молится. Мне было все равно. Этого почти не происходило, а если происходило, то всегда заканчивалось ее счастливой улыбкой. Ее счастливую улыбку я обожал. Она передала

ее нашим детям. Я уверен, что не на генетическом уровне, а на уровне светозарождения. Лиза просто умела дарить свет и любовь. Она пережила все и не представляла свою жизнь без таких подарков.

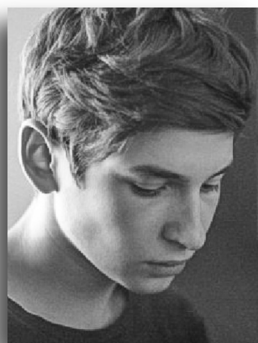
В какой-то невзрачный осенний, а может быть, уже зимний день я совершенно случайно забрел в знакомый район. Интересно, стоит ли там еще Лизин мольберт? А если она не верит в Бога, и я не верю тоже, то будет ли грехом то, что я приоткрою белое полотно?

На ее мольберте было написано «Елизавета». Никогда не называл Лизу полным именем, и тут вдруг щелкнуло, что Елизавета с древнееврейского означает «почитающая Бога». Какого, она никогда не говорила.

Я встал напротив этой странной и вечной для нее иконы. Никого вокруг не было. Мне ничто не мешало тут же сорвать полотно и узнать тайну. Но я постоял еще пару минут просто так. Я играл в «угадайку». Я представлял самые знаменитые иконы. Я вспоминал те, которые целовала моя бабушка. Я думал о тех, которые помещают в учебниках. Сколько же в мире существует изображений святых?

Я стянул полотно и увидел портрет жены.

Она молилась себе.

ВЯЧЕСЛАВ КОТОВ
Республика Беларусь, г. Витебск

Автоответчик

Все зависит от одностороннего настраивания диапазона частоты. Перед закрытием на ключ радиовещательной станции одинокий ведущий замирает. Он выпрямляется и понимает, что с самого первого дня работы никто не улавливал сигнала от его передатчика. Годы работы без поклонников, без одобрительных похлопываний по плечу. Расплывающиеся в пространстве, не опознанные приемниками радиоволны.

— Я совсем не могу до тебя дозвониться! Есть кто дома? Нам нужно поговорить, и чем раньше ты это поймешь, тем больше у нас времени. Перезвони мне, слышишь?

«Оставьте свое сообщение после сигнала».

* * *

Неважно когда, неважно где, но это может произойти с каждым из нас. Этот феномен не выбирает ни числа, ни месяца. У него нет даты. Рано или поздно все пойдет наперекосяк. Нет изначально сильных, ими становятся, нет слабых, ими становятся. Вы задумывались об этом?

У всех свои причины. Бог решает проверить нас на прочность. Он проявляет свои не самые характерные качества управляющего, обрекая на испытание плод своих творений. Аттракционы, где бесплатный вход, где ты нескончаемо движешься в надежде на конец путешествия на рельсах в вагончике без сладкого. Как он выбирает, чем руководствуется? Зачем? Может, у нас остаются долги из прошлых жизней и нам нужно их оплатить? Может, люди стали скучными для наблюдения, а Бог слишком раздражительным. Вспоминается учение Дарвина. У нас три варианта: жизнь, существование, смерть. Действует совсем иная сила, не та, про которую говорил Чарли. Самое страшное испытание, когда неоткуда ждать помощи. Все зависит только от тебя, помочь себе сможешь только ты сам.

Когда ты не можешь быть ни в чем уверен. Когда неважно все, что ты знал. Когда внутри тебя разворачивается несколько диспутов и дискуссий сразу. Вот что я имею в виду — когда никому не раздали слов, потому что заболел один из авторов сценария.

Может показаться, что ты понимаешь, как устроен этот часовой механизм. Но, черт возьми, это всего лишь расширение границ возможностей проклятого субъективного изображения через органы чувств. Опять. Все так ненадежно. Все так бессмысленно. Можно отсчитывать годы жизни по этим обновлениям в твоей программе по оптимизации сотрудничества с внешним миром. Так будет правильнее.

* * *

Когда высказались обе стороны, когда вся слюна уже размазана по полу, возникает диалог: только я и судья, в кармане которого чек за оплаченное слушание. Всплывают кадры, вспышки воспоминаний о рьяном обсуждении моей судьбы, моих поступков, меня самого, где никто не молчал. Точно так всплывают мертвецы по весне, когда сходит лед. Неприятно, когда правду смешивают с грязью и выдают за истину. Свидетелей было не остановить: плескаясь в своем красноречии, они забывали о вежливости. Самолюбивый истец жадно изливал на меня витиеватый слог, бурно вступал в прения, перебивая себя самого, не дожидаясь своего права высказаться. А сейчас в этой душной аудитории справедливости — только мы, присяжных отпустили по домам, дело уж слишком затянулось, и я сижу напротив мужчины в черном. Кто ему заплатил? Фальшивый судья, продажный вершитель правосудия. Его лицо я не могу разглядеть. Все размыто, как будто я забыл дома свои очки, которых у меня нет. Кому это нужно?

В то время как секреция слюнных желез плавно растекается по дешевому ламинату, я начинаю с ним разговор:

— Почему никого нельзя спасти? Почему нельзя спасти себя? Мы торопимся. Мы бежим. Мы не успеваем. Так и пройдет жизнь в погоне за ответами, за собиранием кусочков мозаики.

Ваша честь, мне каждую ночь снится один и тот же сон, я не могу спать, я боюсь закрыть глаза и увидеть снова этого толстого переводчика Библии. Мартин Лютер знакомит меня с двенадцатилетним мальчиком, страдающим аутизмом, с ребенком, как он сам его называет, бездушной массой плоти. И тот начинает умело собирать мою мозаику, кусочек за кусочком, безошибочно находя подходящие детали. Когда уже все

готово, я замечаю цельную картинку: Мартин, мальчик, одержимый дьяволом, и я. Картинка начинает меняться, персонажи на ней оживают: переводчик, мальчик с потребностью в однообразии и я, уставившийся на собранный ужас и не способный отвести взгляд. Мы находимся в каком-то карцере, они смеются, показывая на меня пальцем, и уходят, я поднимаю голову и вижу то же самое: я в карцере, и передо мной захлопывают дверь. А потом просыпаюсь.

Знаю, что я давно у вас на плохом счету за свое девиантное поведение, но я обеспокоен всем этим, я хочу излечиться. От чего мои беды? Может, уже придумали специальные таблетки? Где их можно достать?

— Послушай, мы отклонимся от разбирательства твоего дела и поговорим вот о чем. Я знаю, как тебе помочь, есть один верный способ решения проблемы, всегда был у тебя под рукой, как заряженный револьвер, он ждал тебя. Он имеет столько образов и воплощений, ты себе даже не представляешь. Люди такие изобретательные, ты можешь стать знаменитостью. У тебя большой потенциал, выбирай любое из его воплощений и действуй.

Помнишь фильм «Диллинджер?» — про преступника, который скрывался от полиции, грабителя банков на Среднем Западе США. Ему нужно было столько патронов, оружия, чтобы совершать налеты и удовлетворять свои амбиции таким способом. А фильм про официантку Бонни и преступника Клайда, помнишь, как они были счастливы, когда мысли о легкой наживе овладевали ими, мысли о набитых карманах во времена Великой депрессии? Тебе же нужен только один патрон, и вопросы перестанут тебя тревожить. У тебя своя история, по которой снимут свой фильм, она достойна режиссерской работы, а в начале фильма скажут, что он основан на реальных событиях и все лица в фильме — реально существовавшие люди. Разве это не здорово, разве не этого ты хочешь?

— Не думаю, что это лучшее решение, потому что эта мысль, она как вредитель, начинает питаться моим подсознанием, истощает его и грабит без автомата Томпсона. Вы говорите об усыплении разума, а именно этот единственный, по вашим словам, способ имеет убийственный эффект, это не поможет мне разобраться. Это делает нас слабыми, уязвимыми, заставляет думать, что мы делаем все правильно, выбирая легкий путь, но это не так. А как же мое олимпийское рвение, вы о нем подумали? Страсть к разгадыванию тайн? Вы что, не читали книжек Конан Дойля?

— Нет, это все вздор, все, что ты сказал. Это единственное спасение, поверь мне. Это решение давно уже не девиация. Оно перестало быть уникальным, идеи такого рода стали нормой, все стало нормой при количестве вопросов, превышающем количество ответов. Любые весы портятся после взвешивания этих вопросов. Воспользуйся давно проверенным способом и перестань морочить мне и себе голову, дай себе возможность расслабиться, наконец, выдохнуть. Пенициллин открыли в 1928-м, не изобретай велосипед. Ты перестанешь бояться общественного мнения, любого несоответствия, быть не похожим на других, выделяться из массы. Мы не любим лишних вопросов. Мир, где боятся задавать вопросы. Все к этому идет, очень скоро все к этому придет. И ты хочешь жить в таком мире?

— Ладно, сдаюсь, больше не смею переубеждать вас. Все бессмысленно, и мне пора домой.

Я поступлю так, как считаю нужным, только зря потратил время.

Мои руки поджигают письмо с повесткой и вкладывают ему в верхний карман мантии. Через пару дней я найду в почтовом ящике письмо с приглашением на повторное слушание.

Я опять один, один в густой тишине, как вдруг ее нарушает распространяющийся по комнате звук. Что это? Что это такое? Как от него избавиться? Вы слышите, как уходит время? Это не становится историей сейчас. Это еще не последовательность событий. Это происходит. Как же трудно в это поверить. Я хочу быть здесь, а не в прошлом. За столом перед папкой с нерешенными мною делами, на которую никогда не оседает пыль. Уберите от меня эту груду листов, измазанных чернилами.

И тут я вспоминаю фразу судьи, которая эхом отдается в моей голове. Я переступал через порог, когда он сказал: «Ответ один, помнишь? Жизнь — это СПИД. Терминальная стадия ВИЧ-инфекции. Она не перестает удивлять нас, не жалея никого на своем пути, как рибонуклеиновая кислота, модифицируясь, снижает количество специальных лейкоцитов. Она быстро адаптируется, и наш иммунитет не справляется со своей функцией. Мы и есть эти несчастные лейкоциты, которые сдают позиции, позволяя вирусу реплицироваться и достигать высоких концентраций в крови. Больно. Хватит бороться, перестань прилагать тщетные усилия. Выбор за тобой. Выбор один».

В этот момент в комнату входит мой психиатр, расплывающийся в требованиях моей семьи, не скрывающий от меня своих предположений. У него начищенные коричневые ботинки, красный галстук, который спрятан под свитером в ромбах. В его наглой ухмылке живо извивается умело спрятанное превосходство. Зарождается монолог.

— Хочешь, расскажу тебе, что будет дальше? У тебя патология, и она неизлечима. Ты так и будешь никем. Останешься фаталистом на границе прошлого, настоящего и будущего. Застрянешь неудачником в пространственно-временном континууме. Жуткое зрелище. Изо дня в день пытаешься сделать тише громкость пронзительного циферблата, жалуясь продавцу на неисправные часы, которые вечно спешат. Каждый вечер будешь заново заводить будильник в устройстве, где неумолимо двигаются стрелки. Сломанные кукушки в мусорном ведре.

Его односторонний разговор сменяется голосом из автоответчика домашнего телефона.

— Это снова я, звоню в очередной раз сказать, что нам нужно поговорить. Может, хватит, я знаю, что ты слышишь! Возьми эту чертову трубку и перестань вести себя как несчастный трус. Подними эту чертову трубку сейчас!

«Оставьте свое сообщение после сигнала».

Телефон летит прямо в стену. Рвется сетевой провод, обрывая невидимого собеседника на полуслове. Я поднимаю с пола кассету из автоответчика, и она трескается, когда я сжимаю ее в руках. Осколки застывшего голоса разлетаются по комнате.

Буду ли я ждать свою жизнь, ведь сейчас одно существование, это не жизнь, а плаха. Так больше нельзя. Буду ли я ждать время, когда мне уже будет все равно? Когда будет плевать на рассуждения каждого члена из совета директоров, на все эти совещания в моей голове. Вопрос жизни. Вопрос времени. Вопрос терпения.

Мой ответ — нет.

Я лечу вниз, выпрыгнув с последнего этажа этого прекрасного кондоминиума, последний раз смотрю на все это, на эти облака, скрывавшие солнце весь этот паршивый день, на крыши, под которыми обитают люди, никогда не прекращающие придумывать себе проблемы. Даже не хочу уточнять, какие именно, вы и так все знаете. Прощайте. Рядом летят мои советники. Судья. Истец. Адвокат, который все время молчал. Мой личный психотерапевт, который сказал много. Достаточно. На моем лице появляются морщинки в области рта, я улыбаюсь. Мне правда понравилось, жизнь — классная штука.

* * *

В полете ни на мгновение не прерывается внутренний монолог. Я продолжаю задавать себе все те же вопросы. Разве нельзя было понять это с самого начала? Пока ты не зашел еще слишком далеко? Когда уже твои вопросы, воплотясь в лица, страдающие диссоциальным расстройством личности, без приглашения вламываются к тебе в квартиру. Все происходит внезапно, как изжога от недавно начавшего перевариваться обеда, приготовленного на не меняющемся масле в местном кафе. У них есть ключи от всех дверей, любой замок можно взломать, и твой не исключение. Открывается дверь комнаты, и все происходит как в замедленной киносъемке. Ты замечаешь, как щелкает затвор замка, как поворачивается ручка. Ты слышишь быстрые шаги, направляющиеся к человеку с бессонницей. А твои родные, они все так сладко спят, завидуешь, вспоминая их беззаботные лица. Это происходит ночью. Личности с антисоциальным расстройством надевают тебе на голову мешок и забирают с собой, в то время как под пыльным мешком твои зрачки расширяются. Увозят куда-то, но ты не знаешь куда. А когда с раздутой от собственных вопросов головы снимают непроницаемую ткань, то начинают кормить тебя новыми вопросами. Допрос в стиле «ничего личного». Ты слышишь, как за стенами кого-то еще пытают, им задают похожие вопросы. И ты, измучивший свое сознание, прижавшись спиной к перегородке между больными людьми, плачешь, размахивая руками, и кричишь: «Отстаньте от меня, я ничего не знаю, отвезите меня домой!»

Ведь можно было до этого не доводить, а понять, что не на все вопросы есть ответы. И что иногда нужно принять все как есть.

* * *

Я замираю в сантиметре от моей судьбы, лицом к лицу с будущей эпитафией, написанной моими же внутренностями на асфальте. Еще чуть-чуть — и я умру. Что за черт, что опять такое? Почему я лечу в обратном направлении, на то место, где мои ноги в последний раз твердо стояли на поверхности? Как будто кто-то отматывает время назад. Все поменяло ход событий. Все происходит с точностью до наоборот, я проделываю все те же движения, которые производил незадолго до прыжка. Мной управляет время, вот этого я и боялся. Я не могу пошевелиться. Кто-то мотает назад ровно пять минут. Те пять минут, за которые я решил перестать существовать. Для чего это все? Я не хочу! Остановитесь, кто бы это ни был. Хватит управ-

лять моей смертью, это уж слишком, зачем лишаете меня выбора? Я двигаюсь задом наперед до кульминационной главы в этой новелле. В тот момент, когда начинает звонить телефон и я все же решаюсь поднять трубку.

* * *

Мне дали второй шанс, и это не может быть совпадением или случайностью, если верить в реинкарнацию, то мы сами выбираем, кем нам быть. Если я выбрал себя, значит, я посчитал этого героя занимательным и лично захотел прочувствовать всю его увлекательную историю, начиная с оглавления и заканчивая последним знаком препинания.

ЮЛИЯ БОГДАНОВА
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

Вчера я видел

Вчера я видел, как человека выбросили в мусорку. Это была какая-то женщина. Одетая наспех, в белой замыленной футболке, она явно спешила побыстрее выбросить его и убежать. Я поэтому и обратил на нее внимание: ее нетерпение бросалось в глаза, точнее, даже не нетерпение, а лихорадочное отсутствие терпения. Она неуклюже бежала к мусорному контейнеру, обогнала меня, взвихрила после себя тонны пыли. «Зачем же так бежать? — подумал я. — Вроде контейнеры открыты с утра до вечера», — и недовольно покосился на свои белые, по-настоящему белые, только что отутюженные брюки: ну конечно, вся пыль теперь осела на них. Я чертыхнулся, остановился и стал отряхиваться, пришлось опустить мешок на землю. Когда я поднял голову, она уже стояла около контейнера и, неловко взмахнув плечом, сбросила человека в мусорный бак. Он был полон, поэтому человек наполовину высунулся оттуда, свесив одну руку и туловище вместе с головой. Женщина не шелохнулась, чтобы поправить, просто стояла и смотрела на него. Я уже подходил ближе, как она встрепенулась, услышав мои шаги. Обернув усталое лицо, она тут же отвернулась, резко вскинула руку и, клянусь, хотела ударить человека по лицу, но где-то в паре сантиметров остановила ладонь и как-то судорожно погладила его. Похоже, я помешал. Видимо, изначально ему предназначался удар, а потом прощение. Но что теперь — мне тоже нужно выбросить свое. Я всегда раньше старался уступать людям, отодвигался в сторону, чтобы дать пройти, ждал подходящего момента, чтобы сказать, чего я хочу, думал

о том, каково будет другому человеку. Пока не понял, что моя жизнь идет к чертовому концу и, отодвигая себя в сторону ради интересов других, я так и сдохну, расшаркиваясь перед каждым встречным в надежде, что мои интересы будут также замечены кем-то другим. Кем-то другим, кому на меня плевать.

Я невозмутимо приблизился, кашлянул и втиснулся рядом с ней, чтобы аккуратно сложить свой мешок в бак. Она все еще держала руку на щеке человека. Но когда я взглянул ей в лицо, то увидел там отвращение и гнев. Мне стало не по себе, как будто я вторгнулся во что-то интимное. Ведь ладонь ее была нежно обвита вокруг его лица — ладонь, предназначенная для других. Лицо же принадлежало ей одной — то, чем является каждый человек, когда находится наедине с собой. И как часто то, что видят другие, является страшной противоположностью тому, что знает о себе сам человек. Я стал поправлять свой мешок, чтобы утрамбовать его как можно тщательнее, я представлял, сколько людей каждый день ходят к мусорному контейнеру, и мне не хотелось, чтобы из-за моей небрежности кому-то не хватило места. Проклятая услужливость, мне же еще в бар идти, не хватало уделать брюки окончательно. Но, знаете, это все-таки неприятное зрелище, когда утром, выходя на работу, видишь, как вокруг контейнера как попало валяются мешки или вырастают рядом уродливой горкой.

Я закончил и вдруг заметил, что женщины уже нет. Она ушла. Я пожал плечами, собрался идти, но мой взгляд упал на человека, которого она так неряшливо бросила. «О, черт, Том, ну хватит, какое тебе дело! У тебя сегодня был трудный день, надо расслабиться, забыть ее». Через минуту мои пальцы уже старательно впихивали человека в контейнер, я даже вспотел: «Какой он тяжелый! Может, поэтому она его выбросила, что много жрал». Я пытался сложить его аккуратно, нога к ноге, чтобы освободить место для других, но бросил эту затею: ну ладно, хоть рука с головой уже не торчат. И вдруг увидел приятеля, он двигался к контейнеру с довольно большим мешком и уже издали махал мне рукой. Я поспешно помахал в ответ и тут же ретировался. Сейчас еще начнет расспрашивать меня, что случилось и почему так быстро. Не рассказывать же, что я застукал ее целующейся в баре с другим. Не трагедия, знакомы были всего месяц, но все же неприятно. Хорошо, что мешок у меня был запасен заранее, как раз под ее размер. Я подсчитал в уме, сколько заплатил за прошлый год, — нехило. Так и никакой зарплаты не напасешься, может, ну его к черту — побыть одному пока, а то с каждым годом цена за пользование контейнером увеличивается раза в два. Таким образом Правительство борется за идеалы постоянства. Я хмыкнул.

В памяти всплыло лицо той женщины, вероятно, у нее была веская причина для такого отчаянного гнева, как же стремительно она хотела избавиться от человека, что даже выбежала из дома в чем попало. Так бывает, когда внезапно открывается что-то невыносимое, что-то, чего не хочешь замечать, чего избегаешь, но вот оно вдруг обрушивается во всей своей голой сути, и все, чего хочется в этот момент, — уничтожить малейший след, напоминающий о твоей ошибке, не оставить ни секунды на объяснения, сбежать, пока желание простить не закралось в душу. Не то что я — весь вечер наглаживал брюки, а в коридоре еще вчера было приготовлено на выброс мое маленькое (и в буквальном смысле, и в переносном) разочарование. Но все

равно, что бы там у нее ни случилось, это не оправдывает того, что она даже не удосужилась упаковать человека как следует. В конце концов, иметь нужно уважение к другим людям. Если уж к этому человеку его не осталось.

А интересно, он уже знает, что его выбросили? Вряд ли, такое обнаруживается не сразу. Узнать, что ты стал чьим-то разочарованием, таким способом — ведь она его даже не предупредила, я уверен — довольно неприятно. Не берусь осуждать, но люди многослойны. Становясь ближе и снимая слой за слоем, чего вы, собственно, ждете? Близость требует пересмотра ожиданий: чем ближе к кому-то подходишь, тем большим количеством ожиданий нужно жертвовать. И, подойдя к кому-то с одной стороны, не стоит забывать, что есть еще и другая. Та, что может очень не понравиться.

Надеюсь, она меня аккуратно упаковала.

Я зашел в бар и попросил бармена плеснуть себе виски в стакан. Все-таки славно, что я улизнул от Мердока. Я, кажется, понимаю эту женщину, не надо было подходить к ней: зачем кому-то быть свидетелем твоего разочарования. В следующий раз буду ждать, пока не уйдут. Не буду мешать. В конце концов, каждому из нас необходима минутка уединения, когда мы выбрасываем кого-то из своей жизни.

СЕРГЕЙ ФИЛИППОВ

Вишневый сад

* * *

Все до мелочи знакомо
И обыденно весьма,
Сонных улочек истома,
Деревянные дома.

Те же запахи и краски,
Что и двадцать лет назад,
Жизнь без каждодневной встряски,
Устоявшийся уклад.

Так все вышло, так сложилось,
Тот же круг из тех же лиц,
Их природная сонливость
Непривычна для столиц.

Это свойство всех провинций,
Их всеобщего родства,
Где размеренность как принцип
И как форма существа.

* * *

Как пламя горю и не гасну,
Как мачта трещу, но не гнусь.
Неопытность — это прекрасно,
Отсутствие опыта — плюс.

«Возможно, но очень нескоро»,
«Достаточно, но не вполне».
Наличие опыта — фора,
Отсутствие — фора вдвойне.

Не сетуйте, если нарушу
Привычный порядок и ход,
Неопытность рвется наружу
И трется, как рыба об лед.

И не принимает отсрочек,
И не объясняет причин,
И ищет свой собственный почерк,
Который не спутать ни с чьим.

* * *

После тяжелых странствий и скитаний,
Когда ни сил, ни веры, ни любви,
Уютный дом моих воспоминаний
Радушно двери распахнет свои.

И если непонятная тревога,
И если мне тоскливо, как теперь,
Я подхожу к заветному порогу
И плавно открываю эту дверь.

Неяркий свет по комнатам струится,
Как тихо здесь, и в этой тишине
Воспоминанья дружной вереницей
Со всех сторон слетаются ко мне.

Сливается, переплетаясь разом,
Все то, что буду помнить до конца,
Где не забуду ни единой фразы
И ни единой черточки лица.

Уютный дом моих воспоминаний,
Пусть память беспощадна и строга,
Я здесь и гость, и сторож, и хозяин,
Единственный хранитель очага.

* * *

Когда износится одежда,
Когда закончится еда,
Когда последняя надежда
Тебя оставит, и тогда
Не стоит, в злобе и обиде,
Считать и на душу брать грех,
Что Бог не все на свете видит
И думает не обо всех.

* * *

Неиссякаемый запас
Мелодий, красок и сюжетов
Жизнь щедро дарит каждый час
Художнику, творцу, поэту.

Он лишь готовым должен быть
Суметь, в порыве вдохновенья,
Поймать, остановить, продлить
Для всех прекрасное мгновенье.

Преодолеть в себе и страх,
И неуверенность в успехе,
Запечатлев в своих стихах,
В картинах, музыке навеки.

* * *

Поэт боялся рифм глагольных
Не меньше, чем идей крамольных.
А утром посмотрел на вид,
А за окошком снег лежит,
Ель зеленеет, лес чернеет
И речка подо льдом блестит.

* * *

Поэт три года был в отчаянье,
Стихи гражданского звучания
Не трогали сограждан, вдруг,
Как подсказал поэту друг,
Он сел, взял чистый лист бумаги
И написал свой первый шлягер,
Который вскоре передал
На популярнейший канал.
За ним другой, ну а потом
Построил трехэтажный дом,
Сообразив, что нынче важно
И нужно для его сограждан.

* * *

Я думал, время необъятно,
И лишь теперь, на склоне лет,
Мне стало, наконец, понятно,
Что времени почти что нет.

Его, как ни прискорбно это,
Теперь лишь хватит на одно —
Жалеть, как глупо и нелепо
Было растрачено оно.

* * *

Тоскуя, радуясь и плача,
Боясь, что снова не поймут,
Решали разные задачи,
Но приходили к одному:

Что жизнь считает без остатка
Лишь вычитая и дробя,
Что не получится все гладко
Тоскуя, радуясь, любя.

* * *

Пусть пишут кто во что горазд,
Пусть судят, прямо и заочно,
Россия — это целый пласт
Судьбы, истории и почвы,
Огромный цельный пласт, и в нем
Соединились в равной мере
Кто понимал ее умом
И кто в Россию просто верил.

Вишневый сад

Опять дают «Вишневый сад».
Вновь Гаев, обращаясь к шкафу
С очередною из тирад,
Готов снять перед шкафом шляпу.

Лопахин, как ребенок, рад,
Что он купил Вишневый сад,
Хоть не было большого смысла.
Уехав, все забыли Фирса.

Гаев смешон, Лопахин рад,
Под топорами мужиков
Россия, вырубают сад
И забывают стариков.

* * *

Я изменений не люблю,
Ни новых лиц, ни новых мнений,
Их не приемлю, не терплю
И всяческих нововведений.
Реформы вызывают злость,
Любая из перестановок,
Как в сердце нож, как в горле кость
Торчащая. Еще с пеленок
Иным новаторство с руки,
Я ж следую иным резонам,
Люблю стабильность, вопреки
Диалектическим законам
И положениям. Люблю
Патриархальную рутинность,
Копейку, кратную рублю,

Святую девственность, невинность
И целомудренность, пока
Они, не поминать их всуе,
Еще не канули в века,
Живут и как-то существуют
Еще. Не следует спешить,
Дай Бог им не сойти со сцены,
И вместе с нами пережить
Все, все большие перемены.

Рождественское стихотворение

По направлению к метро
Шагал и думал: что же дальше,
Как жить теперь, когда не то
Все и не так, как было раньше,
Как мы привыкли до сих пор.
Потом, с какого-то момента
Все поменялось... Разговор
Идущих впереди студентов
Отвлек меня, он велся про
Одну серьезную науку,
Ребята, по пути в метро,
Твердили о законе Гука,
Потом подобрались друзья
К коэффициенту Пуассона,
Услышав их, подумал я:
«А может, вправду, нет резона
На жизни ставить жирный крест,
Отчаиваться рановато,
Пока в России еще есть
Такие, как они, ребята,
Которых, пусть не большинство,
Но будет, и тому порука,
Что празднуется Рождество,
И помнят о законе Гука».

ВИКТОР СЛАВЯНИН

Ромась и Варька

Повесть

1

По залитой ярким июльским солнцем сельской улице бежала высокая полноватая женщина. Песок разъезжался под босыми ногами и обжигал ступни, и ей казалось, что с каждым новым шагом она все глубже проваливается в глубокую горячую трясину. Пробежав три десятка шагов, она останавливалась и хваталась за сердце, будто стараясь удержать его на месте.

Добежав до колодца, что одинокой часовенкой возвышался на самом толковище сельской площади, Варвара схватилась рукой за полированный ухват коловорота, чтобы не упасть. Белый платок сбился на затылок, волосы упали на лоб и прилипли, утонув в половодье пота. Сердце металось в груди, точно дикий зверь в клетке, застигнутый пожаром. Постояв секунду-другую в раздумье и переведя дыхание, женщина быстро пошла в сторону хаты, которая замыкала угол от двух проулков, вбегавших на площадь.

В чужом дворе навстречу ей из-под хлева с хриплым лаем вылетела черная кривоногая собачонка, злобно скаля мелкие зубы. Псина уже была готова вцепиться в ногу, но получив короткий удар задубевшим большим пальцем, с жалобным воплем скрылась под воротами хлева. Варвара стремительно прошла по грязному двору и снова в нерешительности остановилась на низеньком деревянном крылечке. Поправила блузку, косынку и, оглянувшись мельком на площадь, перекрестившись, резко толкнула дверь.

В хате у окна на табуретке сидел мужик в серой косоворотке, опущенной поверх солдатских галифе. Босой, он чинил сапог, посаженный на стальную ногу, — прокалывал в подошве шилом дырки и вбивал в них березовые гвоздики. Варвара прикрыла за собой дверь и прислонилась к ней, чтобы не упасть. Мужик сидел спиной к гостье и продолжал вбивать гвозди, ожидая, когда женщина заговорит. Но от быстрого бега и волнения дыхание у Варвары сбилось, и она хватала воздух широко раскрытым ртом, не имея сил вымолвить даже слово.

— Тебе чего? — не выдержал мужик.

— Ро... Ромась, миленький! — пересиливая себя, выкрикнула женщина с мольбой в голосе и, поперхнувшись собственными словами, застыла в испуге. Язык холодным камнем застрял во рту.

— Садись. Не стой. — Ромась медленно повернулся на табуретке, протянул руку и пододвинул свободную табуретку женщине. — Гостем будешь.

— Ромась, я за тебя на любую работу в колхозе... И косить... И на току... Ну, якую скажешь! Бог не дасть сбрехать! Только не откажи, Ромась, миленький. Я тебе ноги целовать стану...

— Ты сдурела, Варвара, як мне сдается? — хозяин заерзал на табурете, пытаясь избавиться от неловкости. Нервно ударил по гвоздю. Тот пошел косо. — Говори, чего нада?

— Ой, Ромась! Согласись! Мы тебе усю работу у колхозе...

— Сдался мне тот колхоз! Не хожу я в него, — раздраженно сказал Ромась. — Ты про дело давай, если чего от меня надобно.

Он еще раз пододвинул к женщине табурет.

— Ой, не откажи, Ромась, миленький! — Варвара оторвала руки от кончиков платка и снова схватилась за них, словно за спасительную соломинку. — Сейчас стою я в дворе... Теленку траву режу. Гляжу, якиесь два дядька около тына крутятся. «Дай, молодица, воды попить». Я им кружку... Траву тихо режу, а сама — откуда и хто такие? А як узнала, то сразу до тебя... — Дыхание женщины опять сбилось, и она умолкла, словно задохнулась. Но перехватив удивленный, непонимающий взгляд хозяина, взмолилась: — Ромась, миленький, не откажи. Я тебе половину своих трудодней отдам... А то... и все.

— Ты их себе лучше оставь, — равнодушно сказал Ромась, выслушав комканую речь. Когда женщина произнесла «миленький», поежился, а по лицу пробежала чуть заметная нервная дрожь. — Ты, Варвара, говори толком — хто приходил и чего от тебя хотели? Некогда мне.

Ромась поднял с пола второй сапог и принялся разглядывать его.

— Так я ж сказала! — снова взволнованно выпалила женщина. — Одного зовут Макагоныч, а другого...

— Какое мне дело, как зовут тех, хто до тебя в двор ходить! Говори, из чем пришла?

— Ой, Ромась, миленький... — Мокрое лицо Варвары накрыла смертная желтизна. Ей показалось, что этот хмурый, не поднимающий головы мужчина встанет сейчас и вытолкает ее из хаты на двор, как в могилу. И она еще быстрей затараторила: — Начальник этот, Макагоныч, и его тракторист приходили. Они мимо нашего села канаву якуюто рыть удумали. Копальщиков нанимають. Про мужиков спрашивали... шоб копать... Деньги за работу сразу дають... Через две недели этот... Ну, шо вперед платять?..

— Аванс, — буркнул под нос Ромась.

— Во, во... Аванц... Потом получку... Я бы своего Сережу послала, так он не умеить еще. Ромась, миленький, а ты можешь. А я за тебя в колхозе...

— Да не хожу я в колхоз! — повторил Ромась. — А чего еще говорил тот начальник?

— Шоб хто хочить — пусть идеть уже завтра.

— А по сколько платить будуть?

— Ой! — испуганно выпалила Варвара. — Я ж не узнала! Сейчас сбегаю. Сережу пошлю...— Женщина ухватилась за дверную ручку, готовая бежать. — Они у нас за бродом... Будку трактором притянули.

— Про аванс я и без тебя узнаю. А тебе от меня чего?

Женщина отрешенно посмотрела на Ромася и поняла, что пришла напрасно. Язык снова перестал ее слушаться. Она вдруг обмякла, плечи обвисли, губы задрожали, глаза наполнились слезами.

— Ты или говори, или иди! — сказал резко хозяин и встал.

— Пойди на этую канаву, — сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, выговорила Варвара. — А мы тебе половину трудодней своих отдадим. А деньги, канавные, пополам... Совсем голые и босые ходим... Як зиму ету протянули...

На дворе радостно тявкнула собака. Заскрипели петли входной двери. Варвара испуганно оглянулась, а затем, посмотрев на Ромася, с безысходностью в голосе произнесла:

— Я и на Таньку твою трудодни отработаю.

В хату вошла маленькая худая женщина лет тридцати с длинным вздернутым острым носом и следами оспы вокруг него. Увидев гостью, она испуганно остановилась в двери и уставилась на Ромася. Уцепившись за него глазами, словно репейник в собачью шерсть, крикнула гостье:

— Ты чего сюда пришла!?

— Не твое это дело, — ответил Ромась.

— В моей хате и не мое дело!?

— Иди, Варька, — тихо сказал Ромась. — Я сам про все прознаю.

— Чего это ты будешь для этой сучки взнавать!? — воскликнула Татьяна и, отступив от двери, освобождая выход, крикнула в лицо женщине: — Шо ты до людей пристаешь!?

— Замолчи! — громко сказал Ромась. Подойдя к Татьяне, обхватил за плечи и подтолкнул к печи. Та не сопротивлялась, только взмахивала короткими руками, как цыпленок крыльями. — А ты иди, Варвара, — недовольно добавил он. — Разузнаю... и скажу... Или твоему Сереже передам. А сюда не ходи...

2

Когда-то Ромась и Варвара любились.

Провожала она его в армию в уже таком далеком сорок пятом, пела и веселилась вместе со всей деревней и обещала ждать.

В тот год запоздало бабье лето. Поначалу осень все хмурилась, надрываясь ветрами, гоняла желтую листву по опустевшим садам и полям. Но вдруг накатило в середине октября тепло. Зависли в воздухе длинные белые нити паутины, и, глядя на их неподвижность, можно было подумать, что время застыло, остановилось. Только журавли, собиравшиеся в стаи и кружившие над голыми полями, тревожными криками вещали скорое приближение холодов — с небесной высоты им было виднее.

В селе провожали в армию парней.

Во дворах, где были новобранцы, разливались гармони, задоря захмелевший народ.

Всему этому веселью затравленно подвывали собаки.

«До хаты пора, — шептала Варвара на ухо Ромасю, прижимаясь к его щеке губами. — И зачем парней в армию беруть. Война уже кончилась».

«Без этого нельзя».

«Ждать тебя скоко?»

«Еще не ждала, а уже плачешь».

Они лежали на берегу реки и слушали тихий шум ночи. Под обрывом у самой воды какой-то зверек, — должно быть, выдра, — долго плескался, затем зашумел прутьями краснотала и умолк, затаился. И все затихло. Только река продолжала отсвечивать неясным ночным светом.

«Ой, Ромась, як же я буду без тебя теперь?»

«Пойдем и скажем твоим батьке и мамке».

«Придумаешь такое».

Варвара поднялась, встала на колени. В лунном свете матово блестели ее полные бедра. Заметив, что Ромась смотрит на них, натянула на колени подол юбки.

«Не нагляделся ище?»

Ромась молчал.

«Я говорю — не гляди! А самой ой як хочется, шоб ты все время на меня смотрел».

Варвара стремительно вскочила, сбросила на землю блузку, выскользнула из юбки и осталась стоять в одной рубашке. Яркий свет полного месяца обливал серебром ее белую фигуру. И Ромасю чудилось, что это на берег выбежала русалка, и что нет вокруг осени, и эта ночь никогда не кончится.

«Скажи, шо ты меня любишь», — Варвара снова упала рядом с парнем.

«Люблю... Ты замерзнешь».

«Не так. Скажи: люблю тебя, люблю, люблю...»

Ромась приподнялся и хотел взять руки Варвары в свои, но девушка ловко отпрыгнула, смеясь.

«Ну, говори, что любишь! Крикни!»

«Собак распугаем».

«И шо ты за человек, Ромка? — Варвара легла рядом с парнем на ватник. — Хочется, шоб ты все время говорил, шо любишь меня».

«Будешь меня ждать?»

«Чего спрашиваешь? Без тебя теперь никуда... А ты гляди там, в армии...»

«А чего глядеть. Мы уже с тобой вроде як записанные...»

Лунный свет высвечивал луг за рекой, лес, словно стараясь не заглядывать на берег.

«Ромась, а звезды далеко или близко?» — спросила Варвара, глядя в небо.

«Зимой — далеко...»

«Ой, шо теперь будить?» — перебила тревожно она.

«А летом — рукой можна зачерпнуть. — Не заметив девичьей тревоги, сказал Ромась. — Которые сильно близко — за тучи цепляются и падають».

«Ты каждый день писать письма должен. Будешь?»

Ромась пошевелил занемевшей рукой, на которой лежала голова Варвары.

«Чего молчишь? Будешь писать?»

«По руке мурашки ползуть...»

«Ну и пусть ползуть... Будешь писать каждый день, обещай!»

«Буду... — ответил Ромась. — Давай пойдем к твоим и скажем про все».

«Батько на мне свой костыль поломаить».

Но ей хотелось кричать о том, что случилось сейчас у них с Ромасем. Она была счастлива и даже жалела, что это не произошло раньше, а только когда Ромасю нужно уходить от нее. Почувствовала, что вдруг, в одночасье окунулась в совершенно иную жизнь, о которой она догадывалась и мысли о которой наполняли душу неясной дурманящей мутью уже не один год. И сейчас казалось, что видит она, как, стелясь над ночным лугом чуть заметным сизым туманом, от нее уплывает та, бывшая, неинтересная жизнь и исчезает за лесом. А новая, почему-то лишенная головокружащего дурмана, словно молодой месяц, родившись, впустила ее в себя. И чудилось, что эта, другая жизнь чиста, до звона прозрачна, ясна и понятна.

«Ромась, попросись, чтоб тебя на весну в армию взяли, — сказала Варвара. Голос снова стал сеять тревогу. И зачем-то добавила: — Брата

Андрея убили ж на войне... А люди болтают, что новая буить. На турка теперь пойдем...»

«Нельзя».

«А как же я без тебя теперь буду?» — тревога сменилась отчаянием. Ромась что-то говорил, но Варька не слышала его. Казалось сейчас, что слышит совсем иной голос. И он, далекий, завораживающий, сладко поющий, манит за собой. Чувствовала, что не хозяйка она уже себе, что эта новая жизнь тянет ее в сладкий омут. И единственная ниточка, которая держит на поверхности и не позволяет утонуть, — лежащий рядом Ромась. Она прижалась всем телом к парню, словно хотела прирасти навсегда, чтобы очутиться в этом омуте вместе с ним. Но сладкая круговерть не принимала его, отрывала от нее.

«Говорил — замерзнешь». — Ромась набросил на Варьку полу ватника, ноги прикрыл юбкой.

«Ромась, миленький. Пропаду я без тебя. — Варварины глаза утонули в слезах, слезах надвигающейся беды, которую она не может обминуть, как отяжелевший дождь не может не упасть на землю. — Не уезжай... Прошу тебя...» И закрыв глаза, она беспрестанно повторяла в мыслях одно и то же: «Пропаду я без тебя! Пропаду...»

«Скажем матери. Чего крыться?..»

«Да шо ты заладил про мать и отца... Ромась, миленький, не уезжай...»

Варвара обвила шею парня руками и стала безудержно целовать глаза и губы. И почудилось вдруг, что нет Ромася рядом, а обнимает она какую-то тень. Эта тень опутала ее десятком тонких, извивающихся рук-лент, подхватила и понесла в горячую, искрящуюся высь, откуда доносились сладкие, усыпляющие звуки. И чем выше она уплывала, тем слаще становилось звучание нежной песни, падающей на нее с ярко освещенных небес. А она не сопротивлялась, с радостью утонула в сладостном забытье...

Ранним утром Ромась с худым узелком ушел на большак в солдаты...

А к полудню того же дня в селе появился старший сержант Павел Горлач, сын Варькиных соседей, провалявшийся последние полгода в госпитале и демобилизованный по случаю окончательной победы в войне. И Варвара из надрывно громких проводов попала в веселый и радостный угар встречи живого героя. После трех дней гуляния очнулась она на сеновале соседского хлева, среди горького аромата пересохшей травы, в объятиях разудалого Павла.

А через неделю уже пошла за демобилизованного сержанта.

Свадьбу гуляли немо. На стол поставили черный чугунок с картошкой, заправленной жареным луком. Раздали деревянные ложки и рядом положили по одному соленому огурцу. Когда начали есть, во дворе заголосила гармонь. Варвара поднялась из-за стола, чтобы пригласить гостей. Но свекровь опередила — выскочила в сени и с грохотом задвинула железный засов на входной двери.

В дверь стучались.

— Открой! — сказал свекор.

— Не постреляють, — огрызнулась свекровь. Уселась за стол и тупо уперла белесые глаза в чугунок с картошкой.

Гармонь, обиженно взвизгнув, умолкла и ушла со двора...

Молодые полезли на печь...

Потянулись зимние скучные дни с однообразной домашней работой. Иногда встречала Варвара у магазина тетку Василину, мать Ромася, учтиво здоровалась, отводя глаза. Но спрашивать о чем-либо не решалась. Да и должна ли интересоваться парнем чужая жена...

Павел, как бывший заряжающий САУ, определился механиком в МТС. Он пропадал на машинном дворе неделями, возвращаясь домой только на воскресенье. И всегда пьяным. На несмелые упреки жены отвечал буйным гневом. Однажды за невестку вступился свекор. Но сын в пьяном угаре огрел отца чаплинником по спине, после чего старик месяц лежал на печи, харкая кровью, днем и ночью стеная от боли, и вскоре умер. А машинно-тракторное начальство недолго терпело хмельные проделки механика, ко всему прочему, оказавшегося лодырем и неумехой. Возвратившись в село с десятью тридцатками, — заработком и выходным пособием, — Павел просадил половину с председателем колхоза, бывшим пасечником, и получил должность конюха. Оказавшись охранником гнедого пятилетнего жеребца и четырех престарелых кобыл, он чувствовал себя на колхозной конюшне хозяином жизни. За бутылку самогона позволял «спользовать» животину и телеги. В отсутствие в селе председателя Павел запрягал жеребца в бричку и куролесил по улице и переулкам, стараясь аккурат подмять копытами нерасторопную загулявшую кошку или случайно вырвавшегося со двора на свободу пса. Маленькую каморку у входных ворот конюшни, где хранились хомуты, вожжи и седелки, отгороженную от денников стеночкой, плетенной из худых прутьев ивняка, вымазанных толстым слоем глины, он превратил в «шанхай», где собирались мужики «забить козла» и потолковать «за военну жизню». Про дом Павел, казалось, и не вспоминал, часто ночуя на конюшне, обходясь вместо домашней стряпни подношением за «спользованных» коня и телегу.

Варька старалась не думать и не вспоминать Ромася. Да и зачем ей выкручивать душу, как сухие коренья, когда живот крепко уже надулся и кто-то живой иногда требовательно стучал в грудь, заставляя останавливаться дыхание. Только раз защемило Варькино сердце по улетевшему счастью. Как-то невзначай набежала удушливая волна, словно дым от весеннего костра: в августовскую жаркую пору потянуло ее на заветное место к речке. Уговорила она Павла сходить вечером на берег. Захотелось ей, как голодному хлеба, еще раз окунуться в сладкий омут, услышать песню, что угасающим эхом иногда долетала от берега до хаты и продолжала тревожить душу. Надеялась, что на берег невидимый Дух счастья принесет им от леса, луга и реки ее заветную песню и наполнит ею каменное нутро мужа.

Они сидели у реки битый час молча. Варька ждала, что вдруг от леса налетит еще не забытый, сладостный порыв и, накрыв собою их, вдохнет в душу Павла хоть малую толику нежности и любви. А он, тяготясь присутствием жены, беспрерывно садил самокрутки из едкого самосада, и дым от них стелился плотным облаком над рекой, затмевая свет кровавого летнего заката. Уже и звезды проклюнулись на потемневшем небе, а вокруг все молчало, точно обиженные река, луг, лес и даже ветер не хотели замечать Варьку.

За рекой кто-то зажег костер.

Павел оживился, стянул сапоги, поставил их рядом с женой и, смачно сплюнув, буркнул: «Я пошел». Он в три прыжка перелетел брод, засеменил босиком к манящему свету костра и растворился в серой темени луга. Вскоре у огня загорланили песню. И из месива звуков можно было выделить пьяный голос мужа.

Варьке хотелось заплакать, побежать к тетке Василине, поклониться в ноги и умолять вернуть ей Ромася. Да кто приветит брюхатую бабу — чужую жену, да еще и при живом муже. И в сухих ее глазах не было слез.

Она тяжело поднялась, подхватила мужнины сапоги и, переваливаясь из стороны в сторону, медленно пошла домой вдоль реки. Еще не остывшая за жаркий день земля почему-то холодила босые ноги. Но идти быстро не было сил. И ей казалось, что она замерзает.

3

В середине декабря, когда за глиняными стенами хаты мела и выла снежная заверть, при первых лучах холодного солнца Варвара родила сына.

Об этом доложил Павлу посланный на конюшню внук бабки-повитухи. Конюх оставил лошадей, побежал в село, выпросил самогона и, не приходя домой, устроил веселый праздник для дружков прямо на конюшне. Веселились весь день до поздней ночи. Народ разошелся, а Павел заснул тут же, подложив под голову седло. Разбудил его ошалевший председательский жеребец, стоявший в деннике за плетеной стенкой хамутни. Перед тем сонный конюх, ворочаясь, опрокинул керосиновую лампу; огонь долго тлел на войлочной попоне, наполняя закуток ядовитым дымом. Жеребец громко ржал, призывая на помощь, и будоражил несчастных кобыл. А когда огонь голодным сполохом взмыл к стропилам и стал лизать соломенную крышу, конь всей своей свирепой мощью навалился боком на стенку, завалил ее и, ударив конюха копытом в колено, вырвался на уже ярко освещенный, белоснежный двор и с диким ржанием умчался в ночную холодную тьму подальше от слепящего, жгучего зарева.

Павел, не чувствуя боли в ноге, успел открыть денники, выпустить кобыл и годовалых жеребят.

На пожарище сбежался полусонный люд. Но тушить никто не взялся, резонно рассудив, что пылает далеко от сельских хат, да и добро-то колхозное, а не свое.

Ближе к полудню, когда еще дымились угли, на пепелище из района подъехали на санях трое: два милиционера в темно-синих шинелях, засупоненные в крепкие кожаные портупеи, и сухонький, маленький старичок в коротком полупальто и белых бурках. Один милиционер допрашивал конюха — благо, Павел и не уходил с пожарища, а второй пошел по дворам расспрашивать свидетелей и составлять протоколы за «кражу колхозного имущества» на тех, кто сжалился над полуголодными брюхатыми кобылами и с пустого, холодного снега загнал несчастных животных в теплый хозяйский хлев.

Старичок споро и деловито обходил дымящиеся остатки колхозного добра и что-то быстро записывал в толстую тетрадь. За ним, как несмышленый барашек за овцой, бегал председатель, мордатый Софрон-пасечник, и севшим от беспрерывного крика и ругани на моро-

зе голосом материл конюха, стараясь разглядеть в записях старичка что-либо важное для себя.

Районные дознаватели уехали на ночь глядя, прихватив с собой Павла.

Мытарили его в милиции недолго. К обеду следующего дня он поставил смачные жирные закорючки на десятке листов и, пообещав следователю, что никуда не сбежит, был отпущен домой. Когда Павел напяливал шапку, старичок, оказавшийся самым главным следознаем в районе, казал мягко и вкрадчиво, точно хотел приласкать злую собаку: «Суд тебе штраф в десять тысяч назначит. А слиняешь — десять лет впаяем».

И только выйдя на полусгнившее крыльцо казенного дома и сделав несколько шагов, Павел почувствовал сильную боль в колене. Он кое-как доплелся до рынка, надеясь найти там попутную машину или подводу, но вместо них, как на грех, нос к носу столкнулся с однополчанином, списанным с войны по причине осколочного ранения в голову. Наскоро выплакав бывшему наводчику в распахнутую шинель свое несчастье, Павел как будто сразу избавился от душевной тяжести как от сущей безделицы. Тем более что контуженый однополчанин, клятвенно разбивая о собственную грудь кулаки, пообещал помочь уладить дело — милицейский старшина, определенный на спецдолжность ночного топтуна-охранника парадной двери здания райкома-исполкома, — его родной брат.

По последнему стакану бойцы выпили уже около десяти вечера, когда подоспел час закрываться рюмочной. И Павел, точно очнувшись, сообщил своему приятелю: «У меня позавчера... сын народился!.. Во як! А я еще не видал его... Ты у меня кумом будешь!..»

Попутка довезла пьяного конюха до перекрестка, где с большаком схлестывалась дорога, бежавшая из села. «ЗИС» осветил холодным огнем занавоженный съезд, скатывавшийся в поле. Долго ждал, пока пассажир выберется из кузова на снег. И умчался в стынущую ночь.

Оставшись на обочине в кромешной тьме, Павел долго соображал, куда идти. И, пересиливая боль в распухшей ноге, поплелся, угадывая натоптанную твердь...

Нашли Павла через три дня у длинной скирды, что стояла в двух сотнях метров от большака. Туда его заманила дорога-обманка, накатанная санями, возившими солому на подстилки скоту. Он скованно спал, поджав ноги, отгородившись толстой охапкой соломы, как от злых собак, от мороза, от невзвешенного трезвым сознанием, неподъемного штрафа за поджог, от мало ему интересной нефронтовой жизни. Руки закостенелой хваткой крепко держались за больную ногу. Лицо Павла застыло с совершенно живой гримасой. Нашедшему бездыханное тело показалось, будто нога у Павла все еще продолжала болеть.

После похорон Варвара переселилась от свекрови в собственную хату. Перебираться — дело недолгое. Через низенький тын переступила — и родина.

Вскоре на сельский погост к разваленной церкви отвезла она и собственную мать. После этого дом и вовсе осиротел.

С приходом весны стали затягиваться понемногу житейские раны. Но подоспела новая напасть — косящей болезнью по дворам пополз черный слух про налог на сады. И что брать власть его вознамерилась не грушами, вишнями и яблоками, а деньгами за каждое дерево.

Шел народ в правление на собрание, вдыхая аромат молодого яблоневого цвета, а уходил, неся молчаливый приговор садовому буйноцветью. Мужики вернулись домой после собрания угрюмые, а бабы — с раскрасневшимися от слез глазами. Даже ярый до власти и всякой приказной глупости Софрон-пасечник и тот, прочитав присланный из района указ, тотчас после собрания, когда еще самый нерешительный, сомневающийся народец не успел разойтись, примчался к главному собутыльнику конюха Павла, сторожу при каморе, запойному Якову Усику с топором и сулеей самогона.

«Ты за меня срубай мое... — угодливо потребовал он, беспрерывно почесывая то шею, то грудь от налетевшей вдруг чесотки, как будто стыдился своего председательства. — Мне ж самому это нияк не дозволяется. Если узнають, шо я своими руками... — он задыхался махорочным перегаром, — на Беломор якой загонють... як я партейный... член!» — и громко выматерил себя за это самое, до сих пор устраивавшее его, членство.

Заложив жеребца в бричку, председатель полетел на ночь глядя в район, чтобы во время предрассветного садового разора быть на виду у начальства.

А к полудню следующего дня погас в садах вокруг хат белопенный весенний пожар. Пережив немцев и румын, вишни, сливы и яблони не устояли под топорами хозяев. А хаты выбеленными стенами вздыбились над землей и стали напоминать голых срамных баб, захваченных врасплох и выгнанных на юр каким-то полоумным, пьяным охальником.

В тот день даже рассвет зачинался без солнечного румяного рдения и птичьих радостно-призывных песен...

4

Засеяв пшеницей и просом огород, посадив вокруг хаты картошку и всякую огородную мелочь, Варвара оставила грудного сына на попечение свекрови, а сама ушла в город. Нужно было искать работу, хоть какую, за которую платили бы деньги. Но ее нигде не брали — не было дозволительного документа: справки из сельсовета или паспорта. Тогда она стала уходить в город по пятницам и возвращалась в воскресенье к ночи или в понедельник к рассвету.

По селу поползли кривотолки. Бабьи языки, скорые на брехню, перешептывались, что Варька спуталась в городе с какой-то старухой-сводней, которая помогает ей зарабатывать известным способом. Но к лету Варвара все реже ездила в город.

Заработанное же на трудодни поместилось в двух трехпудовых мешках: в одном — ячмень, в другом — жито. Полагавшиеся полведра сахара и ведро пшена Софрон-пасечник отписал в колхоз в пользу облигаций... И все это за махание от зари до вечерней темени здоровенной лопатой у веялки на току да за спинолом на свекловичном поле с весны до осенних заморозков. Могли бы дать больше, — добавить ведро пшена, да председатель вычел его за «гуляния с городскими» по субботам.

Протянула кое-как Варвара без мужика три года. Осенью посеяли рожь. А на весну, как только со свекровью посеяли просо и посадили картошку, ушла в город. Вернулась она через месяц. И уже ближайшим вечером свекровь вышла на посиделки с товарками в новом зеленом

платке, а маленький Сережа выскочил на улицу в коротких городских штанишках со шлейками, обутый в крохотные, на три размера больше, чем детская ножка, коричневые парусиновые «бульдоги».

Снова за спиной у Варвары зашевелились ядовитые языки.

«Мы тута спину ломаем, а она, лярва, гляди, чего выделываить!» — возмущались бабы, прикрывая собственную зависть от чужого глаза дурным словом.

«Шлендраить!»

«Вона, как цуцыка нарядила!»

И никто не глянул на ее руки, огрубевшие от поденных стирок по городским квартирам, изъеденные каустиком, излизанные кипятком и от этого красные, точно раки, вываренные в окропе. И только чуть заметная бабьелетная паутина морщин серой сетью опустилась на Варварино молодое лицо, немного испрямив и крепче сжав короткие полные губы да вылив под глаза синеву теней.

Через неделю Варвара привела откуда-то тощую полуживую телку. Когда переводила скотину через брод, встретился ей Софрон-пасечник на бричке, запряженной гнедым жеребцом. Поравнявшись, он зло сказал: «Знал бы Павло про твои шашни, из земли встал и задавил бы гадину!»

«А ты полезай до него в могилу, — ответила, смеясь, Варвара, — и пошепчи на ухо, хрен старый! А мне потом весточку передашь...»

«Тьфу, курва!» — только и выпалил председатель, не имея сил вытащить другие слова из горла, сдавленного одышкой.

Телку, к счастью, выходили.

На другую весну, вспахав на себе огород, засеяв, Варвара снова собралась идти в город поденничать по богатым квартирам.

Оставив свекрови большую бежевую бумажку с цифрой «50», припрятанную с прошлого года «на случай» и «на гостинцы дитю», и наказав глядеть в оба за коровой и малым телком — не пускать в стадо, а пасти самим, — пошла на большак, пообещав скоро вернуться.

Но вернулась она уже через час.

Когда село скрылось из виду, а дорога готова была вильнуть в лес, за которым тянулся большак и бегали машины до города, нагнал ее мордатый Софрон-пасечник все на той же бричке, запряженной все тем же гнедым дьяволом. Не слезая на землю, размахивая перед лицом Варвары толстым кнутовищем, председатель закричал, надуваясь воздухом: «Пойдешь у город — весь огород перепашу! Все кругом хаты отрежу!.. И тебе, и свекрухе!.. — И поймав испуганный взгляд женщины, в радостной злобе добавил: — Ты чия!? Ты — колхозная! И нечего по асхвальтам своим задом елозиться! Мало тебе мужиков тутась!»

В бричке под ногами у председателя лежал складной саженный метр. Варвара выдернула его и перетянула им толстую спину старика. Второй удар пришелся по быльцу брички и переломил мерило пополам. От боли председатель взвыл, а перепуганный жеребец взял с места в карьер.

Уже развернувшись, пустив коня галопом прямо на Варьку, пасечник, кривясь от боли, заорал: «Лярва толстозадая! За струменталий по закону побегишь в эмгебу! Я те усе кругом пообрезаю!»

Варвара долго стояла на дороге в раздумьи. Но решила, что этот старый нелюдь обязательно выполнит угрозу — отрежет землю, а еще хуже — перепашет посеянные картошку, жито и просо. С этой мыслью повернула назад.

Надежда, что сумеет отработать стиркой взятые в долг у добрых людей деньги, на которые была куплена телочка, растаяла и разлетелась, подхваченная ветром.

«А без огорода совсем погибель, — сказала она себе. — Единственный кормилец. Все трудодни на налоги пойдуть... Хоть картошка на зиму будить...»

Дома, при свете керосиновой лампы, она уселась за стол и принялась выводить на листе, вырванном из тонкой тетрадочки, случайно дожившей с ее школьного далекого времени, толстым химическим карандашом большие аккуратные буквы. Испачкав губы чернильной грязью, Варвара, как умела, объяснила, что не может приехать сейчас, и просила не волноваться и подождать от нее денег, а долг она обязательно «отработаить». И пообещала каждый месяц на один день приезжать стирать. А еще дописала: «Когда у меня поспеить ягода усякая смородина паречка крыжовник то я с сыном Сергеем до вас целую корзыну прывезу. Бо после налога вишни вырубаные ище не выросли. Не думайте ради Христа шо я вас обманюю. Пока я живая обязательно вэрну усе до копеечки и ще свое отдам. А помру, то сыну накажу. Он отдасть. Кланяюсь вам низко в ноги.

Варвара Горлач удова».

Письмо она отдала письмоноше.

Когда же к Варваре во двор вошли два незнакомых мужика и сообщили, что набирают рабочих на рытье траншеи и за это будут платить деньги, она стала проситься сама, а потом предлагать шестилетнего сына Сережу. Но получив отказ, долго не раздумывая, побежала к Ромасю Литовке.

5

Как только Варвара ушла, Татьяна учинила скандал.

— Чего удумал для этой сучки делать?

— Ты не ругайся, — попросил Ромась.

— Так чего она прибежала!?

— Канаву попросила покопать. Мне не жалко. — Ромась пододвинулся к окну, принялся за второй сапог.

— Ты поглянь, чего захотела!? — выкрикнула Татьяна, не понимая, о какой канаве идет речь. — Мало ей в городе мужиков!? Так сюда!

— По мне лучше копать, чем с тобой цапаться, — сказал Ромась.

Но Татьяна продолжала ругаться, двигая рогачом горшки в печи.

— Ты ей чего? Нанявся!? Пусть сама и копаить! — Печная заслонка выскользнула из ее рук и с выворачивающим нутро дребезжанием и визгом ударилась о глиняный пол. — А ты!? Хватить за Христа ради копать! Фершалке погреб выкидал? Так она хоть если не грошей, так лекарству якую бы дала! А то видали!.. Токо две курки дохлых. И это за целюсенький погреб!

— А тебе они для чего... лекарства?

— Ты вона якой из армии вернулся? Контуженый...

— Где это я контуженый?

— Сам знаешь где. Год, як вернулся, а детей нету.

«Может, это ты контуженая», — про себя огрызнулся обиженно Ромась. Отложил сапог. Ему стало неприятно сидеть в хате.

Угадав, что Ромась хочет уйти, Татьяна зачем-то крикнула в собственное оправдание:

— А чего это ты за иё работать должон!? Нагуляла дите — пускай сама и копаить.

— Все дети нагулянные. — Ромась снял косоворотку, вспомнив, что на воротнике оторвалась пуговица. — Якие — с горя, якие — с радости. Я нагулянный и ты нагулянная...

— Я — законная! У меня батько и мамка были!

— У всех батько и мать имелись. Только Иисус без отца родился, бедолага...

— Выходит, что Иисус — байстрюк!?

— Ему можно и без батьки. Он — святой. — Ромась влез на печь, достал подушечку, в которую были воткнуты иголки.

— И ты в святые попасть хочешь? Свои гроши кому-то отдавать! Каким-то голодранцам...

— Она мне свои трудодни...

— Мы еще поглядим, якие будуть этие трудодни. С нашим пасечником если до Рождества дотянем — то и слава Богу. А ты пошел бы и отнес свой паспорт в район. Тебя б в колхоз записали. И имел бы трудодни. Тебе Софрон ключи от каморы обязательно отдал бы. Ключник — это тебе не капусту и картошку полоть с утра до ночи...

— Скоко раз можно тебе долдонить одно и то самое? Не хочу я идти у ваш колхоз. — Ромась притягивал ниткой пуговицу.

— Чего б это я держалась за этую бумажку, як блоха за кожуха!? Здался мне этот паспорт, если от него ниякой пользы. Без него до сегодня жили... А копать к Варьке не пущу! Так и знай!

— Ты меня не пугай, — негромко возмутился Ромась. Надел рубаху, резким движением перехватил ее широким солдатским ремнем, заправил складки на спине. — Я тебе даже не сват и не брат пока, чтоб мною командовать.

— Это ты куда собрался!?

— А про Варьку будешь брехать — рот зашью. — Лицо его нанахмурилось. На щеках пропахались глубокие, длинные морщины.

— Чего это я должна молчать, когда она посреди дня от баб мужей отбиваить?! Якуюсь канаву придумала!..

— Я пока тебе не муж, — сказал Ромась тихо. — У меня своя хата за тыном стоить...

— Ты у меня и есть приймак! Не наравится — иди у свою! Чего до моего зада лабунишься...

Последние слова догнали Ромася уже в сенях и пролетели мимо. Все его мысли сейчас были на лугу, где какие-то люди решили рыть канаву.

«Надо поглядеть, — буркнул он, выходя во двор. — Далеко не идти...»

6

После возвращения из армии Ромась, сбив с окон приколоченные крестом тесины, неделю слонялся по двору, по пустой хате, не находя для себя дела. Спалив в печи последние дрова, оставшиеся после покойницы матери, решил привезти новые. Выпросил для этого у председателя коня и телегу. Но его, груженного хворостом, застукал лесник. Пришлось долго объясняться. И чтобы уладить неприятности, подрядился вырыть леснику погреб. С того погреба покатил по дворам слух, что

Ромась Литовка за малые деньги, а чаще за харчи, может быстро вырыть погреб или в паре с хозяином — колодец.

Вот только зимой мерзлую землю не копают... И не имея никакого хозяйства во дворе, устроился Ромась в райцентре сторожем галантерейной базы, но не сошелся с главным кладовщиком — не согласился помогать вывозить по ночам «списанный» товар, — и его заставили уйти. Перебивался случайным заработком — то какой вдове тын поднимет, то, сорванный ветром, кусок соломенной стрехи подлатает. Бобыльное житье заставляло ходить по соседям. Как-то крещенским вечером, зайдя за солью к соседке Татьяне, такой же бобылке, крикливой, длинноносой молодухе, попал на шумное застолье, да так и остался.

С Варварой он несколько раз встречался в магазине. Холодно здоровался и старался поскорее уйти. Ему казалось, что Варька смотрит на него вызывающе, надменно, как бы всем своим видом говоря: «Сам виноват. Не надо было ходить в армию». А сейчас, ворвавшись в чужую хату со слезной мольбой, эта женщина разом расколола в душе Литовки ледяную скорлупу отчужденности, за которой он прятал от себя, как в могиле, желание видеть эту женщину.

7

Ромась, миновав сельский прогон, огородами пошел к реке.

Дорога выскочила из овсов и потянулась вдоль берега. Он испугал своим появлением береговых ласточек. Птицы с шумом сорвались с дырявого, как сыр, берега и, скользнув белыми грудками по серебру воды, взмыли вверх, тревожно крича. Еще издали Литовка увидел на лугу за рекой маленький домик и черный трактор, который чуть слышно покашливал, как больной старик.

«И точно приехали копать, — обрадовался он и вдруг заволновался. Ладони у него вспотели. — Сейчас мужики налетят... Если меня возьмут копать, то тут можно будет заработать...»

И подчиняясь этой мысли, зашагал быстро, даже немного сдерживая себя, чтобы не бежать. Долго перебирался через брод. После недавнего дождя вода в реке поднялась, и пришлось раздеваться.

«А как же эти канавщики перебирались? — подумал он. И увидев глубокий след колесных шипов, что уходил от уреза воды к лугу, сообразил: — На тракторе. Вот только он нам весь брод перепашет. Придется уже через месяц кладки цеплять...»

Возле зеленой будки, снятой с командирского «студебеккера» и поставленной на салазки из больших труб, как на лыжи, сидел грузный мужчина, облокотившись на колени и обхватив короткими пальцами больших ладоней лысую седую голову.

— Вы землю копать берете? — спросил Ромась, стараясь перекричать бухтящий трактор.

Лысый, с большим трудом приподняв веки, серой мутью взглянул на просителя и громко, пересиливая бухтение трактора, спросил:

— Документ имеется?

— Документ? — удивился Ромась.

— Забыл?.. Ты государ-рственный чело-овек. Какой у-у тебя документ может быть, мертвая душа? Ферштейн?

Он опустил веки и сонно засопел.

— Так тут канаву копают?

— Чё? — Голова подлетела испуганно и снова упала на руки. — Бери лопату и копай.

— У меня свои имеются.

Лысый медленно поднял голову и с удивлением окинул Ромася пьяным взглядом.

— А ты сразу де-эсятью лопа-атами гребешь? — И осталось непонятным, то ли он спрашивает себя, то ли Ромася. И не имея сил удерживать голову, опять бросил ее в ладони, точно увесистый камень, выцветший на солнце. — На-ачинай. Фершт-тейн?

— Лучше я завтра с самого утра. — Литовка внимательно осмотрел пожелтевший, выгоревший под жгучими лучами луг, стараясь угадать, где будет начинаться канава. — Якая глубина?

— Ты про-оверяющий? Много знать хочешь? Завтра и по-окажу. У тебя не-эту чего вы-ыпить? Го-олова раскалывается.

— Нету.

— Ну, и-иди с Бо-огом.

— А платите сколько?

— Ты таких де-энег сроду не вида-ал, какие я пла-ачу. Во-осемь целко-овых за ме-этр. Сделаешь три ме-этра — на сургучок за-аработа-ешь, ме-ортвая ду-уша... У тебя вы-ыпить есть?

— А норма якая? — спросил Ромась.

— Ско-олько выкидаешь — все твое будет. — Лысый с усилием поднял голову, снова опустил на руки и сонно засопел.

Литовка постоял возле него и, поняв, что от этого пьяного человека ничего вразумительного больше не услышит, побрел обратно.

«Штыковая есть, — соображал он, в мыслях готовя себя к завтрашней работе. — Подточить... На совковой не мешало бы черенок сменять. Короткий. В канаве с коротким работать неудобно. И саперку на всяк случай не забыть... — И вспомнив недобрые слова лысого про десять лопат, подумал: — Знаю я ихний казенный инструмент. Тупой... Держаки ломаные...»

Он снова пошел вдоль реки.

На чистом краю пустого тырла купалась голая ребятня. С визгом и криком они стреляли друг в друга струями воды, стараясь увернуть лицо от колючих брызг. Литовка узнал Варькиного сына Сережу — его смоляная голова выделялась среди выгоревших белобрысых, — и остановился, наблюдая.

Сережа, постреляв, вдруг нырнул и, вынырнув, кричал:

— Я дно достал! Там холодрыга! — И схватив широко раскрытым ртом воздуха, снова ушел с головой в воду. После третьего нырка он крикнул, держа в кулаке какую-то черную палочку. — Чего я нашел!

— Там еще есть? — спросил кто-то, даже не определив ценности предмета.

— Сейчас поищу, — мальчик, не выпуская находку, снова нырнул. А когда выскочил на поверхность, крикнул: — Нету! Только одна. Обойма от немецкого пистолета.

— Дай поглядеть!

Дождавшись, когда ребятня выберется из воды, Ромась поманил Сережу.

— Чего сталось? — торопливо спросил мальчонка, задыхаясь и оглядываясь на приятелей.

— Скажешь мамке, что я выкопаю для вас.

— Хорошо, — не понимая, чего от него требуют, согласился мальчик и с высокого берега прыгнул в воду.

Литовка пошел домой.

Во дворе на крыльце сидел незнакомец — худенький человек с толстыми обвислыми усами, в городских сандалиях и серой шляпе. У его ног на спине валялась хозяйская собачонка, радостно дергая лапами. Увидев Литовку, незнакомец пошел ему навстречу. А глупый пес в радости тоже бросился на хозяина с лаем.

— Вы Ромась Кондратьевич? — пытаясь улыбаться, спросил гость. — Я из Павловки... Директор школы.

— У нас говорили, — ответил Ромась, — что в Павловку новый директор приехал.

Они остановились посреди двора. Литовке не хотелось приглашать учителя в хату, а учитель не очень рвался туда.

— Мне сказали, что к вам можно обратиться, — начал директор, борясь с собственной скованностью. — Что вы можете...

— Чего копать? — сразу спросил Ромась.

— Мы решили сделать общий погреб. Один для всех учителей. Сначала хотели — каждый для себя. Посчитали — дорого. А если один на всех — кирпичей и досок гораздо меньше.

— Большой? — спросил Литовка.

— Двенадцать на четыре... И глубиной — три.

— Крепкий, — озадаченно сказал Ромась.

— Каменщик у нас свой. Учитель истории. А вот яму некому... Это Петр Иванович вас рекомендовал. Вы у него учились.

— Он еще живой?— обрадованно спросил Литовка. — Ой, як меня за уши крепко дергал. До этих пор болят.

— Старик совсем плохой. Не встает.

— А хто будить землю оттаскивать? — спросил Ромась. — Там же сто пятьдесят кубов...

— Я школьников позову.

— А с трех метров? Глубина...

— Все... Учителя и дети...

— Тогда ждите. Я инструмент возьму. — Ромась с радостью пошел в хлев, схватил две лопаты. Он был благодарен незнакомому учителю, что тот своим визитом избавляет его от нужды не только заходить в хату, но и находиться в этом дворе. — Пошли. Час — туда, час — обратно. Я за три часа успею на метр зарыться.

— Так... — опешил директор. — Я думал... завтра... С утра... День-то кончается.

— С утра у меня работа. Канаву для телефона рыть. Уже договорились. Нельзя человека подводить. А я после обеда буду приходить. За неделю выкидаю.

Они вышли со двора и пошли к броду.

Тырло пустовало. Только две горленки деловито ходили вдоль уреза воды да воробьи жадно разбивали засохшие коровьи блины.

Вокруг зеленого вагончика тихо и пусто. Молчал трактор. На двери командирской будки висел огромный амбарный замок.

— Давайте одну лопату, я понесу, — предложил учитель, когда пошли по лугу к лесу.

Литовка отдал штыковую, а себе оставил совковую.

— Странная у вас лопата, — заметил учитель.

— Такой не купишь, — с гордостью ответил Ромась. — Из армии привез.

Лопата действительно имела непривычную форму. Прямоугольная, как заступ, она была чуть уже магазинной, но в полтора раза длиннее.

— А почему она у вас белая? — спросил учитель.

— Такое железо. Титан называится. Тот человек, который подарил, сказал... сносу ей не будить. Он специально для меня иё сделал. Говорил... из такого самого железа на их заводе подводные лодки секретные клепають.

— А вы где служили?

— Пограничником. На Амуре.

— Как вас далеко занесло.

— А якие уроки вы в школе ведете? — спросил Литовка.

— Математику... физику. И еще — черчение.

— А я только семь классов в школу ходил. Петро Иванович меня уговаривал, а я сдуру не пошел у восьмой. Нужно было в район ездить. А потом война... А вы знаите, при немцах в школе комендатура была. Аусвайсы выдавали. Меня в Германию хотели забрать, так я сбежал и в лесу три месяца своих дожидался.

Разговор угас. До самой деревни они шли молча. И только когда пришли на школьный двор, директор спросил:

— А почему вы не спрашиваете об оплате?

— Ну... Скоко дадите... як дадите тысячу, — смущенно ответил Литовка. — А то все или шмат свиньи, или курицу дають.

— Свиньи не дам. Нету пока у меня. А три тысячи будет достаточно?

— Конечно.

— Тогда по рукам, Ромась Кондратьевич. Пойдемте, я покажу вам место.

— От только вы мне кусочек мыла принесите, — попросил осторожно Ромась, — в счет денег... А то я забыл взять.

8

Солнце заходило долго, обливая рубиновым огнем железную крышу школы. Потом на еще сером небе вдруг неожиданно вспыхнула первая яркая звезда. Увидев ее, Ромась выбросил последний штык, подравнял совком дно ямы и выпрыгнул на бруствер.

«Пора», — сказал он себе.

Вытряхнул из ботинок землю, набросил рубашку, побрел домой.

Когда вышел на луг, совсем стемнело. Шел наугад по давно знакомой дороге. За рекой в селе перекликались собаки да кое-где перемигивались немощными огоньками окна. У брода, под звездами, он разделся, намылился и с разбегу бросился в воду. Река с радостью приняла его.

Уже на другом берегу он долго стоял, ожидая, когда высохнут капли воды, густо облепившие тело. То поднимал рубашку с песка, намереваясь надеть, то бросал ее снова, как якорь, который смог бы удержать его возле уреза воды. Когда же оделся и взобрался на высокий берег, глянул в конец деревни, где вдали мерцали влекущие огоньки в окошках Варькиной хаты. Его неодолимо потянуло туда...

«Ну, приду... — подумал Ромась. — И чего скажу?»

И не находя ответа, медленно поплелся к Татьяне.

На прогоне у колодца он остановился и с завистью посмотрел на яркое, выбеленное лунным светом небо, где, смеясь и подмигивая ему, весело и беззаботно переглядывались звезды. Вдруг стала понятна их беззаботность: они были у себя дома, а не на печи у Таньки.

«Пойду до себя!» — решительно приказал себе Ромась.

Чтобы не возиться с ломаной калиткой, перепрыгнул через тын. Нащупал под крыльцом ключ, открыл рывком дверь и остановился. Из черной глубины сеней ему в грудь ударила тяжелая волна приторного мышиного запаха и нежилой затхлости. Она была столь сильна, что Ромась даже отшатнулся. Не находя сил шагнуть в сени, бессильно сплюнул, набросил на дверь замок и тяжким шагом поплелся к Татьяне.

Хозяйка громко храпела на печи.

В хате тоже пахло мышами. И Ромась удивился, почему раньше этого не замечал.

На подоконнике он нашел полбуханки хлеба, крынку молока. Не зажигая лампу, при свете месяца, нехотя пожевал, снял с гвоздя ватник, бросил его на лавку, что стояла у стены, и улегся.

В ночное окно были видны звезды и тонкий серп уходящей луны. Вспоминалась застава. И подоспела съедавшая его по ночам мысль, что он напрасно вернулся к себе домой.

«Даже стола в хате нету, шоб посидеть як людям... Жрешь с подоконника, як тая собака... Лучше б я на Амуре остался...» — пожалел себя Ромась.

9

Утром Литовка был у вагончика первым. С недоуменным беспокойством он обнаружил на ручке двери сиротливо висевший открытый замок.

«Работнички, — подумал Литовка. — Уже солнце над лесом, а дело стоить. Может, я только один записался? А одному работу хто дасть? Может, лысый вообще уехал в город?»

Ромась постучал в дверь.

— Колька? — раздался сонный голос изнутри. — Кто там?

— Копать пришел.

Дверь откинулась. Из вагончика пахнуло крутым перегаром, смешанным с махорочной вонью. На пороге стоял лысый в черных трусах. Его морщинистое, мятое лицо было серым, а глаза непонимающе смотрели на посетителя.

— Копать?.. А, это ты, мертвая душа. Один?

— Один.

— А чего других не привел? Хочешь все деньги сам заработать?

— Где начинать? — недовольно спросил Литовка. — У меня нету времени.

— Нету — уходи. — Лысый еще плавал в волнах водочного угара.

— Какой профиль рыть?

— Откуда ты такой грамотный? Вино есть? — Но не получив ответа, добавил: — Тогда жди.

Лысый сошел на землю и вдруг быстро побежал к реке. Оттуда долетел громкий всплеск воды, точно в реку бросили что-то большое и тяжелое. Когда вернулся мокрый, лицо его совершенно преобразилось. Морщины разгладились, и оно даже посветлело.

«Сябрына»: Беларусь — Россия

— Где твои гробокопы? — уже серьезно спросил он. — Обещали прийти к восьми.

— К восьми и придут.

— А сейчас которое время?

— Где-то семь.

— Какой леший тебя в такую рань принес? На заводе когда смена начинается? В восемь! Здесь тебе не колхоз, мертвая душа, а завод. Понял?

Лысый вошел в вагончик, напялил на себя штаны и рубашку. Достал из-под стола бутылку, глянул на нее и швырнул недовольно обратно.

— У тебя самогон дома есть?

— Нету.

— У кого в селе можно достать?

— Не знаю.

— Боишься, что под статью подведу? — раздраженно спросил лысый. — Лень сходить?.. Не могу начать... Плохо мне...

Возле будки появился круглолицый парень лет двадцати, во флотской фуражке без кокарды, в сатиновой безрукавке ядовито-зеленого цвета и белых парусиновых штанах, закатанных до колен. Его босые ноги были испачканы дорожной пылью. В одной руке он держал белые парусиновые туфли, густо измазанные сочной травяной зеленью, а в другой — авоську, набитую картошкой. Поверх нее лежали бутылки с молоком и мутным самогоном. Он поднялся в вагончик и громко спросил:

— Ты живой, Макагоныч?

— Ты куда, Колька, водку девал!? — крикнул лысый.— Выпил!?

— Под столом полбутылки оставил, — ответил парень.

— Брешешь! Пустая она. А еще принес!?

— Принес. — Парень бросил на пол авоську и вынул из нее бутылку с мутной жидкостью, закрытую газетной пробкой.

Макагоныч быстро налил полстакана и выпил.

— Э-рх-х! — зарычал он, приложив ладонь тыльной стороной к носу, и глубоко втянул в себя воздух. — Колька, чисть картошку, а я покажу человеку фронт.

— Всего только один? — недовольно спросил парень, снимая рубашку. — Прораб называется. Даже людей не нашел.

— А чего ж ты свою дрольку не привел? — ответил Макагоныч. — Или она после твоих засосов лежит на сене без задних ног?

Он вышел из вагончика и пошел в сторону леса, поманив за собой Литовку.

— Вот видишь, мертвая душа... — начал было прораб.

— А зачем вы меня мертвой душой обзываите? — возмутился Литовка.

— Тебе не нравится? — Макагоныч, не привыкший к отпору, опешил.

— Нет.

— А как же тебя называть? — попробовал оправдаться прораб. — Ты ж не человек. У тебя паспорт есть? Нету. Ферштейн? Была б моя власть, я б вас, колхозных, за версту к себе не подпускал. С вами одна морока. То нельзя брать на работу, потому что нет документов, то можно в виде исключения, если объект далеко от места... Вот потому вы хоть и души, а все мертвые. Работаете, а ни в каких документах вас нету. Ферштейн?

— Ферштейн! — огрызнулся Ромась.

Они подошли к двухметровому шесту, вбитому в землю, на вершине которого ветер полоскал кусок красной тряпки.

— Вот тут будет колодец. Для всяких там ремонтников. Ну, это тебе не надо. А вон там, — Макагоныч указал на дальний край леса, который быком выпирал на луг, — конец. Ну, не конец, а другой колодец. Потом — через речку дюкер... Это для тебя нихт ферштейн! А дальше — уже в самую Европу... И в Америку.

Действительно, вдалеке, у самого конца луга, под лесом, поднятая на шест, алела такая же красная тряпка.

— Ширина — полметра. Глубина — метр десять. Ферштейн? Копай.

— Норма якая?

— Восемь метров в день. Устраивает?

— А скоко стоить этая норма? — спросил Ромась.

— Восемь целковых за погонный метр. Мало?

— Хватит, — ответил Литовка. — От этого дрючка начинать? — Он взял заступ и воткнул его в землю рядом с шестом.

Но прораб отвлекся. Он внимательно смотрел в сторону вагончика. Там суетились новые люди.

— Еще мертвые души подвалили, — радостно сказал Макагоныч. — Начинай, а они — следом за тобой.

— Пусть они начинають. — Литовка узнал троих деревенских мужиков. — А я опосля их.

Прораб повеселел, махнул рукой, соглашаясь, и, ничего не объясняя, радостным шагом пошел к вагончику.

«Их ждать — век кончится! — возмутился Ромась, глядя, как возле вагончика неспешно возился народ. — Некогда мне из вами!»

Он постоял, соображая, отсчитал от шеста в направлении к дальнему флажку сорок шагов, которые равнялись тридцати двум метрам.

«Это для тех, шо пришли», — решил Ромась.

Достал из сумки кол, забил его в землю и, привязав к нему пеньковый шнурок, отмерил еще двадцать пять шагов.

Вбил кол, натянул шнурок.

«Так будить лучшей, — сказал он себе, озираясь на будку. — Пока эти работнички втроем выроють свои двадцать четыре — два дня пройдеть».

Черенком, на котором были сделаны затесы, Ромась отмерил ширину будущей траншеи и провел лопатой линию, параллельную натянутому шнуру. Быстрыми, ловкими движениями штыка взрыхлил землю, отрыл неглубокую ямку, чтобы в нее поместился язык совковой лопаты, и стал выбирать верхний слой земли.

— Здорова, Ромась, — окликнули его сзади. — Помогай тебе Бог.

— И вам пусть помогаить, — ответил Литовка и оставил работу.

За спиной стоял крепкий, загорелый мужик Василий Канюка, хата которого была наискосок от хаты Варвары через дорогу.

— Макагон приказал от тебя начинать, — сказал он. — Моя соседка не сказала, шо на канаву беруть, а сразу до тебя побежала.

— Вы от тряпки начинайте и до меня тяните.

— Народ придеть...

— А с тобой хто?

— Дед Харитон и Валька Рыбак.

— А с пасечником договорились?

— Пошел он! — выругался Канюка. — Если припрется — я на нем лопату переломаю. Она же все одно казенная. — Он громко рассмеялся. — Норма, знаешь, якая? Шоб заработать два червонца, земли надо выкидать, як свежую могилу выкопать. Я уже посчитал.

— А чем рыть будешь?

— Сейчас дед Харитон лопаты принесеть.

— У тебя своей не было?

— Свою переломаешь — держава не вернеть, — резонно заметил Канюка. — А казенную не жалко... А ты зачем веревку натянул?

— Чтобы прораб не упал у канаву, — отшутился Литовка и снова взялся за лопату.

Часа через два, уже сделав половину нормы, Ромась пошел к вагончику попить воды. Проходя мимо Канюки и его бригадников, заметил, что те успели пройти три метра на глубину трех штыков. Канюка и дед Харитон сидели в стороне и курили. А Валька Рыбак рыл. Потом он отложил лопату, а на его место встал Канюка.

— Ты бы нас до себя в бригаду взял, — сказал дед Харитон, обращаясь к проходящему мимо Ромасю.

— Я за вами не поспею, — ответил Литовка. — Дюже быстро роете. Як голодные боровы...

— Хто из нас роить, як боров, так это ты, — засмеялся Канюка.

10

Гнали сельское стадо на полуденный отдых к реке. Коровы, наткнувшись на шнур, сорвали его. Подождав, пока стадо пройдет, Литовка взялся сматывать нитку в клубок и увидел, что со стороны реки от брода прямо к нему идет Сережа. Почувствовал некоторую неловкость.

«Чего удумала... Скажут, что я специально нанялся Варьке... копать», — возмутился он и искоса посмотрел на деревенских мужиков, ожидая услышать с их стороны злые замечания. Но те, глядя на мальчика, продолжали равнодушно лежать на горячей земле.

Сережа шел быстро, деловито.

— Мамка дали, — сказал он отрывисто. Отдал узелок Литовке и уселся на бруствер с безразличным видом.

— Это чего? — спросил Ромась.

— Вы съешьте, а я пустую бутылку заберу. Чтоб завтра было куда наливать молоко.

— А мамка где? — спросил Ромась, развязывая концы белого платка. Там кроме бутылки молока лежали два большущих ломтя хлеба, пять вареных картошек в мундире, две луковицы и яйцо. В кусочек газеты были завернуты нож и соль.

— Мамка картошку кучить пошла.

— А ты обедал уже?

Мальчик промолчал.

— Ел сегодня, спрашиваю?

— Утром цибулю с постным маслом... и солью.

— Тогда иди, будем обедать.

— Мамка сказали, чтоб я у вас ничего не брал, — последовал серьезный ответ.

— Так я все одно столько не съем. Для меня этого много.

— Нельзя. Мамка не дозволяли.

— Да она и не узнаить.

— Я брехать не умею. Потому что нельзя...

— Брехать? Нельзя, нет, — согласился Ромась, растерявшись. И спросил: — Это мои харчи уже?

— Вашие.

— Я могу с ними делать... чего хочу?

— А хоть выкиньте, — серьезно сказал Сережа. — Токо бабушка говорили, что хлеб выкидать нельзя. Грех. Если не все съедите, то я, шо осталось, домой заберу. Завтра мамка дасть вам новые харчи, а эти я с цибулей доем.

— Раз это теперь мой обед, — улыбнулся Ромась, — то я с тобой им поделюсь. Як хозяин. Як это не ты принес мне, а я — тебе. — Он сел на бруствер рядом с мальчиком.

Они тихо стали жевать, поочередно отхлебывая молоко из бутылки.

— Вона Юрка с Олькой идуть, — сообщил Сережа.

По лугу шли двое детей, девочка и мальчик. Каждый нес по узелку.

— Капец тебе, дед, — сказал Канюка, узнав своего сына и дочку Рыбака. — Ромке чужой человек обед наладил, а тебе твоя старуха токо привет передаеть.

— Я ей заказал сюда ходить, — деловито объяснил Харитон. Он оставил лопату и принялся тщательно вытирать руки о штанины, явно готовясь обедать. — Я погляжу зараз, кому приветы будем посылать! — И крикнул: — Ромась, а Ромась, ты до нас иди! Гуртом весельшей.

— Мамка сказали, шоб только вам харчи, — насупив брови, озабоченно сказал Сережа.

— Не могу, — ответил Литовка. — Мы уже все съели.

— Жалко, — ответил старик.

Из вагончика вышел Макагоныч с тетрадкой в руке.

— Ну, сколько нарыли, мертвые души? — спросил он, подходя к мужикам. — О, и закуска у вас добрая!

— Закуска, добрая, а выпить нечего, — сказал Канюка, сожалея.

— Зачем мы будем хорошего человека забижать? — сказал старик. Он журавлиной походкой подошел к тому месту, где утром оставили вещи, и из-под кучи рубашек достал бутылку самогона. — Раз Ромка не желаить из нами, то уважим начальство.

— От дед, молодец! — весело воскликнул прораб и засуетился возле мужиков.

— А ты, Васька, сказал, шо моя баба без понимания, — рассмеялся дед Харитон. — Ага. Она знаить, як за мной ходить.

Они уселись кругом.

— Ромась, — позвал дед снова, — ходь до нас!

— Не могу. Мне еще в Павловку. Там погреб в школе.

— Куда это он? — недоуменно спросил прораб, глядя на то, как Литовка собирал инструмент.

— Та-а, — отмахнулся Канюка. — Ему копать — шо нам семечки лузгать.

Харитон протянул кружку с самогоном Макагонычу. Тот залпом выпил, вытер кулаком губы и вскочил.

— Ты куда это? — громко спросил он Литовку.

— Завтра приду.

— Как это завтра? А норма? Ты норму сделал?

— Сделал, — ответил Ромась. Отдал Сереже пустой узелок. — Скажи мамке, шоб она не... Тебе сперва дасть поесть. Понял? — Погладил мальчонку по черной стриженой голове, взвалил на плечо лопаты и пошел к лесу.

Макагоныч встал над канавой, вырытой Литовкой, окинул ее взглядом, потом перемерил шагами и, озадаченно почесав лысую голову, поглядел вослед землекопу. Вернувшись к мужикам, сел в круг, нервно моргая.

— Шо сталось? — спросил дед Харитон, глядя в озабоченное, хмурое лицо прораба.

— Да так, — ответил Макагоныч, не находя слов, чтобы объяснить свою вдруг налетевшую тревогу. Загадочно пожал плечами и попросил: — Ну, мужики, еще по пятьдесят граммов наркомовских?.. — Глаза прораба загорелись.

11

На следующее утро Литовка перебрался через брод рано, солнце только-только выбивалось из-за вершин лесных сосен, а от реки, не успевшей остыть за ночь, шел густой пар.

— Ты чего як ранний птах? — спросил его пастух Афанасий, болезненного вида старик в тяжелом брезентовом плаще и выгоревшей шапке-ушанке.

— Рано, когда незвано, — ответил Ромась, помогая деду выбраться на берег.

— Это завсегда правильно, — согласился, Афанасий. — Ты, погляжу, один на весь околот такой ранщик... А остальным ой як тяжко...

— Што так?

— Остальные — поздняки, получают от жизни одни тумаки.

— На тебя поглядишь — так ты самый-самый ранщик, — рассмеялся Ромась.

— Вы когда кладки ставить на реку будите? — спросил обеспокоенно старик. — Вода уже шо тот лед. Босиком не побегишь. Скотину як пасти?

— Рано пока кладки цеплять, — ответил Литовка. — Вода — кипяток. Ближей до осени поставим...

Их разговор перебил громкий окрик — разрывая в клочья полотно реки, через брод перелетел на вороном коне объездчик Степка, по прозвищу Сурчина, в пиджаке и в флотской фуражке. Напугав коров диким воплем, он выгнал коротконогого коня на луг и помчался к лесу, не разбирая дороги. В позе, в которой он сидел в седле, действительно было что-то от толстого сурка, поджавшего к груди передние лапки.

— Чертяка бешеная! — вскрикнул напуганный Афанасий, натягивая тертые парусиновые ботинки на босые ноги. Взмахнув кнутом и разорвав воздух громким хлопком, закричал с надрывной злостью на ничем не провинившееся стадо: — А ну пошли, заразы!

Возле вагончика было тихо. У погасшего костра на полсти лежал Яшка Усик. Рядом с ним валялся пустой штоф и остатки вчерашнего ужина. А три воробья трусливо клевали недоеденный кусочек хлеба.

На двери вагончика висел большой амбарный замок. Ромась заглянул за вагончик — трактора тоже не было.

«Не иначе, за водкой подались чуть свет», — решил он.

Походил возле будки, точно кого-то искал. Необъяснимая тревога, рожденная пустотой двора и сонным, словно впопыхах брошенным всеми Яшкой, не позволяла идти работать. Литовка уселся у двери вагончика и стал смотреть на село, надеясь, что кто-то из мужиков появится на лугу. Так прошло полчаса, но никто не появился. И, не дождавшись, он побрел на край траншеи.

Ромась работал уже часа два, когда его отвлек тяжелый крик проснувшегося Усика.

— Ромась, ты один!?.. Ты сдурел! Никого ж нету!

Он вскочил, суетно огляделся кругом, схватил кепку и, нервно дернув несколько раз закрытую дверь будки, испуганно побежал прочь, но не в село, а к лесу, где вдалеке паслось деревенское стадо.

А в полдень, прогоняя стадо к реке на полуденный отстой, пастух Афанасий подошел к Литовке и с укоризной спросил:

— Ты зачем Яшку зашиб?

— Не трогал его никто.

— А чего ж он... як шишимора куснула? — И не ожидая ответа, старик поплелся за стадом.

Пришел Сережа, принес узелок.

— Мамка наказали, шоб вы прятались, — тихо сказал Сережа.

— С чего так? — удивился Ромась.

— Сегодня утром по хатам ездил председатель и всем плугом угрожал. — Мальчик, жуя картошку с луком, нервно озирался на деревню. — Шо все просо и картошку перепахаить, если хто пойдуть канаву копать. А Степку-объездчика послал в район за милиционерами.

«Теперь понятно, — засмеялся про себя Ромась, — чего это Сурчина точно на свадьбу вырядился».

Собравшись уходить, уложив в порожний узелок пустую бутылку, Сережа попросил:

— Вы не копайте, если милиция придуть.

— Скажи маме, пусть не переживаить. Мою картошку и просо нихто не тронить.

Пообедав, Ромась собрался идти в Павловку. Он уже поднял лопаты и тут увидел бредущих от реки Макагоныча и деревенских землекопов. Прораб что-то говорил и показывал рукой в сторону Литовки. Мужики же плелись следом явно нехотя.

— Вот тебе подмогу привел! — крикнул прораб, подходя. Но в его голосе звучала напускная бравада.

— Я уже свое выкидал, — ответил Литовка.

Макагоныч подошел, пожал руку Ромасю, перемерил шагами вырытый за два дня кусок.

— М-да-а, — многозначительно произнес он и озадаченно предложил: — Ты, и вправду, иди в село погреб копать.

— А як же, — не заметив тревоги в голосе Макагоныча, ответил Литовка. — Меня люди там ждуть.

— Я думал, что ты просто выкобениваешься, а люди про тебя брешут. — Прораб записал что-то в свою тетрадь и торопливо ушел в вагончик.

Возвращаясь поздним вечером из Павловки, Литовка еще издали увидел пламя костра. Только теперь вокруг сидели Макагоныч, Яшка и Колька. Они громко о чем-то спорили. Ромась сделал круг и обошел их стороной.

«Сябрына»: Беларусь — Россия

12

Очередное утро началось весело — к вагончику на бричке прикатил Софрон-пасечник. Стоя на двуколке, внимательно осмотрел весь фронт работ, потом спустился на землю и, стегая себя кнутовищем по голенищу, пошел к мужикам.

— Это хто вас сюда пустил!? — крикнул он, взобравшись на бруствер.

— Ты чего верещишь, як недорезанный боров? — спросил дед Харитон.

— Вы где должны быть зараз!? Канюка, якое тебе задание дал объездчик?

— Раз он дал, то пущай сам и делаить, — ответил Василий, выбрасывая очередную лопату земли прямо на сапоги председателя.

— Шоб я вас тута не видал! Усе трудодни срежу! Перепашу усе огороды! — кричал Софрон и, увидев вышедшего из вагончика Макагоныча, набросился на него. — Хто тебе дал право тута колхозными людями распоряжаться!? — Кнут грозно резал воздух, разгоняя слова по округе. — У них своей работы у колхозе по́лно!

— Ты кто такой? — серьезно спросил прораб.

— На чужой земле!.. — не слыша вопроса, продолжал Софрон, размахивая кнутовищем перед лицом Макагоныча. — Тута моя земля! Я — председатель здеся!

— Ты когда последний раз был в своем кабинете?

— Якое тебе дело до моего кабинета!?

— Беги быстро туда и читай. Там для тебя телеграмма.

— Чия такая телеграмма? — В глазах председателя вспыхнул безотчетный страх, словно под ногами вдруг зашевелилась земля.

— И если пошлешь еще раз объездчика в район — я тебе и твоему холуйчику ноги повыдергаю!

— Ты мине тута не угрожай!

— Я тебе не угрожаю, а предупреждаю. Я государственный телефон прокладываю. От самого Кремля в Америку. Ты про это знаешь?

— Мине наплювать! — крикнул Софрон.

— Это на кого тебе наплевать? — ехидно спросил Макагоныч и оскалил крепкие желтые зубы. — На Кремль? — Было видно, что слова для такого случая у него давно припасены и заучены, как «Отче наш», и он ими пользуется как непобедимым оружием. — На Москву?

Но Софрон торопливо уселся в бричку и, стегнув жеребца, ускакал.

— В мою хату побежал, — заметил Харитон. — Чуеть моя задница... шо-то будить.

— За самогонкой? — удивился Макагоныч.

— Твою телеграмму читать, — объяснил старик. — Моя бывшая хата и вправду як самогонка — всем нелюдям наравится. От самой коллехтивизации правление в ней куевдится. А в войну немецкий штаб стоял. Она, почитай, на весь район одна железом и крытая.

— Значит, сейчас назад, — озабоченно сказал прораб.

— А тогда якая телеграмма? — спросил старик.

Но Макагоныч, не ответив, ушел в вагончик.

Вместо председателя через час на канаву прибежал испуганный, запыхавшийся сынишка Канюки Юра. Он на бегу вытирал слезы.

— Папа, идите быстрей до хаты! — крикнул он сквозь слезы. — И дядько Валька!.. Председатель в двор плуг притащил! Мамка на него собаку спустила, так Сурчина ее вилами заколол... — Мальчик рыдал, не имея сил поднять опущенные безвольно руки, чтобы утереть слезы. Крупные, они медленно стекали со щек и падали на худую впалую грудь.

Канюка выскочил из траншеи, подхватил рубашку и, подбежав к вагончику, крикнул:

— Макагон, ты про якую телеграмму говорил!?

— Из района должны были прислать, — ответил неуверенно прораб.

— Из района! Я тут тебе рою, а зимой с голоду пухнуть буду! — Василий схватил лопату, что стояла у дверей вагончика. — Валька, пошли! Убью пасечника!

— Стойте! — окрикнул Макагоныч. — Лопату оставь! Зачем тебе грех? — Схватил тетрадь, захлопнул дверь и побежал следом за мужиками. И уже на ходу пронзительно и призывно крикнул: — Литовка, чего застрял! Тебя не касается!? Поможешь!

У двора, привязанная вожжами к тыну, стояла председательская бричка, запряженная гнедым жеребцом. Рядом — сиротливая телега, из которой выпрягли лошадей. Вокруг собрались бабы и испуганно переглядывались. Увидев налитого злостью Канюку, молча расступились.

Во дворе в луже красно-черной кровяной грязи лежала рыжая собака, приколотая к земле вилами. Канюка выдернул вилы и, обежав хлев, бросился в огород. Там пара лошадей уже тянула плуг по картошке, оставляя после себя широкий черный след, выворачивая на свет еще не успевшие налиться телом маленькие белые горошины молодой картошки. Лошадей под уздцы вел объездчик Сурчина, а коморный сторож Яшка Усик, чтобы не свалиться с пьяных ног, крепко держался за ручки плуга. Софрон-пасечник шагал впереди всех и громко подбадривал себя песней:

— Я вам покопаю, боровы! И летели наземь самурайи!.. Нароитесь у меня... под напором стали и вогня!

Жена Канюки тихо плакала возле угла хлева, прижимая к себе грудную дочь.

— Боженько, за что ты нас?.. Немец такого не вытворял...

Канюка отшвырнул в сторону Яшку, который, упав, остался лежать на меже. Плуг свалился набок, раскорячился и ударил ручкой по ноге лошадь. Та взбрыкнула и копытом саданула другую в живот. Обе вырвались из рук Степки и понесли, волоча за собой стальной нож. Плуг кувыркался, цепляя лошадей по ногам длинными ручками, перемалывал густые пряди начавшего желтеть проса...

Объездчик лихо помчался догонять коней и даже обогнал их.

Софрон чудом успел отскочить в сторону, но увидев перед собой огромного Василия с вилами в руках, замахал кнутом и, пятясь, упал...

— Не имеешь права на председателя!

— Ты за шо собаку, паскуда! — свирепо рявкнул Канюка. — Ты этую картоплю садил, курва!? Усюю жизню токо до чужого у тебя халява раскрытая!

— То Сурчина...

Василий занес уже вилы над лежащим председателем, но в это время на его руках повисла жена.

— Василечка, миленький, не губи нас! Пожалей, Василько!.. Собаку новую заведем...

«Сябрына»: Беларусь — Россия

Софрон пополз на четвереньках по меже, пытаясь поднять свое тяжелое, грузное тело. Увидев входящего на огород Макагоныча, молодецки подскочил и, забежав за его спину, как за спасительную стену, крикнул:

— Якую ище телеграмму?! Про шо тая телеграмма?!

Макагоныч сунул под нос председателю листок бумаги.

— Ты шо мне тыкаешь?!

— Читай, бугай нечищенный! — крикнул прораб. — На Колыму захотел?! Я тебя завтра в эмгэбу сдам!

Софрон взял бумагу, долго елозил по ней взглядом, а потом, как перепуганный ребенок, закричал, оправдываясь перед прорабом:

— Я не виноватый! Из района требують! Запрещають! Пусть идуть копать... Сам виноватый... Показал бы раньше!

— Завтра трактор подгоню! — не унимался Макагоныч. — Своим плугом весь твой огород выкорчую!.. Вместе с пчелами и трутнями! Будешь ше́ршней разводить!..

Яшка, получив крепкий пинок от Канюки, что-то промычал в ответ, переполз через межу на соседний огород и остался лежать. Софрон-пасечник быстро засеменил со двора. Столкнувшись у калитки с Литовкой, он взмахнул кнутовищем, как саблей, и крикнул:

— Людей панталычишь! Выживу! Завтра с милицией!.. Хату заколотишь! — Вскочил в бричку и ускакал.

Бабы вбежали во двор и с громкими радостными воплями бросились к хозяйке...

Мужики возвращались на канаву толпой. Впереди шел Макагоныч, за ним — Канюка. Рядом семенили Юра и Сережа, размахивая узелками с едой. Валька Рыбак с дедом Харитоном плелись чуть сзади. Пока Василий бился с властью, дед Харитон уже успел сбегать в свою хату за штофом.

— Если потянуть на суд, — заметил Канюка, — Ромась — свидетель.

— Все поедем на суд,— согласился Литовка. — Я бы пасечника прибил!

— Так потому и не будить ниякого суда, шо ты свидетель, — сказал дед.

— Это почему ? — удивленно спросил Макагоныч.

— Он же супротив нас — человек. Городской. С паспортом.

Когда пришли, Канюка раскинул полсть возле кострища и громко, командирским тоном приказал:

— Все до купы! И тебя, Ромка, касается! Как главного свидетеля.

13

Литовка вышел на луг уже при первых звездах.

У вагончика жгли большой костер. Только на этот раз пламя вольно бушевало, стараясь лизнуть жаркими белыми языками далекое небо.

На кусках проволоки жарилось мясо. Дед Харитон и Канюка лежали на полсти в ожидании. Коля бегал в вагончик и назад.

— Перца возьми! — недовольно крикнул прораб вдогонку убегавшему трактористу. Он возился возле мяса.

— А где я его возьму?

— В столе, в стеклянной баночке... Да гляди не просыпь! — И прораб гордо добавил: — Это у меня еще с войны. Реквизировал у одной

фрау... вместе с ее дочкой... Ферштейн?.. Всем кружки неси! И чай!.. В железной коробке! — Увидев подошедшего Литовку, он обрадованно воскликнул, улыбаясь: — Ну и нюх у тебя, полдуши! Мы тут утку жарим. Много выкопал?

Когда выпили, Макагоныч раздал всем по куску мяса.

— Я думал, что ты этого старого бугая убьешь, — сказал прораб, глядя на Канюку.

— И убил бы, суку! — в ответ засмеялся Василий. — А мясо ты добре зажарил, Макагоныч.

— Так то ж твой качур, — сказал Харитон. — Як бы ты вилами не пугнул председателя, то мы б зараз одной картошкой закусывали. А так твоя Нинка целую птицу не пожалела заступничкам.

Все весело засмеялись.

— Завтра Софрон в район побегить, — боязливо предположил Канюка, — и на всех в милиции набрешить.

— Не побежит, — уверенно ответил Макагоныч.

— А ты чего ему показал? — спросил дед Харитон.

— Документ... Ну... по пятьдесят грамм наркомовских...

Долго чистили горячую картошку. Когда выпили еще по одной, Канюка попрощался.

— Оставайтесь до завтра, — сказал он. — Нинка меня ждеть. Она напуганная. Как бы у ней молоко не скипелось. Дите малое... Не выкормим.

Проводив взглядом Канюку, мужики снова заговорили.

— У тебя настоящая бумажка, Макагоныч? — спросил дед.

— С печатью, — ответил прораб, не желая продолжать разговор о телеграмме. — А ты, Ромась, где так здорово копать научился?

— В армии, — ответил Литовка.

— Специальные курсы кончал. Как брать больше, а кидать дальше, — подначил дед Харитон. — От Софрон-пасечник в том годе тоже курсы председательские кончил. Два месяца зимой в районе сидел на казенных харчах. Его баба моей хвасталась дипломой. Марфа моя сказала, что там кругом одни удочки, точно Софрон на рыбака учился. И токо по главному председательскому пре́дмету дюже хорошо.

— А какой же это пре́дмет? — спросил Николай. — Я тоже курсы трактористов-бульдозерщиков кончил.

— Волам хвосты крутить, — ответил, смеясь, Харитон.

— Сдался вам председатель, — недовольно сказал Макагоныч. — Колька, пятьдесят грамм наркомовских!.. — Он выпил и не стал закусывать. — Если б ты у меня работал, Ромась, я бы никого не брал больше.

— А меня? — спросил, ухмыляясь, Николай.

— Тебя не возьми — ты у другого пропадешь... Так где ты так научился, Ромась?

— У начальника заставы детей из-под завала откопал, — немного смущаясь, ответил Ромась.

— Ну и?.. — настаивал прораб.

— Говори, — весело подсказал тракторист. — Макагоныч если чужих баек не послушает за чаркой — не заснет.

— Ну, чего... Возвращались с дозора. Идем, на полосу следовую глядим. И тут слышим, что-то как ухнить. И детский крик. Мой коман-

дир сразу насторожился. А кто-то впереди кричить. Ну, малое дите. Подбежали. Впереди, знаем, карьерчик небольшой. Там всегда для заставы белый песок брали. На всякие торжественные дни дорожки посыпать для генералов и полковников... Подбежали. А на куче белого песка — девочка годков пять. Мы — к ней, а она реветь и пальцем в песок тыкаить. Я догадался и спрашую: «Присыпало!? Кого!?» А она головой трясеть и все в песок показываить. Мой командир приказал оставаться на месте, а сам погнал звонить. Чего звонить? До телефонной розетки, которая в дереве спрятана, километр бежать... Он побежал, а я... Схватил у той девчушки саперную лопатку и давай рыть. Слава Богу, что была саперная лопатка... И как-то быстро у меня все вышло. Через минуту, а может, две, я выкопал двоих. Нашего начальника заставы дети оказались. Ребятня втроем пошли в белом песке копаться. А откуда дитю было знать, шо белый этот песок подрывать нельзя. Он сыпется, шо то зерно...

— Тебе отпуск дали за это? — спросил Макагоныч.

— Давали. Десять суток. Токо я не поехал. И зачем? Мать уже померла. А две недели в поезде нудиться туда, а потом — назад? Так лучше на заставе остаться.

— Премировал начальник? — спросил дед Харитон. — Часы з якими-нибудь длинными словами подарил? На меня — якую поганенькую «Победу» или трофейный «Мозер» вручил бы тебе. Все ж детей достал...

— Премировал. Его тесть на заводе в Комсомольске работал. Заступ добрый склепал. — Литовка протянул руку в темноту и вытянул на свет лопату с большим блестящим штыком. — Вот... И на сверхсрочную звал.

— А чего не остался? — спросил с укоризной Макагоныч.

— Шоб хорошим макаронником быть, надо научиться крепко на людей гавкать, — ответил Литовка. — И ище приказал, когда я на дембель уходил, чтоб сразу не ехал домой с военным билетом, а десь сначала на работу пристроился. Я в кочегарке три месяца уголь кидал.

— А это зачем? — спросил Николай.

— Чтобы паспорт выдали, — объяснил Макагоныч. — Если бы с одним военным билетом вернулся — сегодня бы с вилами на председателя, как на медведя, пошел. Ну, еще пятьдесят грамм наркомовских! За пограничника!

Допив, доев, Ромась и дед Харитон тихо ушли. Они долго стояли на высоком берегу. Литовка смотрел на дальний край села, надеясь, что в этот поздний час вдруг блеснет огонек в заветном окне. Старик не спеша наматывал портянки.

— Слышь, Ромка, — сказал он, когда пошли по тропе. — Макагон на тебя дуется.

— С чего это?

— Слишком быстро копаешь.

— Так я ж только до обеда, — оправдался Литовка.

— И все равно быстро. Ты меньше бери.

— Так лопата такая.

— Возьми другую. Саперную.

— Неудобно. А оно само выходить...

— Иди до нас у артель тогда. Гуртом будить як раз... И тебе, и нам.

14

Выбросив последнюю лопату земли и швырнув следом инструмент, Литовка выбрался по лестнице из ямы. Первая звезда уже вспыхнула, но небосвод был еще светел. Получив от директора школы деньги, Ромась пошел скорее назад в село, надеясь, что успеет к Варваре еще засветло. Но ночь накатила быстро, и из леса он вышел уже на ночной луг. Здесь все было знакомо и привычно: переговаривались ночные трескуны-кузнечики, у вагончика кто-то жег костер, и на небе неподвижно висели все те же знакомые, яркие звезды. Только луна, как показалось, выплыла из-за леса раньше своего времени и пылала холодным огнем ярче обычного. Ромась сделал большой круг, убегая от вагончика, и, подходя к броду, молил Бога, чтобы никто не встретился ему на пути. Перебравшись через реку, разделся догола. Нащупал в кармане штанов кусок директорского мыла, намылился основательно, с прибрежного краснотала надергал тонких молодых веток и принялся тереть ими мокрое тело. Вытереться было нечем. Он поднялся на высокий берег, подставил всего себя легкому, но жаркому ночному ветру.

Каждый вечер, возвращаясь из Павловки, перебравшись через реку, Ромась останавливался на высоком берегу и подолгу смотрел на тлеющие вдалеке огоньки в окнах Варькиной хаты.

Ему хотелось побежать туда, сказать этой женщине, что все годы, пока служил, думал только о ней. И когда он, казалось, уже был готов сделать самый решительный шаг и идти на призывный свет далеких огней, как в тот же миг темнота вдруг начинала светиться множеством злых, больно кусающих глаз, и скрипучие голоса, похожие на голоса односельчан, злорадно смеясь, повторяли: «Она же за другого пошла!.. А ты бежишь кланяться!» И под надзором этого воющего хора Ромась плелся к Татьяне.

Но так было вчера, позавчера и третьего дня.

А сейчас он держал в руках спасительные деньги.

«Я обещал!» — сказал себе Ромась и решительно шагнул на тропинку, уходившую в другой конец села.

Он шел, не глядя по сторонам, стараясь отогнать от себя все те же злые, кусающие глаза. Кто-то из ночных бесов даже пробовал забежать вперед по тропинке, напугать холодным собачьим огнем, больно укусить. Но увидев перед собой занесенную ногу уверенно идущего человека, трусливо исчезал в черной высокой стене кукурузы...

Ромась не заметил, как вышел к последней хате. Остановился у тына и заглянул через него. В пустом дворе властвовала лунная успокоенная дрема... И вдруг у самых ног с надрывной злобой тявкнула напуганная собака. От неожиданности Литовку пронзил болезненный испуг, сердце оторвалось и вылетело из груди прочь. Дыхание сбилось.

— Я несу деньги... якие обещал, — сказал он собачонке. Вошел во двор, поставил у стены лопаты и резко постучал в дверь.

За чуть рдеющими стеклами метнулась тень. Глухо ударила внутренняя дверь, со звоном лязгнула щеколда.

— Ромась!?

Литовка растерялся. Ему вновь почудилось, что чужие, злые глаза смотрят на него из темноты, точно заранее сговорились с Варварой, чтобы вместе злорадно повеселиться...

Дверь отворилась. Луна, высившаяся над пустым двором и высвечивавшая белую стену хаты, серо-розовый свет маленьких окошек, вдруг облила серебром стройную фигуру женщины в белой блузке, с распущенными волосами, что черным ручьем падали на грудь.

«Я деньги принес», — хотел сказать Ромась, но слова застряли в пересохшем горле.

Варвара широко отворила дверь в хату и тронула Ромася за плечо.

— Тут притолока низкая, — предупредила она весело. — Не забыл?

И после этих слов к Ромасю вернулось сердце. Все чужие, злобные глаза, которые хотели пролезть в хату следом за ним, вдруг трусливо разбежались, прихватив с собой тяжесть его души.

— Помню, — улыбнулся он в ответ.

А в хате, — в четырех стенах под низким потолком, — за семь лет так ничего и не изменилось. Выбеленная печь, все та же широкая лежанка, черный квадрат стола на косых ножках, вдоль стены с двумя маленькими окошками — длинная лавка. На подоконниках — два массивных горшка с белой и красной геранью. Керосиновая лампа, что висела на стене между окон, отбрасывала тусклый желтоватый свет на глиняный пол и на постель — большую кучу соломы на полу в дальнем углу, покрытую одеялом, стеганным из разноцветных лоскутков. Свет лампы обливал его блеклой невыразительной желтоватой кисеей.

— Садись. Ты — голодный, — утвердительно сказала Варвара. Добавила в лампе огня. Сорвала со стола широкий длинный рушник. — Вареники с картошкой... Только сала не было на заправку... Так я три больших цибули зажарила. И молоко....

Хозяйка подошла к печи, отодвинула заслонку и бросила в топку пучок соломы.

— Ты чего надумала на ночь глядя? — спросил Ромась.

— Сегодня из-под курок пять яиц взяла... Зажарю.

— Не надо. Мне и вареников хватит.

— Так они холодные.

— Я люблю такие.

Варвара вернулась к столу, пододвинула гостю полную миску вареников и чашку с молоком. Положила рядом деревянную ложку. Сама уселась напротив и, подперев голову ладонями, принялась смотреть на Ромася, не моргая, радостными глазами.

Литовка жевал вареник и старался не смотреть на Варвару. Был рад, что лампа висит за спиной, освещает лицо женщины и скрывает от ее глаз его раскрасневшиеся щеки.

— А хто тебе сказал, что я приду? — спросил он, поддевая вареник ложкой.

— Нихто, — ответила Варвара. — Я ждала тебя...

— А я вот... — Ромась отложил ложку, вынул из кармана деньги, отсчитал две тысячи и положил на стол. От волнения у него дрожали пальцы, пересохло во рту и свело скулы. — Вам... принес... — Он сейчас молил Бога, чтобы Варвара не сказала: «Спасибо... Я отработаю...» — А это, — смущенно зачем-то стал объяснять Ромась, пряча остаток денег в карман, — куда еще пригодятся... Может, потом...

— Так ты подождешь до осени? — спросила хозяйка. — Я зерно тебе от трудодней...

— Як оно будить. Пасечник насчитаить не больше десяти ведер. И до марта не хватить... — Литовка пододвинул деньги Варваре. — Забери кудась.

Ему вдруг захотелось есть. Он проглотил несколько вареников и принялся запивать молоком.

Варвара боязливо взяла деньги. И по тому, как осторожно держала их, было видно, что еще не верит, что эти бумажки принесли ей.

— Это так на канаве?.. — удивившись, спросила она. Хотела сказать, что на рытье канавы много платят, но осеклась и добавила: — Быстро выдають. Ище и вторая неделя не кончилась, а уже аванц. А Нинка Канючиха ничего не сказала, шо Василю деньги заплатили.

— Директор школы заплатил, — сказал Ромась, вытирая губы пальцами. — За погреб для учителей... На канаве ище нескоро дадуть... Прораб сказал... платить будуть раз у месяц, як военным. Ну, я пойду... Пора...

Поднялся, взял с лавки картуз и шагнул к двери.

— Ой! Постой, — остановила его Варвара. — Я с тобой выйду...

Набросила на плечи платок и загасила лампу...

Они возвращались уже после вторых петухов. Луна скатилась почти к самой земле. Ее серебряный диск немного поблек, но все еще сеял белый живой свет на реку, поле и село, высвечивая дорогу домой.

— Я ж два раза бегала тебя встречать, — вдруг призналась Варвара, прижимаясь к руке и плечу Ромася. — По морозу на большак... Посеред ночи... Приснилось, шо ты идешь из района... Шо тебя не взяли у армию... А другой раз — это Сережа только-только родился — привиделось, точно тебя засыпало белым песком... у нас за лесом. И ты меня зовешь. Я сорвалась, добежала до леса... Так где ж у нас белый песок?..

У Варвариного огорода их встретила та самая собака, которая своим лаем вырвала сердце Ромасю. Она радостно завиляла хвостом и побежала во двор, указывая путь, будто боялась, что без нее хозяйка и новый хозяин обязательно заплутают...

Ромась лежал и слушал, как успокоенно возле него дышит Варвара. Вдруг вспомнился большой поселок Семеновка, что улиткой приклеился к железнодорожному полотну на Хабаровск, Аглая, громкоголосая повариха из этого поселка — смешливая молодушка, в беспрерывном шумном веселье ожидавшая жениха с флота и звавшая демобилизованного сержанта Литовку в мужья. Обещала роскошную «житовуху», потому что ее отец работает кладовщиком в «Коопцентре», а в доме было радио «Telefunken» на батареях и большой, с клавишами, как у рояля, трофейный аккордеон...

Он посмотрел в окно, на стекле которого лунное серебро сменялось причудливыми тенями, и подумал: «Як добре сталось, шо я не пошел сверхсрочником на заставу, не позарился на «Telefunken», не остался кочегаром при котельной... Слава Богу, шо есть где-то Америка, и кому-то надо с нею разговаривать...»

...Луна, уплывая к горизонту, заглянула в окно. Ее свет выхватил груду соломы, лоскутное одеяло и две пары сплетенных рук...

15

Утром Варвара принесла молоко в подойнике, долго цедила его. Разлила по крынкам. Потом принялась возиться у печи.

— А сколько уже времени? — спросил Литовка, разбуженный неосторожным стуком рогача.

— Корова давно в череде...

— Проспал. — Ромась вскочил, стал одеваться.

— Чего проспал?

— На канаве уже нужно быть.

— Так сегодня ж выходной.

— У Макагоныча не бываить воскресений. — Литовка запихнул вареник в рот. — Ты мине налей молока с собой... шоб хлопца не гонять.

Он взял лопаты и заспешил к броду. Придя на берег, осмотрел луг за рекой. Пятачок возле вагончика пустовал — Колька угнал куда-то трактор. Лишь вдали, у самого леса, паслось сельское стадо да на шесте у начала канавы из последних сил красная тряпка отбивалась от наглых порывов ветра.

«День пропал, — подумал Ромась. Бросил лопаты на траву, уселся на край, опустив ноги с обрыва. — И солнца як раз нету... Как хорошо было б копать...»

Вся округа затягивалась серой пеленой. Ветер нагонял грязь на небо. Сквозь нее с большим трудом пробивались утренние лучи. Река морщилась... Пара береговушек, упав к воде, лениво прочертила круг и скрылась в береговых дырах...

«Куда это Макагоныч подевался, черти б его драли! — Литовка поднял лопаты и пошел назад. — Деду Афоньке и его коровам хорошо. Никаких выходных... Работай в свое удовольствие».

Во дворе на рогачах висел чугунный котел, а под ним горел огонь.

— Ну, слава Богу! — воскликнула Варвара. — Скидай... Постираю. — Она уверенно сорвала с Ромася косоворотку, бросила в котел. Взялась за ремень на штанах и смущенно опустила руки. Ушла в хату. Выглянув во двор, позвала: — Иди. Я одежу чистую положила.

На лавке лежали серая рубаха, белые подштанники и коричневые брюки в тонкую белую полосочку.

«От Павла одежка, — подумал Ромась. — Дожился...»

Но Варвара, угадав смущение Ромася, сказала:

— Может, не подойдеть, так перешью... Батько очень Андрея ждал с войны... Выменивал для него... — И протянула руку, требуя у Ромася его штаны.

Натянув подштанники, Литовка надел брюки. Они оказались впору. Он вспомнил, что Андрей, брат Варвары, был парень крепкий, широкий в кости, но не очень высокий.

«Якая уже разница? — согласился Ромась. — Не ходить же голым».

И выйдя во двор, спросил:

— Грабли где?

— Зачем? — спросила Варвара, помешивая палкой варево.

— Пойду в лес за хвоей.

— Посидел бы...

— Некогда сидеть, — ответил Ромась. — Завтра уже не будить времени.

— Сережа! — позвала Варвара сына. — Принеси... — Она осеклась, не зная, кем называть Литовку. — Принеси рядно, с которым за иголками ходим. И грабли из хлева.

Мальчик вынырнул откуда-то, юркнул в открытую дверь хаты и вынес свернутую ряднину.

— Я тоже в лес, — требовательно сказал он, вынося из хлева деревянные грабли.

— Рубаху надень только, — скомандовал Ромась.

У реки Литовка подхватил мальчика под мышку и перенес через реку.

— Я сам! — Мальчик стал отбиваться, размахивая руками.

— Назад будем идти, тогда — сам.

Насупив недовольно брови, Сережа брел следом за Литовкой, а тот старался идти медленно, чтобы паренек не отставал.

Вдруг Сережа забежал вперед и, задрав голову, чтобы видеть глаза Ромася, спросил:

— А вы теперь будите жить у нашей хате?

Литовка вздрогнул и сразу не нашелся, что ответить. И только пройдя дюжину шагов, спросил:

— А можно у вас жить?

— Я у мамы спрошу. И вы спросите. Только обязательно спросите.

Когда вошли в лес, Ромась предупредил:

— Гляди, осторожно ходи. Ноги наколешь на шишках.

— А вы не боитесь босиком ходить?

— Я привык. — Взял грабли и принялся сгребать в кучи желтую опавшую хвою. — Ты постой. Я быстро.

Нагрузившись, он взвалил тяжелую ряднину с хвоей за спину и пошел из леса. Подойдя к мальчику, отдал ему грабли.

— Неси.

— А сколько надо прожить дней, чтоб привыкнуть?

— Дней? — озадаченно спросил Ромась. — До чего привыкнуть?

— Ходить по шишкам босым? — Мальчик положил грабли на землю и показал Литовке растопыренные ладони. На них только один палец был чистым, остальные — измазаны чем-то черным. — Я до вас вот скоко дней молоко ношу. И уже привык до вас.

— А як же ты запомнил дни?

— Я палец каждый день в деготь мажу.

— А когда пальцы кончатся?

Сережа задумался. Поднял грабли и пошел вперед. Когда прошли середину луга, он вдруг остановился, обернулся к Ромасю и вскрикнул радостно:

— А я зубы на граблях мазать буду!

Литовка улыбнулся в ответ:

— Давай быстрей шагать. Дождем пахнить... Нáволочь крепкая. Промокнем — мама нас будить крепко ругать.

— Нет, — уверенно сказал Сережа.

— Почему?

— Она не умеить ругаться.

— А кто умеить?

— Дядько Валька и председатель... И Сурчина.

— А тебя мама ругаить?

— Когда надо ругать — она молчить. — И повернувшись к Ромасю, доверительно предупредил: — Только вы бойтесь, когда она сильно молчить.

Литовка перенес груз и хотел вернуться за мальчиком. Но тот уже был в воде. Он смело пересекал реку, держа над головой штаны и грабли.

Одеваясь, Сережа сосредоточенно о чем-то думал, морща лоб.

— Если б вы остались у нашей хате... — сказал он, все еще сомневаясь, стоит ли делиться мыслями с Ромасем, — мы б наловили птиц.

— А почему птиц?

— Зимой они по-городскому поють.

— Откуда ты знаешь?

— Мамка говорили. Там, где она ходить в город, есть желтые птицы, которые у клетке живуть... Мы б з вами наловили. Из лозы клетку сплели, як для кролей у деда Харитона. И у нас было б як в городе.

— Наловим, — согласился Ромась. — Только где ж нам сеть взять?

Мальчик с тревогой посмотрел на Литовку. Он впервые слышал о сети и не мог представить, что это за диковина.

— Ладно, — успокоил его Ромась. — Мы с тобой сеть сплетем. Наловим воробьев...

— Не-э! — возразил Сережа. — Воробьев не надо. Они все у нас в селе живуть. Мы вчера с Илькой Верещагой и его Толькой палками их били... Жарили на обед. А надо тех птицов, якие в городе...

— Наловим и городских.

Мальчик бодро подпрыгнул и уже веселый побежал по дороге, унося с собой радостную надежду.

Вдруг что-то зашумело вдали. Шум быстро приблизился, накрыл дождем Литовку и погнался за мальчуганом...

16

Дождь был коротким, но разгульным. Литовка и Сережа заявились во двор совершенно вымокшими.

— Господи, я уже думала, что вы утопли, — сказала Варвара. — Мокрые штаны!.. Теперь до утра будешь в подштанниках сидеть... А ты, Сергей, лезь на печь греться...

— Я не замерз... — возразил Сережа.

— Штаны скинешь — сразу замерзнешь... Обедать будем?

— А чего сегодня? — спросил мальчик, карабкаясь на печь.

— Вчерашние вареники. Ты любишь вчерашние вареники? — спросила мать.

Мальчик промолчал. Он долго возился на печи, шурша соломой.

Варвара достала глубокую глиняную миску из печи, поставила на стол.

Ели молча. Сережа стоял на коленях на лавке, положив локти на стол. Достав вареник, откусив от него кусочек, долго жевал. И жуя, бросал на Литовку дрожащие взгляды из-под насупленных тоненьких бровей, точно ждал от него чего-то. Взрослые ели, переглядываясь между собой, и не обращали внимания на мальчика. Не доев второго вареника, Сережа не выдержал и спросил у матери:

— Можна, шоб дядя Ромась жили в нашей хате?..

Во дворе залаяла собака. В дверь громко и настойчиво забарабанили.

— Кого это несеть? — спросила Варвара и пошла в сени.

«Сябрына»: Беларусь — Россия

— Ты шо это вытворяешь!? — раздался из сеней голос Татьяны. — Чужого мужа привадила, зараза!

Татьяна вбежала в хату и, увидев Ромася в одних подштанниках, выкрикнула с испуганной оторопью:

— Люди не сбрехали! Ты чего это без штанов? — Она всплеснула руками.

За ней следом вошла Варвара. Взялась за рогач и полезла в печь, не обращая, казалось, внимания на гостью.

— Ты зачем пришла? — спросил Ромась.

— Як это? За тобой! Люди уже брешуть по селу.

— А ты штаны принесла? — спросила Варвара.

— Якие штаны?

— Мужнины...

— А откуда у меня его штаны?

— Так якая ты жена, як у тебя для мужа даже штанов нету? — спросила Варвара. — Обедать из нами будешь?

Татьяна растерялась.

— Иди домой, Танька, — сказал Ромась. — Не пойду я до тебя больше.

— Как в школе денег ему дали, так ты сразу его до себя заманила! — закричала Татьяна на хозяйку. — У меня спал и жрал, а деньги — тебе, заразе!

— Ты чего в чужой хате ругаешься? — Варвара оставила ухват, поставила на стол горшок. — Хочешь есть — садись. Не хочешь — ходи здорова...

— Ты мне зубы за мои деньги не заговаривай! Отдавай назад!

— Я тебе должна? — серьезно спросила Варвара. Положила на стол деревянную ложку, приглашая тем самым гостью обедать.

— Шо ты мне должна!? Шо!? Лярва асхвальтная! Что взяла, то и возвертай!

Варвара сняла передник, вытерла им руки, бросила на стол и, подойдя к печи, взялась за чаплинник. Движения ее стали тяжелыми, неловкими. Губы сжались и посинели.

Сережа вдруг слетел с лавки, подбежал к матери, уцепился за юбку и закричал:

— Мама, мама, только не молчите сильно!

Ромась поднялся, встал между женщинами.

— Ты, Танька, иди. Я до тебе никогда больше не приду... Разе токо если погреб надо будить выкидать... — Он поднял с лежанки сушившиеся брюки, достал из кармана две сотенные бумажки и протянул их Татьяне. И почувствовал облегчение, как будто вместе с деньгами из души ушла последняя гнетущая тяжесть. Показалось, что он вдруг выбрался из смрадного подполья на яркое солнце. — Я на больше не нажил у тебя...

— Так иди и копай! — Татьяна схватила деньги и скрылась в сенях.

Со двора ее громким лаем проводила собака...

17

Ввечеру заходящее солнце, неожиданно пробившееся сквозь плотные облака, залило двор кровавой краской. Косые лучи разрисовали глиняный пол и стену в хате большими розовыми пятнами, которые казалось, горели изнутри.

«Сябрына»: Беларусь — Россия

— Завтра уже хорошая погода, — сказал Ромась. — Можно будить метров двадцать вымахать...

— Я с вами пойду, — заявил Сережа.

— Не дорос пока, — возразила мать.

— Пойду! — буркнул мальчик себе под нос.

— Ты лучше молоко носи, — попросил Ромась. — Для тебя и лопаты нету маленькой...

Во дворе кого-то встретила заливистым лаем собака. В дверь осторожно постучали.

Варвара глянула на Ромася вопросительно и, засмеявшись, сказала:

— Наверно, мало дал Таньке. — И пошла в сени.

Она вернулась смущенная, пропуская в хату полную женщину в белой косынке и цветастой серо-зеленой блузке. В руке гостья держала узелок, из которого торчало горлышко бутылки, заткнутое коротким кукурузным початком.

— Я до Ромася Кондратовича... — объяснила женщина, глядя на Варвару. — Люди добрые сказали — у крайнюю хату. — Она сделала шаг, положила узелок на лавку и отступила к двери. — Я из Калачков. Шо за большаком пять километров. Мне погреб выкидать.

— Знаем, — ответил Литовка. — Не могу. Работы много. Канава закончится — тогда уже.

— Так когда ж она кончится? — болезненно воскликнула гостья. — Люди болтали — до Америки копать будуть. Это сколько годов? Война меньше была.

— Ты, тетка, приходи через месяц, — сказал Ромась и пододвинул на край лавки узелок.

Когда женщина ушла, Варвара спросила:

— Почему не согласился?

— На канаве хорошо заплатят. Как в городе... — И, засмеявшись весело, добавил: — А брехня про нас уже из села на большак высклизнула...

18

Макагоныч ночевал в селе и появился возле будки в сопровождении тракториста. Вид у прораба был мятый, топтаный. Лицо хмурое, под глазами набухли темные мешки, похожие на насосавшихся пиявок. Он с трудом влез в дверь, закрылся и через несколько минут появился уже по пояс голый.

— Литовка! — позвал он. — Литовка есть сегодня!?

— Есть — ответил тихий голос из-за будки.

— А чего это ты не работаешь? — крикнул прораб.

— Ломик ищу. Лопата не береть. Камушки попались. А лучше — кирочку.

— Ты уже начал копать?

— Самую малость. Так камушки попались.

— Сколько это — самую малость? Яму под нужник?

— Токо полшага.

— Веревку натянул?

— А як без нее.

— Пойди сыми... Вообще подожди. Я не могу так соображать. — Макагоныч залез под стол и вытащил полбутылки самогонки. Выдер-

нул газетную пробку, сделал два больших глотка, вытер губы тыльной стороной ладони. — Шальные собаки бухгалтерские!.. В общем, сам наделал — сам и выкручивайся.

— Шо такое сталось? — удивленно спросил Ромась. — Опять Софрон вас забижаить?

— Ты и обижаешь, полдуши. У тебя сегодня нет никакой халтуры?

— Я халтурить не умею. Я все по-честному, — обиделся Ромась.

— Ну, кому там погреб выкидать?

— Просила тут одна тетка...

— А если я попрошу тебя?

— Вы ж далеко от нас живете. До вас, наверно, неделю ехать надо?

— Я про другое, полдуши, — уже придя несколько в себя, объяснил Макагоныч. — Комиссия приперлась вчера. Проверять, кто сколько за день роет. Ферштейн? Сейчас придут к нам. И все из-за тебя! Рыл бы как нормальный человек... Выроешь для комиссии две нормы? Сделаешь?

— А ей зачем?

— Не ей! Для меня.

— Сделаю... Вот мне бы кирочку.

— Я тебе и кирку дам, только сделай, — не веря словам Литовки, попросил прораб. — Чтоб они увидели своими глазами, что это не всякие там приписки, а копаешь только ты один.

— А хто ж за меня?

— Вот ты и покажи, полдуши, что это именно ты сам, а не кто-то с тобой. Не верят там, в тресте, — Макагоныч указал пальцем в потолок будки, — что один человек может выкопать сразу пятнадцать метров в день. Я им говорю — может! А они — «Не может!» И говорят... я приписываю. Как будто мы вдвоем... с одной лопатой. Ферштейн?

— Там у вас усе такие?! — возмутился Ромась. — А як одной лопатой рыть вдвоем?

— Не вдвоем! — уже возмутился Макагоныч и заговорил быстро, стараясь доходчивее объяснить. — Все роют восемь, как по норме. От силы — десять метров. А ты — четырнадцать!

— Завсегда — шестнадцать, — недовольно поправил Ромась. — У меня усе записано.

— Записано, записано, — раздраженно повторил прораб. — Деньги, которые вы наработали, на нас с Колькой выписаны...

— Як же такое? — с тревогой спросил Литовка.

— Не имеем мы права людям без паспортов платить деньги. Ну, как это можно заплатить деньги человеку, которого нету? Ферштейн? Паспорта нету — ты как вроде и не человек... Тело есть, а души нету... Вы все — мертвые души. Ферштейн?

— Я не мертвый. У меня паспорт имеется! — не унимался Ромась.

— Что у тебя есть паспорт, тут уже каждая собака знает! — возмутился прораб. — Значит, ты не мертвый, а наполовину живой. Полдуши в тебе... Да я не про то! Про выработку. Не может у нас человек сделать больше, чем ему положено!

— Так вы ж записали, хто скоко нарыл. Як записано — так пускай и платять.

— Как в наряде записано, так и будем всем платить... Тебе триста-четыреста, а другим по сто пятьдесят. Сколько накопали. Ферштейн?

«Сябрына»: Беларусь — Россия

Только в тресте не верят, что человек может накопать столько... И — один.

— Пусть идуть и глядять.

— Вот они и приехали поглядеть... Так ты постарайся, сделай.

— А больше можно?

— Давай больше! — радостно согласился прораб. — Но только при комиссии. Сделаешь?

— Так точно! Вот только мне бы кирочку. А то ломиком не сильно удобно. Камушки там попались.

— Будет тебе кирочка, — Макагоныч суетно пошарил в карманах штанов, выудил связку ключей, щелкнул замком на боку сундука, на котором лежала неубранная, скомканная постель, и поднял крышку.

— Фю-у... От это скарб! — с восхищенным присвистом воскликнул Ромась. — Скрыня... шо нада!..

На дне ящика прятались новенькие штыковые лопаты и кирки, завернутые в промасленную бумагу. Поверх них лежала большая стопка новых брезентовых рукавиц. А в углу сиротливо стояли три пары грубых кожаных ботинок на толстой подошве, союзки у которых были пробиты блестящими стальными заклепками.

— Выбирай, — предложил Макагоныч.

— А ото можно? — Литовка указал на ботинки.

— Бери. Сделаешь двадцать для комиссии — подарю.

— Дарить не нада. Я уже купить могу. Уже почти на три тыщи наработал за двадцать дней.

— Дюже ты быстро считать научился. — Прораб глянул в окно. — Бери быстрей и беги на канаву. Идут, шакалы!..

По дороге, которая тянулась от села через единственный дальний мосток, шли три человека. Двое в светло-серых френчах, черных брюках, заправленных с напуском в хромовые сапоги, и полувоенных фуражках. За ними тяжело поспевал грузный старик в белой вышитой сорочке, подпоясанный тонким кожаным шнурком, что поддерживал большой живот, который, того и гляди, мог упасть на землю. На голове гнездилась соломенная широкополая шляпа, а в руке болтался большой серый парусиновый портфель.

Макагоныч набросил рубашку и выскочил навстречу гостям.

«Хорошо быть начальством... — подумал Ромась, выходя следом за прорабом. — На работу — когда вздумается... А ботинки свинячие, добрые... От если бы якой генерал телефонный приехал до нас, то Макагоныч и сапог бы новых не пожалел...»

Он повесил обувку на плечо, забросив один ботинок за спину и, размахивая киркой как маятником, пошел к тому месту на канаве, где оставил свои лопаты.

Появление людей во френчах вызвало у мужиков беспокойство. Они побросали инструмент и, усевшись на бруствер, стали вполголоса строить предположения: к добру ли такой визит? Тревогу рождало и поведение прораба, который бегал вокруг френчей, как провинившийся щенок, беспрерывно размахивая руками и указывая в сторону землекопов.

— Эй, Ромась! — окликнул Канюка, когда Литовка поравнялся с ним. — Шо за баскаки прибежали? Сдается — дюже знакомые. Когда яблони и груши налогом обкладывали, такие самые приезжали.

— Не бойся. Это по мою душу, — ответил Литовка. — Выработку вымерять будуть.

— Так ты гляди не сильно махай, а то расценки всем пообрезають. И будем як те юды, — сказал дед Харитон. И увидев ботинки, добавил: — А обувку они дали?

— Не дали, а я купил у Макагоныча, — сообщил Литовка. — Он просил восемнадцать метров сделать для комиссии. Они проверять приехали.

— А ты, дурень, и согласился, — сказал Рыбак.

— Я не согласился, а як выйдить.

— Знаем мы, як у тебя выходить, — недовольно заметил Канюка. — Ботинки за так не продають.

— Теперь будем рыться, шо те кроты, а денег — кот наплакал! — сказал дед Харитон. — Надо и нам за ботинками идтить. Ромась... шо — особый? Если ему дали — и нам обязанные.

— Хрен тебе большой и толстый дадуть, дед, а не ботинки, — громко рассмеялся Валька Рыбак и, отложив лопату, стал с интересом наблюдать за гостями.

Френчи медленно шли вдоль траншеи, изредка заглядывая в нее. Впереди, жестикулируя, тяжело вышагивал Макагоныч, что-то объясняя. Старик же нес свои восемь пудов прямо по брустверу, ссыпая на дно канавы потоки глины и песка.

— Мелко? — спросил Канюка, когда старик заглянул на дно канавы через его могучие плечи, как через тын.

Но дедок только двинул головой, словно отогнал слепня. Обошел землекопа вокруг, точно преграду, присел и, взяв в морщинистую ладонь комок земли, принялся его разминать.

— Давай, дедуля, я тебе у портфель один заступ закину, — сказал Рыбак.

Но старик только поправил шляпу и поплелся догонять френчи.

Ромась, увидев, что гости направляются к нему, не спеша, демонстративно стал долбить землю киркой, стараясь загонять жало как можно глубже. Затем в образовавшуюся дырку забил кол и, привязав к нему веревку, пошел отсчитывать метры.

— Литовка! — крикнул Макагоныч.— Иди сюда! — И когда Ромась подошел, пояснил: — Вот товарищи из треста... Хотят поглядеть, как ты копаешь. Сколько за день сделаешь?

— А сколько надо? — Ромась окинул хитрым взглядом гостей.

— Шестнадцать за день? — предположил один.

— За весь день и больше можна.

Гости вопросительно посмотрели на прораба и переглянулись.

— Только шнурок натяни обязательно, — делано попросил Макагоныч.

— А шнурок зачем? — искренне удивился один из френчей.

— По шнурку когда — меньше дурной работы, — пояснил Литовка. И отходя, добавил: — И быстрее выходить.

— Ромка! — вдруг крикнул Канюка. — Ты не сильно махай заступом... Нам ище могилу сегодня выкидывать.

— Какую еще могилу!? — взревел Макагоныч. — Кто помер? Литовка, ты это мне брось! Пусть покойник полежит в тенечке пока! Ему некуда торопиться!.. А кто помер?

— Могила — то не работа, — засмеялся Литовка. — Наш покойник только завтра преставится. Обещал подождать один день.

Ромась взялся за кирку и, размахиваясь из-за спины, принялся лихо рыхлить грунт.

«Сябрына»: Беларусь — Россия

Френчи торопливо пошли к будке, чтобы побыстрее спрятаться от уже крепко припекавшего солнца. Прораб поспешил за ними.

Старик же вовсе не обращал внимания на разговоры. Пройдя метра на три вдоль шнурка, вынул из портфеля раскладную скамеечку. Разложил ее, уселся поудобней, положил на колени зеленую тетрадь и приготовился что-то записывать. Когда Литовка сделал первый удар киркой, дед взглянул на часы, вынул из-за уха карандаш и пометил в тетради: «09-16. — 0 м. Суглинок».

Распушив киркой два метра земли, Литовка совковой лопатой быстро снял верхний слой. В начале траншеи вырыл штыком яму глубиной в метр, опустился в нее и быстрыми, ловкими движениями стал выбрасывать большие куски земли на бруствер, забирая пласт за пластом.

Через полчаса, пройдя вспаханный киркой участок, он вылез из траншеи и киркой же наметил новый кусок.

Солнце припекало. Но старик держался стойко под палящими августовскими лучами. Сначала он равнодушно смотрел, как Литовка машет киркой, и даже надменно хмыкнул, увидев, что тот взялся рыть шурф. А когда штык лопаты вдруг отрезал кусок земли у его ног, немного отодвинулся в сторону, подозрительно взглянул на часы и записал в тетрадь: «9-45. — 3м. Суглинок».

— Отец, а отец, — спросил Ромась, не глядя на старика, — шо ты пишешь у книжку?

— Чего надо, то и пишу, — буркнул старик.

— У нас у штабе тоже писарь был, — весело сообщил Литовка, размахнувшись киркой. — Он так быстро писал, шо даже наперед за начальника заставы его мысли записывал. Капитан ище приказ не придумал, а писарь этот приказ уже в журнал записал. Знал наперед, про шо командир заставы думаить. А один раз вышло як?.. Писарь нацарапал шо-то, а капитан возьми и не придумай ниякого приказа. Не знаю, як у вас, а у пограничников — написано, значить, должно быть сполнено... Дежурный прочитал, караулам передал к сполнению... А приказа ниякого и не было... Конфуз.

— Ну и чего с ним сделали? — спросил старик.

— Известно чего. По закону.

— Под трибунал? — с равнодушной уверенностью спросил учетчик.

— Если б под трибунал. Бедолаге легшей было бы. На «губе» попарился неделю и опять в наряд. А его заставили переписывать усю тетрадку. Там приказов за целый год ой скоко набралось! Так от... Як бы и тебе, дед, не пришлось переписывать.

Старик только вздохнул в ответ. Он поднялся и, не отлепляя стульчика от штанов, передвинулся на три метра вперед.

Солнце выкатило в зенит и лило на землю жару, как грозовая туча воду.

Учетчик сделал еще две записи, вдруг собрался и ушел.

«Я ж говорил, шо писать тяжельше», — подумал Ромась, провожая старика взглядом.

Он выкинул несколько пластов, оставил лопату и пошел к будке за водой. И подойдя, увидел старика и прораба, тихо бредущих по дороге в село.

19

Ждали заработную плату.

Макагоныч и тракторист Коля с вечера уехали в город, пообещав вернуться к обеду следующего дня.

Мужики в тягостном ожидании нехотя возились в земле. Только Литовка монотонно отмахивал лопатой.

День незаметно заканчивался.

— Интересно, — заговорил Канюка, оставив лопату и глядя на дорогу, — сколько Макагоныч денег нам привезеть?

— Что по разряду положено, — ответил со знанием дела дед Харитон, — больше не дадуть. — Он уже устал сидеть на бруствере в ленивом ожидании. — Если ты — первый разряд, то тебе должно заплатять по ведомости триста пятьдесят рубликов. А если ты по шестому — получай пятьсот... Это як если норму выкидаешь.

— А у нас же нету нияких разрядов? — сказал Рыбак.

— От як бы мы на Московском канале тачку катали или на Куйбышевской гесе, то четвертый разряд обязательно нам назначили.

— А тут? — спросил Василий.

— На нашей канаве все — первый. Один тракторист Колька имеить третий.

Из-за леса на дорогу выкатился «студебеккер». Он притормозил у брода. С кузова на землю спрыгнул Макагоныч.

— Шо-то денег не сильно, — сказал Рыбак.

— Может, Колька несеть? — предположил Канюка.

Но автомобиль, оставив прораба, скатился к реке и с ревом стал выбираться на противоположный берег.

— Негусто, — заметил Василий, разглядев в руке у Макагоныча только полупустую авоську. — Денег в эту мотню много не покладешь... Хрен... и тот выпадить!

Прораб не торопясь открыл дверь вагончика, долго переодевался, а потом, выйдя на крыльцо, громко позвал:

— Дед!.. Харитон Иваныч, иди!

Старик подхватил лопату и быстро засеменил к вагончику, отмеряя большие шаги длинными ногами. Войдя в вагончик, плотно притворил за собой дверь. Минут через пять он вышел на крыльцо и громко позвал Рыбака. А сам живо побежал в село.

Рыбак вышел от прораба довольный и, призывно поманив Канюку, зашагал в сторону брода. Канюка же молча вышел из будки и поплелся догонять Вальку.

Расплатившись с рабочими, Макагоныч долго не появлялся. Он вышел из вагончика только через полчаса. Бросил взгляд вдоль траншеи, пытаясь увидеть Литовку. Но лужнина в том месте, где рыл Ромась, провалилась в низину, спрятав землекопа. Не став звать, прораб пошел вдоль канавы не спеша. Подойдя к Литовке, тихо сказал:

— Пойдем деньги получать.

— Я ище метр сделаю. Для круглого счета. Як раз двадцать будеть, — ответил Ромась. — Пусть мужики получають.

— Закончишь — приходи.

20

На столе в вагончике стояли две бутылки с зеленой наклейкой «Московская». Одна, залитая белым сургучом, а вторая — почти пустая. Рядом на газете лежали толстые ломти вареной колбасы, несколько кусков черного хлеба, отрезанные от круглой буханки, и открытая железная банка с кабачковой икрой.

— Садись. — Макагоныч предложил Литовке скамейку. Пододвинул к краю стола стакан, влил в него водку. — Давай выпьем.

— По случаю праздника можна, — ответил Ромась. Опрокинул в рот содержимое стакана и, морщась, взялся заедать колбасой. — А мужики где же?

— Бабам гроши понесли, — делано засмеялся прораб и, открыв новую бутылку, попытался налить Литовке.

— Хватить, — отказался Ромась. — Давай... и я пойду...

Прораб, помявшись, достал из-под стола лист бумаги, на котором были записаны четыре фамилии, подсунул ее Литовке и протянул толстую авторучку.

— Распишись.

Ромась глянул в бумажку и увидел, что против всех фамилий стоят одни и те же цифры — 600.

— У тебя дети есть?

— Есть... — ответил Литовка, глядя в ведомость с недоумением. — Як же это?

— Что? — спросил Макагоныч, делая вид, что не понимает вопроса.

— Это як же выходить?.. Они втроем меньше выкидали, чем я один...

— Какая разница? — сказал прораб, делая вид, что разговор идет о пустяках, и снова подсунул Литовке стакан. — Давай выпьем. Поговорим...

— Так, выходить, шо я и Рыбак — одинаковые? — спросил удивленно Ромась. — Я в день — шестнадцать метров, а он... через силу и семи не вытягиваить!

— Ну, ты совсем без головы, паспортная душа, — раздраженно объяснил Макагоныч. — Это у вас в колхозе все на трудодни. Сто выходил — получи за сто. Тридцать выходил — на тебе за тридцать. Ферштейн?

— Это я и без твоего ферштейна кумекаю! Когда тут немец гулял — тоже трудоднями нас всех мерял!

— Ты потише про немца, — сказал прораб. — Эмгеба и тут слышит... А в городе все по расценкам. — Налил себе водку и выпил. — По разрядам. По первому — триста восемьдесят в месяц, а по шестому... Так у вас нету такого разряда.

— Я пойду и закидаю назад половину! — воскликнул Ромась.

— Ты не дури! — ответил прораб. — Вся канава уже по акту записана. Завтра приедут кабель укладывать.

— А за те лишние, которые я выкидал, когда мне заплатять?

— Ну, считай, что ты обязательство какое принял на себя, — сказал Макагоныч. — К дню Красной армии или Парижской коммуны... Ты как вроде стахановец в колхозе...

— Плювать я хотел на твою Парижскую коммуну! — выкрикнул Ромась. — Где — она, а где — канава!? Мне дите и себя обуть на зиму надо. Ботинки пятьсот рублей в сельмаге!.. Для того и старался!

— Чего ты шумишь, мертвая душа? — зашипел Макагоныч.

— Я — не мертвая душа! Я — живой! И — человек! Этот твой дедок-зануда зачем записывал за мной работу!? Где мои метры?!

Макагоныч достал пачку «Казбека», распечатал ее и протянул Ромасю.

— Кури.

— Не курю я!

— Если бы ты для этого деда не выкидал, то я б уже в эмгэбе сидел, — сказал прораб. — Обвинили б в приписках. И — на Колыму... А так... деньги есть. Закуска... Еще я тебе ботинки выдал...

— Я их назад принесу. Неодеванные пока...

— Ты послушай, чего скажу, Ромась Кондратич... — Макагоныч налил себе водки и выпил. — Ты или копай, как все... или ищи другое место на этой земле... Я дня получки боюсь, как ночной бомбежки... Мне с вами рассчитываться — лучше повеситься... — Снова плеснул в стакан водки и залпом опрокинул в рот. Вытер тыльной стороной ладони губы и, глядя в дальний угол вагончика блуждающим взглядом, сказал, не обращаясь ни к кому: — Вот те молот, вот те серп, вот тебе советский герб. Хочешь, жни... Бери и это... пока дают. А то неровен час... Давай выпьем... — И уже сурово глянув на Литовку, добавил: — Ненужный у тебя талант для этой жизни...

21

Литовка побрел от вагончика, тяжело переставляя ноги и спотыкаясь, словно слепой, потерявший посох. Он, не подворачивая штанин, вошел в воду, которая показалась ему по-зимнему холодной. В это время из села на береговой песок выскочил с ревом «студебеккер». Не сбавляя хода, точно убегающий воришка, грузовик врезался в реку и, разбрасывая струи по сторонам, перелетел на противоположный берег и скрылся в луговой темени.

— Тьфу, корова гулящая! — крикнул Литовка со злостью вслед машине, даже не пытаясь защититься от холодного дождя брызг. — Носит нелегкая всяких!

Тяжело поднялся на край поля и остановился.

В избах уже зажглись окошки. Откуда-то долетал крик шального петуха, опоздавшего на насест, да в темно-сером небе черными лоскутками проносились летучие мыши.

«Вот тебе и три тыщи! Наобещал на свою голову!.. А чего теперь брехать!? — Ромась думал, как скрыть от Варвары собственные унижение и обиду. Душу зло будоражила неспособность врать. Он чувствовал себя виноватым перед ней. — Лучше бы не обещал!.. За язык нихто не тянул...»

Угнетало бессилие перед Макагонычем, комиссией во френчах, стариком-учетчиком, Софроном-пасечником. Они вдруг все разом столпились перед глазами, выскочив из темной стены кукурузы. Только теперь эти ночные вурдалаки не смеялись, а, чавкая, скалились острыми, длинными клыками. Пришли на память убогая застава и сибирская Семеновка. Ромасю показалось, что в тех дальних краях он был бы недосягаем для этих острозубых зверей. Захотелось убежать туда...

«Нам бы с Варькой в тайгу...» — подумал он.

Мысль, уносившая его в далекую, спасительную сибирскую глушь, вдруг застопорилась упрямо, словно лошадь среди дороги, почувствовавшая впереди беду. И Ромась понял, что и на Дальнем Востоке он все равно не избавится от всех этих клыкастых лиц.

Его охватила удушливая ненависть. Он со злостью размахнулся заступом, ударил им о землю и крикнул:

— Подавитесь вы своей канавой!

И все кривые лица трусливо разбежались. И злость ушла из души вместе с ними. Ромась стал дышать легко и свободно, как тогда, когда отдал деньги Татьяне.

«Пойду лучше по людям погреба выкидать, — сказал он себе. — Они хоть платят меньше... Зато — честно».

Литовка не успел переступить порог, как Варвара радостно доложила:

— Ромась, сегодня на машине приезжали двое из города.

— И им канаву копать?

— Нет. Орг... чего-то...

— Оргнабор...

— Садись. Я борщ сварила. — Она поставила на стол полную дымящуюся миску и положила рядом хлеб, луковицу и деревянную ложку. — Набирают... У городе стены химзавода выкладывать. И про паспорт спрашивали.

— И чего?

— Як есть этот треклятый паспорт — сразу общежитие дають.

— А хто без паспорта?

— Утром у пять часов «студером» из села на стройку. А вечером в шесть — назад.

— Знаем, шо за общежитие... Барак засыпной...

— Это шо такое?

— Между двух фанеров опилки насыпаны. И — живи...

— Давай поедем. Помрем тут. Зимой опять хата промерзнить. Шоб стены от холода загородить — соломы не наберем. — Варвара говорила тихо, точно повторяла давно известную историю. Ромась видел, что ее душа и мысли там, в городе, на стройке. И повинуясь этим мыслям, Варвара спросила, словно пропела: — Правда, мы будем хорошо работать? — И подарила Ромасю счастливую улыбку, полную надежды.

— А корова? — спросил он, пряча взгляд в миске с борщом.

— Продадим. Я за нее только пятьсот рублей должна... А в городе за работу платить по правде будуть... як директор школы. Там жизня ладная, — с веселой уверенностью сказала Варвара. — Хочешь — на завод идешь работать. Не понравилось — иди на другую фабрику. И нияких тебе трудодней. Это ж скоко у нас надо ячменя и жита на току перевеять на те самые деньги, шо на канаве дадуть? Трудодней за три года не соберешь. Ромась, миленький, там же люди як люди живуть. Ты пойдешь копать. А я — в столовую. Я один раз в такой столовке ела. Мама, покойница, такого свиньям не варила, чего они людям варять. А я ж умею по-настоящему... — Она села за стол напротив Ромася. — Як борщ? Вкусно?

— Очень, — ответил Ромась. — Курку зарубила?

— Да там ни одного кусочка мяса нету. Где ж его взять? Цыплята ище малые... Жалко резать.

— На заводе хорошо, наверно... — сказал, хмурясь, Ромась. — Токо деньги, здается, там на турецкую Пасху и платят.

— Хоть раз в год, а — заплатят. Это ж тебе не трудодни нашие — як вода в решете... А мы будем работать... Сережа в школу пойдеть...

Они сидели, глядя друг другу в глаза. Варвара попробовала улыбнуться и передать свою веселую уверенность Ромасю. Но тот смотрел на нее хмурясь. Его глаза горели недобрым огнем.

— А когда эта самая турецкая Пасха? — вдруг настороженно спросила Варвара. — Сразу за нашей?

— Не бываить у турков Пасхи! — выкрикнул Ромась. — Чего от них в городе ждать? Если они на канаве не платять!? Мне и деду Харитону по шестьсот заплатил Макагоныч. — Ромась вывернул карман брюк и бросил на стол большие черно-бежевые бумажки. — Вот тебе твой завод!.. Выгнали меня из канавы!

— За шо? — растерянно спросила Варвара.

— За то, што копаю лучше, чем Канюка! Чем другие!

— А як же надо? — Она смотрела в глаза Ромася, точно видела что-то потаенное на их глубоком светлом дне.

Они замолчали, глядя друг на друга.

— Што ж нам делать, Ромась, миленький? — спросила Варвара подавленно после долгого молчания. В ее голосе не было ни испуга, ни мольбы к небесному заступнику. Она встала из-за стола, подошла к лампе и подняла фитиль. Пламя опасно вспыхнуло и озарило ее лицо.

— Ты чего это удумала, Варька!? Палить!? — выкрикнул Ромась. — Не трогай!

— Што с тобой? — спросила Варвара с тревогой. — Ты подумал, шо я буду палить хату? — Варвара вдруг улыбнулась мягкой улыбкой. В глазах вспыхнула непоколебимая решимость, которая овладевает человеком после долгих и тяжелых раздумий, когда он принял самое главное в жизни решение — биться или смириться. — Нет... Не дождутся!

— Шо будем делать!? — Ромась крепко сжал губы и упрямо опустил взгляд на глиняный пол. Голос его звучал хрипло. И было непонятно — спрашивает он Варвару или себя.

В это время с печи слез Сережа и, растирая кулачками глаза, тихо сказал:

— Я исть хочу...

ПЕТР ИСАКОВ

Мартиролог

Мемориал в селе Почепное Хомутовского района Курской области

Тут нет моей вины,
Что те солдаты не пришли с войны,
И пусть винить нас в этом всех негоже,
Все это так. Но... все же, все же, все же!..

А. Твардовский

Старинное село под Хомутовкой
Ушло бесследно под бурьянный вал,
Лишь высится на небольшом пригорке,
Глядит на нас словно с упреком горьким,
Солдатам, павшим на войне, мемориал.

На белых плитах — имена и даты.
Печальный мартиролог. Вязь имен.
Девятнадцатилетние солдаты,
Еще вчера — лишь школьники-ребята,
Ушли в начале жизни в вечный сон.

Все — счетом триста! — из одной деревни,
Такую жатву собрала война!
И что село их, в Курском крае древнее,
Почти исчезло, скрылось в жгучих терниях,
А раньше жизнь бурлила, — разве их вина?!

Кто обвинит их, что спасли Россию,
Не дав врагу поработить ее,
А своему селу под мирным небом синим,
С народом добрым и душой красивым,
Позволили уйти в небытие?!.

Не нам винить героев павших в этом,
И за развал в стране не им держать ответ.
За это мы, да! — только мы в ответе!
И дать ответ должны мы нашим детям!
Иного не дано! Пути иного нет!..

Мемориал в поселке Ченки под Гомелем

*Внуку Дмитрию,
студенту МИСИС, посвящаю*

Длинный траурный список
Незабытых имен.
Сосен шум в синей выси —
Шелест алых знамен.

Вечным сном спят солдаты,
Кто форсировал Сож.
Сколько их ? Сосчитай ты! —
Вряд ли скоро сочтешь...

Много тысяч в граните
Имен павших солдат.
Люди! Их не будите:
Вечным сном они спят...

Тут все нации в сборе —
Кто страну защитил,
Кто военное горе
Меж собой разделил.

За ценой не стояли,
Кто Победу ковал.
Свои жизни отдали,
Кто нам мир завещал...
…………………………
Шелестят ветви сосен,
Тихо плещется Сож
На лугах звенят косы,
А в полях зреет рожь...

НИКОЛАЙ ГЕРМАНСКИЙ

Оно рядом

Дорожные заметки

Небо непрестанно напоминает нам, как каждому в отдельности, так и целым народам, о том, что Оно рядом и знает все, что творится внутри и вокруг нас.

Все известно

Ехал я как-то по дороге, и подумалось мне вдруг, что там, «наверху», уже все известно наперед: и то, куда мы едем, и то, когда вернемся, и даже то, когда и как закончится наше движение...

Глубоко задумавшись, я всплакнул и поехал дальше.

Про царя

Ехал я как-то по дороге, и подумалось мне: «А что же все-таки лучше — плохой царь с хорошим окружением или хороший царь с плохим?» И озадачил меня этот вопрос, и не могу ответить на него до сих пор.

Француз

Ехал я как-то по дороге и вспомнил о том, как шли мы в молодые годы по улице большого города с другом — французом. Тут, откуда ни возьмись, летит маленькая птичка и с присущей ей простотой оправляется на лету прямо на шикарный французов плащ. А я и говорю своему другу: «Люк, а ведь как хорошо, что коровы не летают». А он смотрит на меня и не может понять, о чем речь. Я снова, но помедленней и повыразительней повторяю свои слова. И тут до него доходит смысл сказанного, и он начинает судорожно хохотать, словно представляя перед глазами яркую картинку с летящей коровой и вытекающими последствиями.

И подумалось мне, что не ведают ни французы, ни англичане, ни американцы глубины русской души, запечатленной в ее пословицах да поговорках.

Вот если б они повнимательнее вникали в их суть, то, может быть, и не воевали бы с нами никогда.

И поехал я дальше, распираемый гордостью и за родную державу, и за народную мудрость.

Лепота и слепота

Ехал я как-то по дороге, и подумалось мне: до чего же богат русский язык. Вот взять хотя бы слово «лепота» и прибавить к нему одну-единственную

букву «С», и получиться слепота, то есть то грустное состояние, пребывая в котором, совершенно невозможно увидеть эту самую лепоту. А чтобы увидеть ее, нужно всего-навсего прозреть. А на это может и целой жизни не хватить; попробуй-ка сбрось с себя многотонную тяжесть грехов без посторонней помощи! Сокрушенно вздохнув, поехал я дальше.

Одна буква

Ехал я как-то по дороге и снова размышлял о нашем родном языке. Взять, к примеру, два слова: «вода» и «водка». Всего одна буква в серединке, а смысл совершенно меняется. Чистая вода, к примеру, подобна чистой жизни, а водка — это жизнь не просто мутная и нетрезвая, а вывернутая наизнанку. Хотя если поставить рядом два стакана, то едва ли различишь, где водка, а где вода. И подумал я озабоченно: «Как важно в жизни не перепутать стаканы».

С этими мыслями поехал я дальше.

Лик, лицо и личина

Ехал я как-то по дороге и снова рассуждал о богатстве нашего родного языка. На иного человека, доброго да благородного, посмотришь, ну не лицо, а прямо лик. А от лика и до иконы недалеко. А на другого посмотришь: глазки бегают, чего-то ищут, от кого-то прячутся — ну личина да и только. Тут я пошел в мыслях дальше. А ведь слово «образ», что и «лик»: когда слышишь его, невольно представляешь икону Спасителя, Богородицы или святого. Но есть и другое слово, вроде и похожее, но совсем другое — «образина».

— Господи, — со страхом подумал я, — дал бы Ты мне ума да силы, чтобы иметь если не лик, то хотя бы лицо, но только не личину. И если возможно, носить в себе Твой образ, но только не быть образиной.

С этими мыслями я быстренько поехал дальше.

Исключительный случай

Ехал я как-то по дороге и вспомнил, что недавно стал случайным свидетелем любопытного разговора двоих, сидевших за соседним столиком.

— Развелось нынче этих писак. Пушкин с Гоголем поди уже обо всем написали. Подмели бы улицу или накормили голодного, или посетили больного и не марали напрасно бумагу, — вдохновенно выпалил первый.

«Дело, — думаю, — мужичок говорит».

А второй отвечает ему:

— Так-то оно так. Да вот сынок мой по молодости такой шалопай был — никакой управы не могли на него найти. Где что ни случись, так он тут как тут. И вот однажды подарили ему книжонку в день рождения, и он кое-как осилил ее. Двадцать лет с тех пор прошло, а он теперь и кормит, и поит, и посещает, да и не одного, а десятки, а может, и больше.

— А что же это за книжечка была?

— Да что-то вроде о жизни после смерти.

— А кем же он работает? — почесав затылок, поинтересовался первый.

— Да книжки пишет, а заодно директором какой-то компании подрабатывает.

— Да, — еще раз почесал затылок первый и крякнул, — бывают в жизни исключенья.

А я подумал тогда: «Хорошо, если б таких исключений было побольше, а когда-нибудь они стали бы правилами».

Вздохнув глубоко, поехал я дальше.

Нищий

Ехал я как-то по дороге и увидал на обочине нищего. И подумалось мне, что я такой же, как он, потому как пуста моя духовная котомка. И все мы, наверное, такие же, только не все об этом догадываются. И стало жаль мне и себя, и нищего, и всех-всех-всех, бредущих по обочине жизни и не знающих верного пути.

Разум и любовь

Ехал я как-то по дороге и почему-то вспомнил о блаженных и философах. И показалось мне, что в чем-то они схожи. Но сердце подсказывало, что есть и огромные различия. Ну я и решил окончательно разрешить для себя этот вопрос. И вот что у меня вышло после моих размышлений. Философы в основном напрягают рассудок, не сердцем, а умом пытаются познать сокровенные тайны бытия. А поскольку эти тайны до конца непостижимы, то они и не открываются, хотя многие из них вроде и веруют в Бога, и даже называют его Абсолютным Разумом. Страшно представить, какая мука для человека всю жизнь ходить вокруг да около и не знать полноты! Однако в результате сверхнапряженной мыслительной работы они становятся, и это справедливо, ну очень умными, хотя нередко и с дефицитом любви.

А блаженные и юродивые доверяют не своему разуму, а Богу, и только Богу, который для них является не Абсолютным Разумом, но Абсолютной Любовью. Сердце их находится в непрестанной молитве, в результате они становятся теми, о ком нередко говорят «не от мира сего». Ведь они на самом деле уподобляются Богу, и им, простецам, Он открывает сокровенные тайны, хотя они об этом не просят и к этому не стремятся. Им бы поплакать о своих грехах да помолиться о бедном человеке.

И задал я себе вопрос: «А кому бы я доверил свою жизнь? Тому, кто много знает, или тому, кто много любит? И, кажется, очень быстро нашел ответ и, облегченно вздохнув, поехал дальше.

Русские правители

Ехал я как-то по дороге и, взирая на необъятные русские просторы, подумал о наших правителях, которые руководили великим народом от начала русской истории. В мгновение ока их лица пронеслись передо

мной. Были среди них те, воспоминания о которых согревали душу, но, увы, были и те, от воспоминания о которых к горлу подкатывал комок, и было непонятно, откуда наш народ находил в себе силы, чтобы пережить страдания и унижения, которым он подвергался благодаря этим горе-вождям. И подумалось мне: «Какие бы негодяи ни правили иногда нашей страной, Россия жила и будет жить Любовью Христа и Его Пречистой Матери, ответной любовью тех, кто находит в себе силы терпеть и молиться».

На сердце стало легче, и поехал я дальше.

О долгожителях

Ехал я как-то по дороге и включил радио. Там шла беседа о долгожителях. Выдвигались разные теории как отечественных, так и зарубежных ученых о причинах долголетия. Кто-то всю жизнь дышал горным воздухом и не ел мяса, а кто-то мясо ел и даже трубку курил, кто-то бегал трусцой, а кто-то каждое утро обливался ледяной водой. Слушая этот оживленный разговор, я вдруг вспомнил о своем дяде-татарине, который в девяностолетнем возрасте принял крещение. Удивительный человек дядя Гриша. За всю свою жизнь он ни разу не произнес черного слова, никого не осудил, а все обидное и недоброе по отношению к себе старался не замечать и не принимать близко к сердцу. Я никогда не слышал, чтобы он злился или кричал. Будучи прекрасным мастером своего дела, он всегда был уважаем и начальством, и товарищами по работе.

«Может быть, во всем этом и заключается секрет его долголетия?» — подумал я и поехал дальше. А по радио в это время ученые люди перечисляли продукты, потребляя которые, человек может продлить свою жизнь.

О человеческом счастье

Ехал я как-то по дороге и снова включил радио, а там умные люди рассуждали о том, что такое счастье. Одни утверждали, что счастлив тот, кто занимается любимым делом, другие говорили, что это тот, у кого ладится семейная жизнь, а третьи посмеивались над первыми и вторыми, настаивая на том, что счастлив тот, у кого куча денег, за которые можно купить все: и вещи, и друзей, и положение. Посмотрел я тут на иконку Спасителя, и вспомнились мне Его сокровенные слова: «Нет ничего дороже, чем положить душу за друзей своих». И стала для меня очевидной простая вещь — без любви этого сделать невозможно, и по-настоящему может быть счастлив лишь тот, кто научился любить до такой степени, что уже готов без колебаний отдать свою жизнь за того, кого любит.

Сердце радостно забилось от этой мысли, и поехал я дальше.

РИММА ХАНИНОВА

Запах полыни

Баллада о войне

Мне
в душу
врезался
снарядом
рассказ
военных
давних лет,
как
при раскатах канонады
из боя
вышли
трое...
Нет,
один был ранен в грудь.
И пуля
вначале
хлеб
пробила
влет:
он был за пазухой.
Волнуясь,
друзья окликнули...
Но льет
холодный дождь
свои потоки
в его
открытые глаза.
И изменить
ничто
нельзя.
Буханка общая,
как сроки
уже
отмеренной
судьбы,
все тяжелей
от свежей крови,

и горбится,
как от беды,
в своем
понятии вины.
И этим хлебом
был помянут
один из трех,
солдат войны,
и этим
вовсе не обманут
обряд печальный
той поры.

Ландшафт истории

(размышления по поводу)

Вероятно, в любом ландшафте истории
Есть тропы такие, что не всеми проторены:
Ведь нужно на карту смотреть
в масштабе один к одному,
Чтобы понять, кто должен, что и кому,
Хотя по прошествии лет кому разобрать
Триумфы и поражения, чтобы счет предъявлять.
Легче в жанре какой-нибудь оратории
Писать, переписывать свою и чужую историю:
Ноты послушны тогда дирижерской руке,
Как манжет сорочки смокингу (этикет).
Ноты дипломатические — для всех головная боль,
Та еще необходимость из множества чужих воль,
Когда за листом бумажным — не древо,
а государство,
Суверенность, граница, словом, одни мытарства.
Зримое есть для зрячего — посох иль булава,
Вроде той предпосылки, что есть ковыль-трава:
Кому — сорняк, не культура, белесая погань земли,
Кому — культура в ландшафте,
где предки твои и мои.
Если за ковылями не видеть земли праотцов,
Значит ли это, что нет ее, там, за... Зов
Одинокий полнит пассивность пространства затем,
Чтоб овладеть и временем, быть чтобы этим и тем:
Пока в живущем время ладит с его пространством,
Можно идти тогда, соизмеряясь с ландшафтом.
И, как казахский хан Нурали, в ответе своем Убаши
Перечислять набеги, походы, войны, миры...

Бедные братья джунгары, родины вам не видать:
Жузами и войсками велено вас окружать,
Чтобы вернуть на Волгу, к пологим ее берегам,
Воссоединить там в целое, что стало теперь пополам.

А те, что остались в Джунгарии, до того же исхода,
Их как считать — половиной? Целым еще народом?..

Братья мои джунгары! Как мало вас на земле,
Рассыпаны в странах повсюду,
как горсть серебра на золе.
Пепел очажный мифемой в память не постучит —
Или искра там тлеет под спудом потерь и обид?..

Но если ветер прихватит запах полыни с собой...
Что станет со всеми нами? Со мной? Теперь и с тобой?..
....

Все мы — кочевники в мире, в космосе, в век скоростей.
Человек умирает мгновенно — и нет еще длинных смертей —
Только рождается медленно... Медленно — не беда.
Остановись, мгновенье!..
— Полынью пахнет?..
— О, да!..

Салют, Победа!

И он пришел — Победы нашей час,
Добытый в яростных атаках и сраженьях,
Чтоб с Днем Победы поздравляли нас,
Как ныне поздравляют с днем рожденья.

И год один сменяет год другой:
Так часовой сменяет часового,
Свой ход сверяя с точностью простой
У памяти солдатской, как связного.

Салют, Победа, павшим и живым!
Салют, страна, героям поколенья,
Вручившим мир, как знамя, молодым,
Чтоб не распалась связь времен в преодоленье!

Они прошли с боями полземли,
Зовя ее обугленными ртами,
Четыре года приближали, как могли,
Все те, кто рядом, кто уже не с нами.

Наш век пройдет двадцатый. И за ним
Откроются архивные страницы,
Но то останется великим и святым,
Что дорого России без границы.

И друг степей, воистину калмык,
Вернулся в край родной из долгой ссылки,
Он день победы понимать привык
Как день заслуг всеобщих без отсылки.

...Век двадцать первый. Новый календарь.
Вновь, современники, победный май встречаем.
Мы также знаем на Руси, как встарь,
За все, что было, миром отвечаем.

Запах полыни

Может ли запах травы быть сильнее слов?..

Есть чеченское предание, которое подтверждает это предположение.

Давным-давно у одного калмыцкого хана был сын, молодой храбрый воин. Однажды он со своей свитой отправился на охоту и так увлекся погоней за зверем, что пересек границы родного ханства и оказался в горах Ичкерии. Гостеприимство горцев и красота горянок пленили его сердце. Задержался степняк в чужих краях надолго: время летело незаметно в пирах и охотах.

Ждал сына старый отец терпеливо, понимая, что наследник должен узнать другие народы и земли. Потом послал гонца с требованием: возвращайся домой. Возвратился гонец ни с чем. Отправился вслед второй гонец, но и он вернулся один. И еще несколько гонцов безрезультатно побывали в горах Ичкерии.

Как мог сын ослушаться отца?

Как смел наследник не выполнить повеление хана?

Счастлива беспечностью молодость.

Но прозорлива старость.

Мудрый отец сорвал в степи пучок полыни, положил в кожаный мешочек и вручил очередному гонцу.

Когда ханский сын получил от отца вместо письма какой-то мешочек, он удивился. Но развязал тесемку, увидел в мешочке траву и почувствовал горький запах полыни. Этот запах заполонил шатер, перебив другие запахи.

Вдохнув запах простой травы, сын хана приказал своей свите собираться в обратный путь.

Вот что значит запах родины!

КАТРИН ШМИДТ

Почему вы плачете каждую среду?

Рассказы[1]

От переводчика

Катрин Шмидт родилась в 1958 году в Готе (Тюрингия, ГДР). Изучала психологию в Йенском университете, работала в Лейпцигском университете, затем детским психологом. Окончила Литературный институт. Работала редактором в женском журнале, занималась социологическими исследованиями, а с 1994 года стала свободным писателем. Живет с семьей в Берлине, у нее пятеро взрослых детей.

Впервые писательница стала известна благодаря своим стихам, позже из-под ее пера стали появляться многочисленные рассказы, романы, которых на сегодняшний день четыре.

Самый большой успех получил роман «Ты не умрешь», героиня которого выходит из комы после тяжелого инсульта и вынуждена, в сущности, учиться жить заново: владеть телом, говорить, восстанавливать воспоминания и отношения с окружающими ее людьми.

За этот роман в 2009 году Катрин Шмидт получила одну из самых престижных литературных премий Германии Deutscher Buchpreis — немецкий аналог «Букера», выдержав конкуренцию с нобелевской лауреаткой Гертой Мюллер. Эта книга появилась и у нас: на белорусский язык ее перевел Альгердт Бахаревич.

Сборник рассказов «Finito. Schwamm drüber» («Finito. Все в прошлом»), подборка из которого предлагается вашему вниманию, увидел свет в 2011 году. Эти виртуозные литературные миниатюры были написаны в разное время. Каждая из них приоткрывает дверь в чью-то жизнь, в каждой — история на вечные темы: одиночество, смерть, любовь, секс. Герои переживают если не переломные моменты, то, во всяком случае, события, встряхивающие их счастливое или не очень, но размеренное существование. Маленькие и большие драмы разыгрываются по соседству, но мало кому есть дело до того, что происходит рядом: каждый занят собой, своей собственной маленькой или большой драмой. Это чтение легкое по форме, но глубокое по содержанию, поэтому достаточно универсальное.

В сытое, беззаботное и скучное существование домохозяйки в рассказе «Двойной свет» вторгается чужое прошлое, что приводит женщину в состояние крайнего замешательства.

История из рассказа «Норвежская формула» не только заставляет нас почувствовать, что происходит в душе человека, оказавшегося в экстремальной ситуации, но и напоминает библейскую заповедь: не судите ближнего.

Один из рассказов — «Фрау Ипси и герр Лон» — написан с большой долей доброго юмора. Он повествует об одинокой пожилой женщине, которая, не имея ни малейшего представления о психологической теории визуализации, но интуитивно следуя ей, кардинально изменила свою жизнь.

---

[1] From: “Finito. Schwamm drüber” by Kathrin Schmidt.
© 2011, Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, Köln, Germany

Двойной свет

Каждый день, когда тени становились короткими, а время замедлялось, Бригитта Бамбоза устраивалась в дальнем углу сада в шезлонге. В наше время частный дом одним своим видом может ответить на многие вопросы проходящего мимо, но открывает чужому взору не много. Правда, у того, кто прогуливается здесь, по улицам недавно застроенного жилого района, возникает, наверное, не так уж много вопросов. Бригитта Бамбоза размышляла об этом иногда. Сама она выходила редко. Ее муж делал это за нее. Он работал в городе, за пределами так называемой жировой прослойки — обеспеченной, сытой окраины.

Лежа в шезлонге, Бригитта Бамбоза приподняла краешек соломенной шляпки и, жмурясь, посмотрела на солнце. В последние недели время тянулось все медленнее, при том, что ее тридцать семь лет — это же еще не возраст! Сад был заложен по настоянию ее мужа, которому было необходимо как-то компенсировать сидячую работу в бюро. Деревца на небольшом газоне позади дома росли уже сами по себе. С тех пор, как было обустроено последнее помещение их нового дома — спальня, Бригитта Бамбоза время от времени по утрам становилась на стул и проводила пальцем по бортику шкафа. Пыль, ради которой стоило браться за тряпку, обнаруживалась очень редко. А вот застрявшее между вчера и завтра время замечалось постоянно. Это как с пожеванной жвачкой. Чем больше стараешься собрать ее в комочек, тем сильнее она растягивается между пальцами. Жвачки у Бригитты Бамбоза не было, а то, что все больше заполняло ее дни, можно было назвать одним словом — скука.

Она встала, чтобы сходить за бутылкой воды. Подойдя к входной двери, обратила внимание на пожилую пару: двое торопливо шли, то и дело останавливаясь посреди недавно проложенной, без единого деревца, улицы. Бригитта Бамбоза вошла в дом, закрыла за собой дверь и неожиданно для себя задержалась у окошка, наблюдая за стариками. Мужчина указал рукой в ее направлении. Бригитта Бамбоза не шевельнулась: он не мог ее видеть. Вроде бы что-то сказал своей спутнице. Та, во всяком случае, покачала головой и, насколько могла видеть издалека Бригитта Бамбоза, недоверчиво поджала губы. На часах было десять минут первого.

Спустя пять часов пришел с работы муж. Бригитта Бамбоза приготовила тосканский салат и тосты из багета, открыла бутылку белого вина. Они ужинали на террасе за домом, беседуя о предстоящих муниципальных выборах. Муж голосовал за левых, но, кроме нее, об этом никто не должен был знать. Сама Бригитта Бамбоза последнее время, прислушиваясь к голосу совести, отдавала свой голос зеленым, испытывая при этом удовлетворение, которое, впрочем, уже недели через две забывалось. Супруги — не афиширующие себя лево-зеленые — подняли бокалы: мир не идеален, но какой уж есть, — терпеть можно. Позже в новенькой спальне она лежала в постели и курила перед сном сигарету, глядя на мужа, который уже давно спал.

Утром, оставшись одна, Бригитта Бамбоза забралась на стул для очередной проверки: пыль все еще не скопилась. Вздохнув, отложила в сторону три бестселлера, которыми намеревалась скрасить свой второй утренний кофе. Ее взгляд остановился на окне. Там снова стояла та самая парочка! Мужчина осматривал одно за другим окна, словно ища глазами что-то определенное. Женщина, сгорбленная, с удрученным видом, с усилием вытягивая голову, следовала за ним. На часах было три минуты десятого.

Бригитта Бамбоза принялась следить за стариками. Они проходили мимо ее дома в среднем четыре раза в день. Всякий раз останавливались

перед ее домом, внимательно смотрели на табличку у входной двери, переглядывались. Бригитта Бамбоза, казалось, улавливала при этом едва заметное пожатие плечами. Пара проходила дальше. Они появлялись, будто придерживаясь какого-то своего достаточно точного расписания. Например, в среду Бригитта Бамбоза видела, как около десяти часов старики, нагруженные покупками, поднимались вверх по улице, хотя до этого вниз не спускались. В четверг наоборот: они дважды спустились вниз, ни разу не поднявшись наверх. Бригитта Бамбоза терялась в догадках. Вероятно, они ходили по круговому маршруту. В другие же дни оба, с маленькими сумочками в руках, сначала спускались вниз, а через двадцать минут возвращались обратно, всегда держась за руки, что вызывало в глубине души умиление. Три недели день за днем Бригитта Бамбоза наблюдала за стариками. Тени становились длиннее, зато теперь так не тянулось с утра до вечера время, дни не плелись размеренным шагом, а летели.

На четвертой неделе, в понедельник, незадолго до ожидаемого визита стариков, Бригитта Бамбоза положила посреди улицы свое портмоне, а сама спряталась за невысокой, еще молодой, живой изгородью палисадника. То есть она, конечно, не залегла в укрытие, а, несмотря на то, что муж был против таких действий, принялась выпалывать едва проросшие сорняки. И вот парочка появилась. Женщина обнаружила портмоне, мужчина наклонился и поднял его. Бригитта Бамбоза оставила в первом же отделении свое удостоверение личности, поэтому старику не составило никакого труда узнать фамилию и адрес владелицы. Они приблизились к калитке и, увидев хозяйку, громко позвали. Та изобразила удивление, вытерла выпачканные землей руки о шорты, подошла. Женщина, улыбаясь, помахала портмоне, глянув на которое, Бригитта Бамбоза с наигранным ужасом закрыла рот рукой.

— *О нет! Как я могла его выронить?! Ужас! Хорошо, что нашли такие честные люди, как вы. Не зайдете ли на пару минут? Я угощу вас хорошим кофе — снять стресс.*

Кофе старики не хотели — они и стресса-то никакого не испытали, но выпить по чашечке чаю согласились. Женщина маленького роста, с искривленной спиной, пропустила мужа вперед. У того, как теперь заметила Бригитта Бамбоза, похоже, видел только один глаз. Второй, остекленевший, просто сидел в глазнице. Бригитта Бамбоза испытывала неловкость, глядя на него. Когда она смотрела мужчине прямо в лицо, волей-неволей натыкалась взглядом на стеклянный глаз, который не обнаруживал никакой ответной реакции. Это сбивало с толку. У женщины с одной стороны лица был опущен угол рта, а свисавшее веко на треть прикрывало радужку. «После инсульта», — сразу поняла Бригитта Бамбоза. Старики сидели, попрежнему не отпуская друг друга. Его рука автоматически искала ее руку, словно таким образом он мог справиться с собственной беспомощностью. Слаженная команда.

Бригитта Бамбоза говорила слишком много. Сама обратила внимание на это, и все же не могла взять себя в руки: не выдерживала возникающей паузы, когда, казалось, даже воздух сгущался. Пока готовила чай, болтала о жесткости воды в округе, разрезая вчерашний вишневый пирог — о чувствительности желчного пузыря к этой косточковой ягоде, возникающей у некоторых с возрастом, при этом вопросительно посмотрела на пожилую женщину. Поставила на стол молочник и принялась рассказывать о болезнях вымени у коров в расположенном недалеко отсюда скотном хозяйстве. Когда, наконец, заговорил мужчина, Бригитта Бамбоза вдруг словно сдулась — на самом деле она только этого и ждала.

Он осторожно попросил сахару. Бригитта Бамбоза молча метнулась к шкафчику, принесла банку и с сияющей улыбкой водрузила ее перед гостем на стол. Маленькая старушка положила в чашку три ложечки корич-

невого сахара. «Смотрит робко», — отметила про себя Бригитта Бамбоза, чувствуя некоторое превосходство.

Она спросила стариков, как их зовут. «*Фришер*, — ответила женщина, — *Макс и Хильдегард*», — и церемонно добавила, что они очень рады познакомиться с фрау Бамбоза. Рты вытянулись в приторных улыбках. Бригитта Бамбоза подумала, что в ее окружении никогда не было людей, похожих на этих старичков. Ее родители давно умерли — двадцать лет назад погибли в аварии, а родителям мужа только что исполнилось по шестьдесят.

Она шумно вздохнула.

«*Ну, нам нужно идти — дела*!» — воскликнул мужчина. Бригитта Бамбоза удивилась, что в таком возрасте, а она дала бы обоим далеко за восемьдесят, можно так громко кричать. Спросила, не хотят ли они взять с собой кусочек пирога, да и вообще: «Вы же здесь часто проходите мимо, заходите как-нибудь еще!» Муж и жена несколько поспешно кивнули, смущенно улыбнувшись.

Спустя два дня они снова появились. Бригитта Бамбоза заметила их на подходе и уже стояла за дверью, поэтому после звонка немного выждала — причесала волосы, подушилась парфюмом, который подарил ей на Рождество муж. Наконец открыла, изобразив удивление и радость. Женщина протянула ей прямо под нос букет кроваво-красных гвоздик.

Сегодня парочка проявила любопытство и захотела осмотреть дом. Особый интерес вызвали несколько расставленных по комнатам фотографий: ее родители, три брата со своими семьями. Спросили про фото ее мужа. Бригитта Бамбоза на секунду задумалась, стала искать старый фотоальбом, нашла. Старики ждали с явным нетерпением. Уже на третьей странице — с фотоотчетом о *регистрации имени нового гражданина социалистической Германии* — мужчина торжествующе посмотрел сначала на свою жену, а затем на Бригитту Бамбоза. *«Фамилия*, — взволнованно пробормотал он, — *такая редкая фамилия, что мы сразу подумали: это они!»*

Бригитта Бамбоза ничего не понимала.

Через час кое-что стало проясняться.

Оказалось, что ее свекры в свое время состояли членами той же партийной ячейки, что и Фришеры, — о том, что Ханнелора и Герхард Бамбоза были в партии, никогда ими не упоминалось, да и муж Бригитты об этом умолчал. Обе пары работали врачами в одной поликлинике. После объединения Германии старики оставили практику, а супруги Бамбоза открыли медицинский центр, в котором работали по сей день и еще года три-четыре планировали продолжать. Будущий муж познакомил Бригитту с родителями не сразу, а спустя некоторое время — убедившись в серьезности их отношений. Свекор и свекровь всегда держали определенную дистанцию, требующую уважения, а у невестки и не появлялось желания переступать невидимую линию, словно очерченную вокруг них. Фришеры же, наоборот, — были открыты, о старых временах, когда касались этой темы, не рассказывали, но казалось, хотели снова и снова удостовериться в собственных воспоминаниях, словно освежали память. Для Бригитты это было ново, она спрашивала себя, почему сама никогда не пыталась узнать о прошлом родителей мужа, почему хотя бы деликатно ни разу не постучала в эту дверь. Она возвращалась к этой мысли весь остаток дня, разбирала ее по ниточкам и собирала заново, отчего пожилые Бамбоза, тем не менее, ближе ей не становились.

В конце концов Бригитта приняла приглашение сделать ответный визит. Собралась в ближайшую пятницу. Фришеры жили в одном из крайних домов старого поселения, примыкавшего к новой застройке. Знакомая обстановка: отчаянно скрипучая шкаф-стенка из ДСП под дуб с провисаю-

щими под тяжестью книг полками, старый ковер и такая же старая кушетка, готовые поспорить, чей серый цвет лучше, довершающие обстановку два кресла семидесятых годов, одно из которых предложили Бригитте. Хозяин сел на кушетку, его жена вышла на кухню за кофе. Бригитта словно оказалась в родительской квартире, если не обращать внимания на книги. Там, правда, было больше порядка. Здесь же видно было через дверь, что вся веранда завалена стопками газет, а на столе аккуратно сложены по темам вырезки из них, придавленные камешками разного размера. Фришер разорвал на несколько частей лист бумаги и убрал со стола вырезки, перекладывая каждую пачку обрывком. Вытер клеенчатую скатерть влажной тряпкой, принес из шкафчика кофейную чашку для гостьи, для себя и жены поставил чайные стаканы.

Сели за стол. Минуту никто не решался заговорить, затем Фришер откашлялся и сказал: «*Мы с женой постоянно при деле, много размышляем, много ходим*». Действительно: возле дома Бригитты они появлялись несколько раз в день — она за неделю столько раз не выходит. Вспомнилось, как она выслеживает пыль на шкафу... Родители мужа оказывали им денежную поддержку, чтобы Бригитта могла не работать, а приносила пользу, занимаясь домом, — труд, который обычно не оплачивается. Бригитта находила такое положение вещей правильным, хотя муж поначалу не мог поверить, что она так легко оставит свою профессию учительницы. И это в наши дни! Однако свекор со свекровью обнадежили их обещанием получения значительного наследства, виды на которое в конечном итоге перевесили перспективу проработать еще тридцать лет в переполненных классах с маломотивированными и дезориентированными учениками.

«*При деле? Размышляете? Ходите?*» — повторила Бригитта, и эти вопросы, произнесенные с отсутствующим видом, на самом деле имели отношение к ее собственному душевному состоянию, чего Фришеры, конечно, знать не могли. Они принялись рассказывать о *партии*, в которую вступили больше пятидесяти лет назад. Собрания местной ячейки. Акции. Предвыборная борьба. Они посвятили себя охране окружающей среды, порой вызывая своей деятельностью раздражение, но были рады возможности оставаться при деле, потому что в переходный период — несколько месяцев между открытием границ и объединением Германии — им пришлось сильно потратиться. Тогда у фрау Фришер совершенно неожиданно случился удар — пятого января девяностого года — незабываемая дата, а вскоре после этого сам Фришер ослеп на один глаз в результате отслоения сетчатки. Из-за сильного воспаления пришлось удалить глаз — он поначалу был даже рад: теперь можно себе позволить не слишком внимательно смотреть вокруг. Пока они с женой проходили реабилитацию, ситуация в экономике менялась каждый день. Слава богу, тогда они были просто не в состоянии следить за всем и делать какие-либо выводы. Они испытывали чуть ли не благодарность — только к кому? — за то якобы несчастье, которое на них обрушилось. Словно упакованные в вату, застыли и смогли переждать время, пока не установятся новые порядки, которые они приняли просто как данность, но к которым в то же время встали в оппозицию. Это было ново для них. Прежде они всегда держали курс вдоль *линии*, которой теперь больше не существовало. В голове Бригитты промелькнул вопрос: имеет ли эта линия какое-то отношение к той, что окружала ее свекра со свекровью, но так с ходу ответ не нашелся. Теперь Фришеры живут скромно, неплохие пенсии уходят на разные проекты для стран третьего мира да на то, чтобы поддерживать крышу над головой. Верность партии, которую они по-прежнему сохраняли, уже была похожа на религиозную, хотя признание этого факта им самим далось нелегко. Но что поделаешь со стариками? Осталось мало, и нет желания что-либо менять...

Бригитта попробовала торт из печенья. Точно такой в детстве делала ко дню рождения ее мать. Стало нехорошо — сплошное кокосовое масло. Тем не менее она не придумала ничего лучшего, чем доесть дурноту до конца.

«Ну, а как Ваши свекор со свекровью?»

Вопрос Фришеров повис в воздухе, словно голограмма. Бригитта почувствовала, что поднят огромный молот, приводить в движение который у нее не было никакого желания. Она испытывала страх при мысли о том, какие разрушения он может за собой повлечь. А для Фришеров вопрос был безобидный: маленький мешочек из белого, как лепестки цветка, льна, болтающийся на ветру, который вернул им утерянное прошлое. Им не терпелось услышать что-нибудь о своих *старых товарищах*, заполнить этот мешочек известиями из уст Бригитты. Та замялась в нерешительности. Прожевывая остатки торта, помахала рукой на уровне губ — выиграла минуту. Наконец проглотила. Время на обдумывание вопроса вышло, но ответ не появился — голова пуста, будто воздушный шарик. Фрау Фришер принялась рассказывать старую историю.

В июне восемьдесят девятого года, во время беспорядков на площади Тяньаньмэнь в Пекине, обе супружеские пары следили за событиями по телевизору. Когда китайская армия стала наступать на студентов, Фришеры буквально пришли в отчаянье: они не могли понять, как такое возможно. В то же время Бамбоза восприняли сцену совершенно иначе. По их версии, все было как раз наоборот: студенты двинули на солдат — именно это они *увидели*. Фрау Бамбоза тогда еще громко и четко сказала: что еще, мол, военным оставалось, как не защищаться от этих контрреволюционеров. И Фришеры тогда получили неожиданную возможность убедиться: способ мышления человека проявляется в том, как он воспринимает действительность. В тот день они разошлись, не сказав друг другу ни слова, и те, и другие каждый по-своему разочарованные. *«Преданные сердца. По-прежнему верны своим красным идеалам?»* Бригитта почувствовала, как ее лицо заливается краской. Она поспешно встала и быстро распрощалась с хозяевами, оправдываясь, что за интересным разговором чуть не забыла: записана на прием к стоматологу. Удивленные Фришеры смотрели вслед гостье, которая быстро пересекла улицу и скрылась за углом следующего дома.

Она остановилась.

Отдышалась.

Даже если Бригитта не одобряла преданность Фришеров старой, наново перелицованной *партии*, по крайней мере, она находила ее вполне логичной. Видимо, они держались за те идеалы, которые эта партия провозгласила своими целями. Продолжая находиться в этой нише, они могли по-прежнему не терять из вида, не забывать то, что сами сделали на этом пути. Казалось, старики расценивали свои тяжелые болезни перестроечного времени как плату за упорство в своих заблуждениях, за отсутствие каких-либо сомнений. Со старой страной было покончено. Но каким-то образом она законсервировалась в этих людях. Мебель была для них всего лишь предметами обстановки и вместе с чашками и тарелками родом из прошлого. Бригитта вспомнила, что ее свекор со свекровью меняют весь фарфор каждые два-три года. После переезда в новый дом они приобрели специальные шкафы-витрины из стекла и латуни, в которых вся посуда была выставлена на обозрение. Время от времени Бригитте перепадал от них какой-нибудь кофейный или столовый сервиз, она брала его с удовольствием, а когда на очереди появлялся следующий, передавала *старый* в службу помощи бездомным или кому-нибудь передаривала. Было ли это лучше — соблюдать видимость преемственности даже в сервировке стола? Остались ли Фришеры навечно во вчерашнем дне, в то время как свекор со

свекровью вырвались далеко вперед, если говорить об умении приспосабливаться к современным условиям? У Бригитты голова шла кругом. Всякий раз, когда казалось, что она приближается к ответам на эти вопросы, разум давал сбой, не в состоянии их сформулировать.

Она почувствовала беспокойство в ногах: захотелось подняться на стул и проверить пыль на шкафу. Наконец она сдвинулась с места и поковыляла на каблуках вниз по улице. Возле своего дома в надвигающихся сумерках Бригитта увидела машину родителей мужа, и ей внезапно пришла в голову мысль: время может высвечивать, а может скрадывать, как бывает в сумерках или при двойном освещении.

Позже, когда все сели ужинать, Бригитта ничего не стала рассказывать о Фришерах.

Меж прицелом и мушкой

«Н-да, Ирена Матташ, сегодня опять не твой день», — сказала она себе. Теперь время Арнульфа Матташа. Каждый его день имел свое начало, середину и конец. Порой начало затягивалось, потом и середина или конец превращались в черную дыру, на краю которой время и события, казалось, просто замирали, пока Ирена Матташ не запускала их заново. Это требовало некоторых усилий. Поэтому Ирена Матташ хорошо ела. Арнульфу было необходимо перестелить постель, помыть его, переодеть, накормить. Раньше дни Ирены Матташ были так же полноправны, как и дни ее мужа, которые теперь пользовались преимуществом, потому что Арнульф Матташ средь бела дня попал под машину. Его не заметили. Ехал на велосипеде по очередному поручению, которые он, несмотря на свои сорок, выполнял быстрее иного молодого. В тот момент еще совершенно живой, он попал в мертвую зону, из которой вырвался с большим трудом. Пролежал в искусственной коме шесть недель. Врачи опасались ухудшения, но, к счастью, все обошлось. Теперь он часто сидел на балконе, устремив свой взор вниз, на крыши большого города. Прежде такое бывало редко. Взгляд Арнульфа Матташа мог пройтись и по улицам — как бывало раньше, только теперь он был прикован к трону на колесах, как он называл свой транспорт, и передвигался гораздо медленнее.

День Арнульфа обычно вытягивался до черной дыры, если они с Иреной куда-то отправлялись — как правило, забрать Каролину. Она толкала коляску мимо фотосалона «Цингель» и бутика «Be happy», мимо «Экстры» и магазина швейных машин Гофмана до самой школы, и оба очень надеялись на то, что сегодня край черной дыры не приблизится настолько, чтобы время опять остановилось. Но на обратном пути с Каролиной на коленях мимо «Гофмана» и «Экстры», мимо бутика и фотосалона Арнульф Матташ уже ничего не видел. Время еще успевало наполнить глаза слезами — они выплескивались через край — и застывало. Ирена Матташ прикладывала все силы, чтобы сдвинуть его с места.

Например, с помощью истории про кур, которых работники «Экстры», это было в январе — да, точно в январе, выбросили в мусорный контейнер, а Бри-Вилли и его дружки их достали и ночью пожарили на костре, недалеко от вокзала. Эта история натолкнула Арнульфа Матташа на размышления: лучше его положение или хуже, чем у Бри-Вилли. К окончательному выводу не пришел. Бри-Вилли со своей компанией жили на вокзале. Раз они жарили этих кур, значит страдали от голода и холода. Арнульф Матташ не страдал от голода и холода. Он страдал от потери собственного тела. «Если человек состоит из тела и души, то примерно половина его собственного существа, — думал он, — уже на том свете». Но если тело и душа единое

целое, если их нельзя разделить, то так однозначно и не скажешь, какая часть уже на том свете. Когда Бри-Вилли и его собутыльники смотрели на Арнульфа Матташа стеклянными глазами, было ясно, что их души уже утрачены. А когда они ковыляли через улицу, он думал, что и тела свои они уже постепенно теряют. И даже если тело и душа едины, то у кого из них эта мертвая доля больше? Вот о чем размышлял Арнульф Матташ. Ирена ничего не знала об этом, но замечала, что время медленно трогается с места, и доставляла мужа домой.

Там протекала вся жизнь. В мансарде на каштановой аллее, в квартире с просторной ванной комнатой, где стоял подъемник Арнульфа. Здесь они жили уже давно. Поначалу были против встраивания лифта во время модернизации мансарды — из-за стоимости. Теперь же были рады, что все-таки согласились. Жизнь клацала костлявыми, все острее выступающими коленями Арнульфа, уличными ставнями, детской вилочкой и ножом по тарелке, зубами Ирены Матташ. Зубы и рыдания — тайком, за спиной Арнульфа. Узенькая детская спинка Каролины тоже надежно скрывала сокровенное, поэтому Ирена Матташ особенно о ней заботилась: регулярно хорошенько массировала и натирала пахнущим ванилью лосьоном. Сильная и гибкая спинка доставляла Ирене Матташ самую большую радость. Нет, пожалуй, на первом месте стояло удовольствие уединения, возможность которого появлялась у нее, когда приходила фрау Айлерт из благотворительной организации, чтобы вывезти Арнульфа на прогулку и помыть. Тогда Ирена Матташ садилась за телефон, чтобы позвонить какой-нибудь своей подруге. Поболтать она любила. Собственно говоря, встретиться тоже было бы неплохо, но это получалось редко. В затопившем все однообразии то тут, то там бросались в глаза листочки-напоминалки: «17-00: Аннегрет», «сегодня вечером: Мона», но Ирена Матташ знала, что это могли быть лишь краткие встречи дома.

Дома... Странное слово. Оно сопровождало Ирену Матташ постоянно, и отделаться от него было невозможно. Она жила *дома*, готовила и ела, стирала и убирала. Раньше — с тех пор прошло уже девять лет, и это время кончилось с рождением Каролины, — она работала в городском симфоническом оркестре. Каждый день ездила в город на метро, занималась связями с общественностью и в общем и целом зарабатывала достаточно денег, чтобы позволить себе каждую зиму новую пару сапог за двести марок. К сожалению, вскоре после рождения Каролины оркестр был ликвидирован, а после того как Арнульф нырнул в мертвую зону, с его работой тоже, конечно, было покончено. Они жили на его пенсию и деньги ее родителей, чтобы только не ходить по инстанциям. Этой зимой она доносит последние сапоги — добьет, и можно выбрасывать. *Дома*, естественно, можно обойтись и без сапог. *Дома* вообще можно почти до бесконечности отказываться от необходимого в пользу того, что нужно Арнульфу и Каролине...

Однажды наступила очередь и длинных коричневых сигарет. Она позволяла себе выкуривать по одной через день. Теперь держала в руках последнюю пачку, достала последнюю сигарету. Самую последнюю. Каролина спала. Арнульф тоже — как обычно бывало в первые четыре часа ночи. По телевизору только что закончились новости. И вот Ирена Матташ стояла, облокотясь на балконные перила, и курила длинную коричневую сигарету, выпуская дым в воздух. Еще не стемнело. Следила взглядом за колечками дыма, как вдруг боковым зрением заметила в окне напротив и чуть ниже обнаженного мужчину. Секунду помедлила, не решаясь впустить происходящее в свое сознание, затем все-таки пригласила войти. И вот он стоял. Сделал несколько шагов, взял из стопки белья трусы, надел их, повернулся к зеркалу, напряг мускулы, расслабил, потом исчез в другой комнате. Затем Ирена Матташ увидела голую женщину, которая вошла, тоже взяла из стопки трусики, надела их, посмотрелась в зеркало, при-

близив лицо к самой поверхности стекла, повернула голову влево, вправо. Мужчина вернулся пританцовывая с двумя чашками — кофе? Чай? Они пили, целовались, снова пили, разговаривали. Ирена Матташ попробовала настроиться на их волну: что они собирались делать? Она немного вытянула голову, стараясь не упускать пару из вида, когда их закрывал простенок между окнами. Они оделись, потом скрылись. Длинная коричневая сигарета закончилась. Женщина опять зашла в комнату, на этот раз в легком пальто на плечах, дав понять Ирене Матташ, что собирается уйти. Действительно, вскоре оба рука об руку появились внизу и удалились, целуясь и болтая, в направлении Целлер-аллеи — куда-то с определенной целью или просто на вечернюю прогулку. Ирена Матташ подумала, что когда-то тоже любила праздные вечерние прогулки, но они давно остались в прошлом. Она долго смотрела вслед мужчине и женщине.

Спустя некоторое время Ирена Матташ тоже была в пути. На улице в этот час было оживленно. Она прошла мимо фотосалона «Цингель» и бутика «Be happy», мимо «Экстры» и магазина швейных машин Гофмана и двинулась дальше. Люди вокруг слонялись без дела, заходили в кафе, выходили, токовали друг перед другом, выставляя себя напоказ. Внезапно она заметила, что, перемещаясь, они протягивают тончайшие нити, которые пересекаются, переплетаются, завязываются в узлы, и чем дольше смотрела она, идя вдоль длинной каштановой аллеи, тем, казалось, становилось светлее от этой бликующей в свете фонарей паутины. Молодые люди двигались быстро и ловко, словно не ощущая никаких препятствий. Кто постарше, напротив — мягко притормаживал, преодолевая легкую сеть каждый по мере своих сил. Сама Ирена Матташ, которая всегда хорошо ела, чтобы иметь силы толкать время вперед, нитей не чувствовала. Куда ни глянь, люди на каждом шагу попадали в упругие сплетения, захватывавшие их, и для каждого здесь находилось место. Даже Бри-Вилли со своими братками, которых она увидела, выйдя к вокзалу, застряли в тончайшей петле. Это нужно рассказать Арнульфу! Улыбаясь, она пошла обратно: мимо «Гофмана» и «Экстры», мимо бутика и фотосалона. Когда показался дом, она замедлила шаг. Остановилась, фыркнула. Двинулась дальше, вошла в подъезд, села в лифт и поехала к себе под самую крышу...

В доме напротив, в квартире обнаженных, горел свет — вернулись домой. Ирена Матташ видела это сквозь щели балконного ограждения. Теперь она поняла, что, внезапно почувствовав усталость, просто соскользнула на пол. Жалюзи напротив были опущены. Она медленно поднялась. Хотелось в душ, почистить зубы.

Потом, лежа в постели, после того, как еще раз принесла Арнульфу на ночь чаю и рассказала ему о своем видении, она почувствовала, что полночь, которая отделяет старый день от нового, на этот раз будет не такой, как обычно. Арнульф признался, что перед его глазами уже давно натянута сеть, в которой передвигаются люди. С тех пор как он стал смотреть через крыши вниз, стал видеть и ее трепетание. Время от времени он представляет, как просто падает в эту паутину. Она, конечно, приняла бы его навсегда, и он бы успокоился, и больше не нужно было бы ломать голову, кто своей большей частью уже на том свете — он или Бри-Вилли. Да ведь он даже не в состоянии взвалить свое тело на перила.

Ирена Матташ сглотнула. Те несколько секунд, когда часы били двенадцать, растянулись, превратившись вдруг в черную дыру. Время остановилось. Выходит, ее муж наблюдал это переплетение нитей уже давно, только видел по-другому. Она решила, что завтра купит новую пачку длинных коричневых сигарет, и почувствовала, как по телу пробежали мурашки. В конце концов, этот новый день, который она медленно, с таким трудом сдвинула с места, просто обязан стать ее днем.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Не туда попали

В понедельник я поднималась на чердак за рулоном полотна. У меня его всегда в запасе предостаточно: шью шторы, одежду, сумки. Удивилась: что это сердце так забилось? Списала на возраст. Когда-то это должно случиться в первый раз: крутая стремянка — одышка. Надо вернуться к пробежкам. Может быть, удастся еще оттянуть наступление старости.

Я положила рулон на стол и отмотала несколько метров тонкой неотбеленной ткани. Что я собиралась, собственно говоря, с ней делать? Еще не успев об этом подумать, отрезала кусок длиной около метра, аккуратно сложила, оставила на ночном столике, где уже лежала стопка такой же материи. Потом отнесла тюк обратно на чердак, закрыла люк и убрала лестницу. Готово. Сварила свежий кофе и устроилась за домом в тени березы, прихлебывая из чашки и ни о чем больше не думая.

Во вторник я занялась пересадкой комнатных цветов. Драцена, гибискус, сансевиерия. Толстянка очень разрослась. Жаль — этот круглый горшок мне очень нравился. Никак не могла освободить корни из пузатой емкости, обтянутой сверху красивой плетеной сеткой. Ничего не получалось, и мне пришлось разбить его молотком. Пересадила денежное дерево в больший по размеру и прямоугольный по форме горшок. К новому еще нужно привыкнуть. Плетеный декор неожиданно легко рассыпался в моих руках на отдельные прутья. Я собрала их в пучок. В моем саду часто приходится подвязывать то один кустик, то другой. А тут шпагат из натурального сизаля — отличный материал для крепления слабых стеблей и вьющихся растений.

Я порадовалась и положила шпагат на ночной столик рядом с полотном.

В среду я почувствовала сердцебиение. Странно — едва проснулась. Надела халат. Такое ощущение, что тело сейчас взорвется. Совершенно некстати, потому что среда — день, когда я хожу за покупками. Муж и дети ушли. Я даже одеваться не стала — легла на пол в кухне. Ждала. Сердце не успокаивалось: грохотало в грудной клетке так, что у меня потемнело в глазах. В полуобморочном состоянии доползла до спальни, взяла в руки кусок полотна. Потом еще один и еще. Удалось на удивление ловко обернуть грудь и спину тканью, поверх закрепить шпагатом. Мне показалось, что моему сердцу это даже понравилось — заколотилось с удвоенной силой, но я была уверена, что упаковка из ткани и сизаля, по крайней мере, не позволит мне взорваться изнутри. Я выбрала просторную футболку, оделась и отправилась, как обычно, за покупками.

В четверг я собралась заняться купленным накануне фаршем. Я неплохо чувствовала себя в своем коконе, он придавал мне уверенности. Слава богу, мой муж уже давно смотрит на меня не слишком внимательно, если вообще смотрит. Под халатом на мне была футболка, в которой я спала ночью. Я ждала, когда исчезнут муж и дети, чтобы порезать лук, замочить батон и замесить фарш. Это заняло не больше времени, чем обычно. В конце концов, погруженная в мысли, я порезала не только лук, но и свой указательный палец. Присела. Было не больно, что меня удивило, но кровь сочилась. Казалось, она пульсирует под напором качающего ее грохочущего сердца, которое постепенно успокаивалось. Я подумала, видимо, кровяное давление оказалось слишком высоким для него, пожалела свое бедное сердце. Сколько я так сидела, прислушиваясь к затихающему сердцебиению, — не знаю. Никого не было, кто мог бы обратить мое внимание на время. Я подумала: нужно завернуть руку в полотно и обвязать сизалем, тогда в нее не будет поступать кровь и, соответственно, не будет вытекать. Что мне и нужно.

В пятницу был мой День отсутствия. Уже два года, как мы с мужем установили такой день раз в неделю для каждого. В День своего отсутствия ты делаешь что хочешь, а за все семейные дела отвечает другой. Я обычно ходила к мужчине, с которым познакомилась по объявлению. В этот раз, с забинтованным телом и левой рукой, не решилась ему звонить. Он не знал ни моей фамилии, ни номера телефона, так что можно было не беспокоиться, что он будет меня искать. Оставшись дома, я устроилась в шезлонге на балконе, сняла всю одежду, оставив лишь свой кокон. Мартовское солнце грело на удивление. Через полчаса я заметила, что мои ноги и низ живота покраснели. Сколько лет я не открывала кожу солнцу? Дети тогда были еще маленькими. Мы отдыхали на Балтийском море: играли на пляже, плескались в волнах. Больше десяти лет назад! Опасаясь сжечь отвыкшую от солнца кожу, я подхватилась, спустилась в спальню. На ночном столике оставалось еще семь кусков полотна. Я тщательно обвязала все части тела, на которые могло попасть солнце. Оставила только узкую щель для глаз. Шпагата странным образом хватило точь-в-точь — как будто рассчитала. Упакованная, словно мумия, я проскользнула обратно на шезлонг. Сегодня же мой День отсутствия.

В субботу мой муж вышел завтракать, а меня нет. Вернее, сначала он не нашел самого завтрака, а потом уж заметил, что нет и меня. День отсутствия кончился, так что я должна была приготовить завтрак, но я провела ночь на балконе, под одеялом, и проспала — так благотворно подействовал на меня свежий воздух. Муж обнаружил меня все еще дремавшей в шезлонге и очень удивился. Чему, я сразу и не поняла. Хотела спросить, но сообразила, что рот у меня тоже перевязан. Конечно, было чему удивиться. Мне вдруг захотелось покривляться, и я стала корчить рожи в ответ на каждое его слово. В своем коконе я чувствовала себя очень уверенно. К сожалению, муж много не разговаривал, только попросил прекратить заниматься ерундой и спуститься в кухню. Дочка тем временем уже накрыла на стол. Когда я появилась, она в ужасе выронила солонку, та разбилась о плиточный пол.

В воскресенье я почувствовала, что начинаю попахивать под своей упаковкой: я же несколько дней уже не мылась. Вчера мой муж весь день со мной не разговаривал, так что погримасничать больше не получилось, но мне все равно было хорошо — по крайней мере, не слышала его голоса. Сын и дочь сразу после завтрака испарились, и я провела длинный приятный день, предаваясь своим мыслям. На ночь опять устроилась на балконе, но лежала без сна и вот теперь отправилась в ванну. Я закрылась, пустила воду, не жалея, плеснула дочкиного масла для ванны и начала разворачиваться. Горячая вода пошла мне на пользу. Я помыла голову. Обсохла. Кожа от масла стала шелковистой. Я почистила зубы и облачилась в халат. Собрала в охапку полотно, сизаль и зубную щетку в придачу, принесла в кухню. Завернула все это в папиросную бумагу, украсила сверху красным бантом и, словно подарок, водрузила на стол. Оделась. Мужа не было, и я знала, что он больше не вернется. Разве что — чтобы забрать свои вещи.

Я потянулась.

Позже в дверь заглянули мои взрослые дети и спросили, где отец, но я промолчала.

«Не туда попали», — ответила про себя.

Я смотрела на подарок, и мне представлялось, как он начал лизать красным язычком своей ленточки воскресный день. В конце концов, от того ничего не осталось — наверное, переместился туда, в сверток с полотном. Наконец я взяла его и, довольная, выбросила в мусорку.

«Норвежская формула»

У меня обветрились губы — нужно купить крем, а еще лучше помаду — «Норвежская формула» всегда хорошо помогает. Когда орешь, губы быстро сохнут, а я, что правда, то правда, накричала на ребенка, потому что он мне мешал. Я привезла его на детскую площадку, чтобы в спокойной обстановке привести в порядок и подшить статью: специально купила скоросшиватель, завернула в газету дырокол и упаковала в рюкзак, села с ребенком на велосипед и поехала на дальнюю площадку, чтобы опять не встретить тысячу знакомых. Но каждый раз одно и то же — что-то я делаю не так: мой ребенок тут же собирает вокруг себя остальных детей, и вот уже вся компания с воплями скачет вокруг меня. Я украдкой пытаюсь их отогнать, что сделать не так просто, в то время как другие матери мирно сидят на скамейках, читают, вяжут или просто, прикрыв глаза, в полудреме греются на августовском солнышке.

По моему лицу пробежала дрожь: вдруг стало холодно и от этого страшно. Я достала из кармана пачку сигарет. Ее содержимое Йос называл *гробовыми гвоздями*. Мне захотелось улыбнуться — я пошарила в поисках зажигалки, прикурила — но улыбки не получилось. Даже держать сигарету во рту было трудно: мышцы лица словно судорогой свело. Так. Взять себя в руки. Глубокий вдох, выдох. Сосредоточиться. Первая мысль, которую удалось отловить: я убью этого ребенка, если он не оставит меня в покое. Конечно, ужаснулась и, чтобы загладить чувство вины, позвала его, начала тискать, целовать, тот сконфузился, хотел вырваться, я не отпускала. И тут я сорвалась: «*Что же это такое, ах ты маленькая сволочь, можешь ты, зараза, хоть о-д-и-н-р-а-з оставить меня в покое, кусок дерьма, мелкая скотина, жалкий кретин!*» Я бушевала. Другие мамаши, испуганные, возмущенные, забрали своих детей, одна, намереваясь что-то сказать, направилась ко мне, но один мой взгляд заставил ее закрыть рот и махнуть рукой.

Теперь я оказалась одна со своим ребенком. Остальные, образовав молчаливое оцепление на расстоянии, застыли с надутыми губами в глухой обороне, время от времени ковыряясь в песке, чтобы хоть чем-то себя занять. Мой ребенок, обессилевший, сидел под качелями и плакал навзрыд. Тяжелым металлическим сиденьем можно было бы легко размозжить ему голову — въехать в лоб, будто случайно. Правда, тогда придется плакать и причитать, а на это я была не способна, так что — нет. Я так много плакала и причитала в последние недели, что для ребенка просто не осталось слез.

Утром семнадцатого июля Йос надел полуботинки, я еще сказала: «*Зачем ты их надеваешь? На улице лето в разгаре — возьми сандалии!*», но он уверенным движением завязал шнурки на бантик, упаковал в сумку бутерброды, сел на велосипед и уехал на работу. Если верить газетам, наезд произошел около семи. Он умер не сразу: «скорая помощь» реанимировала его и доставила в больницу, но в одиннадцать сорок его сердце остановилось окончательно. Так написано в свидетельстве о смерти. Я получила его на руки, по всей видимости, на следующий день, толком уже не помню. Моя мать не отходила от меня, следила, прежде всего, чтобы я хотя бы достаточно пила. Она же, вероятно, занималась и ребенком. Я его не видела: не укладывала вечером спать и не будила по утрам, перед глазами стоял только Йос — как он завязывает шнурки, а я говорю: «*Зачем ты их надеваешь? На улице лето в разгаре — возьми сандалии!*» — у меня просто не укладывалось в голове, что эта ерунда стала последними словами, которые я сказала ему, — он все-таки был *моим мужем*! Я всегда смеялась и испытывала затруднения, когда в банке или каком-нибудь другом

«Всемирная литература» в «Нёмане»

учреждении нужно было взять для него формуляр — для *моего мужа*. Ведь это не так-то просто. Можно сказать: «*Я твоя жена*» или «*Ты мой муж*», но я не принадлежу тебе, а ты не принадлежишь мне. Поэтому мне всегда становилось как-то смешно, когда эти слова, словно колонны, возникали в пространстве. К счастью, благодаря моему смеху они вскоре исчезали, растворившись в воздухе.

Как давно я уже не смеялась. Зато выкурила столько *гробовых гвоздей* — легкие стонут, когда я поднимаю ребенка или развешиваю белье, а если еду на велосипеде, то приходится то и дело останавливаться отдышаться — так легкие кряхтят.

Сейчас, честно говоря, тоже жалуются.

Ребенок, слава богу, заснул.

Когда я еду на велосипеде, всегда жму на педали изо всех сил — у любого легкие выскочат, даже если не куришь. Йос был отличным велосипедистом, по воскресеньям мы всегда устраивали дальние прогулки: сажали ребенка к нему или ко мне — чтобы было удобно чередоваться, у каждого была своя люлька, красивая, старомодная, которая крепится спереди на руль. Вообще-то, семнадцатого июля Йос собирался отвезти ребенка в детский сад, но тот спал дольше обычного, и я сказала, что сделаю это сама, позже — у меня до лекции еще достаточно времени. Я купила все газеты с отчетом о несчастном случае. Я все искала в сообщениях, что *мой муж* погиб вместе с ребенком. Тогда мне было бы легче понять, что делать. Я нигде не могла его найти.

Постепенно ребенок появился снова — выглядывал из-за бабушкиной юбки, просил пить, моя мать выводила его перед собой, подталкивала в мою сторону, пока однажды он не оказался совсем близко, глядя на меня своим вопросительным взглядом, который так любил Йос. Я ненавидела ребенка за это. Раньше этого не было: я везде брала его с собой, играла с ним, разговаривала. Ну почему он в то утро так долго спал? Если бы он был сейчас мертв — как Йос, то я могла бы просто умереть. А он держит меня и не отпускает к нему, к *моему мужу*. Я должна его мыть, мазать кремом, кормить, возить на детскую площадку, где он, конечно, не отходит от меня ни на минуту, не дает спокойно подшить статью. Отложить ее на вечер я тоже не могу — с тех пор как моя мать вернулась домой, я ложусь спать вместе с ребенком и крепко держу его в своих руках, чтобы думать о том, что я его не брошу. А сейчас я смотрю на него, как он спит в своей люльке, и думаю о том, что нужно подпереть ему голову, которая болтается сюда-туда, как тяжелый бутон на слишком тонком стебельке, и чтобы она не оторвалась, я останавливаюсь и осторожно поправляю положение ребенка, так, чтобы его головка лежала удобно. Йос сделал бы так же. Йос, наверное, пошел бы рядом с велосипедом, чтобы дать ребенку спокойно поспать. Я тоже так сделаю. Вон впереди магазин, где я смогу купить помаду, «Норвежскую формулу». Ребенка я осторожно, чтобы он не проснулся, достану из люльки. Его нельзя оставлять одного на велосипеде: что, если мимо будет проходить кто-нибудь, кому нужен ребенок, такой прекрасный ребенок, как мой...

Один день, одна пуговица...

Рени Пицолла уже сбилась со счета, сколько прошло, прошествовало перед ее глазами дней в этом стандартном зеленом. Она решила отвести один из них в сторонку, взять за грудки, проработать как следует и расстегнуть ему пуговицы, блестящие золотые пуговицы, которые украсят любую униформу. В конце концов, не по ее воле собрались они, превратившись в целую армию

вечнозеленых дней, без остановки печатающих свой шаг. Так что ей нечего испытывать чувство вины, если она выведет один денек из этого строя, нарушив устоявшийся порядок вещей и, может быть, просто оденет этот день после того, как с ним разберется, во что-то другое, не зеленое.

Рени Пицолла сидела на алюминиевом стуле за деревянным столом. Перед ней стояла желтая пластиковая коробочка с пудингом. В пластиковых пудингах Рени Пицолла разбиралась лучше, чем в униформе, — уже целая батарея этих коробочек прошла через ее руки, но они перемещались, только если их передвигала она: доставала одну из холодильника, стягивала защитную фольгу, вставляла ложечку, как правило, всегда тоже пластиковую. Или брала в магазине целую упаковку коробочек, клала в тележку, везла к кассе, оплачивала, сгружала в багажник своей машины, потом везла упаковку прогуляться — не сразу прямым ходом домой, в холодильник, а всегда, сделав небольшой крюк, покупая по дороге газету, сигареты и какой-нибудь необычный брелок из тех, что в широком ассортименте продаются в киоске. Со стороны пудинга Рени Пицолла никогда не чувствовала угрозы, в то время как вечнозеленые дни начали внушать ей все больший страх. Так что завтрашний день она вынудит дезертировать, решила Рени, и это дело нужно как следует спланировать. Остатки пудинга проскользнули в желудок.

Для начала она должна преодолеть свою робость: научиться расстегивать чужие пуговицы. Поздним утром Рени Пицолла выбрала уютное затененное кафе, заняла столик недалеко от входа рядом с вешалкой, заказала чашку венского кофе со взбитыми сливками и развернула газету. Открыла пачку сигарет. Перецепила связку ключей — от квартиры, велосипеда, автомобиля, гаража, туалета и почтового ящика — на миленькую овечку, из глазниц которой при надавливании на живот выступали силиконовые глаза величиной с ягоду малины. Она нажала несколько раз. Когда живот отпускаешь, а он тоже большой — может быть, штук пять ягод среднего размера вместе, глаза тут же прячутся. Рени очень понравилось. Овечка сменила на ключах собачку такого же размера, у которой из-под хвоста при надавливании на живот вылезала коричневая силиконовая колбаска объемом примерно в три малинины, если их растереть в пюре. Стоило отпустить живот — и образовавшаяся кучка сразу втягивалась обратно. Любила ли Рени Пицолла играть? В этом она не была уверена. Безработную собачку поставила посередине стола рядом с пепельницей, а овечку с ключами бросила в сумку.

Рени с удовольствием принялась за взбитые сливки, отхлебнула кофе — оказался с алкоголем — и вспомнила, что пришла сюда не за этим. Правда, поиски чужих пуговиц не увенчались большим успехом. Взгляд задержался на двух девочках-подростках, которые ели мороженое за дальним столиком, — конечно, прогуливали школу. Подол их юбочек с резинкой на талии то и дело подхватывал сквозняк, гуляющий между входной дверью и кухней, и трепал, словно флажки на ветру. Рени было сорок пять лет, и, по всей видимости, ей было суждено остаться бездетной, но она помнила, что у нее самой были в детстве такие же юбочки, и она отстаивала свое право на них с такой же горячностью, с какой ее отец пытался ей их запретить. «Приспустить знамена», — говорил он, что означало: юбку необходимо удлинить минимум сантиметров на десять. Иногда подложенный запас позволял это сделать, но чаще всего приходилось использовать другую, подходящую по цвету ткань, отчего юбочка, к сожалению, теряла свое легкомыслие и ветренность. Рени почувствовала зависть, ползущую снизу по икрам к подолу ее тяжелой синей складчатой юбки, которая едва касалась ее все еще острых и подвижных коленей, словно избегая их, как никому не нужной правды.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Кофе все-таки был слишком крепким. Снова жмякая в руках отставленную было собачку, Рени подозвала официантку и заказала порцию малины. Однако можно считать, что у нее все же получилось высвободить этот день из шествующей колонны, раз уж он сопровождает ее здесь, в кафе! Мимо тяжелым шагом прошла официантка в тесной, обтягивающей спину блузке. В порыве накатившей от первой удачи радости Рени подскочила к ней и расстегнула сзади ворот. Своему нападению она дала взволнованное объяснение: якобы за ухом женщины села оса и, когда официантка резко повернулась к стойке бара, насекомое провалилось за шиворот, а там задержать его мог разве что пояс юбки, ведь оса только и ждет, когда представится возможность ужалить жертву куда-нибудь пониже спины, что, как известно, особенно болезненно. Проговаривая всю эту тираду, Рени Пицолла забиралась в поисках насекомого все глубже под блузку официантки, по настоянию которой даже расстегнула бюстгальтер и основательно обследовала спину, обладавшую яркой индивидуальностью благодаря множеству родимых пятен и рубцов от прыщей. В конце концов она вскрикнула, заключила предполагаемый трофей своих действий в ладони и поспешила к двери, чтобы выпустить добычу на воздух. Вернулась запыхавшаяся: то ли на публику играла, то ли на самом деле дух захватило от собственного куража, — сама удивилась. Официантка тем временем ретировалась за кассу, чтобы там, в относительном уединении, привести себя в порядок. Она тоже удивлялась решительной хватке клиентки и собственной готовности расстегнуть бюстгальтер у всех на виду. Это было что-то новенькое. Это было непривычно — в любой день — то, что Рени Пицолла воспринимает их череду как войско в единой униформе, она знать не могла. А та вернулась на свое место и принялась снова теребить овечку, соображая, что делать дальше. Это было здорово — добралась до самого белья! Рени обратилась к официантке с просьбой принести кофе поскромнее, а в сливки добавить сахару, но внезапно охватившая ее робость все испортила. Из-за той же робости она не посмела поднять глаза на официантку, которая только этого и ждала. Наблюдавший со стороны почувствовал бы, что обе начеку: Рени Пицолла все время смотрела официантке в спину, но избегала взглянуть в лицо, а та со своей стороны надеялась получить от Рени отчетливый знак — глазами ли, словами ли, — неважно. Темно-синяя юбка Рени, не обращая внимания на пятна кофе, которые посадила на нее хозяйка, плотнее прикрыла ее колени, словно оберегая сокровище. Трое мужчин пытались в свое время завладеть этим сокровищем, прискорбно потерпев при этом неудачу. Воспоминание неожиданно всплыло откуда-то из закоулков памяти, и Рени Пицолла громко рассмеялась, увидев перед мысленным взором лица этих мужчин.

С Харальдом, компьютерщиком, Рени познакомилась, когда еще работала в бюро. Слишком высокий лоб и чересчур маленькие глазки находились между собой в бесконечном соперничестве за доминирование на этом лице, и это постоянно отвлекало внимание собеседника на нос и рот, и не было никакой возможности установить нормальный зрительный контакт. Рени тоже не смогла и, оставив бесплодные попытки, спешно распрощалась с Харальдом прямо посреди ночи, по сей день расценивая этот шаг как спасение... Вторым был Мюлеман — шеф Рени в бытность ее работы упаковщицей в супермаркете. Мюлеман — сальный взгляд, щеки ржаво-красного цвета, скупые движения — впадал в крайнюю степень эйфории, стоило какой-нибудь жертве женского пола оказаться в его сетях. Их ряды должна была пополнить и Рени, если бы она не оказалась такой находчивой: когда Мюлеман начал ее лапать, Рени Пицолла вскрыла пакет с мукой и сыпанула шефу в лицо — получился красивый намек на его грандиоз-

ную фамилию[1]. Уже на следующий день она была безработной... Третьим попытался заполучить драгоценность давний сосед Рени Хиршель, от которого недавно ушла жена. Он недавно пригласил Рени Пицолла провести вместе вечер, да завел разговор о презервативах и показал Рени несколько штук. Ему недавно жена по этой причине, как она выразилась, поставила клистир... Ах, сокровище...

Короткий смешок вызвал отдачу, как будто удар хорошего кулака в горло, так что Рени даже поперхнулась. Она сидела, потирая ладони друг о дружку, — любовная парочка — пришло в голову сравнение. Рени Пицолла вдруг почувствовала такую радость просто оттого, что может здесь находиться! Ее глаза заблестели при виде официантки, для которой этот взгляд стал тем самым ожидаемым знаком, предложением, и его оказалось достаточно, чтобы соскочить с рельсов ежедневной рутины. Официантка сняла фартук, повернулась к Рени, взяла ее за руку и, забыв о клиентах, спокойным, размеренным шагом вышла из кафе навстречу далям, которые увидела в глазах у Рени Пицолла.

Они шли рядом молча. В левой руке Рени была силиконовая овечка, правую держала официантка, норовившая то и дело заглянуть Рени в глаза. Это плохо получалось, потому что та все время смотрела на носки своих шагающих ног. Каким-то образом они оказались перед домом Рени. Она выпрямилась, снова вспомнила о череде дней в униформе, один из которых она хотела заставить дезертировать. Невероятно, но осуществить задуманное она могла бы с помощью этой женщины. Наконец все-таки подняла на официантку глаза. Та выглядела отсутствующей, но, поймав взгляд Рени, словно впилась в него, высасывая энергию, которой с каждой минутой наоборот становилось все больше. Они вошли, широким жестом Рени метнула из холодильника на стол целую упаковку желтых пластиковых коробочек с пудингом. Обе запрыгали в предвкушении — вдруг так захотелось пудинга! Открыли сначала один, потом второй, кормили друг дружку, целовались, слизывая одна у другой капли со щек, потом — сбросив блузки — из пупка. Теперь Рени знала, что открыть сокровище можно очень просто, с таким же легким сердцем, с каким она когда-то носила свои юбочки. Мысленным взором она наблюдала, как с шумом начала рушиться колонна бесконечных дней, распадаться, как побежденная армия. Потом один из этих дней сидел на кухне в одежде официантки, в то время как та лежала на полу рядом с Рени и курила. Вдруг в прихожей прокатилась, подскакивая по полу, блестящая золотая пуговица.

По красной нитке

Она немного подтягивала одеяло на себя, и из-под него показывались пальцы его ног. Это было так трогательно. Чем выше подтягивала, тем заметнее реагировал он, по-видимому, на холод, проникающий под одеяло: она не включала отопление в спальне даже зимой. Ей всегда доставляло удовольствие ощущение легкого озноба, от которого поднимались волоски на ногах. Он спал, укутанный сонным теплом, погруженный в благостное бессознательное, а ей, к сожалению, нужно было быстренько вставать. Она занималась доставкой газет, поэтому приходилось подниматься уже в два часа ночи. Вздыхая, она гасила свет, чтобы не тревожить его, в маленькой кухоньке варила себе кофе, намазывала на тост конфитюр — больше любила красный. Иногда, если делал покупки он, дома был только желтый или сливовый мусс. Тогда она находила кусочек сыра или колбасы, съедала,

[1] Mühlemann (*нем.*) — фамилия состоит из двух частей: мельница + мужчина.

и было ясно, что к ужину нужно снова идти в магазин, а для нее это было одно из самых ненавистных дел. Когда она перед кассой выкладывала на ленту конвейера выставленные по спецпредложению или просто очень дешевые товары, казалось, что на нее все смотрят. Денег не хватало несмотря на газеты, которые она развозила на их семейном автомобиле. Они и держать-то его продолжали только ради этой работы. Время от времени она спрашивала себя, есть ли в этом смысл, ведь зарабатывалось не намного больше, чем приходилось тратить на содержание машины. Сосед Лаурер, имея в виду их четверых детей, то и дело повторял с неким облегчением, что *самое тяжелое время уже позади,* — но это только если принимать за трудности какашки в подгузниках и мокрые постели. Дети ходили в школу, и царящая среди учеников атмосфера общения была, на ее взгляд, действительно тяжелой. Она сказала своему младшему сыну, что у нее нет денег, чтобы покупать карточки Yu-Gi-Oh[1]. Сама была даже рада этому, потому что у нее сложилось впечатление, что эти карточки уже въелись детям в мозг: они с ними носились, бесконечно менялись, жестоко дрались, плели интриги, не гнушаясь даже воровством.

Два часа ночи. Перед уходом она ставила на стол пять тарелок для завтрака, готовила мужу и детям все необходимое для начала дня. Бутерброды они мазали сами, но если колбаса и сыр заканчивались — как сегодня, то она еще успевала пожарить им омлет, который утром, уже остывший, можно было положить на хлеб. Она возвращалась домой спустя семь часов и ложилась обратно в кровать, просыпалась только к двенадцати — так что все утро выпадало, потом соображала, что бы такое приготовить на обед. Приходили из школы дети, и она старалась встретить их в хорошем расположении духа, приветливо, хотя удавалось это не всегда.

Сегодня она вернулась домой, вымокнув до нитки: сильный ливень успел сделать свое дело за время коротких перебежек между машиной и почтовыми ящиками. Ее знобило, из носа текло, и она набрала горячую ванну, чтобы перебить простуду. После ванны хотелось сохранить тепло, и она достала один из своих трех-четырех вязаных пуловеров, надевать которые обычно всячески избегала. Просто она их не любила: даже через блузку чувствовала кусачую шерсть. Ее мать, перед тем как вязать, приносила нитки на выбор: она прикладывала их к шее, терла, но в результате все равно получалось нечто раздражающее. «*Бодрит*», — говорила обычно она, получая в подарок очередной свитер, и только ей самой было известно, что она имеет в виду под этим словом. Она потихоньку передаривала пуловеры своим подругам, оставляя себе всего пару штук на тот случай, когда мать забегала их навестить. От этого она мучилась угрызениями совести: запирала платяной шкаф на ключ и всегда носила его при себе, в кармане джинсов. У матери стало падать зрение, набирать петли на мелкие крючки старой вязальной машины становилось все труднее, и она отдала ее дочери. Этот монстр теперь пылился, забытый всеми, в углу между шкафом и стеной. А мать принялась вязать с удвоенным рвением — вручную, и умудрялась угодить даже детям, которые иногда заказывали кое-что: кажется, самый младший недавно поручил бабушке связать свитер с мотивом Yu-Gi-Oh. И та, конечно же, сделает это.

Она надела фуфайку из ангорки с длинным рукавом, поверх пуловер, глянула мельком в зеркало и улыбнулась: розовый шерстяной дракон с рукавами «летучая мышь». Среди принесенных из почтового ящика рекламных проспектов ее внимание привлек маленький красный листок с уведомлением о вывозе металлолома. Взглянув на дату и сообразив, что это как раз сегодня, она сразу подумала о старой вязальной машине. Выта-

[1] Yu-Gi-Oh — карточная игра на основе японского аниме-сериала.

щила ее. Все принадлежности в ящике на шкафу: деккерные иглы, гребни, противовесы. На маленькой коробочке написано: «*Замок для интарсии*[1]», открыла — внутри нечто, не поддающееся определению. Но слово ей нравилось. Перед глазами тотчас возникли искусно изготовленные деревянные двери, ведущие в тронный зал, потолок и стены которого украшены великолепными инкрустациями. Она невольно улыбнулась. Рассортировала детали, отложив содержащие пластик, которые, согласно предписанию, нужно было утилизировать отдельно. Машинально пробежала пальцами по крючочкам и удивилась своему жесту — ведь сама никогда не вязала. Пряжа для машины лежала в шкафу, в самом низу — под аккуратно развешанными юбками и брюками. Просмотрела, что есть в наличии, выбрала более или менее сносные красные нитки и оглянулась в поисках инструкции, которую уже успела отложить в макулатуру. На установку двухфонтурной вязальной машины со всеми мыслимыми приспособлениями у нее ушло два с половиной часа. Закончив, она так устала, что просто отключилась.

Дети пришли из школы. Обеда не нашли. Тихонько заглянув в родительскую спальню, вернулись на кухню и принялись сами варить лапшу, которая всегда была в запасе. Съели ее с маслом и приправой «Магги», чего бы их мать не без длительной дискуссии о витаминах, белке и полноценном питании, скорее всего, не одобрила бы. Остались довольны. Для полного счастья еще достали из морозильника мороженое, и если бы самый младший был внимательнее, закрывая дверцу холодильника, не поскользнулся на плитке и не закричал, она бы, возможно, выползла из своей норы только к ужину. Появилась в кухне неожиданно, с опухшими ото сна глазами — заплывшими клюзами, как говорил ее муж. Младший сразу успокоился, уткнувшись головой в материнские колени, повеселел. Все снова было хорошо. Она села, положила в тарелку лапши, добавила кетчупа. Хотела взять масло и «Магги» — поддержать к радости детей их компанию, но лапша уже остыла. Она тоже была счастлива: дети сами приготовили себе поесть, дали ей поспать. Все болтали — каждый о своем, так что было трудно подключиться к разговору, и она тихо сидела, предаваясь собственным размыщдениям. Мысли — маленькие белые мышки, цепляясь за гардины, взбирались на карниз, приветствовали ее оттуда и исчезали через открытое окно. Прекрасный прохладный день. Вокруг спокойно. Домик, который оставила им мать, переехав в маленькую квартирку в новостройке — с центральным отоплением и оборудованной под кухню нишей, находился в центре бывшего садового кооператива. Территория земельных участков, переступивших из-за своего размера дачный уровень, была объявлена *перспективной*. Вокруг маленького старого домика появились новые, из мергеля. К счастью, они успели обновить отопление, пока еще оба имели постоянный заработок. С тех пор, правда, здесь, в окрестностях Берлина, прошло десять лет. Окна все сплошь перекошены и плотно не закрываются — надо менять. Стены нужно штукатурить — серые, пористые, особенно на фоне яркого голубого неба. Забор поставлен еще в начале прошлого века. Вообще-то прекрасный забор — из сетки-рабицы, с воротами в виде высокой арки, но тоже нуждается в основательном ремонте: залатать многочисленные дыры, заменить некоторые опорные столбики. С этой работой она вполне справилась бы сама — даже с бетономешалкой была знакома, но до обеда она спала, а вторая половина дня принадлежала детям, так что свободного времени практически не оста-

[1] Интарсия (*нем. Intarsia*) — вид трикотажного переплетения.

Интарсия (*нем. Intarsia*) — вид инкрустации, представляющий собой узоры из различных по текстуре и цвету деревянных пластинок, врезанных в деревянную же поверхность.

валось. Она вздохнула. Мысли возвращались через окно обратно в кухню, но на детях не задержались, а всей толпой устремились в прихожую, а оттуда в спальню, где была установлена вязальная машина. «Ну вот, и старый стол пригодился, — подумала она. — А сколько раз муж хотел порубить его на дрова!» Дети отправились делать уроки, а она решила глянуть инструкцию по обслуживанию монстра. Спустя некоторое время ей удалось связать несколько первых рядов. Экспериментируя с плотностью, она с любопытством разглядывала получившееся из красной пряжи умопомрачительное дырчатое полотно с неодинаковыми петлями, в которые так и манило заглянуть. В конце концов она выставила регулятор на максимальную плотность и принялась за работу: вывязывала через все полотно косичку, пробовала узор из лицевых и изнаночных петель. В результате получился кусок шириной в восемьдесят сантиметров и длиной почти в три метра.

В магазин она так и не сходила... Достала два тетрапака молока, наварила манки, к которой подала сахар, корицу и домашний яблочный мусс.

Муж пришел домой обессиленный. Он работал коммерческим агентом при маленькой вестфальской фабрике, производящей обувь с претензией на ортопедическую. В поисках клиентов мотался по всей восточной Германии. Сегодня он доехал только до Котбуса, охватив несколько небольших обувных магазинов в городах и городишках по пути. Он мало спал. Даже если утром садился в машину — фирменный автомобиль марки «Вольво» — в состоянии душевного подъема, вечером всегда возвращался домой посеревшим от усталости. Может быть, это возраст уже брал свое — приближался к пятидесяти годам? Он оставался для нее по-прежнему желанным, да и она, несмотря на прожитые вместе годы, была для него все так же соблазнительна, и он обычно не мог устоять, если чувствовал спиной ее обнаженную грудь или прижимался бедрами к ней сзади. «Так хорошо с ним», — думала она, доставая из шкафа очередную тарелку. Каши хватило едва-едва — ей самой досталось всего пару ложек.

Решили сыграть разок в книфель[1]. Вшестером это требовало некоторого терпения, но дети принялись за игру с энтузиазмом. Наконец, умытые, с почищенными зубами, они пришли друг за дружкой, чтобы пожелать родителям спокойной ночи, и на тех в который раз нахлынули чувства — гордость за детей и готовность пожертвовать ради них всем. Он даже смахнул слезинку, а когда дети ушли, сказал, что любит ее, и они стали целоваться, сползли на пол и не могли друг от друга оторваться, пока не утолили первый голод.

В комнате было темно, и, вставая с пола, он тюкнулся головой о рычаг регулировки вязальной машины, ругнулся. Она засмеялась: «Ну что ж, рожки будут!», и принесла из кухни точильный брусок, чтобы приложить холод. Чуть позже они отправились в кровать, прихватив бутылку белого вина, выпили, занимались любовью снова. Было уже за полночь, и теперь чертыхнулась она — через два часа уже вставать, повернулась на бок и заснула. Ее ступни так и остались между его ног.

Звонок будильника бесцеремонно вернул ее к реальности. Фазы быстрого сна так поспешно сменяли друг друга, что проследить всю цепочку до самого пробуждения было невозможно. Еще не успела толком прийти в себя, как получила утренний поцелуй. Она лежала и по обыкновению, подтягивая одеяло, наблюдала, как от холода поднимаются волоски на его ногах, и тут ее осенило: можно его обвязать! Представилось что-то вроде ползунков, покрывающих все тело, связанных из мягкой красной шерсти,

---

[1] Книфель (*нем. Kniffel*) — покер на костях, азартная игра, в которой выбрасываются одновременно шесть игральных кубиков и подсчитываются очки для каждого игрока.

с косами и ажурным узором, и две ниточки снизу, потянув за которые, можно все распустить. При мысли, какой огромный при этом получится клубок, на мгновение ей стало нехорошо: зашумело в ушах, и она еще немного посидела на краю кровати. Потом вскочила, чтобы начать свой новый день, распорядок которого отныне кардинально изменился. Едва закончив с газетами, она садилась за вязальную машину. Было нелегко разобраться с расширением и зауживанием, а на освоение кругового вязания ушла целая неделя. Наконец она с увлеченностью принялась за дело. Начала сверху: связала мешок, разделяющийся на два чулка в области предполагаемой промежности, которые постепенно сузила, представляя себе мысленно его ноги, и закрыла внизу. На уровне плеч для завязывания пришила по две сплетенные вручную косички — только и останутся, если все распустить. Теперь она с нетерпением ждала его дня рождения.

День рождения выпал на воскресенье, дети сами приготовили завтрак. Ветчина и яйца, красный и желтый конфитюр, сливовый мусс и мед — на это, должно быть, ушли все их карманные деньги. А еще и бутылка шампанского в холодильнике. Сварили кофе и уселись перед телевизором: ждали маму, которая должна была вернуться с работы около девяти. Она пришла. Было неловко при детях доставать ползунки — ее единственный подарок, поэтому, вручая пакет, она с многозначительным взглядом задержала его в руках. Он понял. По случаю праздника детей отправили в кино, а сами сели за стол, чтобы не спеша и с удовольствием позавтракать. Он открыл пакет. С удивлением, не веря своим глазам, уставился на подарок. Она тем временем, улыбаясь, натянула на него — он был еще в халате — ползунки, завязала на плечах. Он увидел свое отражение в зеркальной двери шкафа, потом посмотрел на себя сверху вниз и застыл, лишившись дара речи от ужаса. Настойчивым жестом она пригласила его лечь, освободила кончик нити на пальцах левой ноги и начала распускать вязку. Медленно, очень медленно, ряд за рядом. Чем больше становился клубок в ее руках, тем сильнее нарастало желание — как она себе и представляла. На правой ноге начала новый клубок и потом еще дважды с нуля — чтобы притормозить возбуждение. Вместе с вязкой таяло и его первоначальное замешательство. Ему все больше нравилось наблюдать за ее руками, следить за ощущениями, которые разыгрывались в его теле: он чувствовал, будто маленькая змейка ползет, извиваясь, вокруг его ног, будто язычки костра лижут его ягодицы, живот, грудь. Наконец она отложила нитки в сторону — спокойно, но с таким огромным внутренним напряжением, что он не выдержал: схватил клубок и принялся медленно опутывать нитками ее тело. Она встала, чтобы он мог обмотать каждую ногу, руки плотно прижала к туловищу. Он закончил. Только голова торчала из красного футляра — как у мумии. Не в состоянии двигаться, она закрыла глаза: ей оставалось только лечь, дрожа от желания. Наконец ее пронзило. Перед самым зенитом, которого они достигли одновременно, она почувствовала, как два брожения, слившись воедино, выстрелили на новый уровень, но перед ее внутренним взором продолжали свое ритмичное движение вязальные крючочки: вверх-вниз, вверх-вниз, до тех пор, пока на этих строчащих качелях она, в конце концов, не потеряла сознание...

Почему вы плачете каждую среду?

Как-то в понедельник, в мае, я попал в грозу. Черный зонт выломало и вывернуло наизнанку. Налетевший ураган трепал и мои мысли, так что я уже не знал, за что зацепиться. Попытался, по крайней мере, закрыть зонт. Дождь заливал под капюшон. С трудом затолкал зонтик в рюкзак,

хотел было разогнуться, и тут-то я их и увидел: два печатающих шаг столбика. Спустя долю секунды добавилась фигура, к ней лицо. Это были ноги Софи Ramменау: щиколотки в обхвате, как икры, то есть их практически нет. «Nomen est omen»[1], — пронеслось в голове. Софи Рамменау я видел каждый день, а вот ее лодыжки — ни разу. Она всегда носила юбки в пол, и что там делали ее ноги — было неизвестно. И вот теперь меня осенило: они там прятались.

Я изобразил улыбку.

Она в ответ тоже.

Мы поругали погоду, дороги, машины, посетовали, что автобусная остановка далеко. Это заняло какое-то время — мы уже шли рядом, — больше говорить было не о чем. Из-под капюшона украдкой я смотрел на Софи Рамменау и удивлялся. Ведь красивая, с терпкой нотой, женщина. Ее тронутые сединой волосы слиплись от дождя — хорошо, что была не накрашена. Порывы ветра стихли, и подол юбки снова касался своим краем земли. Она была стройная, даже хрупкая, такой я ее до сих пор и воспринимал. Теперь, увидев ее ноги, я узнал о ней нечто большее. Молча мы подошли к остановке. Я знал, куда она едет. А она знала, что я это знаю.

В автобусе мы сели рядом. Услышав ее запах, мне захотелось курить. Сидя так близко, она, конечно, тоже чувствовала, чем пахну я. Смазочным маслом...

С середины девяностых я работал в автомастерской при заправочной станции на Ридбахер Штрассе. В этот день мне нужно было к врачу, поэтому я ехал на работу позже обычного. Софи Рамменау, моя соседка, направлялась туда же — не в мастерскую, а в кафе при этой же заправке. Там она обедала. Каждый день.

Добрались, я пожелал ей приятного аппетита, и мы распрощались.

Наше знакомство так и осталось бы шапочным, если бы не ее ноги. С того дня они преследовали меня. Сотрясали кафельный пол в какой-нибудь булочной. Или проложенный над разрытым участком шаткий мостик у больницы скорой помощи. Или паркет кинозала в маленьком клубе, который прозвали ящиком, — куда я как-нибудь пригласил бы Софи Рамменау. Правда, обернувшись, я каждый раз обнаруживал какого-нибудь крупного мужчину, которого, хочешь не хочешь, приходилось определять виновником маленького землетрясения. Я громко вздыхал. Представлял, где и как эти ноги заканчиваются. Нередко в такие моменты хотелось отвлечься, но ничего не получалось, чтобы встряхнуть мои мысли, как в ту грозу.

Я стал собирать сведения о Софи Рамменау. Для начала пригласил на чай фрау Хибш, которая живет надо мной. Она поселилась здесь самой первой, в день сдачи дома — больше двадцати лет назад. Мы с ней были одного возраста — оба перешагнули за пятьдесят. Свои пергидрольные волосы фрау Хибш укладывала так, как носили женщины поколения наших матерей, если я точно помню. Во всяком случае, у моей матери в шестидесятых была именно такая прическа — с высоким начесом, правда, она не осветлялась — любила естественность.

Фрау Хибш в своей не по возрасту короткой юбке в ожидании присела на край софы. Я налил ей чаю и щедро добавил рому, на который и делал ставку. Чашки три-четыре мы болтали, просто убивая время, пока разговор как бы случайно не зашел о Софи Рамменау. Фрау Хибш с готовностью выложила, что раньше Софи была замужем за герром Рамменау. Откуда тот взялся — неизвестно. В одно прекрасное летнее утро в середине вось-

---

[1] Nomen est omen (*лат.*) — имя есть знак. Фамилия Рамменау на немецком языке созвучна слову rammen — забивать сваи, таранить, трамбовать.

мидесятых его нашли спящим под дверью Софи: черная кожаная куртка, темная борода, ветхая полотняная сумка, босиком. Фрау Хибш его первой и обнаружила, позвонила Софи. Та вышла заспанная. Вдвоем они *заволокли* мужчину в квартиру — словечко, по которому можно было предположить, что фрау Хибш родом из мест нынешней Саксонии-Анхальт.

Что было дальше, фрау Хибш не знала, единственное — три недели спустя Софи и герр Ramменау сочетались браком. Ей тогда показалось это странным: серьезная, образованная Софи, работавшая искусствоведом в музее Боде, а до этого в дрезденском Гравюрном кабинете, скромная, длинные юбки, всегда с гладко зачесанными волосами. Все прошло тихо — ни гостей, ни традиционной церемонии, в среду — это фрау Хибш запомнила точно, потому что по средам к ней приходили ее дети, живущие у отца. Молодожены просто позвонили и, хихикая как «*тинэйчеры*», представились: Софи и Петер Рамменау. А еще три недели спустя он пропал.

Вот так история!

Я выпроводил фрау Хибш скорее, чем она рассчитывала. Остаток вечера провел в кресле. Шум с улицы становился все тише, огни машин прочерчивали сумеречную комнату все реже и реже. Лег я поздно — добавил к рому еще полбутылки красного вина. Вторую половину в моем представлении выпила, конечно, Софи Рамменау, так что наутро я созерцал пустую бутылку, поначалу ничего не понимая.

В последующие недели я использовал любую возможность, чтобы что-то разузнать о Софи. Соседи удивлялись неожиданной с моей стороны разговорчивости, которая так не вязалась со сложившимся в их глазах образом, впрочем, я и сам себе удивлялся.

Старик Вайдлер рассказал, что после исчезновения мужа у Софи якобы случился выкидыш — его жена в то время работала в клинике медсестрой. Герр Корман говорил о безработице, считая ее причиной всего: когда началась перестройка и сняли границы, Софи в поисках своего мужа исколесила всю Германию. Вроде бы она уволилась сама, не подозревая, что вернуться в профессию спустя два года уже будет невозможно. Перестройка оказалась перестройкой во всех отношениях. Фрау фон Хоф, которой обычно свойственно задирать нос выше головы, прикрывая рукой рот, доложила, что среда у Софи Рамменау — горючий день: они жили через стенку, а о какой звукоизоляции могла идти речь тогда, когда строился этот дом? «Горячительный?» — переспросил я. В ответ фрау фон Хоф рассмеялась и объяснила: каждую среду с десяти часов вечера до половины двенадцатого Софи плачет — она знает абсолютно точно. А если я не верю, могу в следующую среду прийти к ней домой и удостовериться, только не один, а с какой-нибудь женщиной, — чтобы фрау фон Хоф чувствовала себя в безопасности.

Я договорился с малышкой, которая по воскресеньям сидит у нас на заправке за кассой, и в ближайшую среду в назначенное время мы вдвоем стояли перед дверью фрау фон Хоф. Постучали тихонько, чтобы случайно не услышала Софи, вошли. Сели, фрау фон Хоф даже приготовила кое-какую легкую закуску, соответствующую позднему времени, рядом на столике выставила бутылки с пивом, соком и сельтерской. Мы приступили к ужину. Я открыл себе пиво и только собирался откусить от бутерброда с тартаром, как тут началось. То, что мы услышали, очень напоминало звуки, издаваемые какой-то болотной птицей: тонкое царапанье, прерываемое гортанным бульканьем. Да так близко, будто бетонной стены нет вовсе. Я спросил фрау фон Хоф, не пыталась ли она поговорить с Софи об этом. Та решительно возразила, что ей нет дела до чужих ритуалов, к тому же, если она смотрит телевизор, то практически ничего не слышно. В доказательство она включила новости.

Я не знал, что и думать. В знак благодарности выдал малышке двадцать евро и попросил никому об этой истории не рассказывать.

Ноги Софи не отпускали меня. Я закрывал глаза и видел их, а когда открывал, они не торопились исчезать. И плач ее слышал постоянно: в шуме захлебывающегося мотора и вечером, сидя в кресле, глядя на постепенно успокаивающиеся отблески уличных огней. В обеденное время через окошко мастерской я мог наблюдать, как она бредет к ресторану, а через час обратно на остановку.

Пока я, наконец, не решил: мне этого мало!

В четверг две недели назад, вместо того чтобы есть принесенные с собой бутерброды, я пошел в ресторан. Переоделся, привел себя в порядок — в рабочих шмотках там не приветствуют. Подсел за столик Софи.

— *Почему вы каждую среду плачете?*

Софи посмотрела на меня и рассмеялась. И я услышал точно такой же звук, как в тот вечер, разве что теперь между нами не было стены. Она не могла подобрать слова, снова и снова прыская, наконец выдавила объяснение: она состоит членом клуба смеха, поэтому по средам, когда соседи вроде как должны уже спать, выполняет домашние упражнения. С тех пор как она ходит в клуб, все проблемы стали просто смешными. Она счастлива как никогда, ведь раньше ей было не до смеха — бесконечная безработица, время от времени какие-нибудь курсы — попытки что-либо изменить в жизни, неизвестность в судьбе мужа... По ее щекам скатились две слезинки, выступившие на глазах от смеха.

Через четыре часа моя смена закончилась, и я стоял перед ее квартирой. Позвонил, она открыла. На ней была длинная юбка с запахом и кофточка на бретельках — ее красивые хрупкие руки на мгновение полностью завладели моим вниманием. Она пригласила меня войти, взяла розы, которые я купил на заправке и, завернутые в бумагу, все еще держал в руках, распаковала их и поставила в вазу. В тесноте прихожей она, намереваясь пройти вперед, оказалась совсем близко. Так близко, что запах юбки, зацепившись, раскрылся. Увидев ее ноги, я уже знал, куда она хочет.

А она знала, что я это знаю.

Спи, моя радость...

Пер взбивал яйца. Скорлупа от трех дюжин оккупировала весь кухонный стол, пара штук упала на пол. Господи, и понадобилось же ему вдруг готовить! Ему-то, кто, с тех пор как дети покинули дом, проводил Рождество, затевая двадцать четвертого декабря уборку хлама в доме да в подвале. Лично я собиралась пойти к Карле, нашей дочери, — она с мужем и тремя девочками живет всего в нескольких домах от нас, — они хотя бы наряжают елку к празднику. Предпочитаю провести Сочельник при свечах, а не под громыхание рухляди. В последние три-четыре года Пер являлся только после полуночи — когда под дверью наконец вырастал мешок со старой одеждой, а отсортированное барахло переваливалось через край мусорного контейнера. А сегодня он вдруг принялся взбивать яйца? Я так испугалась, что даже не нашлась, что спросить. Он, тем не менее, ответил.

— *Будет омлет*, — и достал из шкафчика все наши четыре сковороды, положил в них ломтики сала, лука и поставил на еще не разожженную плиту. Мне захотелось присесть.

— *Из тридцати шести яиц*? — дрожащим голосом выдавила я из себя, и вопрос еще минуту висел в воздухе, пока Пер, наконец, не открыл рот.

— *Я кое-кого пригласил*, — ответил он как бы между прочим, ополаскивая руки.

У него есть подружка? Он знал, что я собираюсь к Карле. Думал воспользоваться случаем, чтобы поставить меня перед свершившимся фактом? Вообще-то мы неплохо ладили. Обоим уже за пятьдесят, но кое-что, как говорится, еще шевелится, причем неплохо. Если делить на двоих, то восемнадцать яиц все равно многовато — для любой женщины. Я немного успокоилась, испытывая легкую неловкость, выдохнула в атмосферу сала и лука свое короткое «*кого*?».

— Бризе и его компанию. Я подумал, что сегодня вечером негоже им задницу отмораживать.

Я не ослышалась? Бризе? Этот милый барашек был нашим, так сказать, соседом. Участок земли рядом с нами принадлежал его жене. Еще при ее жизни он много пил, но все-таки косил газон, собирал вишню и яблоки, подстригал кусты. Шесть лет назад Бризе нашел свою Ирену за домом мертвой. Сердечный приступ — рассказывает он каждому и по сей день, хотят его слушать или нет. С тех пор участок пришел в запустение. Как говорит Пер, *одичал*. На одичавшем участке стоял маленький каменный домик с толевой крышей, которую в прежние времена регулярно ремонтировали и заливали смолой.

После смерти Ирены безработный Бризе, потеряв средства к существованию, больше пальцем не шевельнул, чтобы поддерживать порядок. Сначала ему перекрыли воду, затем отключили электричество. Он гадил за домом. Мы были недовольны, потому что из-за запаха больше не могли сидеть у себя в саду, но молчали. В общем, мы неплохо к нему относились, но помочь ничем не могли. Мы так радовались, что Бризе с еще четырьмя-пятью такими же, как он, стал помогать вьетнамцу, торгующему у вокзала фруктами, получая за работу большую упаковку минеральной воды, которую он ежедневно привозил домой на велосипеде.

Вообще, что касается Бризе, то *ежедневно* — было важным словом в его жизни. Ежедневно в шесть утра он влезал на велосипед и каждый день к этому времени был уже заправлен под завязку. Бризе начинал свою ежедневную работу, выгружая и расставляя ящики с овощами и фруктами, и каждый день прохожие бросали на него пренебрежительные взгляды, если он вдруг замирал, уставившись стеклянными глазами в мандарины. Ежедневно около шести вечера Бризе возвращался домой, и я часто поражалась, как ему на своем велосипеде удается не выпадать из общего потока, — очевидно, он двигался очень целенаправленно. Бризе начинал качаться, только сойдя на землю, долго не мог попасть ключом в замочную скважину.

Если мы жарили на гриле колбасу или мясо, то угощали его через забор. Один-единственный раз, вскоре после нашего заселения в дом, Пер, тогда еще едва знавший Бризе, подарил ему доставшуюся нам от чешских друзей бутылку самогона. На следующее утро эта бутылка, только уже пустая, стояла на крыльце перед дверью, и Пер сделал соответствующие выводы. Оба мы водку не пьем, и в подвале постепенно скопился приличный запас бутылок. Пер их не трогает даже во время своих рождественских уборочных акций, что меня всегда удивляло.

Так значит Бризе. Его приятелей я видела несколько раз у вокзала. То, что эти люди будут праздновать Рождество в нашем все-таки скорее буржуазном доме, странным образом не вызвало у меня неприятных чувств. Я собралась уже идти к Карле, осталось только надеть пальто, но медлила. Пер, заметив это, усмехнулся.

И именно омлет! Я принялась собирать скорлупу. Честно говоря, Карла уже была вынуждена бороться за право принимать меня у себя с предстоящими посетителями, возбудившими во мне любопытство. Время двигалось к пяти — скоро вручение подарков. Все, что я приготовила для внуков,

«Всемирная литература» в «Нёмане»

стояло наготове в большом пластиковом пакете. Я обула сапоги. Моя дочь одержала победу — на данный момент.

На улице был дикий холод. У Карлы стоял смрад от ароматизированных свечей, которые я всегда терпеть не могла. Смотрела с вымученной улыбкой, как внучки разбирают подарки, все-таки тоже радовалась. Через час мне стало так плохо, что я с извинениями распрощалась, довольная, что не пришлось врать, — меня на самом деле сильно подташнивало. На воздухе все моментально прошло. «В общем, тело знает, чего душа желает», — пришла вдруг мысль. Обеспокоенное семейство смотрело мне вслед. Чтобы охладиться, я сняла шапку и подставила лицо под густой снег. Волосы успели намокнуть — увидела дома, раздеваясь перед зеркалом.

В кухне сидели шестеро мужчин. Пер удлинил стол с помощью дополнительной панели, которая, с тех пор как разъехались дети, хранилась в подвале. Накрыто на семь человек. Черт подери! Пер все-таки меня знает! Можно испытывать злость и любовь одновременно? Я, во всяком случае, на минуту почувствовала нечто подобное. Быстро села на оставшееся свободным место во главе стола. Мужчины поприветствовали меня. Всех объединял стоящий в кухне алкогольный дух. А вот что придавало каждому индивидуальность, так это телесные запахи, которые я почуяла, когда переварила алкогольные испарения. В отличие от дочкиных свечек, они не вызывали дурноты, что меня сперва удивило, но в процессе так называемой метаболической адаптации вскоре вылетело из головы. Хорошо, что не поддалась первому порыву и не предложила гостям принять ванну.

Омлет на сковороде застыл. Пер поставил на стол чай, разломил свежий хлеб. Мужчины говорили мало. Смущенно смотрели на чай перед собой, но когда Бризе достал из недр своих штанов бутылку, последовали его примеру, доливая содержимое своих чашек. Бризе предложил с каждым тостом передавать бутылки соседу, мы, естественно, не участвовали. После первого круга языки заметно развязались. Мужчины, чавкая, поглощали щедро сдобренный салом омлет, радовались теплу, стоящему в доме. Вдруг я почувствовала удовлетворение от того, что у нас нет рождественских украшений и не очень бросалось в глаза, что вечер необычный. Несмотря на исключительность ситуации, все держались как ни в чем не бывало и непринужденно обращались друг к другу на ты. Мы знали, что для Бризе это многое значит. Его дружки стали выкладывать довольно личные истории.

Ты-Густав рассказал, как прошлым летом у него чуть не отгнила нога. Хорошо, что на Каульсдорфском озере на него обратила внимание какая-то врачиха и принялась расспрашивать, где он вообще моется и все такое. Ты-Герберт, показав в ответ свой зубной протез, поведал, что и ему два года назад повезло. А Ты-Манфред пробурчал, что хотел ради положенного в таких случаях завтрака сдать кровь, пришел на передвижную донорскую станцию, а его погнали прочь. «*Но ведь им нужна кровь!*» — вспыхнул он и плеснул в чай лимонной водки. Я содрогнулась.

После полуночи Ты-Пауль начал постепенно сползать в горизонтальное положение. Он вышел в гостиную, расстелил на полу принесенное с собой одеяло и лег. Я отправилась вслед, чтобы разложить нашу широкую тахту, но не успела — Ты-Пауль уже крепко спал. Зато пришел Бризе, заплетающимся языком пробормотал что-то про прекрасный вечер, каких уже давно не бывало, и устроился на тахте, отвернувшись к стене. Я накрыла его. Через полчаса к нему присоединился Ты-Густав. В гостевой комнате были специально постелены две кровати, но Ты-Манфред и Ты-Герберт, хотя и добрались до нее, снять покрывала не удосужились. Я прошлась по дому, нашла на чердаке два старых стеганых одеяла, вытрясла пыль, чтобы хоть как-то худо-бедно накрыть мужчин. Оба раскатисто храпели, время

«Всемирная литература» в «Немане»

от времени кто-нибудь громко портил воздух. Пер, довольный, улыбался. Он принес из подвала бутылку красного вина, вылил в кастрюлю, почистил апельсин, добавил гвоздику, корицу, мускат, кардамон, немного сахару и водрузил на плиту. Глинтвейн мы пили в постели.

Люблю я все-таки Пера.

У входной двери висят ключи от родины

Это точно произошло в мае, потому что названные по имени этого месяца маленькие белые колокольчики так трезвонили по всему Бургбергскому лесу, что у меня чуть не закружилась голова. Возвращаясь домой с покупками по хозяйству, я выбрала загородную дорогу — через лесополосу на широкий луг. По левую руку звенел Бургбергский лес, а справа, на сырой земле, пенилось настоящее весеннее разнотравье. Когда я, погруженная в свои измельчавшие мысли, впервые перепутала слова, то еще подумала: «Так и должно быть», — и подивилась: сначала необычно звучащей фразе, а потом тем ощущениям в собственном теле, которые вызвал новый порядок слов. Я почувствовала болезненное раздражение барабанных перепонок и слабое сердцебиение. До дома было еще далеко.

Прислушиваясь к своим внутренним изменениям, я позабыла фразу, которая их вызвала. Открыла входную дверь, как обычно, заперла ее за собой, сгрузила на кухонный стол красно-коричневую сумку из искусственной кожи и поизносившуюся ивовую корзину и принялась разбирать покупки. Четыре литра молока поставила в холодильник, сливочный сыр и колбасу спрятала в кладовку, туалетную бумагу в подвал, почистила от корочек емкость, в которой хранились запасы сахара, и заполнила ее по новой, полуметровое кольцо копченой колбасы повесила рядом с кухонным шкафчиком, а сумку и корзину отнесла в гараж: в следующий раз решила поехать в магазин на машине — чувствовала слабость. Вернулась на кухню, и в голове тотчас всплыла фраза, которая на самом деле имела с моим физическим состоянием гораздо большую связь, чем я предполагала тогда, в мае. «У входной двери висят ключи от родины». В своих измельчавших мыслях я поменяла слово «*квартира*» на «*родина*», подражая, по всей видимости, мужу. Он тогда, в мае, как раз занял хорошую должность в немецкой почтовой службе и имел привычку в разговоре то и дело замещать одни слова другими, но до сих пор это как-то не резало ухо. К нашему сыну он обращался *Харальд*, несмотря на то, что двенадцать лет назад мы зарегистрировали его как Яна, а дочь звал *Бумми*, хотя на игрушечного медвежонка, мне кажется, она вовсе не похожа. Свою должность он называл *шефф*, но вся его работа заключалась в том, чтобы к обоюдному удовольствию лапать своих выглядящих не слишком счастливыми сотрудниц — в паузах между обслуживанием клиентов и клацаньем штемпелями. Я могла это порой наблюдать, если заглядывала к мужу на работу, возвращаясь из похода по магазинам, чтобы напомнить ему, что на ужин будет жареная картошка, если, конечно, он придет домой вовремя. Я сама была для него *мама*, при том, что мы никогда не состояли в отношениях, которые могли бы как-то обосновать использование этого слова. А его манера называть меня *парнишка*, чтобы настроить на сексуальные отношения, поначалу несколько раздражала, но, в общем, никогда особо не удивляла. Во всяком случае, я обратила внимание на особенности его речи только тогда, в мае.

Зимой пустующий дом на нашей улице заняли две семьи беженцев. Я особо не интересовалась, откуда они прибыли, от какой войны спасались, — какая разница? А тут, как раз вечером того самого майского дня, когда я впервые перепутала слова, муж заговорил об этих людях.

Он называл их турками, *тминными баранами*, хотя я встречала пару раз одну из женщин в магазине, — по-моему, она говорила совсем не по-турецки. А в тот майский вечер у нас на столе как раз дымился отварной картофель, посыпанный тмином, а в рулет я добавила мясо ягненка, вспомнив, с каким наслаждением мой муж поглощал бараний шашлык на тематическом вечере южной Европы в городской ратуше. После ужина, когда дети отправились спать, он позвал меня к себе. Не думала, что муж предпочтет своему парнишке жареное мясо, но тем не менее: я уже лежала в постели и не смогла удержаться от улыбки, когда он спустился в кухню, чтобы отрезать себе еще кусочек. Чавкая, он поднялся по лестнице в спальню, снова хвалил ужин, называя меня мамой. На этом половой вопрос в этот день был закрыт.

В ту майскую ночь я принялась, копаясь в своих измельчавших мыслях, придумывать, как еще, в каких фразах можно заменить слова, чтобы придать им новый красивый смысл. У двери по-прежнему висели ключи от родины — это мне нравилось. А вот Харальд и Бумми — нет. Шефф, парнишка и мама — еще меньше. Да и «тминные бараны» звучало плохо, так что для себя я стала их пока звать *дирижаблями* и *бипланами*. В ту ночь я впервые думала о тех людях с интересом: на каком языке они говорят, что за блюда подают, когда в теплые дни долго засиживаются за столом во дворе, — я наблюдала их через кухонное окно. Потом я заснула.

На следующее утро я открыла дверь нашей родины и отослала Харальда и Бумми навсегда, пообещав забрать их из школы в обед. Муж был уже давно на *сборе урожая*, как я теперь называла его работу, а парнишка забился куда-то глубоко внутрь меня, откуда я больше не собиралась его выпускать. Только мама осталась — ею пользовались еще дети, которые сегодня придут из школы как Ян и Сабина, так что убрать маму совсем было невозможно.

В то майское утро я мучилась головной болью, которую в своих измельчавших мыслях назвала именем подруги — *Зузи*. Ее саму я вообще-то любила, но в таком виде терпеть не могла, поэтому отправилась в город за таблетками, чтобы избавиться от нее. Аптекаршу я знала еще со школьных времен — та училась на класс старше и уже тогда имела очень строгий вид. Она сразу же, не переспрашивая, выдала мне лекарство, что меня очень удивило, потому что никогда раньше я не просила у нее средство от своей подруги Зузи. Я подумала, что с удовольствием объяснила бы аптекарше, для чего я использую подругу, но у прилавка собралась большая очередь, и я ушла. На рыночной площади я глотнула воды из фонтанчика, чтобы две маленькие белые пилюли проскочили внутрь, и села на ступеньки, ожидая, когда пройдет Зузи. Позже, уже на нашей улице, я остановила одного из дирижаблей и спросила, откуда они приехали. Мужчина сказал что-то непонятное на языке, в котором я, опираясь на определенный опыт давно минувшей юности, хотя и с некоторой долей сомнения, узнала русский. Турецкий исключается — убедившись лично, удовлетворенно кивнула.

В обед я забрала детей, посадила в машину и повезла домой, дав трехчасовой круг с ветерком по окрестным предгорьям. Ян и Сабина были чудными, так радовались прогулке, что, открыв дверь родины, перенесли маму через порог на руках. Только вот муж обиженно покачал головой, когда я позже спросила: «Что-то ты сегодня на сборе урожая особенно задержался?» — было уже довольно поздно. Заинтригованная, я ждала, как сегодня отреагирует на его призыв парнишка. Поэтому, когда муж сразу заснул, была почти разочарована. Зато появилось немного времени поразмышлять: лето на носу, мы заказали семейный тур в Тунис, а я так растолстела за зиму. Надо бы сбросить несколько килограммов, но в этом случае у парнишки опять в отпуске не будет ни минуты покоя, мне придется все

время плотно сжимать ноги, чтобы держать его взаперти. Я вспомнила, что раньше самой надежной защитой от посягательств мужа были мои беременности. В этом положении путешествие прошло бы лучше, и, пожалуй, мне даже удалось бы отдохнуть от своих обязанностей домохозяйки. Я подумала о дирижабле, который каждый раз, когда я развешиваю белье на весеннем солнышке, мастурбирует перед открытым окном. До сих пор меня это не особо возмущало, я даже чувствовала мягкое подсасывание внизу живота. Потом я заснула.

Я оказалась беременной еще до наступления лета. Молодой, белый, почти женственный дирижабль бросил якорь в моем теле всего раз. Что сказал бы на это парнишка? По пути в аэропорт я сообщила семье о своем новом состоянии. Отпуск получился по-настоящему комфортным. Ян и Сабина взяли на себя все покупки: мороженое и лимонад, газеты и кроссворды. Теперь мой муж только и говорил, что о дирижаблях и бипланах. К ним присоединились *сукины дети*, *головорезы* и *чесночные верблюжатники*. Я поражалась, как много людей может поместиться во рту у моего мужа, и при этом среди них ни одной женщины! Тогда, в мае, я не обратила на это внимания. Я раздавала собственные имена: *боинги*, *турбовинтовые*, *парапланы* и *вертолеты*. Небо было заполнено до предела, и я уже опасалась: как мы полетим обратно домой, пробираясь среди них. Оказалось, без проблем. На отдыхе я еще немного поправилась.

Хлопоты домохозяйки хорошо отвлекали меня от тягот беременности. Осень и зима прошли нормально. Как я вспоминаю теперь, хорошенькие дела творились тогда. Сбор урожая у моего мужа неожиданно закончился самым банальным образом — отстранением от должности. Одну из его сотрудниц перестало забавлять его лапанье, и она заявила в полицию о злоупотреблении властью. До суда дело не дошло, потому что я выплатила женщине из своих сбережений отступные. Муж был мне безмерно благодарен, но как-то не особо удивился, когда в один прекрасный день я с пузом, Яном и Сабиной ушла от него. Я была нужна моему молодому, белому, почти женственному дирижаблю, и мы нашли приют в его комнате. Там было тепло и радостно, дети быстро выучили русский. Своему бывшему мужу я купила надувную маму, переселила в нее парнишку и была счастлива, наконец, от него избавиться. Он больше не имел ко мне никакого отношения, зато муж теперь имел возможность вызывать его в любой момент.

В марте родился ребенок. Привычка заменять слова отпала: в загсе мне объяснили, что родной язык моего дирижабля вовсе не русский, а сербохорватский, что было уже само по себе универсальной заменой. Теперь нам нужно было выбрать нашей дочери имя. Час спустя ее, наконец, звали Любица — Ян и Сабина выговаривали безупречно. Я была еще не разведена, и муж захотел посмотреть на ребенка: может быть, тот все-таки похож на него. Мой дирижабль не возражал. Я приготовила майский крюшон с ароматными бургбергскими травами. Муж пришел не один, его сопровождали две незнакомые личности — одна мужского, другая женского пола. Поначалу атмосфера была вполне дружелюбной. Потом я попросила у мужа мой ключ от родины — там остались еще кое-какие необходимые мне вещи. Кроме того, раз уж он снова допущен к сбору урожая, я могла бы там сделать уборку: родину тоже нужно время от времени основательно выметать. Да и на парнишку надо посмотреть: как он себя чувствует в своем новом жилище? Чтобы сказать еще что-нибудь хорошее, я рассказала мужу, что с той прогулки по майскому лугу год назад мои измельчавшие мысли становятся все крупнее. А главное — моя подруга Зузи, которая так меня мучила, больше не появляется: как прошла от таблеток строгой аптекарши — так и все. А потом мой муж взял на руки Любицу, мою красивую, белую, почти женственную дочень-

ку, и кивнул незнакомой женщине, которая взяла меня под руку, вывела с родины моего дирижабля на улицу и посадила в машину. Личность мужского пола вскоре появилась за рулем. Через час он привез нас на окруженный забором участок, по которому среди зарослей высоких старых деревьев были разбросаны кирпичные строения. В одном из них мне выделили — и я тут же воскликнула: *«Гудрун!»* — маленькую комнату с решетками на окнах, которую мне до сих пор не разрешается покидать. Раз я не чувствую никакой потребности называть Гудрун родиной, то и никакого ключа от нее висеть у двери не может.

Фрау Ипси и герр Лон

Фрау Ипси несла новый механический блендер, как вдруг ее взгляд упал на урну, в которой замешкалась газета, причем сегодняшняя — фрау Ипси заметила дату, потому что в этот момент на ней были очки для дали. Она украдкой оглянулась и, не увидев никого, кто мог бы стать случайным свидетелем ее порыва, выудила газету из мусорки. Одной рукой засунула добычу в висящую на плече сумку — вторая была оккупирована блендером, упакованным в коробку, которую продавщица обмотала шпагатом и завязала на бантик. Фрау Ипси продела запястье в петли банта. В хозяйственном магазине Майера она отоваривалась с большим удовольствием. Там по-прежнему перевязывали покупки шпагатом, и на нее с тихим шелестом накатывала волна особенных воспоминаний. Она погружалась в них, оказавшись в самой середине, словно в центре расходящихся кругов, и наблюдала, как окружающие ее предметы едва заметно приподнимались и опускались обратно. Она видела себя стоящей рядом с матерью у того самого прилавка и чувствовала, как покрывается гусиной кожей. С того времени прошло пятьдесят лет. Именно мама купила, скопив немного денег, механический блендер. На прошлой неделе, спустя больше двадцати лет после маминой смерти, этот блендер развалился надвое. Расклепался шов, и прибором больше невозможно было пользоваться — пришлось купить новый. Фрау Ипси тоже откладывала деньги заранее, потому что выбранная марка из нержавеющей стали — не какая-нибудь дешевка, которую раз пять помоешь — и уже пятна ржавчины.

С тех пор как фрау Ипси потеряла работу, она не могла себе позволить ежедневную газету и подозревала, что так будет и дальше, пока не придет время спасительной пенсии, но этого ждать еще было, по крайней мере, семь-восемь долгих лет. Так что иногда, если она вдруг замечала выглядывающую из мусорки газету, сразу забирала ее, чтобы почитать за чашечкой кофе: в таких случаях она устраивала себе маленький праздник между пятью и шестью часами вечера. Вообще, она вела точный счет выпиваемого кофе: каждое утро по две чашки, но в такие исключительные дни капитулировала перед собственной слабостью. Главный аргумент, конечно, кровяное давление, но фрау Ипси не знала своего, потому что не так уж часто бывала у врача. Поэтому, если уж день приносил такой подарок — газету — с кроссвордом, рубрикой «Разное», новостями политики, которые тоже прилежно прочитывались от начала до конца, — то она не могла отказаться от наслаждения позволить себе дополнительно две большие чашки кофе.

Сегодня утром фрау Ипси уже успела отварить картошку и пучок зелени для супа и с большим нетерпением предвкушала момент испытания нового блендера. Получился великолепный картофельный суп, приправленный солью и кубиком «Магги». Для полного счастья она еще открыла пакетик взбитых сливок и подмешала туда же. Кофе заварила в чашке при

помощи старого, еще маминого ситечка с фильтром, которое ей когда-то прислала сестра с запада. В качестве украшения на стол постелила салфетку, поставила тарелку в цветочек, кружку с кофе. Налила суп, вычерпав весь до капли, вдохнула аромат, от которого стало еще радостнее. Перед первой ложкой, первым глотком развернула газету, чтобы получать одновременно два удовольствия.

К удивлению фрау Ипси, на первой полосе разместилась критическая статья по поводу американской войны в Ираке — такого рода сообщения она ожидала увидеть только на второй или третьей странице — там, где им и место. Мысли ее унеслись далеко: она представила себя пожилой фройляйн, вынужденной как-то выживать в каком-нибудь иракском городке, например, Фаллудже, раздающей еду женщинам и детям. Картофельный суп, состряпанный при помощи нового блендера, или горячие сосиски с горчицей. С тех пор как сломался ее телевизор, а ремонт все откладывался из-за других, большей частью непредвиденных, трат, ей не хватало картинок чужих мест. Все, что проигрывалось в ее голове, она воспринимала как реальность, и если к статье прилагалось, как сегодня, фото — чтобы привнести частичку воображаемой действительности, она тут же мысленно переносилась в предлагаемые декорации. Пока какая-нибудь новая фотография не помогала сменить задник. *Добрая душа* — всегда называла фрау Ипси ее учительница. За то, что принесла для Хартмута Лэмерхирта штаны, из которых вырос ее брат, за то, что на деньги из своей копилки купила мороженое для Луца Мюллера и семерых его братьев и сестер. Она и сегодня гордилась этим — сегодня, мысленно путешествуя по Фаллудже и неся спасение несчастным.

Она ела. «*Аппетит приходит во время еды*», — всегда говорила ее мать, но это не совсем так, потому что аппетит фрау Ипси по мере насыщения наоборот пропадал, уступая место тихому сытому удовлетворению, так что порой для последних ложек уже не находилось места, и остаток отправлялся обратно в кастрюлю — на завтра. Сегодня же она осилила весь свой супчик. Наконец приступила к кофе, просматривая спортивные новости, — единственное, что почти не вызывало интереса. На этот раз, правда, была напечатана приличная статья про художественную гимнастику. Такое случалось редко, потому что гимнасток в стране уже почти не осталось, а международные соревнования проводились всего два раза в год. То, что она отхватила газету как раз в эти дни, было более чем невероятно. Брачные объявления, как их называла ее мать, фрау Ипси хотела было, как обычно, с чопорной надменной миной пробежать, не задерживаясь, но ее взгляд неожиданно зацепился за объявление в черной рамке с жирным заголовком: «***Стоп!***» Она в самом деле остановилась и прочла следующее: «*Герр Лон, 55, хорошо сложен, вьетнамец, ищет подругу своего возраста. Возможность последующего брака не исключается*». Фрау Ипси охватило странное беспокойство. Никогда в жизни она не помышляла о замужестве, даже когда за ней по пятам ходил Буркхарт, который однажды почти уговорил ее пойти с ним на танцы. Почти, потому что, когда назначенный день настал, у нее началось такое урчание в животе и жуткая тошнота, что Буркхарту пришлось идти одному, а на следующий день он уже демонстративно красовался перед ней с новой девушкой. Фрау Ипси смотрела ему в глаза и удивлялась пренебрежению, которое сквозило в его взгляде.

Герр Лон. Вьетнамец. Вдруг она представила себя в Хошимине, и довольно живо, потому что когда-то видела фильм про войну во Вьетнаме, и город очень хорошо отложился в памяти. Тогда он еще назывался Сайгоном. Герр Лон взял ее за руку и потащил за собой, свернул в маленький переулок, закрыл ей глаза и разрешил открыть, только когда они оказались перед его родительским домом. Поприветствовать их вышла, подтягивая

правую ногу, маленькая старая женщина. При виде невестки из Германии она растрогалась до слез и кликнула своего мужа, который сидел за каменной перегородкой и, видимо, играл в какую-то настольную игру с другим стариком. Мать и отец без конца кланялись фрау Ипси. Потом под навесом поставили маленький столик, приготовили чай, угощали гостью. Первый воображаемый глоток вернул ее из путешествия обратно, потому что кофе, который она все еще держала в руке, стал невкусным. Она отставила чашку, принесла из своих запасов лист хорошей почтовой бумаги, продолговатый двойной конверт и принялась за письмо к герру Лону. Да, она его возраста, а насколько хорошо он сложен, не имеет значения. Вдруг она с изумлением осознала, что не может похвастаться ни детьми, ни, соответственно, внуками, факт отсутствия которых многие годы неизменно оставался за порогом ее сознания, да и теперь удивление по этому поводу она пережила с неожиданной легкостью и без сожаления. Она была одиночкой во всех отношениях, и если не брать во внимание ее бывших коллег, почти все из которых, не имея специального образования, вылетели из сбербанка, круг регулярного общения фрау Ипси ограничивался всего несколькими людьми, с которыми она неплохо ладила. Например, в их число входила фрау Майер из хозяйственного магазина. Это была, кстати, молодая жена внука той самой фрау Майер, которая пятьдесят лет назад обслуживала ее мать. Фрау Ипси заходила туда раз в неделю, чтобы поглазеть на постоянно обновляемый ассортимент и просто поболтать, на что у хозяйки магазина бывало предостаточно времени, потому что посетителей обычно забредает немного. Сегодняшняя покупка блендера — событие в размеренной жизни фрау Ипси из ряда вон выходящее, а тут еще этот герр Лон. Она подписалась: «*С сердечным приветом Ваша фрау Ипси*», при помощи линейки сложила лист втрое, поместила в подготовленный конверт и наклеила красную почтовую марку — всегда держала в доме на всякий случай одну — больше и не надо. Опустив письмо в ящик у здания почты, фрау Ипси предприняла еще одно, третье за этот день, экстраординарное действие. Она зашла в «Баварский двор», погребок в верхней части рыночной площади, и позволила себе яичного ликера.

Фрау Ипси стала ждать. Газета с объявлением лежала под рукой — *не знаешь, когда пригодится,* — на маленьком столике возле ее любимого кресла.

Мысленно она теперь редко путешествовала по Фаллудже или Багдаду, а все чаще уносилась в Хошимин и Ханой, Хюэ и Дананг, останавливалась в маленьких рыбацких деревушках дельты Меконга, разыскивала в горах представителей народности хмонг, о которой она как-то читала, когда еще выписывала газету. Герр Лон молчал. Тем не менее он постепенно приобретал отчетливый облик: по утрам фрау Ипси узнавала его в том пожилом господине, с которым прощалась по вечерам перед тем, как заснуть. В течение дня он то и дело всплывал между уборкой, кухней и вязанием, но когда она выходила из дома, чтобы размять ноги, непременно сопровождал ее всю прогулку и развлекал разговорами, так что встречные прохожие украдкой улыбались, а то и откровенно смеялись. Однажды фрау Ипси увидела руководительница городской социальной службы, на секунду остановилась, достала блокнот и записала: «*Фр. Ипси сдала* — ?», намереваясь в ближайшее время прояснить этот вопрос у местной врачихи. Однако фрау Ипси, общаясь с герром Лоном, наоборот, день ото дня становилась все увереннее в себе и светилась от собственной значимости. Ее прежде втянутые плечи расправились, так что она даже прибавила в росте два с половиной сантиметра, а шаг стал шире и тверже. Идя по улице, она больше не смотрела себе под ноги, а держала голову прямо, время от времени поворачиваясь к герру Лону, который шел рядом. Он тоже становился

с каждым днем все красивее и импозантнее: ростом уже почти дотянулся до своей спутницы, приобрел исключительно мускулистые ноги, а поначалу короткие седые волосы отросли, превратившись в настоящую черную как смоль гриву. Прекрасная пара.

Как-то на исходе третьего месяца ожидания фрау Ипси сидела дома, вооружившись кружкой кофе, как вдруг в дверь позвонили. Она так испугалась, что на какое-то мгновение застыла над страничкой «*Разное*», зависнув на фотографии Макси Попдудай, которая снова вышла замуж и намеревалась на некоторое время покинуть сцену, удалившись от света софитов. Фрау Ипси, не знакомая до сих пор со светом софитов, была ослеплена этим ярким словом, поглотившим лицо Макси, и тут позвонили во второй раз. Взяв себя в руки, фрау Ипси пошла к двери и, открыв ее, остолбенела во второй раз: на лестничной площадке стоял, улыбаясь, маленький седоватый вьетнамец. Он робко, застенчиво протянул для приветствия правую руку, левой сжимал букет красных роз, на запястье болталась сумочка. Фрау Ипси тоже протянула руку. Оба засмеялись. Она приняла цветы и пригласила гостя войти, предложила снять обувь и надеть тапки, которые купила несколько недель назад специально для этого случая. Ваза отсутствовала: в хозяйстве, доставшемся фрау Ипси в наследство от матери, ее не было. Вместо вазы сгодилась банка из-под огурцов, принявшая роскошные красные цветы на высоких стеблях. Фрау Ипси чувствовала себя совершенно естественно, словно с близким человеком: без всякого стеснения положила руку герру Лону на плечо и повела в гостиную, где они уселись друг против друга в два одинаковых старых громоздких кресла. Фрау Ипси попыталась было продолжить начатый сегодня утром на прогулке с герром Лоном разговор, но тот недостаточно хорошо понимал по-немецки, чтобы поддерживать беседу. Заметив это, фрау Ипси, хлопнув себя по лбу, спустилась на землю и принялась, составляя очень простые предложения, расспрашивать гостя о его жизни. Вскоре выяснилось, что в соседнем районном центре герр Лон держит закусочную, что он приехал сюда довольно давно в качестве сопровождающего оравы вьетнамских девушек-уборщиц и смог здесь остаться только потому, что преодолел все возникшие трудности и женился на немке. На вопрос фрау Ипси, где же она теперь, его супруга, в глазах герра Лона, как стайка потревоженных воробьев, зароилось непонимание. Она повторила вопрос медленно и четко. Воробьи угомонились: «Ее нет, *ушла*», — только и ответил он. Теперь он ищет новую жену. Фрау Ипси ему очень понравилась — *да-да*! — он порывисто кивнул и посмотрел на нее снизу вверх, как будто ожидая получить в ответ оплеуху, а фрау Ипси сконфузилась — так, что на секунду потемнело в глазах, кашлянув, схватила лежащую рядом газету трехмесячной давности и, свернув ее, действительно кокетливо с размаху шлепнула гостя. Герр Лон на мгновение замешкался и медленно расплылся в широкой, от уха до уха, улыбке. Приступ смеха распирал его изнутри, он несколько раз резко опустил голову вниз и вдруг, наконец, взорвался. Оба долго не могли успокоиться.

Безмятежность испарилась, как только фрау Ипси подумала о содержимом своего холодильника. Плавленый сырок, открытая упаковка сервелата и два скорчившихся, словно от боли, ломтика черного хлеба — вот все, что залежалось на его полках. Нет, этим угощать герра Лона, владельца закусочной, нельзя. В ее голове замельтешили разнообразные варианты уютного ужина. А герр Лон, словно прочитав ее мысли, вытащил из своей действительно маленькой сумочки две упаковки китайской лапши и пакетик порезанных свежих овощей, быстро залил макароны кипятком, а овощи обжарил на старой чугунной сковороде хозяйки. Немного «Магги» вместо соевого соуса, все перемешать — и вот по квартире фрау Ипси, стены которой уже впали в некоторое старческое оцепенение, разнесся неожиданно

восхитительный аромат, устоять перед которым было невозможно. Фрау Ипси набросилась на еду, съела больше половины и, наконец, откинулась, держась за живот. Герр Лон удовлетворенно кивнул.

Дальше рассказывать почти нечего. Двойная фамилия Ипси-Лон так понравилась обоим, что через полгода они поженились. Герр Лон переехал к фрау Ипси и с этого момента употреблял все свое небольшое свободное время на создание домашнего уюта. Для этого он купил на китайском рынке районного центра ковер на стену и горшок с пластиковым растением. Начал с того, что выкрасил всю квартиру в мягкие пастельные тона. Фрау Ипси нравилось, что ее старое жилище под крышей теперь было заполнено более благоразумно: раньше двух комнат для одной было многовато — зимой приходилось обогревать большое пространство. Ну и наконец, она теперь могла помогать человеку, который зарабатывал свой хлеб собственными руками. Каждое утро они вдвоем ехали в районный центр, и герр Лон не мог нарадоваться на жену с ее настоящим талантом к уборке — теперь можно было больше не опасаться санстанции. В благодарность за это он привозил домой на ужин блюда по выбору фрау Ипси. Очень редко, на Рождество или другие праздники, фрау Ипси доставала блендер и готовила для них двоих свой чудный картофельный суп. А вот что она теперь позволяла себе каждый день, так это торжественный ритуал кофе со свежей газетой, которую герр Лон в качестве подарка выписал к ее пятьдесят шестому дню рождения. Фрау Ипси возвращалась домой после обеда, в то время как герр Лон оставался в закусочной до вечера, так что теперь он был спокоен, зная, что ей есть чем заняться в его отсутствие. Она вырезала, сортировала и раскладывала на столе то, что казалось ей важным, забавным или просто достойным упоминания, таким образом для герра Лона каждый вечер был готов обзор прессы. Фрау Ипси помогала ему читать, благодаря чему он все лучше осваивал немецкий язык.

То самое объявление в три строчки — в черной рамке, с жирным заголовком ***«Стоп!»***, которое однажды зацепило ее блуждающий взгляд, фрау Ипси оформила в паспарту и вставила в деревянную рамочку. Она хранила его в тумбочке у кровати, доставала перед сном и прижимала к сердцу. Только когда холодное стекло согревалось от ее тепла и переставало чувствоваться, она отрывала его от груди и прятала в шуфлядку. Над объявлением фрау Ипси проставила красным карандашом дату его выхода, и когда она представляла, как много газет прошло мимо нее с тех пор, как она досадно потеряла работу, фрау Ипси ликовала при мысли, что именно в тот день проходила со своим новым блендером мимо той мусорки.

Предисловие и перевод с немецкого
Юлии САВРИЦКОЙ.

ВИКТОР ГЕРМЕНЧУК

На службе королю и отечеству

Наука государственного управления всегда испытывала значительный дефицит в источниках по искусству управления государствами. В определенной мере его компенсируют труды крупных государственных деятелей. «Политическое завещание герцога де Ришелье французскому королю» занимает в этом перечне особое место. Армана Жана дю Плесси де Ришелье (1585 — 1642) по праву называют одной из ключевых фигур европейской истории XVII века. Всех поражает, прежде всего, масштаб его личности: глубоко и искренне верующий человек, доктор богословия, епископ, кардинал, один из прелатов католической церкви, интеллектуал, литератор, попечитель наук и искусств, покровитель Сорбонны, основатель Французской академии, парижской военной школы, королевской типографии и первой французской газеты, депутат Генеральных штатов, член Королевского Совета, государственный секретарь, первый министр королевства, герцог и пэр Франции.

Одного перечня званий, должностей и заслуг этого «нетипичного гения» хватит на целую дюжину замечательных людей, чтобы каждого сделать известным и знаменитым. Оценивая основные этапы этой блестящей карьеры, французский историк XIX века О. Тьерри писал, что, проскользнув ко власти под покровом патронажа и ловких интриг, искусной дипломатии и острой борьбы со своими противниками, кардинал Ришелье руководил делами государства по праву гения, «был не столько министром в точном значении этого слова, сколько всеобщим уполномоченным лицом от королевской власти». Долгие 18 лет его деятельность на должности первого министра стали временем возвышения и расцвета французского государства, подготовили во многом «золотой век» Франции и Людовика XIV. Многие историки называют этого «человека в красном» «ниспосланным провидением заместителем слабого правителя», «узурпатором королевской власти» и даже подлинным основателем французского государства.

Сам текст «Политического завещания» Ришелье писал пять последних лет своей жизни, отрывая на это редкие минуты и часы своего свободного времени. Он вручил его французскому королю Людовику XIII буквально накануне своей смерти, проговорив с ним наедине почти десять часов. О содержании этой беседы нетрудно догадаться по содержанию Завещания, тем причинам, которые вызвали его появление. «Если тень моя, которая в завещании явится, поможет способствовать созданию великого нашего государства, то я буду счастлив. Послание мое написано с такой искренностью, что всему миру подаст причины верить, что данные от меня советы Вашему Величеству не имеют другого основания, кроме пользы государства и особы Вашей».

Sic transit gloria mundi (так проходит мирская слава), сетовал в своем трактате монах-мистик XV века. За почти четыре века со времени появления Завещания бурные потоки истории не пощадили величие и достоинство его автора. Каждая новая эпоха начинается с отказа от старых богов и дискредитации прежних куми-

ров. Уже современники стали обвинять Ришелье в эпигонстве, провозгласив учеником и последователем знаменитого флорентийца Н. Макиавелли. Эпоха Просвещения не могла простить ему красной мантии кардинала. Вольтер без видимых на то оснований считал текст его Завещания подлогом. Великим мира сего всегда не нравился назидательный и нравоучительный тон сочинения Ришелье. Завистникам из числа интеллектуалов — мощный творческий гений, служение государству и повиновение королю.

Неожиданные и не всегда верные представления об этом человеке формируют ради «красного словца» или закрученного сюжета многие писатели и авторы многочисленных политических биографий. Обычным клише служит для них наделение своего героя исключительными личными качествами. Честолюбие в сочетании с огромной силой воли, стремление к успеху и славе — эти могучие чувства служат одновременно предпосылкой и оправданием его выдающихся достижений. Однако выделение только этих качеств не позволяет часто отличить настоящего государственного деятеля от самовлюбленного выскочки и карьериста. Не менее важны ценностные основания успешной карьеры, те побудительные мотивы, которые заставляют человека стремиться к власти и нести ее бремя. Самое интересное, что Ришелье сам предсказал в Завещании подобное к себе отношение, когда писал: «Что бы человек ни совершил, общество никогда не будет справедливо к нему. Великий человек, достойно служивший своей стране, сродни приговоренному к смерти. Единственная разница состоит в том, что последнего карают за грехи, а первого — за добродетели».

По мнению большинства современных исследователей, кардинал Ришелье как государственный деятель и политический мыслитель отличался исключительным рационализмом и реализмом. Это всегда звучит как похвала и признание его несомненных заслуг. Хотя иногда возникает вполне закономерный вопрос о составе экспертов и судей, их праве выносить окончательные вердикты. Каждое следующее поколение людей почему-то присваивает себе право вершить суд истории вместо внимательного изучения ее уроков. Современный рациональный разум пытается подчинить мир своим устоявшимся представлениям и желаниям. Эта умственная гордыня сыграла с нами злую шутку, лишила целых пластов знаний и мудрости прошлых веков. Мы особо не утруждаем себя поисками истины. Нам трудно представить, что в каждом веке христианской эры были свои представления о власти и государстве. Мало интересуемся тем, что просвещенные умы предпринимали неоднократные попытки понять подлинное место и роль личности в истории, человека в механизмах государственной власти и управления. Не верим глубоко в наше меркантильное время в честь и достоинство людей. Ищем часто их истоки не столько в светлой, сколько в темной стороне человеческой жизни. Отказываемся признать возможность существования совершенно иной системы рациональности, норм общественной и личной морали, иных побудительных мотивов активной политической и государственной деятельности. Пустыми рассуждениями о том, что было нужно и можно сделать в определенной исторической ситуации, прикрываем свое нежелание по достоинству оценить труды и достижения предшественников.

«Это нечеловеческий труд — управлять Францией», — признавался в конце своей политической карьеры Ришелье, которая была всецело посвящена этому делу. И хотя, по привычке или недоразумению, люди не склонны доверять словам великих людей, четко сформулированная позиция вызывает уважение и заставляет поверить в искренность автора Завещания. Перед лицом вечности ему было незачем лукавить, пытаться кого-то ввести в заблуждение. На этом основании можно утверждать, что Политическое завещание является по праву одним из выдающихся памятников политической мысли. И сегодня нам интересны мысли и рассуждения автора о госу-

дарстве, формах и методах осуществления полезных для общества преобразований, его рекомендации в области организации государственной администрации, подбора необходимых кадров, качествах и достоинствах правителей и государственных служащих, принципах государственного управления и опыте решения актуальных общественных проблем.

Эти предварительные замечания совершенно необходимы для понимания политических взглядов Ришелье, которые формировались исключительно на основе религиозных убеждений людей позднего средневековья. В политической теории того времени, которая развивалась как раздел теологии, еще не существовало различий между личностью правителя и его правлением, королем и государством. Правители были обязаны своим положением Богу, а правительства считались неотъемлемой частью божественного порядка. С этими положениями политической теологии связана глубоко продуманная и прочувствованная преданность Ришелье идее монархии и личности короля. Более того, он считал монархический принцип организации власти самым совершенным из всех существующих. В этом случае правитель не будет, по крайней мере, запятнан грехами приспособленчества и интриганства, примерами которых переполнены анналы истории многих государств.

О короле и задачах государственной власти. В своих рассуждениях о короле Ришелье ссылается на Священное Писание, отцов Церкви и труды многих поколений богословов. Оценивая эти источники, Ф. Бэкон в свое время писал: «Все наставления, даваемые монархам, сводятся, в сущности, к следующим двум напоминаниям: «Momento quod es homo» («Помни, что ты человек») и «Momento quod es Deus» («Помни, что ты Бог») или же «vice Dei» («вместо Бога»). Первый принцип призван обуздывать властолюбие, а второй — своеволие государей. Следуя этой традиции, автор Завещания напоминает, что набожные государи имеют преимущества перед всеми прочими. Они обязаны следовать воле Творца и покоряться его законам. Это позволяет надеяться, что их собственные законы будут соблюдаться, а подданные — подчиняться. При этом королевское благочестие должно быть свободно от колебаний. Излишняя чувствительность совести и опасения прогневить Бога своими действиями заставляют их часто сомневаться и откладывать задуманное. Подобные недостатки куда менее опасны, чем пороки тех, кто преисполнен самонадеянности и презрения к тому, что нужно почитать. «Но, поскольку недостатки остаются недостатками, их надобно исправлять, особенно когда есть уверенность, что от них может произойти множество неприятностей, пагубных для государства». С муками совести в нелегких и спорных вопросах Ришелье советует бороться с помощью духовников-советников, чья квалификация и беспристрастность подтверждена несколькими знающими богословами.

Первооснова управления и государственного благополучия — это утверждение Царства Божия и справедливости в королевстве. Таким образом, идея государства, существующего только ради своего собственного блага, была чужда уже в эпоху Средневековья. Каждый король должен царствовать «мудро, долго и со славой, будучи законом для своего государства, утешением для своих подданных и устрашением для его врагов». Эта истина столь очевидна, что не нуждается в дополнительных доказательствах. «Как не может быть счастливым царствование государя, позволяющего беспорядку и пороку хозяйничать в своем государстве, так и Бог не допустит, чтобы был несчастным правитель, который станет особенно стараться об утверждении Его владычества в своей державе».

Для этого политикой и делами государства должен руководить разум. Человек сотворен разумным, и чем выше он стоит, тем больше внимания должен обращать на этот принцип. Применять его на практике похвально и полезно. Подданные не могут не любить государя, всеми действиями которого руководят разум и забота об их благополучии. Власть принуждает к повиновению силой, а разум склоняет к нему убеждением, что гораздо целесообразнее для руководства людьми. Они будут любить короля из собственной корысти. Так разум становится синонимом государственного интереса, превращается в важнейший инструмент государственного управления.

Повиновение подданных — это наиболее крепкое основание для существования и процветания государств. Они станут всегда неукоснительно подчиняться, если государи тверды и настойчивы в своих указаниях и их реализации. Надлежит действовать решительно, использовать все возможности для достижения цели даже при неблагоприятном развитии событий. «И пусть человек упадет от изнеможения при исполнении своего долга, невзгоды принесут ему счастье, тогда как, напротив, любой успех, который он может снискать, отступив от того, что обязан сделать по чести и совести, должен считаться провалом, ибо никакая выгода не сможет сравниться с потерями, случающимися из-за выбора средства, с помощью которых эта выгода получена». Одним словом, ничто не должно отвлекать людей от хорошего замысла и мешать выполнению разумно принятых решений, единственной целью которых являются государственные интересы. Истинная философия, христианский закон и политика учат этой правде. Большая часть бед, случившихся с Францией, была вызвана слишком тесной приверженностью многих занятых управлением собственными интересами.

Для успешного управления государством необходима прозорливость, то, что мы сегодня определяем как стратегическое лидерство. Предвидение будущего позволяет легко предотвратить многие бедствия, обдумав все заранее. Безразличие к риску — это, пожалуй, самое главное в любом честолюбивом начинании, но только не в государственном управлении. С возможными неприятностями следует поступать, как с врагами государства: лучше выступить им навстречу, чем изгонять, дождавшись их нашествия. «Живущие сегодняшним днем живут счастливо сами по себе, но жить под их руководством — это несчастье». Было время, когда по соображениям осторожности в королевстве вообще не издавали указов. Когда же приходили неприятности, с ними боролись полумерами, что принесло немалые беды. Чтобы не быть застигнутым врасплох, советует Ришелье, даже «спать нужно, как спят львы, то есть не закрывая глаз». Поскольку мудрость и прозорливость всегда имеют свои пределы, часто достаточно знать, что задуманные планы разумны и справедливы, чтобы взяться за их реализацию, выбрав наилучший из возможных способ действий.

Важнейшей составляющей могущества государей является власть над сердцами своих подданных. Она достигается, прежде всего, за счет постоянного внимания и заботы об их благосостоянии. Многие правители древности

предпочитали быть королями французов, нежели королями Франции. Для процветания государства государи и все государственные служащие обязаны прилежно и добросовестно исполнять свои обязанности, не допускать злоупотреблений властью. В соответствии со своим рангом они должны делать гораздо больше других. Помнить, что бездействие в государственных делах, уклонение от выполнения своих должностных обязанностей — это проступок, заслуживающий самого строгого наказания.

Постоянно присутствующая во всех политических трактатах тема «кнута и пряника» в управлении изложена в Завещании в собственной интерпретации его автора. Наказание и вознаграждение — это две вещи, совершенно необходимые для руководства государством, и являются основным принципом управления. Даже если отменить все другие принципы, люди будут исполнять свой долг из страха наказания или надежды на награду. Сам Ришелье отдает приоритет наказанию. Часто лучше обойтись вообще без всякой награды, чем без наказания, поскольку нельзя оставить безнаказанным ни один проступок, не совершив тем самым нового. Речь идет о проступках, умышленно наносящих вред государству. К другим проступкам, совершенным случайно или в результате неудачного стечения обстоятельств, можно проявлять снисхождение. Прощать в подобных случаях — дело похвальное. С этим согласны как богословы, так и политические философы. Однако следует всегда помнить, что люди легко утрачивают память о благодеяниях, а когда они ими осыпаны, то желание иметь еще больше часто делает их честолюбивыми и неблагодарными.

Наказание — вернейшее средство удерживать каждого в рамках своего долга. Проявлять суровость к людям, выставляющим напоказ свое презрение к государственным законам и институтам, означает действовать на благо общества. Безнаказанность открывает дорогу своеволию, стремлению превратить должность в ремесло для извлечения личной выгоды. Поэтому розга, являющаяся символом правосудия, никогда не должна оставаться в праздности. Отдельные люди полагают, что для исправления зла достаточно повторно его запретить. Однако новые суровые законы являются не столько средством наведения порядка в государстве, сколько доказательством слабости государственной администрации. Достаточно определенную позицию занимает Ришелье и в отношении вознаграждения государственных служащих. Награды касаются скорее будущего, чем прошлого. Надлежит делать добро тем, кто больше всех полезен обществу, поощрять их к продолжению добрых дел, а всех остальных — к подражанию и следованию их примеру.

Прочным основанием и преимуществом сильного монархического государства является фундамент из верности и чести, стражами и гарантами которого являются представители аристократического сословия. При этом речь идет в Завещании вовсе не о представителях королевской семьи и ближайшего окружения короля. Даже в условиях смены эпох эти люди «ничего не забыли и ничему не научились». Они претендуют на должности, звания, деньги, милости и льготы только на основе своего «божественного назначения», наследуемой по крови харизмы и права первородства. Ришелье убежден в необходимости иерархической организации власти, где должны учитываться как способности отдельных личностей, так и интересы государства. «Разумный Государь есть великое сокровище в государстве, как и искусный [государственный] Совет, и согласие обоих, ибо от этого зависит все государственное благополучие». Таким образом, вслед за богословами Ришелье склоняется к устойчивому убеждению, что король как глава государства — это «главная среди мирских должность». Это особый, главный министр королевства, служащий общему благу, «сеньор и мэтр единых тел и имущества» своих подданных, который получает королевство не в собственность, а только во владение и управление.

Необходимость привлечения к управлению государством достойных людей Ришелье объясняет рядом обстоятельств. Мало кто из государей способен управлять один. Фома Аквинский писал в свое время, что «правители нуждаются в мудрецах значительно больше, чем мудрецы в правителях». Поэтому «самое дурное правление есть то, что приводится в движение одним лишь разумом государя, каковой, не имея талантов, настолько самонадеян, что ни в грош не ставит любой совет, а наилучшее — такое, где главная движущая сила — ум властителя, который вполне способен править самостоятельно, но настолько скромен и мудр, что ничего не делает без доброго совета, исходя из принципа «одна голова хорошо, а много — лучше». «И если государства, управляемые мудрецами, всегда считались вполне благополучными, то среди правителей самыми счастливыми называли как раз наименее мудрых».

Вторая причина, на которую Ришелье обращает особое внимание, это проблема здоровья государя. Слабое здоровье Людовика XIII, например, ни для кого не являлось секретом и свело его в могилу в неполных 42 года от роду. Для сохранения здоровья монарха нужна его твердая воля следовать некоторым мудрым советам, которые не только полезны, но и необходимы. Следует просто избегать по возможности излишних волнений и чувствительности, которые приводят в расстройство весь организм, и при необходимости лечиться, прибегая к помощи специалистов. Многое может измениться, после того как кипучие страсти бурной молодости сменятся хладнокровием зрелого возраста. Однако всегда необходимо проявлять здоровый рационализм, заниматься только действительно делами государственного значения, оставив все мелкие заботы своим помощникам. Пока не придумано более действенного средства, чтобы «оградить себя от многих печалей, бесполезных для государственных дел и чрезвычайно вредных для здоровья».

Многие государственные дела могут и должны быть сделаны другими людьми. Умение устроить так, чтобы эти люди достойно служили государству, — важнейшее качество для великого короля. Как и способность щедро вознаграждать их, благодарить добрым словом и милостями за верную службу. Доверие и требовательность к исполнителям королевской воли тоже должны отличаться уважением и умеренностью. Не секрет, что «в великих делах результаты никогда точно не соответствуют отданным распоряжениям». Исполнителям скорее нужно сочувствовать, когда их огромные усилия и труды не приводят к желаемому успеху, а не вменять в вину неблагоприятное развитие событий и примерно наказывать. А еще необходимо проявлять сдержанность, не допускать слишком откровенных рассуждений о недостатках конкретных должностных лиц. «Язык государей часто причиняет им больше вреда, чем неприятельское оружие», делает раны почти неисцелимыми. «Великие короли, осмелюсь сказать, никогда не должны обижать словами простых людей, не могущих сравниться с ними в величии».

Одновременно разум и опыт велят государям закрывать свои уши от злословия и клеветы на своих помощников, прогонять и высылать тех, кто этим занимается, «отравляя слух, ум и душу всех вокруг себя». Следует скорее остерегаться интриг лакея, который захочет Вас обмануть, нежели всех заговоров вельмож в королевстве, даже если все они преследуют одну и ту же цель. Уши государей должны быть постоянно открыты для выслушивания истин и информации, полезных для государства. Если язык следует придерживать, чтобы словами не нанести вреда чьей-либо репутации, то также следует давать ему волю смело высказываться, когда речь идет о государственных интересах.

Королевская воля должна быть сформулирована всегда четко и ясно, даже если она не всем нравится. Всякие колебания расцениваются как слабости, которые не могут позволить себе великие государи, в отличие

от простых людей. Их сомнения часто служат поводом и оправданием для непослушания подданных и аристократов, дерзость которых может выйти за все мыслимые и немыслимые пределы. Это способствует возникновению мятежей и заговоров, которые расшатывают устои государства. Необходимо обладать достаточным мужеством, чтобы совершать все поступки только под влиянием рассудка, который является единственным союзником в любых обстоятельствах. Стремление государей руководствоваться своими человеческими слабостями, побуждениями и наклонностями приводит часто к великим неприятностям. Занимая ту или иную сторону в придворных интригах, спорах и раздорах, они утрачивают право называться верховными судьями и правителями.

О роли различных сословий государства. Главное основание прочности государства, по словам Ришелье, — это упорядоченное соединение всех его сословий. На первом месте — Церковь и духовенство, на втором — дворянство, а на третьем — чиновники и народ. Все должны занимать свое место, предназначенное им природой, и не создавать проблем для других. Значительный интерес представляют его советы по развитию сословий, повышению их вклада в укрепление государства и королевской власти. Так, за десятилетия войн и неурядиц во Франции общество столкнулось с крайней распущенностью нравов среди духовенства в мужских и женских монастырях. Он предлагает примерно наказать всех, чье поведение выходит за рамки приличий, и призвать к управлению церковными делами людей подлинно добропорядочных. Особенно тщательно советует подбирать новых епископов. Кроме учености, достойной этого звания, обращать внимание на рвение, мужество, зоркость, благочестие, милосердие и трудолюбие. Хороший епископ обязан отличаться смирением и милосердием, набожностью и стойкостью, горячей преданностью Церкви и неукротимым стремлением к спасению душ своей паствы. Призвание к данному роду деятельности должно дополняться хорошим образованием, умениями и навыками выполнять это самое трудное и важное дело на свете. Предлагает в этой связи обратить особое внимание на тех представителей духовенства, которые после завершения собственного образования посвятили значительное время работе в семинариях по подготовке новых священников.

Кардинал особо предупреждает о возможных ошибках в этом важном и тонком деле и связанных с ним разочарованиях. Ибо «почти невозможно проникнуть в душу человека или добиться от него постоянства. Со сменой положения люди часто меняют и нравы, обнаруживают такие черты характера, которые они скрывали, дабы достичь своих целей. Обретая желаемое, они не считают нужным прятать свои всегдашние пороки». Поэтому при подборе епископов лучше всего не иметь единого общего правила. «Выбирать то ученых мужей, то менее образованных, но более знатных, в иных случаях — молодых, в других — пожилых, лишь бы все эти различные люди оказались пригодны для руководящих должностей». Более других добродетелей должны цениться нравственность и знатное происхождение, связанные с ним авторитет, честь и благородство, которые помогают правильно поступать и обходиться с людьми, вести образ жизни, достойный сана и положения в обществе.

Становым хребтом государства, способствующим его сохранению и упрочению, всегда было и останется дворянство. Доблесть и храбрость, их готовность по доброй воле отдавать жизнь за государство требуют соответствующего отношения к этому сословию. Однако на деле оно часто унижено и буквально стонет от притеснений со стороны многочисленных чиновников. Дворян надо защищать и поддерживать. В первую очередь тех, кто постоянно доказывает свою доблесть, служит государству во время войны. Необходимо всячески стараться, чтобы за ними сохранялось имущество,

доставшееся по наследству, и предоставлять возможность его приумножить. Тщательно следить за тем, чтобы дворяне оставались верными истинной доблести своих отцов, приучать к дисциплине, сурово пресекать все их попытки применять насилие против собственного народа, растрачивать свои силы и жертвовать жизнью в бессмысленных развлечениях и дуэлях. Те, кто уклоняется от своих прямых обязанностей, заслуживают лишения всех преимуществ происхождения и должны разделить ношу простого народа.

Для возвышения и сохранения статуса и достоинства придворного и поместного дворянства будет очень полезна борьба с излишней роскошью при королевском дворе. Сегодня она требует непомерных затрат, которых многие не могут себе позволить из-за угрозы разорения. Для них эта мера станет таким же благом, как и пожалованные пенсионы и жалованья за безупречную службу. К пользе и чести дворянского сословия станет также отмена практики продажи государственных и всех военных должностей, которые это сословие сполна оплачивает своей кровью, однако может добиться только ценой разорения. Одновременно следует закрыть доступ ко двору для тех, кто не может похвастаться своим благородным происхождением и рассчитывает только на толщину кошелька или мошну своих кредиторов, зависимость от которых всегда опасна для государства.

Особое внимание уделено в Завещании третьему сословию королевства, в состав которого входили в то время сообщества чиновников от правосудия и финансов, а также народ, который нес на себе почти все повинности и тяготы государства. В условиях зарождения абсолютистского государства, перехода от косвенного к прямому управлению всеми делами общества с помощью бюрократического аппарата Ришелье с опасением наблюдал за постоянным ростом численности и влияния чиновничьей корпорации. Используя свои преимущества в образовании и опыте решения государственных проблем, «дворянство мантии» значительно потеснило представителей «дворянства шпаги», заняло ключевые позиции в реализации внутренней и внешней политики государства. На этом основании они стали претендовать на первое место в статусе, сословном представительстве и привилегиях.

Одновременно общество столкнулось со всеми пороками и недостатками новой бюрократической системы. Безобразия, творящиеся в судебной системе, например, дошли, по словам Ришелье, до такой черты, что их гораздо легче признать, чем найти средства для исправления. Более того, создается впечатление, что лица, призванные сохранять справедливое равновесие во всех делах, настолько перетянули одну чашу весов в свою пользу, что этому нет никакого противовеса. Для прекращения беспорядка в системе правосудия Ришелье советует королю назначать и ценить судейских чиновников за их достоинства и безупречную репутацию и примерно наказывать тех, кто злоупотребляет своим служебным положением и торгует правосудием во вред подданным королевства. Пусть законы не всегда правильные, но если чиновники люди порядочные, их честностью можно несколько компенсировать эти недостатки. Занятию должностей в судебном ведомстве должны предшествовать годы долгой и упорной учебы и работы. При этом следует положить конец привычке некоторых ученых мужей и преподавателей университетов обучать молодых людей юридической казуистике, прививать им способность обманывать общество, обманывая при этом самих себя. Изгнание как одних, так и других принесло бы немалую пользу, однако не столько за счет новых законов и создания чрезвычайных комиссий, сколько повышения общей культуры в системе правосудия и надлежащего отношения к обычным людям.

Судейское сословие не должно вмешиваться ни в какие другие дела, кроме отправления правосудия. Наиболее мудрые государи всегда прекрасно понимали угрозу со стороны представителей этого могущественного

ведомства, невежество представителей которого по части практического руководства государством сравнимо только с их высоким мнением о себе как о знатоках теории государственного управления. «Всякая властная инстанция, занимающая подчиненное положение, всегда с завистью взирает на вышестоящую, и хотя спорить с ней в силе она не осмеливается, однако дерзает подвергать ее решения порицанию».

Подробно останавливается Ришелье на чиновниках финансового ведомства, которые составляли особую группу, «для государства вредную, но все-таки необходимую». Это требует некоторых дополнительных пояснений. Во Франции этого периода под финансистами подразумеваются как чиновники финансового ведомства, так и кредиторы правительства, в том числе высокопоставленные чиновники, которые покупали должности, дававшие доступ к управлению государственными финансами. Откупщиками являлись лица, бравшие на откуп сбор налогов, определенную сумму от которых они, согласно договору, направляли в казну. Их жажда обогащения иногда заходила за все мыслимые пределы и подтверждается обычно сведениями о чрезмерных богатствах, накопленных за непродолжительное время. Однако всегда трудно было определить, кто больше виноват: система или люди ее представляющие. Неудивительно, что Ришелье проявляет осторожность в своих оценках и рекомендациях по борьбе с этими «пиявками», которые с одной стороны успешно пополняют казну государства, а с другой — не забывают о собственной выгоде. Всегда следует внимательно разбираться с обоснованностью жалоб на чиновников. Их богатство нельзя объяснять исключительно воровством и ловкостью рук. Многие приобретают его благодаря своей бережливости либо по милости своего повелителя за оказанные услуги, которые выгодны подданным и полезны государственной казне.

Однако, когда пороки этих людей задевают основы общественной морали и нравственности, их необходимо вернуть в приемлемые границы. Иначе, в конце концов, они доведут королевство до разорения. Существует еще одна опасность, которую нельзя игнорировать. Богатство финансистов позволяет им часто породниться с лучшими домами королевства, что приводит к их вырождению и плодит лишь «метисов», очень далеких от благородства их предков. Ришелье категорически против различного рода особых договоров и соглашений с запятнавшими свою честь финансистами, которые иногда практикуются. Это лекарство страшнее самой болезни, так как предоставляется им право вновь приняться за воровство в надежде на новую милость. Необходимо исправить все нарушения, допускаемые финансистами, сократить их число до минимума и поручать эту службу людям порядочным. Одновременно обеспечить необходимый контроль, карать за проступки и примерно вознаграждать за проделанную работу и хорошие результаты.

Весьма показательны взгляды Ришелье в отношении народа с точки зрения государственного интереса и задач управления. Очевидно, что они не найдут поддержки у современных либералов и поборников прав человека. Очевидно, специально для них он делает оговорку: «Все политики сходятся во мнении, что если бы народ жил в слишком большом достатке, то было бы невозможно держать его в повиновении». Народ по определению является основным податным сословием. Поэтому благоразумие не позволяет освободить его от этих тягот. Утратив их, он забудет о своем подчиненном положении и необходимости повиновения. Нужда, отсутствие необходимого образования и воспитания народа являются лучшими гарантиями его верности существующему порядку. Более того, простой человек портится от продолжительного отдыха сильнее, чем от работы. Однако груз ответственности податного сословия должен быть сопоставим

с его силами. Это соотношение необходимо соблюдать со всей строгостью. Даже «во времена большой нужды для государства верховные правители должны, насколько это возможно, взять сперва от изобилия богатых, прежде чем до крайности обескровить бедняков».

Важным средством развития всех сословий и наилучшим украшением любого государства является, по мнению Ришелье, развитие наук и искусств. Невежество причиняет огромный вред обществу. Поэтому образование совершено необходимо. Однако не следует обучать всех без разбора. Более того, как сын своего времени и практик управления, он считает вредным и пагубным для государства всеобщее образование, когда все его жители станут учеными. Исчезнет послушание, а кичливость и чванство превратятся в обычное явление. Некому будет заниматься ремеслами, торговлей и сельским хозяйством, которые делают государства богатыми. Это скажется отрицательно на источниках пополнения армии, которые коренятся скорее «в грубости невежества, чем в утонченности знаний». Не менее показательно и его отношение к подготовке в университетах нового поколения управленческих кадров. Широкое образование наводнило бы Францию крючкотворами, более способными разорять семейства и возмущать общественное спокойствие, нежели приносить благо государству. Численность сеющих сомнения может превысить число способных их разрешать.

Формулируя задачи системы образования, он подчеркивал необходимость иметь в хорошо устроенном государстве «больше наставников технических дисциплин, чем свободных искусств». С результатами их деятельности связано, прежде всего, развитие индустрии, торговли и военного искусства. Предостерегает от увлечения созданием большого количества колледжей, для которых невозможно найти достаточное число преподавателей, достойных и ученых людей, которые будут «поддерживать огонь храма мудрости в его чистоте», и детей с природной склонностью к учебе. В результате у всех учащихся окажутся поверхностные знания: у одних потому, что они не способны на большее, у других — потому, что их плохо учили.

Свое мнение высказывает Ришелье в затянувшимся на века споре между университетами и иезуитами в вопросе о том, кому должно принадлежать преимущество в обучении и воспитании молодежи. Он выступает в поддержку университетов, которые по праву занимались и занимаются этим ремеслом, хотя и грешат часто своим высокомерием и консерватизмом, претендуют согласно теории translatio studii на первое место среди королевских советников. Иезуиты, славящиеся своим благочестием и ученостью, тоже могут принести великую пользу обществу. Однако этому ордену нельзя полностью поручить образование молодежи, не опасаясь наделить его силой, опасной для государства. Все руководящие посты и ранги в нем могут оказаться, в конце концов, заняты их учениками. Эти подозрения были связаны с обетом слепого послушания иезуитов своему руководителю и возможностью использовать в неблаговидных целях тайну исповеди. Чем преданнее какое-либо сообщество своему руководству, тем большие опасения оно должно внушать. По законам правильной политики это просто недопустимо. Ни одно из государств не пожелало отдать науки и обучение своего молодого поколения целиком в распоряжение этого ордена. Самым разумным решением является предоставление общего права заниматься воспитанием молодежи, чтобы соперничество между ними закаляло их добродетели и стремление к совершенству.

Для повышения вклада науки и образования в развитие государства и общества все выпускники университетов и обладатели ученых степеней должны получать преимущества при трудоустройстве. Нужно постоянно бороться со злоупотреблениями, поставить заслон тем, кто получает ученые степени лишь благодаря своему кошельку или должностному положе-

нию. Названным преимуществом могут воспользоваться только те доктора и лиценциаты богословия, которые получили свои степени на соответствующих факультетах и в течение долгого времени проповедует Слово Божье или преподают богословие. Подобной привилегией перед обычными магистрами наук должны располагать доктора и лиценциаты права. Степени магистра наук и степени по гражданскому и каноническому праву можно получать только в том университете, где соискатель проходил обучение, действительно прослушал полный курс философии или три полных года проучился в школе права и публично продемонстрировал свои знания. Если строго соблюдать этот порядок, то успехи в науках будут обязательно вознаграждены, а невежество наказано, чем бы оно ни прикрывалось.

От государева двора к государственной службе. Ришелье убежденный сторонник элитаризма в государственном управлении. По его словам, одна из самых больших бед государства состоит в том, что всякий норовит взяться за дела, которыми он не может заниматься, не совершив ошибки. «Солдат рассуждает о том, как следовало бы поступить его капитану, а капитан — о воображаемых недостатках полковника, полковник находит повод для критики генерала, а генерал порицает и осуждает политику двора, и никто из них не занимается своим делом и не думает выполнять свои». Редко обладают качествами, необходимыми на государственной службе, лица низкого происхождения. Добродетель человека, принадлежащего к хорошему роду, отмечена большим благородством, нежели человека незнатного. А материальный достаток является превосходным украшением для чинов, которые немало выигрывают от внешнего блеска. Неимущий государственный чиновник должен обладать поистине закаленным характером, который не позволит ему идти на поводу у собственной корысти. Опыт учит, что богатые менее склонны к мздоимству, а бедность заставляет чиновника думать о побочном доходе.

Невежество и некомпетентность — серьезные изъяны в системе власти и настоящее бедствие для народа. Необходимы серьезные усилия, «чтобы дать обществу хорошее управление». Нужны люди, которые будут целиком отдавать себя службе государю и общему благу. Мечтой Ришелье было объединение в чиновнике всех лучших профессиональных, деловых и личных качеств. Усердие человека, посвятившего себя государственной службе, требует от него быть привязанным к ней духом, мыслями и чувствами, чтобы получать наивысшее удовольствие от успехов своей деятельности и государственной пользы. Одновременно он прекрасно видел все препятствия на путях перехода от иерархии рождения к иерархии достоинств и заслуг, формирования на этой принципиально новой основе просвещенного, мудрого и эффективного руководства государственными делами.

Большинство причин бедственного состояния государственного аппарата были хорошо известны. Отрицательные последствия имела практика раздачи должностей по милости короля и прихоти его фаворитов. В ближайшее окружение короля проникли люди, которые раньше не смели думать и о куда более скромных чинах. Поэтому следует проводить различия между милостями, которыми выражают признательность за службу, и королевским благоволением. Если последние должны даваться весьма умеренно, то первым не следует ставить никаких пределов. Правители обязаны быть щедрыми в отношении людей, которые служат им верой и правдой.

Основные должности и высокие ранги в государстве должны принадлежать людям достойным и пользующимся всеобщим уважением. Искать их следует по всему государству, а не брать из толпы, которая всегда теснится у двери королевского кабинета или в приемной фаворитов. Многие государи погубили себя тем, что личные пристрастия ставили выше государственных интересов. Одно из величайших благ для госу-

дарства — дать каждому такое занятие, к какому он пригоден. Из-за бездарности должностных лиц на государства обрушиваются неисчислимые беды. Необходимо самым тщательным образом подбирать исполнителей, поручая им исключительно такие обязанности, к выполнению которых они пригодны. Помнить о том, что человек, способный сослужить хорошую службу обществу в одном качестве, может также навредить ему в другом. Опасно ставить на главные посты в государстве людей неопытных, давая им возможность пробовать свои силы в делах, где требуется вмешательство мастеров и высшее искусство. Трудно встретить людей, обладающих всеми качествами, необходимыми для исполнения таких должностей. Поэтому нужно, чтобы они имели, по крайней мере, главные из этих качеств, были выбраны лучшие из тех, что предлагает наш бесплодный век. Важно назначать на первые придворные должности только людей благородных, обладающих необходимыми знаниями и умениями для достойного исполнения своих обязанностей. Активно использовать для этих целей представителей дворянства, что поднимет их авторитет и повысит преданность королю.

Плохую услугу королевству оказывает практика продажи и наследования церковных, государственных и военных должностей. Наиболее верное средство выхода из этого тупика, по мнению большинства, состоит в ее отмене. Должности следует предлагать бесплатно людям, чьи способности и порядочность не могут быть оспорены даже завистниками. Считая этот шаг вполне справедливым, Ришелье прогнозирует, однако, новые осложнения и злоупотребления. Неблагоразумно отменять прежние решения только потому, что они старые. Чаще всего это была продуманная и вполне целесообразная политика. Отказ от бесплатной раздачи должностей был продиктован в XV веке соображениями государственной пользы. Они стали постоянным источником дохода государства, а цена должности и боязнь ее потерять являлись неплохой гарантией преданности чиновников. Решение об упразднении продажи и наследования должностей приведет к разжиганию интриг и распрей. Если распределение должностей станет зависеть исключительно от желания короля, неизбежно появление протекции и ловкости тех лиц из королевского окружения, кто приобретет на него наибольшее влияние. Многие люди пожелают оставить свое ремесло, будучи ослеплены сиянием титулов и званий, и ринутся навстречу должностям и собственному краху. Не исключено, что отдельные чиновничьи посты займут лица низкого происхождения, «более обремененные латынью, чем имуществом».

В данном случае Ришелье имеет в виду затянувшуюся на десятилетия жесткую полемику между выпускниками теологических, юридических и философских факультетов французских университетов и их соперничество за место у трона короля. Теологи напоминали, со ссылками на отцов Церкви, что главное знание в искусстве управления — это Священное Писание. Поэтому они по праву должны быть главными советниками, как знатоки и судьи в защите веры и изгнании ереси. Особенно доставалось от них потенциальным соперникам — юристам. Их называли «идиотами в политике», обвиняли в ложном, оторванном от жизни знании, стремлении познать истину разумом, а не верой. По мнению юристов, священники должны быть со своей паствой, служить Богу и молиться за короля, заботиться о спасении душ подданных. Их двойное подчинение королю и Папе Римскому даже опасно для короны. Не следует привлекать к управлению и философов, несмотря на их высокое мнение о своих достоинствах. Мир управляется не ими и живет не по их советам. «Опыт начало всего, а каждый по опыту знает, кто больший идиот, юрист или философ». Совет кардинала мудр и категоричен: чтобы справиться с делами, нужно вначале справиться с мыслями.

Несмотря на все недостатки старой практики торговли должностями, Ришелье не спешит с реформами. Указывает, что на самом деле открыла доро-

гу невежеству и пороку на государственной службе вовсе не продажа должностей, а слабая работа генеральных прокуроров, которым в соответствии с законами была поручена проверка образа жизни, лояльности и способностей кандидатов на должности. Виноваты и чиновничьи корпорации, которые выносят суждения о способностях и достоинствах кандидатов и должны были отказывать тем, кто не удовлетворяет выставляемым условиям.

Чтобы заслуги и добродетели стали единственной платой за чины нужны серьезная предварительная подготовка и создание необходимых условий. Ришелье призывает учитывать три обстоятельства. Преждевременная отмена прежней практики продажи должностей чревата возникновением новых проблем, которые могут оказаться куда сложнее прежних. Множество недостойных людей окажется у власти, чтобы использовать ее в ущерб государственным интересам. Поскольку человеческая добродетель недостаточно сильна, то лучше оставить продажу должностей и годовой сбор с чиновников, чтобы не вызвать потрясения в государстве. Интересен и его совет тем государственным деятелям, которые придут следом. «При образовании нового государства было бы преступным не запретить в нем продажу государственных должностей, ибо в этом случае разум велит установить самые совершенные законы, какие только могут существовать в человеческом обществе. Но осторожность не позволяет поступать таким же образом в условиях древней монархии, несовершенства которой вошли в обычай, а беспорядок стал (не без пользы) частью государственного устройства». Дурные обычаи, введенные в силу общественной необходимости, могут быть реформированы лишь с течением времени. Людей следует отучать от них постепенно, а не впадать из одной крайности в другую. Как известно, принцип назначения чиновников на должности и продвижения их по службе на конкурсной основе был введен во Франции лишь в начале XIX века Наполеоном I. Интересно и то обстоятельство, что из всех педагогических систем по подготовке государственных служащих он выбрал методику иезуитских школ.

Так же практично относится Ришелье к проблеме назначения и сменяемости губернаторов. Предложение менять их каждые три года при всей своей внешней привлекательности чревато множеством затруднений. Сохранение бессменных губернаторств может способствовать сепаратизму, возникновению достаточно сильного желания утвердиться на должности навсегда и превратиться из подданного в повелителя. Назначение руководить на три года заставит многих больше думать о делах, чтобы покинуть свой пост с незапятнанной репутацией и претендовать на новые должности. Хотя не исключена и другая ситуация. Всегда найдутся испорченные люди, которые, предвидя скорый конец своей служебной карьеры, пожелают извлечь из должности всю возможную прибыль. Практике ротации должны предшествовать меры по учету всех людей, которые могут прийти на смену. Следует продумать меры по эффективному использованию освободившихся работников, чтобы не было причин для их недовольства.

Интересно мнение Ришелье по проблеме наследования должностей, т. е. работе с резервом кадров в современном понимании. Эта практика была достаточно широко распространена во французском королевстве. Назначения наследников производились как против желания владельцев должностей, так и с их согласия. Преемник таким способом приобщался к должности, приобретал необходимый опыт государственного управления. Однако подобные назначения вступают часто в противоречие с разумом и здравым смыслом. «Всякий скажет, что совершенно несправедливо назначать преемника живому человеку против воли последнего, ибо тем самым жизнь его ставится под угрозу из-за возможных происков лица, которому выгодна его смерть, а страх, который вполне может его охватить, способен смерть ускорить». Даже согласие обладателя должности не может оправдать этот обычай. Еще

опаснее, когда чины и должности записываются на детей. Такие милости задевают интересы государства и вызывают протесты обыкновенных граждан. Наследственное право вступает в противоречие с государственным интересом. Для блага государства важно, чтобы при произведении в чины больше учитывались достоинства и заслуги кандидата, чем лица, просящего для себя преемника. Протекция, оказанная одним, заставляет не считаться с достоинствами других и должна быть отменена.

Самым сильным средством для исправления запустения и беспорядка в государственных делах и постепенного перехода к новой системе государственной службы Ришелье называет добрую волю короля. «Ибо желать и делать в данном случае значит одно и то же». Начинать преобразования он советует с королевского двора и государственного совета. Подчеркивает, что трудно навести должный порядок в государстве, не научившись управлять собственным хозяйством. По всем законам искусства и правилам дисциплины следует всегда начинать работу с того, что дается легче всего. «Кто с малым делом не справляется, тот с большим не справится и подавно». Для этого предлагает постепенно отменить продажу должностей и бесплатно пожаловать достойным людям то, что сегодня продается с публичных торгов. И хотя от подобных перемен кто-то и пострадает, дворянство в целом от них выиграет. Это заставит их воспитывать в себе те добродетели, которые в нынешнем веке оказались в почете, ибо цену всему определяли только в деньгах. Одновременно можно найти множество способов материальной компенсации потерь для лиц, достойных исключения из общего правила, чтобы не давать повода для справедливых жалоб.

Критерии подбора высших должностных лиц. Практический ум и богатый опыт государственной деятельности Ришелье с блеском проявляется в советах королю по подбору советников, министров Франции. Для идеального королевского советника, по его мнению, требуются многие положительные качества. Однако главными из них являются: способности, преданность, мужество и усердие.

Способности должны включать широту и твердость духа, крепость рассудка как основы благоразумия, минимальные знания гуманитарных наук, общие представления об истории и состоянии всех государств и своего собственного. Чем талантливее человек, тем больше он ощущает возложенное на него бремя государственного управления. Однако следует избегать педантичных излишеств и стремления управлять по правилам, вычитанным из книг. При подборе таких людей нужно руководствоваться как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, самые великие умы скорее опасны, нежели полезны для управления делами. Они полны идей, однако в их решениях мало последовательности, разборчивости и постоянства. Рассудительность в государственных делах часто важнее широты ума. Во-вторых, одним из величайшим пороков в государственном деятеле является самомнение. Оно мешает общению и совету с другими, приводит часто к серьезным ошибкам. Благоразумие подсказывает, что талант человека необходимо сочетать со скромностью, готовностью выслушать и правильно оценить точку зрения коллег и оппонентов. «Хорошие советы полезны сами по себе, а дурные — тем, что подтверждают хорошие».

Преданность хорошего советника связана с его порядочностью и заключается в неукоснительном соблюдении законов Бога и предписанных честью человеческой. «Недостаток совести является истинным источником всех несовершенств человеческих». Верность Богу, государству, обществу, людям и самому себе обеспечивают необходимую беспристрастность во всех делах. Она уберегает от боязливой щепетильности, подверженной колебаниям, несправедливости и жестокости, сомнений и неуверенности в себе, которые часто губят государства. Совесть противостоит излиш-

ней суровости и отзывчивости, которые мешают объективно разобраться в делах, позволяет смело отвергать необоснованные требования. Однако она не чужда строгости, которая необходима во многих случаях.

Нельзя наделять властью человека злопамятного и мстительного, склонного к корысти и пристрастиям. Порядочность государственного советника должна быть деятельной, направленной на решение актуальных для общества задач, подтверждаться необходимой твердостью убеждений и добрыми намерениями. Это позволяет советнику не обращать внимания на клевету и другие препоны, стремиться всегда поступать правильно, не рассчитывая ни на какое другое вознаграждение, кроме доброй славы и безупречной репутации.

Важным качеством является мужество государственного советника. Речь идет вовсе не о бесстрашии человека и его способности презирать всякую опасность. Это верный путь погубить государство. На службе королю следует почти во всех случаях действовать с осмотрительностью, учетом возможностей, времени и обстоятельств. Это такое мужество, которое позволяет не только принимать правильные решения на благо общества, но и настойчиво выполнять уже принятые. Оно требует постоянного воодушевления, упорства, твердости, помогающих стойко переносить все напасти и превратности судьбы, противостоять зависти, ненависти и другим неприятностям, которые обыкновенно выпадают на долю тех, кто управляет государственными делами.

Усердие человека, посвятившего себя государственной службе, требует от него быть привязанным к ней духом, мыслями и чувствами, чтобы получать наивысшее удовольствие от успехов своей деятельности и государственной пользы. Характер государственных дел, связанный с постоянными перегрузками, подразумевает и время для отдыха, восстановления умственных и физических сил, занятий всякими приличными развлечениями, которые, однако, не должны отвлекать от главных занятий.

Сила и здоровье государственных чиновников тоже великое благо, когда они в сочетании с умственными и душевными качествами помогают им исполнять свои обязанностей. «Признаюсь, впрочем, что меня часто посещало искушение оставить деятельность по управлению государством по причине моего слабого здоровья, которое сделалось так хрупко, что мне было почти невозможно не изнурять себя часто до последней крайности». Однако именно голова, а не руки, правит и руководит государством. Поэтому, по словам Ришелье, целесообразно иметь чиновников как пожилых, так и молодых. Рассудительность первых будет способствовать наставлению вторых, а энергичность молодых необходима для того, чтобы вселять бодрость в стариков и побуждать их к работе. Поскольку именно корысть обычно заставляет людей предаваться различного рода служебным злоупотреблениям, он советует обратить особое внимание при подборе советников на лиц духовного звания. Они часто предпочтительнее многих других, когда речь идет о высоких чинах. Понятно, что не сутана украшает духовенство. Однако они менее склонны к корысти, потому что у них меньше интересов по сравнению с другими людьми, ибо, не имея жен и детей, свободны от таких цепей, которые привязывают всего прочнее. Ссылается он и на историю Франции, за время существования которой среди ее канцлеров было 35 священников. Этим его советом воспользовались всего один раз. Буквально на следующий день после смерти Ришелье главой Королевского совета был назначен кардинал Джулио Мазарини.

Интересны замечания Ришелье о достаточно личных и интимных сторонах деятельности советников-министров, которые, впрочем, соответствуют придворным вкусам и нравам его времени. Ничто не отражается так плохо на усердии, необходимом для занятия государственными делами, как привя-

занность к женскому полу. «Раз женщина погубила мир, то ничто не может навредить государствам больше, чем женский пол, поскольку, забрав власть над теми, кто оными правит, женщины часто побуждают их действовать так, как им самим заблагорассудится, и следовательно, неправильно». Можно, конечно, управлять своими «необузданными влечениями», но таких людей немного. Поэтому женщин следует избегать и не привлекать к государственному управлению, чтобы добиться во всех делах гораздо большего.

Чтобы успешно работать, следует разумно распределять свое время. Одни часы работы посвящать отдаче письменных распоряжений, а другие — приему посетителей. Относиться к последним с такой учтивостью и уважением, как того требует их положение и звание людей. Характер государственных дел таков, что часто многим людям приходится отказывать. Однако все они вправе рассчитывать на необходимую в таких случаях вежливость и отсутствие грубости «выражением лица или словом».

Разумное сочетание всех перечисленных качеств — основание для успешной служебной карьеры. Именно они рождают «почтительную смелость» высказывать королям то, что имеет для них большую пользу, хотя и не всегда нравится. «Называю смелость почтительной, потому что если она не будет соответствовать принятым формам и всегда носить уважительный характер, то, вместо того чтобы попасть в разряд достоинств государственного советника, станет одним из его недостатков». С королями следует разговаривать мягко и указывать на их промахи тактично, наедине, с искренним желанием все исправить.

Интересно, что еще в молодости, на заре своей политической карьеры Ришелье написал «Наставления и правила, которыми я намерен руководствоваться, когда буду состоять при дворе», которые характеризуют его как тонкого психолога. «Надлежит почаще повторять королю, что для верноподданного нет ничего трудного или невозможного на службе у такого доброго государя и такого великого монарха. Важнее всего наблюдать, откуда именно дует ветер, и не мозолить королю глаза, когда он в дурном расположении духа. При дворе следует мало говорить и как можно внимательнее слушать. Надо высказывать живейшее сочувствие к предмету, о котором идет речь, но проявлять это сочувствие более вниманием и молчанием, чем словами. Особенно важно заручиться расположением таких служащих, которые в чем-либо могут пригодиться. Письма, которые опасно хранить, следует немедленно сжигать». Впоследствии все эти качества и умения были отточены до совершенства, превратились в инструменты успешной карьеры и эффективного управления. Несмотря на все интриги и козни своих врагов, он сумел сохранить расположение короля. Многим современникам казалось, что Ришелье сам правил Францией и принимал решения самостоятельно. Однако это не так. Все из его великих дел и свершений, по словам А. Сен-Симона, были реализованы только с одобрения короля Людовика XIII, который, в свою очередь, доверял своему первому министру, отличался твердой волей, благочестием и высоким пониманием своего долга.

Первый министр достаточно категоричен в вопросе о численности советников Короля. Он считал, что необходимо не более четырех человек. Так, собственно говоря, и было во Франции с 1547 года. Четыре министра, ведавшие вопросами иностранных дел, военных дел, внутренних дел и финансов, обеспечивали реализацию внутренней и внешней политики государства. Один из этих министров должен иметь высшую власть, чтобы быть движущей силой кабинета. Нет ничего опаснее для государства, чем наделение равными полномочиями нескольких лиц, управляющих государственными делами. Естественная зависть, которая обыкновенно появляется между равными по силе, слишком известна всем, чтобы возникала нужда в долгих рассуждениях по этому поводу, отмечается в Завещании.

Единовластному правлению ближе всего такой тип управления, когда верховный правитель, который сам не может или не хочет заниматься делами государства, передает эту заботу другому человеку, возвысив его над всеми остальными. Сложность задачи заключается в правильном выборе кандидата. Не представляет труда назвать качества, которыми должен обладать главный министр. Однако их нелегко обнаружить в одном человеке. Всякий по своему разумению сочтет себя способным для этой роли. Но никто не может выступать судьей в собственном деле. Окончательное решение должно зависеть от тех, кто не имеет никакого личного интереса, способного помешать им посмотреть правде в глаза. Такими качествами, как способности, порядочность, мужество, необходимыми для каждого государственного советника, первый министр обязан обладать в превосходной степени. Его кандидатуру необходимо самым тщательным образом изучить. Сам государь должен близко узнать и выбрать этого человека. Решение о его назначении должно сопровождаться общественным одобрением, что даст первому министру стать желанным для всех и более успешно справляться со своими обязанностями.

Чтобы обеспечить успешную работу советников для величия и благополучия королевства, необходимо выполнить четыре главных условия. Король должен им доверять, а они — знать, что им доверяют. Внушить им, что они должны откровенно и без всяких опасений высказывать свою точку зрения. Проявлять к советникам известную щедрость, чтобы они были уверены, что их служба не останется без награды. Одобрять действия советников и открыто поддерживать их, чтобы они были уверены, что защищены от интриг, злословия и клеветы.

Всегда следует помнить, что ни одна зараза не способна погубить государство вернее, чем льстецы, сплетники и интриганы. Поэтому нужны строгие меры предосторожности. Поскольку эти люди полностью лишены достоинств, чтобы возвыситься за счет личных качеств, они с помощью своих ухищрений разрушают существующий строгий порядок, сеют сомнения в отношении порядочных людей и их поступков. Чтобы не потакать подобным людям, государям следует не допускать их к своему уху, запретить им показываться в кабинете и при дворе, гнать из порядочного общества. «Слушающий клевету заслуживает быть обманутым». Однако излишняя подозрительность также опасна. Чаще всего на нее и рассчитывают. «Нет никаких оснований предполагать, что тот, кто оставался верным всю свою жизнь, вдруг в один миг перестанет быть таковым без всякого повода и причины». Для того, чтобы избежать всех неприятностей, не погубить людей порядочных и не лишить себя возможности обнаруживать дурные поступки тех, кто плохо служит, «государь должен считать клеветой все, что ему хотят поведать исключительно с глазу на глаз». Следует предложить этим людям высказать свои претензии и подозрения в присутствии тех, кого они обвиняют, пообещав хорошее вознаграждение за правдивость и ценность информации, и примерно наказать за ложные обвинения.

Эти советы, принципы хорошего управления и кадровой политики показывают, как сложно и ответственно быть Богом (королем) и даже его заместителем (первым министром), всем занятым в сфере государственного управления. По какой-то странной и необъяснимой причине о политических взглядах Ришелье пишут и говорят крайне редко. Пожалуй, только российский император Петр I сумел оценить их по достоинству: «Великий человек! Если бы ты был жив, я дал бы тебе половину своего царства, чтобы ты научил меня благоразумно управлять остальной половиной».

Дирижер — это судьба

Какая удивительная специальность: оперно-симфоническое дирижирование! Расхожее выражение «искусство требует жертв» именно в этой сфере музыкального творчества утрачивает свою метафоричную риторику и обретает буквальный смысл. Профессия дирижера требует от музыканта не только высоких природных способностей, но и особых личностных качеств, и осознанной готовности к жертвенному труду.

Родители не приводят сюда за ручку своих вундеркиндов. Дирижерский класс — это всегда самостоятельный и очень ответственный выбор повзрослевшего и, как правило, уже дипломированного музыканта. Недаром говорят, что дирижер — профессия второй половины творческого пути.

Заслуженный деятель искусств Беларуси Анатолий Лапунов — из тех истинных и немногочисленных «счастливых мучеников от искусства», для кого профессия дирижера стала участью, неизбежным состоянием души, образом жизни.

Между баяном и биг-бэндом

Достаточно и взгляда на старое альбомное фото, где совсем еще малыш Анатолий Лапунов запечатлен в кругу родных — с отцом Максимом Ефремовичем, мамой Полиной Максимовной, сестрой Валентиной, — чтобы представить себе творческую атмосферу его детства. К чему расспросы о первых музыкальных впечатлениях, о приобщении к игре на инструменте, когда и без лишних слов очевидно: будущий маэстро появился на свет и рос в живой, активной музыкальной среде. Красноречиво «застывшее мгновенье» семейного портрета: отец с гордостью держит баян; юная аккордеонистка Валя, пряча улыбку, словно приготовилась растянуть меха и пробежаться пальчиками по черно-белой клавиатуре; внутренняя гармония и утонченность чувствуется в облике матери; обладатель крошечного аккордеона выглядит очень серьезным, сосредоточенным, уверенным... И мальчонка-то, сразу видно, — с характером!

«На аккордеоне я играл с пяти лет, подбирал на нем по слуху все, что звучало вокруг. Знал все популярные песни первых послевоенных лет и даже сейчас, по какой-то стихотворной строчке или фрагменту мелодии, могу каждую из них вспомнить. Мой родной город — Гомель, и здесь я со временем поступил в музыкальное училище. Это было в 1955 году. В 1959-м, сразу по окончании училища, поступил в Белорусскую государственную консерваторию. Из нас, 27 абитуриентов, приняли трех. Позже добрали на каких-то условиях еще двоих человек. Вообще-то, я неплохо играл на аккордеоне. Но поскольку при советской власти некоторое время к этому инструменту было предвзятое официальное отношение и профессиональное образование по соответствующей специальности получить было невозможно, учился я в классе баяна.

В консерватории меня вдруг потянуло на изучение контрапункта Римского-Корсакова, хотя мы этого не проходили».

Да, «это им не задавали». Но Анатолию Лапунову почему-то самому стало интересно приблизиться к профессиональным секретам величайшего классика-новатора, мастера оркестровки, попытаться постичь глубины и тонкости живописной полифонии композиторского письма Николая Римского-Корсакова. Кстати, еще раньше, когда был студентом Гомельского училища, он, увлеченный поиском свежих музыкальных впечатлений, подолгу засиживался у радиоприемника, крутил колесико настройки, ловил на заветной волне завораживающее незнакомое звучание больших оркестров, открывал для себя красочный мир классического джаза и симфоджаза, вслушивался в яркий мелодический язык, наслаждался сочностью гармоний, необъяснимой природой свинга...

Очень скоро новые музыкальные увлечения Лапунова превратились в серьезный профессиональный интерес. В консерватории баянистам преподавали, помимо прочего, и дирижирование. Пытливому талантливому студенту посчастливилось заниматься этим обязательным (но далеко не всеми любимым) предметом в группе, которую вел Илья Гитгарц. Легендарная личность! Уроженец Украины, он закончил Петроградскую консерваторию по классу скрипки и теории композиции. Работал во многих музыкально-театральных коллективах Москвы, Полтавы, Куйбышева, Фрунзе, Ташкента, других советских городов. Во второй половине 1920-х приехал в Беларусь, заведовал музыкальной частью БДТ-2 (теперь Национальный академический драматический театр имени Якуба Коласа), писал музыку к его постановкам. Затем преподавал в оперном классе Минского музыкального техникума, руководил Белорусской студией оперы и балета, впоследствии ставшей основой коллектива Государственного Большого театра БССР. Работая дирижером в этом театре, участвовал в постановках всемирной оперной классики (Петр Чайковский, Джакомо Пуччини) и первых белорусских балетов («Соловей» Михаила Крошнера, «Князь-озеро» Василия Золотарева). Преподавал в Белорусской государственной консерватории.

Толя Лапунов, его сестра Валентина, родители Максим Ефремович и Полина Максимовна.

В юности.

«Гитгарц был уже далеко не молод и нездоров, страдал подагрой, ходил с палочкой. Но у него были поразительно молодые зеленые глаза. В мягком движении его пухлой кисти чувствовалась великолепная выучка. Это была классическая петербургская школа, к традициям которой он стремился приобщить и нашу баянную группу, посещавшую дирижерские занятия. В ней числилось шесть человек, но Гитгарц меня выделял. И когда я был на 3-м курсе, Илья Александрович стал договариваться о том, чтобы я поехал к Свешникову, тогдашнему ректору Московской консерватории, продолжил учиться там и получил образование как оперно-симфонический дирижер. Состоялся серьезный разговор, после чего я посоветовался с отцом, а он рассудил так: надо сначала закончить консерваторию, в которой учусь, получить высшее образование по баяну, а потом уже смотреть, чем заниматься дальше. Я прислушался к совету отца и никуда не поехал».

Тем не менее жизнь Анатолия Лапунова стремительно менялась, и расставание с баяном все-таки произошло.

Владимир Скороходов — доктор наук, общественный деятель, профессор Белорусской академии музыки, чьи мастер-классы с успехом проходят в разных странах и благодаря которому наша школа исполнительства на кларнете занимает сегодня ведущие позиции в мире, — в 1960-е годы тоже был студентом консерватории. «Мы были молоды, — вспоминает Владимир Павлович, — создавали свои музыкальные коллективы, шли работать в художественную самодеятельность, искали возможности выступать публично. Я организовал в Минском архитектурно-строительном техникуме эстрадный оркестр. Там 10 лет играл на саксофоне и теперь время от времени беру учеников на этот инструмент». (Из-за определенной «структурной» схожести саксофон считается ближайшим «родственником» кларнета в семействе духовых. — **С. Б.**)

«В то время Володя Скороходов, собрав свой состав музыкантов, не только успешно руководил ансамблем, но и делал инструментовки. Я просил его показать, как то или иное звучание отображается в нотах, особенно интересовался спецификой саксофона и даже научился выдувать какие-то звуки. Вскоре я освоил саксофон, сложился новый инструментальный состав. На рояле у нас играл Юра Цмрюк (известный виолончелист и незабвенный дирижер, многие годы возглавлявший Государственный камерный оркестр Беларуси. — **С. Б.**). *На ударных — Гена Куприянов, работавший в оркестре радио. Мы давали концерты, устраивали джазовые джем-сейшн, выступали вместе и на равных с профессионалами, даже с такими звездами, как Георгий Гаранян* (замечательный российский альт-саксофонист, дирижер, композитор. — **С. Б.**)*»*.

Когда легендарный Олег Лундстрем, приезжавший со своим оркестром в Минск, услышал игру здешних молодых музыкантов, он пригласил Анатолия в свой коллектив. Выступать в компании высококлассных джазменов под руководством прославленного маэстро? Очень заманчиво и невероятно престижно! А Лапунов... отказался. Ведь он уже почувствовал призвание к другому: занимал-

Соло на саксофоне.

ся биг-бэндами Минского тракторного завода, камвольного комбината, затем принял на себя лидерство в аналогичном коллективе при Дворце культуры профсоюзов, и работать музыкантом в оркестре не хотелось.

А тем временем надо было выполнять учебные задания в консерватории. Совершенствовался в баянном искусстве он весьма изобретательно: готовил оригинальные программы, создавая собственные переложения излюбленных симфонических партитур и фортепианных пьес. Так в его академическом баянном репертуаре появились увертюры «Кориолан» и «Эгмонт» Бетховена, некоторые сонаты, инструментальные концерты...

При такой динамичной и насыщенной жизни не помешал бы личный транспорт. Но что мог позволить себе советский студент? Лапунов решился на отчаянный поступок: продал баян, который когда-то купил специально для него в Москве отец, и денег хватило, чтобы приобрести мотоцикл «Ява-350» — по тем временам завидную «крутую иномарку».

К новым испытаниям

Занятия на баяне превратились в некий обязательный фон его разнообразной музыкальной практики. Но к экзаменам по специальности студент Лапунов успевал подготовиться всегда: благодаря своей природной одаренности и прекрасно развитой исполнительской технике он справлялся с программой всего за 3—4 дня. Разумеется, для того, чтобы все произведения «закрепились в пальцах», времени требовалось намного больше. И если, например, бетховенскую «Лунную сонату» в собственном переложении можно было сыграть почти безукоризненно, то виртуозная «полифоническая вязь» органной фуги Дитриха Букстехуде требовала от исполнителя так называемой механической памяти.

Музыканты знают: если от единообразных монотонных пассажей в голове может возникнуть внезапная путаница, хорошо «вышколенные» пальцы не подведут. Именно во время исполнения сложного полифонического сочинения Букстехуде экзаменуемый Анатолий Лапунов и почувствовал недостаток той самой механической памяти. Не услышав от педагогов уже привычного: «Спасибо, достаточно», он, продолжая играть, задумался о нотном тексте. В памяти произо-

шел неминуемый сбой. Но музыкант играл! «Призвав на помощь» свой талант и теоретические знания, удачно сымитировав стиль композитора, дошел через молниеносную импровизацию до финального аккорда и достойно завершил произведение. Экзаменаторы оценили его самообладание и находчивость.

«Я многого достиг на баяне. Но этот инструмент не давал возможности реализовать себя так, как хотелось. Ведь я ощущал в себе какую-то непреодолимую привязанность к джазу и такой же непреодолимый интерес к симфонической музыке. Получив диплом баяниста, поехал по распределению в Гомельское музыкальное училище — преподавать. Работал. Но я скучал: было много свободного времени, сидеть все время дома с родителями не хотелось. Хотелось яркой, деятельной музыкальной жизни.

Коренным гомельчанам известен вот такой замечательный исторический факт. В начале войны директор Дворца культуры железнодорожников, спасая от разграбления самое ценное имущество, спрятал в земле комплект духовых инструментов, завернув их в пергаментную бумагу. После освобождения Гомеля этот оркестр откопали — в целости и сохранности оказался полный состав биг-бэнда: пять саксофонов, четыре трубы, четыре тромбона. В общем, я думал про этот клад, и долго скучать в родном городе не пришлось: у нас образовался биг-бэнд, играли мы с удовольствием. А через год меня призвали в армию. Служил в Масюковщине, под Минском. Нашел ребят, увлеченных музыкой, организовал армейскую самодеятельность, и на смотре-конкурсе, проходившем в Окружном Доме офицеров, мы получили одно из первых мест».

Слухи про молодого перспективного музыканта и раньше ходили по Минску. А успешное участие в армейском творческом конкурсе поспособствовало переводу рядового Лапунова в прославленный Ансамбль песни и танца Белорусского военного округа. Новое место службы порадовало не тем, что в качестве поощрения за творческую работу ему были обещаны едва ли не ежедневные увольнительные, а самой возможностью творческой работы. Художественным руководителем ансамбля БВО в ту пору был Игорь Раевский — отличный специалист, впоследствии отмеченный званиями заслуженного артиста БССР и народного артиста РСФСР. Он приобщал Анатолия Лапунова к своей профессии, доверял повседневную работу с оркестром, давал возможность дирижировать. Но когда в начале августа кадровые артисты ансамбля уходили в отпуск, начинающего дирижера демобилизовали.

В годы студенчества.

«Оказалось, я “попал под новый документ”, согласно которому срок военной службы для молодых людей с высшим образованием сокращался до одного года. Это произошло так неожиданно... К счастью, искать работу не пришлось. Меня пригласили дирижером в Государственный ансамбль танца БССР под руководством Апанасенко. Коллектив знали и любили во всем Советском Союзе — я в этом убедился лично, во время гастролей по многим городам. Мы ездили с ансамблем во Владивосток, Магадан, Хабаровск. В Ташкенте выступали в тот день, когда случилось страшное землетрясение...

Ансамбль танца всегда участвовал в ответственных и престижных для своего времени правительственных концертах. А их программа, как известно, выстраивалась по определенной жанровой схеме. Обязательно присутствовал симфонический оркестр, классика — опера, балет, демонстрировались профессиональные достижения в традиционных национальных видах искусства. И в таких сборных концертах я становился за дирижерский пульт после Виталия Катаева (воспитанник Московской и Ленинградской консерваторий, заслуженный артист БССР, долгие годы возглавлял наш Государственный симфонический оркестр, преподавал в консерватории, а переехав в Москву, поддерживал творческую связь с Белгосфилармонией. — **С. Б.**). *Наблюдая за ним, я понял: для той работы, которой я занимался в ансамбле танца, моих знаний и навыков достаточно, но как дирижер я ничего из себя не представляю. Надо учиться и учиться».*

Наш герой решил поступить в консерваторию еще раз, получить академическое образование в классе мастера оперно-симфонического дирижирования, подготовить себя к долгожданному испытанию большим симфоническим оркестром. А как же иначе, если в общении с таким оркестром он увидел смысл всей своей дальнейшей жизни?

Через полосу препятствий

Анатолий Лапунов работал в музыкальном училище и готовился вновь стать студентом Белорусской консерватории. Поступил в класс к Виталию Катаеву, который в свое время занимался у таких разных и по-своему примечательных дирижеров, как Илья Мусин и Николай Рабинович. Знание этой разницы помогало осваивать профессиональные тонкости, давало определенный творческий опыт.

«Как говорится на дирижерском языке, Катаев поставил мне руку, показав упражнение с коробком спичек: подъем руки, достижение точки, ощущение точки... Со временем я понял, почему он давал дирижировать именно ту, а не иную партитуру: каждое произведение, предложенное преподавателем, помогало решению конкретных практических задач в работе с оркестром. В силу каких-то обстоятельств Катаев из Беларуси уехал. Его сменил Кирилл Тихонов (российский оперный дирижер, профессор, четыре года работал в нашем Большом театре, преподавал в консерватории. — **С. Б.**). *Он научил точности, пунктуальности в работе с оркестром и солистами. Уехал Тихонов — появился Ярослав Вощак* (последний период жизни известного маэстро был связан с Минском, где он работал главным дирижером и дирижером театра оперы и балета, преподавал, получил звание народного артиста СССР. — **С. Б.**). *К нему я попал уже на 5-м курсе. Вот так складывалось мое дирижерское образование.*

Я в принципе аналитик. Поэтому не столько мне давали педагоги, сколько я брал по собственной инициативе, наблюдая, вникая в их работу, задумываясь, задавая вопросы. Ходил, например, на уроки Вощака с вокалистами. Сам непосредственно общался с оперными певцами. Поэтому и знаю досконально, что такое вокал. Консерваторию я заканчивал, продирижировав спектаклем “Травиата”. Дирижировал без партитуры, что вызвало изумление у опытных музыкантов оркестра нашего Большого театра. Они сначала подумали, что я просто от волнения забыл положить ноты на пульт, и перед началом пытались напомнить об этом.

Следующей ступенью дирижерского образования должна была стать ассистентура-стажировка. В отличие от аспирантуры, ее проходили музыканты исполнительских специальностей, не защищавшие научных работ. Местом моей стажировки была выбрана Ленинградская консерватория, куда были поданы необходимые документы. А вот получить от нашей консерватории целевое

направление в ассистентуру-стажировку имели право только выпускники-вокалисты. У меня была безрадостная перспектива поступать на общих основаниях по конкурсу, в котором на одно место претендовали пять дирижеров. Владимир Владимирович Оловников, который тогда был ректором Белорусской консерватории, нашел возможность каким-то образом переоформить целевое направление на меня, но это вызвало протест на нашей кафедре. Поскольку мои документы были уже в Ленинграде, рискнул поехать и поступать на общих основаниях. Сдал сложнейший письменный экзамен по гармонии, длившийся 8 часов. Потом сдал полифонию: сидя в классе, писал фугу. Следующее испытание — инструментовка. Разумеется, что-то откуда-то списать было невозможно, и в этой абсолютно самостоятельной работе проявлялись не только знания поступавшего, но и его творческая ннндивидуальность. Потом один из педагогов — кажется, это был музыковед Дмитрий Соллертинский (сын нашего выдающегося земляка Ивана Соллертинского. — **С. Б.**) *— спросил, не пробовал ли я заниматься композицией, и услышав мое "нет", сказал: "Напрасно..." А вообще-то, инструментовка сродни композиции.*

Предстояло выдержать основной экзамен: дирижирование. Председателем комиссии был сам Илья Мусин. Я дирижировал оркестром так, будто читал "Хижину дяди Тома". И вдруг услышал за спиной: "Достаточно". Повернулся к комиссии, попросил разрешения продолжить — ведь время, отведенное для вступительного прослушивания, еще не было исчерпано. Продолжить мне не позволили, я понял, что это — провал, повернулся лицом к оркестру, чтобы поблагодарить музыкантов, а они так искренне зааплодировали! Словом, я поспешил со своими ошибочными выводами. Я поступил, и началась учеба в Ленинграде. Нашел съемное жилье, а со временем появилась возможность переселиться в служебное помещение консерватории».

Руководителем Лапунова стал видный оперно-симфонический дирижер, народный артист РСФСР Эдуард Грикуров. Еще одного наставника ассистент-стажер имел право выбирать сам, и он выбрал Арвида Янсонса, почитаемого даже за пределами СССР крупнейшего мастера, профессора, который, кроме прочего, был руководителем Международных дирижерских курсов в Веймаре. Именно от Янсонса Лапунов услышал бесценное профессиональное замечание: «Вы органично чувствуете музыку, и руки делают что надо, но с точки зрения стилистики...» Довелось прочитать и осмыслить множество партитур, перевернуть горы специальной литературы, дабы развить свои музыкальные представления, художественный вкус и понимать, например, что форте Моцарта — это не форте Бетховена и Чайковского, и почему это так.

Театр, театр... И снова театр

Дирижерская карьера Анатолия Лапунова началась в Большом театре оперы и балета БССР. Музыкальным лидером коллектива был тогда Ярослав Вощак, работавший над новой постановкой «Бориса Годунова» Модеста Мусоргского.

«У Ярослава Антоновича возникли проблемы со здоровьем. С инфарктом он слег в больницу. Мне пришлось взять на себя дальнейшую постановочную дирижерскую работу — фактически подготовить всю музыкальную часть спектакля, а затем и продирижировать его премьерой. Когда Вощак смог снова стать за пульт оркестра, он сказал, что справедливости ради мы должны дирижировать этой постановкой на равных, по очереди: один вечер спектаклем управляет он — в следующий вечер я, и так далее. Работать над оперой "Борис Годунов" было захватывающе интересно: музыкально и психологически сложные ансамбли, вокальные образы. Исполнявший заглавную партию Михаил Зданевич старался показать красоту и вокальную мощь своего баса даже в зна-

менитой сцене помешательства царя Бориса. Я его останавливал и говорил: «Вот здесь не надо так старательно выпевать каждую ноту. Это не вокал, это почти шипящие звуки, звуки животного страха, вырывающиеся из груди: "Чур, чур меня!"». Интересно было работать и с тенором Александром Дедиком, воплотившим образ Самозванца.

На репетиции.

Из-за болезни Вощака подобным же образом была подготовлена премьера "Кармен-сюиты" Бизе—Щедрина, один из первых спектаклей Валентина Елизарьева. Балетмейстеру импонировало то, что я без проблем воспринял метроритмические сложности этой партитуры. В "Камерной сюите" на музыку Родиона Щедрина я также сотрудничал с Елизарьевым. Он, кстати, очень ценил мой опыт, приобретенный в пору моей работы дирижером оркестра Государственного ансамбля танца. Именно там я научился понимать танцовщика — и только-только появляющегося на сцене из-за кулис, и уже находящегося на ней. Дирижер должен предчувствовать настроение конкретного артиста в образе и соответственно вести оркестр: вот солист выполняет блестящий прыжок — и музыка словно подхватывает это состояние эйфории; настрой танцовщика меняется — возможно, следует немного замедлить темп. Как ощутить движение Кармен, которое балерина начинает из-за кулис? Это флюидное состояние просчитать невозможно. Легко работалось, когда на сцену выходила Людмила Бржозовская, да и Людмила Синельникова; сложнее было "поймать точку", когда партию Кармен танцевала Нина Павлова: она "заводилась" уже за кулисами, и я должен был четко следить за "появлением ноги", чтобы синхронно вести оркестр».

В 1975 году молодой маэстро работал месте с Вощаком над постановкой оперы «Галька» Станислава Монюшко. А потом, как вспоминает Анатолий Максимович, театр поехал на гастроли и повез спектакли, которыми он не дирижировал. Появилось свободное время, и Лапунов, откликнувшись на приглашение театра музыкальной комедии (теперь это Белорусский государственный академический музыкальный театр), принял участие в постановке оперетты Вениамина Баснера «Требуется героиня». Через месяц спектакль был готов.

«Когда я эту работу сделал, возник вопрос о переводе меня в коллектив театра музкомедии. Как и полагалось в те времена, вызвали на беседу в ЦК КПБ и среди прочего спросили о жилищных условиях. Вопрос был для меня наболевший: распался мой первый брак, я женился второй раз и нуждался в квартире. Да и ситуация в оперном театре не складывалась. Там я был дирижером сверхштатного расписания со скромной зарплатой 125 рублей в месяц, к тому же осложнились отношения с некоторыми коллегами. Что именно произошло? Елизарьев доверил мне постановку "Сотворения мира" Андрея Петрова. Я смотрел этот балет в Ленинграде и предложил свою редакцию в двух актах вместо трех. Это возмутило других дирижеров, к деятельности которых я относился и отношусь с большим уважением: Татьяну Коломийцеву и Владимира Мошенского. Мошенский был назначен постановщиком спектакля "Сотворение мира", который, кстати, вышел все-таки в двух актах. (Как впоследствии

говорил Валентин Елизарьев, композитором Андреем Петровым была сделана такая редакция музыки специально для нашего театра. — **С. Б.**) *Директор театра оперы и балета, мудрейший Николай Пантелеймонович Шевчук обратил внимание на шаткость моего положения в коллективе и посоветовал не медлить, соглашаться на перевод».*

И Лапунов сменил жанр. Сожалеть особо не пришлось: в театре музыкальной комедии, куда его назначили главным дирижером, был тогда увлекательный творческий период.

«Появлялись, возможно, и ошибочные спектакли — относительно выбора произведения и режиссуры. Но многое приятно вспомнить. Например, "Мост мечты" ("Охтинский мост"), где можно было наслаждаться музыкой российского композитора Виктора Лебедева, а блистательная Виктория Мазур в роли героини вызывала восхищение. Спустя несколько лет мы воплотили еще одно произведение того же автора — "О, милый друг!". А тогда, в 1975-м, состоялось мое сотрудничество с Юрием Семеняко, одним из немногих белорусских композиторов, писавших в этом жанре, и в репертуаре появилась новая оперетта "Неделя вечной любви" (пьеса Валентина Зуба, стихотворный текст Артура Вольского, сценическая редакция режиссера-постановщика Семена Штейна. — **С. Б.**). *Тогда спектакли ставились на сцене Дома офицеров, так как театр не имел еще своего здания. Интересно, что в том помещении, которое со временем было радикально перестроено и приобрело вид всем известного театра, находился хорошо знакомый мне клуб Минского тонкосуконного комбината, где я когда-то работал с биг-бэндом».*

Под музыкальным руководством Анатолия Лапунова в тот период были, среди прочего, осуществлены постановки популярного репертуара: известной советской оперетты «Бабий бунт» Евгения Птичкина и образца нововенской классики «Веселая вдова» Ференца Легара. (Кстати, почти через 20 лет бессмертное произведение Легара было воплощено в новой редакции, но при участии этого же дирижера.) Однако такая, казалось бы, разнообразная и насыщенная творческая жизнь в чем-то не устраивала маэстро. Он устремился к переменам, сопряженным, как оказалось, с новой полосой препятствий.

«Меня тянуло к более серьезному искусству. Выехал в 1978 году на стажировку в Москву, в Государственный симфонический оркестр Союза ССР, где моим руководителем назначен был Евгений Светланов. Я воодушевился перспективой поработать рядом с таким выдающимся дирижером. Но кто мог предположить, что обстоятельства резко изменятся и по физическому состоянию мастер вообще не сможет работать? Я болтался по Москве, за пульт меня не допускали, потом предложили в качестве руководителя стажировки Веронику Дударову — худрука и главного дирижера Московского государственного симфонического оркестра, но я не испытывал к ней человеческого расположения и отверг такой вариант. В конце концов, попал к Юрию Симонову, главному дирижеру Большого театра, где как раз шла подготовка оперной премьеры "Лениниана" по стихам Владимира Маяковского. (Это произведение, более известное под названием «Революцией призванный», написал видный молдавский композитор Эдуард Лазарев; премьера состоялась в 1979 году. — **С. Б.**) *Ставил величайший режиссер Борис Покровский. Получился скандальный спектакль. В сценографии впечатлял половик, выполненный в виде карты СССР, которой манипулировали персонажи Антанты. Что уже говорить о 18 барабанах, располагавшихся на авансцене! А гимн марширующих нэпманов: "Кто хочет есть всласть — свергай советскую власть!" воспринимался кем-то как провокация. Но формально придраться было не к чему: каждое слово в звучавших текстах принадлежало Маяковскому.*

Тем временем планировалось поставить силами молодежи, студентов Московской консерватории оперу Клода Дебюсси "Пеллеас и Мелизанда". Потрясающая музыка! Я был готов к работе. Но Симонов из-за чего-то раз-

ругался с Покровским, и эту оперу в театре не поставили. От бесперспективности я приехал в Минск, поболтался здесь, вернулся в Москву, где получал свои 200 стажерских рублей и ходил по театрам.

Стажировка закончилась, и министр культуры БССР Юрий Михневич предложил мне снова пойти главным в театр музкомедии. Но я-то хотел другого! Устроился в наш Государственный симфонический оркестр, который возглавлял Юрий Ефимов и где был в штате дирижер Анатолий Энгельбрехт. В филармонии я поработал каких-то пару лет. Сначала на правах третьего дирижера провел выездной концерт в Горках — и всё. Затем был переведен в отдел спецмероприятий, и моей обязанностью стала подготовка 3—4 правительственных концертов в сезон. С постоянной полноценной загрузкой здесь не получалось. (Хотя благодаря судьбе именно на сцене филармонии состоялись важные для меня и памятные выступления, когда были сыграны Пятая и Девятая симфонии Дворжака, Скрипичный концерт Брамса, где солировала выдающаяся российская скрипачка Ирина Бочкова.) Поэтому я вновь пошел в театр музкомедии».

За один только 1982 год под музыкальным руководством Лапунова были поставлены такие разноплановые и по-своему заметные произведения, как мюзиклы «Моя прекрасная леди» Фредерика Лоу, «Пенелопа» Александра Журбина, балет «Барышня и хулиган» на музыку Дмитрия Шостаковича и нашумевший спектакль «Горе от ума» — мюзикл Олега Фельзера (известный также под названием «Бал безумных») по одноименной пьесе Александра Грибоедова.

«Спектакль “Горе от ума” был настолько нашумевший, что Донатас Банионис привез из Литвы два автобуса театралов, желавших посмотреть эту премьеру, которую у нас поставил тогда еще не столь известный и признанный Роман Виктюк. Поскольку на главного дирижера возлагались и обязанности художественного руководителя театра, я занимался поиском режиссера будущей постановки. У меня на примете было три кандидатуры, но я обратился к Виктюку, посмотрев по совету москвичей его работу в Театре университета на Ленинских горах. Виктюк попросил время на раздумье и через четыре месяца приехал в Минск с уже готовым решением. Именно его видение будущего спектакля показалось мне самым убедительным среди предлагавшихся режиссерских версий. Это была тонкая, многозначная работа. Посмотрев труппу, режиссер сделал очень точный подбор актеров на каждую роль. Все фамусовское общество он усадил в инвалидные кресла-коляски. В финале спектакля на сцене, “одетой” в черное, появлялась черная карета, которая не двигалась с места и никуда уехать не могла... Вскоре в газете ЦК КПСС “Советская культура” появилась публикация “Фамусов танцует танго”. Через какое-то время — вторая: “Фамусов еще танцует”. И по распоряжению нашего ЦК спектакль был снят с репертуара».

В последующие годы «из-под руки» маэстро появилась череда премьер, примечательных для творческой истории театра. В их числе «Сильва», «Марица», «Дьявольский наездник» Имре Кальмана, «Ночь в Венеции» Иоганна Штрауса, «Вольный ветер» Исаака Дунаевского, «Сирано» Станислава Пожлакова, новые работы белорусских авторов — мюзикл Владимира Кондрусевича «Джулия» (по мотивам романа Уильяма Сомерсета Моэма «Театр») и героическая музыкальная комедия Григория Суруса «Судный час» (по пьесе Андрея Макаёнка «Трибунал»).

«К творчеству наших национальных композиторов я отношусь с особым вниманием и уважением. Считаю удачей мюзикл Владимира Кондрусевича “Стакан воды”, который после долгого перерыва снова идет в театре. “Судный час” Григория Суруса вспоминаю как хорошую интересную работу. А однажды довелось исполнить его оркестровый вальс — так я просто испытал кайф от этой музыки, открыв неожиданного для меня Суруса! Сегодня сожалею, что не удалось в свое время уговорить Юрия Владимировича Семеняко, прекрасного песенника, мелодиста, и получить его авторское согласие на переоркестровку

оперетты “Павлинка”: это произведение заиграло бы свежими красками, получило бы новую жизнь...

Я всегда любил сотрудничать с авторами. Зная и оркестр, и театр изнутри, мог подсказать им некоторые технические нюансы, художественные решения».

Круг такого творческого общения с композиторами значительно расширился, когда Анатолия Максимовича пригласили возглавить Симфонический оркестр Белорусского телевидения и радио. Это произошло в 1993 году.

В роли первооткрывателя

«На радио проработал до 2000 года. Уточню, что должность руководителя оркестра я получил по итогам соответствующего конкурса. Его выиграл дирижер с Украины, я стал вторым. Но коллега у нас не задержался, довольно скоро уехал, и пригласили меня. Это был, пожалуй, самый интересный период моей творческой жизни. Я получил внушительный список произведений белорусских композиторов — как “руководство к действию”. Предстояло изучить, освоить и записать море нашей музыки! Кроме того, что мы постоянно делали фондовые записи в студии Дома радио, работали также и в филармонии. Ее художественный руководитель Юрий Гильдюк выделял для концертных выступлений оркестра Белтелерадио Большой зал, мы готовили новые программы и давали там до четырех концертов в год. Уставал безумно, но я жил этим!

Когда новые ноты ложились на пульт, начинались протесты музыкантов, которые считали, что эта, незнакомая для них музыка, — недостойна. Я старался доказать им обратное. По ночам, дождавшись почти абсолютной тишины, слушал “вертикаль” партитуры, искал в произведении то, что зазвучало бы. Часто замечая, что автор с формой не в ладах, предлагал какие-то излишества убрать. Ведь если не просто малоискушенный в музыке слушатель, а сам исполнитель во время игры начинает думать о том, что же нужно будет по дороге домой купить или куда вечером пойти, — это место в нотах следует вычеркнуть. Оркестр был превращен в лабораторию белорусских композиторов, и здесь их сочинения получали главное: право на существование.

На записи в студии Белорусского радио.

Через нашу студию прошла почти вся новейшая белорусская музыка. Была сделана Четвертая симфония Кима Тесакова. Через какое-то время записали Пятую, и приятно заметить, что автор, четко знающий оркестр, инструментовку, посвятил эту симфонию мне. Я с интересом записывал и симфоническую музыку Льва Абелиовича — замечательного композитора, который сегодня незаслуженно забыт. И симфонии Федора Пыталева, и его Виолончельный концерт, а потом услышал трогательные слова: “Никто не играл мою музыку так, как Лапунов”».

Много сотрудничал Анатолий Максимович и с молодежью. Александр Литвиновский, в ту пору начинающий композитор, а нынче очень успешный мастер, получивший международное признание, с благодарностью вспоминает, как внимательно, профессионально и на совесть работал маэстро над его первыми партитурами: были записаны симфоническая фреска «Krewa», кантата «Вяселле», мистерия «Францыск».

«Помню, как я работал над ранней оркестровой партитурой Литвиновского "Krewa". Было интересно разглядеть там некий самобытный образ, дуновение нашей древней истории, легендарный дух Кревского замка; хотелось придать эпичность симфоническому повествованию... Композитор Алла Борзова, которую я помню тоже совсем молодой, продолжила творческую карьеру в США и прислала мне выпущенный там диск со своей музыкой, которую мы записали когда-то здесь.

Кстати, на основе записей, сделанных в студии Белорусского радио, в Италии были выпущены диски с двумя произведениями приезжавшего в нашу страну композитора Гамберини. Наисложнейшую партию сопрано в его кантате "Анна Франк" смогла исполнить только солистка оперы Татьяна Третьяк. Второй опус Гамберини — "Христофор Колумб" записали с участием нашего замечательного певца Виктора Скоробогатова.

К слову, я очень признателен этому артисту и его сподвижникам, возрождающим и пропагандирующим наше историческое музыкальное наследие. (Известный просветительский фестиваль «Адраджэнне беларускай капэлы», существующий уже четверть века, появился благодаря поддержке Союза музыкальных деятелей. — **С. Б.**) *Наш оркестр смог приобщиться к ранее неизвестным пластам стародавней отечественной культуры. Впервые увидев незнакомые ноты, я подумал: наверное, какой-то неизвестный опус Моцарта. Оказалось, эта музыка написана до рождения Моцарта, и она принадлежит нашей культуре, и мы можем считать ее нашей классикой! На радио мы сделали несколько таких записей, в их числе опера Антония Генрика Радзивилла "Фауст", либретто которой согласился написать сам Гёте, и несвижская опера Яна Голланда "Агатка" на либретто Матея Радзивилла. "Агатку" мы воплотили вместе с известными солистами Лесей Лют, Григорием Полищуком, Виктором Скоробогатовым. Это произведение достойно постановки на оперной сцене: яркая музыка, жанровый комедийный колорит, выразительные характеры».*

От артистов, играющих спектакль «на микрофон», я нередко слышала рассуждения о специфике работы в студии. Она сложна тем, что здесь особая, «стерильная» атмосфера: нет дыхания зала, не чувствуется отдача от публики. А с точки зрения музыканта, работа в студии звукозаписи дает большой плюс.

«После спектаклей в театре или живых концертов в филармонии постоянно испытывал чувство неудовлетворенности качеством собственной работы. В этом смысле на радио проще: я мог сделать дубль какого-то эпизода, переписать неудачно исполненный фрагмент. А в концерте всегда нашел бы не те, так другие огрехи. Но в каких бы условиях и с каким бы материалом я ни работал, самое важное — ощущение открытия и новизны.

Когда дирижировал известнейшей Сороковой симфонией Моцарта, прочитал подробную биографию композитора, старался больше узнать об обстоятельствах, в которых он находился, работая над этим опусом, чтобы понять состояние Моцарта и найти собственный подход к его музыке. Можно менять темп. Но дело не в темпе, а в подходе: как сыграть? И вот я попробовал представить эпоху Моцарта, великосветский бал, кринолины и парики... И вдруг решил разбить первую фразу всем известной темы и трактовать ее как "вопрос — ответ": ми ре ре, ми ре ре, ми ре ре си — си ля соль, соль фа ми, ми ре до, до... И так далее. Почему бы не раскрыть через эту мелодию некое взаимодействие мужского и женского начал, некий образный диалог? Так что дело не в темпе, а в подходе: задача дирижера — найти "что-то такое"...

С народными артистами БССР режиссером Семеном Штейном (слева) и композитором Юрием Семеняко.

Однажды нам поручили записать музыку для телепередачи о четырех вальсах. В том числе готовили Вальс Нины из музыки нашего классика Анатолия Богатырева к драме Лермонтова "Маскарад" и популярный Вальс из "Маскарада", написанный Хачатуряном. На репетиции я предложил группам оркестра своеобразное соревнование: мол, вот вы вступаете с эдаким вызовом: "Я сыграю лучше всех!" А вы с азартом парируйте: "Нет — я сыграю лучше всех!!!" Таким образом, пружина была заложена, и музыканты играли с определенным настроением.

Надо вести диалог с оркестром таким образом, чтобы не получилось, как в том анекдоте, когда дирижер очень долго объясняет, как надо сыграть: "Нежнее, трепетнее, это — как первая любовь", а музыкант ему: "Я все понял, маэстро. Так громче надо или тише?"».

Ради «творческого здоровья» музыкантам необходимо покидать замкнутое пространство студии, встречаться со слушателями не только на виртуальных волнах эфира, но и в потоке живой энергии реального концерта, сиюминутных эмоций. К выступлениям на сцене филармонии они готовили, например, Седьмую («Ленинградскую») симфонию Шостаковича. И Пятую симфонию Бетховена (вспоминая тот концерт, сравниваю силу его воздействия с неким пронизывающим разрядом, словно передавшим импульс высочайшего духовного напряжения через дирижера — всем, находившимся на сцене и в зале). И программу из произведений Джорджа Гершвина («Рапсодия в блюзовых тонах», Фантазия на темы из оперы «Порги и Бесс»), которую потом просили повторить. Под руководством Анатолия Лапунова оркестр телерадиокомпании пять раз выезжал на гастроли за границу. В Испании дарили публике новогодние музыкальные вечера, в Германии и Франции вместе с американской солисткой и певцом из Чехии «листали» самые яркие страницы оперетт и мюзиклов.

«Мы играли белорусскую музыку и собирали аудиторию на концертах белорусской музыки», — это принципиально и важно не только для маэстро Лапунова. О такой ситуации мечтает музыкальная общественность, обеспокоенная позицией некоторых уважаемых дирижеров, получивших возможность управлять ведущими оркестрами нашей страны. От сезона к сезону они вершат репертуарную политику, оставаясь в мире своих ценностных представлений, не проявляя искреннего и должного внимания к истории белорусской профессио-

нальной музыкальной культуры, ее знаковым именам и памятным датам, к своеобразию национальных композиторов разных поколений. Исполняют сочинения «здешних» авторов от случая к случаю, руководствуясь конъюнктурными соображениями, живут собственными творческими амбициями.

Когда-то в Доме радио работал незабвенный и легендарный пропагандист белорусской музыки — Борис Райский. Неисчислимое количество фондовых записей сделано под его руководством. При Райском оркестр из эстрадно-симфонического сменил свой жанровый статус и стал заниматься академической музыкой, при нем приобрел первый опыт публичных выступлений. Анатолий Лапунов приумножил и обогатил достижения студийного коллектива, в котором на протяжении семи лет самоотверженно трудился и творил, добиваясь высокого профессионального результата, дорожа всемирными художественными ценностями, радея за родное искусство.

«Могу и хочу работать!»

Исполнилось 60. Анатолий Лапунов расстался с оркестром радио. А тут — очередное приглашение в театр, приобретший со временем солидный официальный статус академического музыкального, хотя в просторечье и по сей день называемый «музкомедия». Маэстро вернулся в знакомые стены и продолжил работать. Сезон за сезоном...

18 сентября 2010 года театр вместе со своей восторженной и преданной публикой отмечал 70-летие Анатолия Максимовича. Роскошный творческий вечер был насыщен упоительно красивой музыкой, пикантными ансамблевыми сценами, эффектными сольными номерами, остроумными каскадными танцами. Виновник торжества практически не сходил с дирижерского подиума и не выпускал из рук волшебную палочку. Позволял себе небольшую паузу, пожалуй,

С оркестром Белорусского государственного академического музыкального театра.

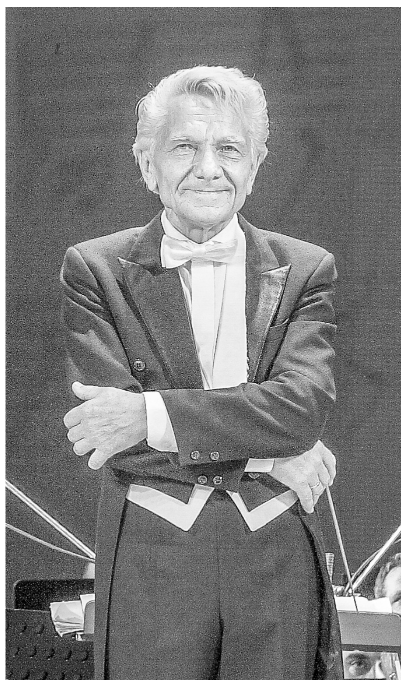
лишь для того, чтобы поблагодарить артистов, поклониться и послать воздушный поцелуй разгоряченному залу, принять официальные поздравления и дружеские подарки. Наталья Гайда, Лидия Кузьмицкая, Маргарита Александрович, Антон Заянчковский, Екатерина Дегтярева, Илона Казакевич, Дмитрий Якубович, Денис Немцов… Все звезды жанра были здесь. Бенефис удался!

«Как поздравил меня театр, какой яркий праздник устроил — грех жаловаться! Но прошло полтора месяца, и я вынужден был покинуть коллектив: никак того не ожидая, получил уведомление, что контракт о сотрудничестве со мной на новый срок не продлен».

Как гром с ясного неба! Что значит остаться не у дел для человека творческого? Не мечтающего о заслуженном отдыхе на дачных сотках, а своей природой настроенного на служение тому, к чему он призван, — пусть самое скромное служение, но до последнего вздоха? Вдруг оказаться не у дел… Мощнейший стресс, который сравним с некой внезапной тяжелой болезнью. В такой ситуации Анатолий Максимович воспользовался возможностью резко сменить обстановку.

Российский композитор Марк Самойлов, чьи произведения ставились в Белорусском музыкальном театре, а также в Хабаровском краевом музыкальном театре, пригласил его съездить в Хабаровск на открытие сезона. А там предложили работу по контракту: театру нужен был художественный руководитель. *«Я полтора года работал в Хабаровске. Дирижировал текущим репертуаром. Работал над новыми постановками, в частности, выпустил премьеру “Граф Люксембург” Ференца Легара. Кроме того, с Дальневосточным академическим симфоническим оркестром (в качестве его главного дирижера) сделал много концертных программ, и с камерным оркестром Хабаровской филармонии я тоже сотрудничал…»*

Начиналась новая страница в его творческой жизни, но возникли проблемы со здоровьем, которые надо было срочно решить, а для этого пришлось вернуться домой.

Заслуженный деятель искусств Республики Беларусь.

Грядущий юбилей — 75 — Анатолий Максимович воспринимает как шанс на новую встречу с оркестром. Рассказывает о том, что художественный руководитель Государственного академического симфонического оркестра Беларуси Александр Анисимов пообещал предоставить ему возможность провести филармонический концерт. Правда, не в сентябре, когда будет юбилейная дата, а немного позже, и с учетом некоторых рекомендаций по программе.

«Она должна быть “полегче”, без любимых мною симфоний Бетховена, Брамса или Малера, с участием солистов оперетты в 1-м отделении. А мне хотелось бы сыграть, например, Пятую симфонию Дворжака. Или что-нибудь из партитур Отторино Респиги. Или Шестую симфонию Чайковского. Кстати, я недавно сравнивал две записи этого шедевра, сделанные оркестром под управлением Герберта фон Караяна в разные периоды его творчества. Это два разных дирижера! Чувствуется, как на склоне лет маэстро словно поведал через музыку то главное, что познал и впитал на протяжении своей долгой жизни…

Может быть, о моем юбилее вспомнят в театре оперы и балета, где начиналась моя дирижерская карьера, и дадут возможность провести спектакль. Может, каким-то образом поддержат на Белорусском радио. А в музыкальном театре я мог бы осуществить музыкальное руководство новой постановкой и передать ее в руки молодого дирижера. Или продирижировать каким-либо спектаклем из текущего репертуара — опереттой “Летучая мышь”, например, постановка которой пока не обновлялась, идет в неизмененном виде с тех пор, как я там работал...

Несмотря на неустроенность, счастлив тем, что занимался этим делом, готов заниматься и дальше. Музыка — всеобъемлющая и разная — существует с нами или без нас, и она будет существовать. Может быть, новые поколения найдут в ней свою среду обитания. Главное, чтобы дирижеры, взявшись “препарировать” нотный текст, имели представление о намерениях автора, стремились понять его замысел».

Казалось бы, известно всем, что талант — явление уникальное везде, даже в самых массовых профессиях. Что его надо ценить и беречь как национальное достояние. Тем более, когда он проявляет себя в сфере такого тонкого и штучного музыкального искусства. И особенно — на фоне актуальных и компетентных рассуждений о том, что в Беларуси с далеких советских времен ощутим недостаток собственных, коренных дирижерских кадров, специалистов высокоодаренных, профессионально грамотных и эрудированных, знающих родную культуру, почтительно и патриотично к ней относящихся. Конечно, времена изменились. В Беларуси складывается своя школа оперно-симфонических дирижеров. Молодые и перспективные музыканты теперь чаще получают образование за рубежом, активнее выезжают на стажировки. Но «самым-самым» по-прежнему нелегко найти на родине достойное место под солнцем искусства, и почему-то в других краях они оказываются более востребованными...

* * *

«Живем — и это главное. Ощущение жизни прекрасно само по себе. Но мне, для того, чтобы жить, необходимо работать, — говорит Анатолий Лапунов. — *Накопленный потрясающий опыт, художественный вкус, владение интерпретацией... Всё, что я освоил, впитал, постиг, открыл — все мои знания хотят вырваться наружу, а воплощения не могу достичь. Не могу, даже попросту говоря, отдать то, чему меня учили, во что государство вкладывало деньги. Я полон желания работать, полон сил, стремления. И я могу работать, а работы нет. Предложи — вгрызусь в работу, сделаю ее с таким вкусом!*

Я хочу быть загруженным. В этом моя жизнь».

Светлана БЕРЕСТЕНЬ

Фото автора, а также из архива Анатолия Лапунова.

С точки зрения рецензента

Время яблок

Книга под таким названием вышла в канун Нового года в столичном издательстве «Четыре четверти» в престижной серии «Библиотека Союза писателей Беларуси». Это настоящий подарок любителям поэзии. Читатели давно знают творчество Николая Наместникова по публикациям на страницах журналов, газет, литературных альманахов и ранее вышедших поэтических книг.

Первые публикации Н. Наместникова относятся к 1980 году. С тех пор его стихи печатались в областных и республиканских газетах, белорусских журналах: «Родник», «Нёман», «Немига литературная», российских: «Пересвет» и «Наш современник», альманахах «Дзвіна», «Дзень паэзіі», украинском альманахе «Слобожанский круг». Он был составителем и редактором белорусско-украинского альманаха «Вокзал», куда вошли произведения литераторов Витебской и Харьковской областей. Его стихи были включены в антологию «Современная русская поэзия Беларуси» в 2005 году.

Перу Н. Наместникова принадлежат книги «Забытые небеса», 2000 г., «На распутье ветров и дорог», 2004 г., «Листопад исповедальный», 2008 г.

Стихи переводились на белорусский, украинский и болгарский языки.

О новой книге стихов Н. Наместникова «Время яблок», в которую кроме новых вошли лучшие стихи из предыдущих книг, писать и легко, и тяжело. Легко, потому что многие из этих стихов мне давно знакомы, тяжело, потому что разговор о поэзии требует особого душевного настроя, так как погружение в настоящую литературу — это не только удовольствие, но и серьезная внутренняя работа.

Если бы меня попросили дать краткую характеристику стихам Николая Наместникова, я бы сказала: они предельно искренни. Поэт раз и навсегда избрал своим девизом в творчестве есенинские строки

«я сердцем никогда не лгу». Его стихам чужды показушность, пафосность, самолюбование — то, что, увы, свойственно сегодня многим современным литераторам. У него — по Булату Окуджаве: «Каждый пишет, как он дышит».

А дышит поэт ароматом родины: сосновых боров и вересковых полей, настоянным на полыни воздухом бесконечных дорог.

...И не поймешь, забрел куда,
лишь ясно, что сошел с дороги,
когда упавшая звезда
тебе котенком ткнется в ноги.
Летит и светится в траве,
как чудо-яблоко на блюдце.
Ну, где, в какой еще земле
ты можешь о звезду споткнуться?

Николай Наместников и его поэзия ведомы одной звездой — звездой Отчизны. «Вот Родина, все остальное — прочь! Вот — мама, все другие отойдите!» Родина для поэта — это не только озерный край с бесконечными лесами, это и люди родной земли. В книге «Время яблок» перед читателем проходит целая вереница портретов и судеб. Тема «маленького человека», пришедшая из литературы XIX века, трансформировалась у Николая Наместникова в тему простого жителя Беларуси. Перед нами наши современники. Сидящая под иконами старуха, растерявшая свои молодые годы женщина-шпалоукладчица, девчонка, летящая «по солнечным лужам», веселая проводница поезда... Всмотришься в них — и сердце наполняется сочувствием и участием.

«Все в поэзии Николая Наместникова серьезнее и глубже, чем может показаться на первый взгляд», — писал уже упомянутый выше Дмитрий Радиончик. И в этой скрытой глубине — сила и мастерство автора.

Николай Наместников — поэт разноплановый. Тематика его стихотворений разнообразна. Вот, к примеру, строки об осени:

Вот и вереск отцвел,
Это значит — пора нам в дорогу.
Черно-белые дали
до глубин горизонта мертвы.
Как сохатый, бреду
по осеннему мокрому логу,
и летит с высоты
одинокое чье-то «курлы»...

Или зарисовка с натуры:

В лесной деревушке, где майский дождь
весь день молотил о ставни,
старуха ела крапивный борщ,
над миской склонясь устало.

Воспоминания детства:

День августовский. Яблоневый самый.
Корзинам золотым потерян счет.
И яблоками пахнут руки мамы,
и время соком яблочным течет.

Несмотря на минорное звучание многих стихов Николая Наместникова, он оптимистичен: «*и будет Свет. И будет Слово. И будут люди на земле»*. Его вера в «разумное, доброе, вечное» непоколебима. Поэт верит в силу красоты, в силу искусства, в ту искру, что вложил Господь в душу каждого из нас.

И хорошо, что повелось от века
сверять дела и помыслы свои
с извечным устремленьем человека
идти дорогой веры и любви.

Вера и любовь — это и есть дорога поэта. Любовь к своей земле, вера в ее будущее. И словно молитва, рвущаяся из самого сердца, звучит пронзительное:

Хлебу и небу внемлю,
помыслам верю чистым.
Боже, храни эту землю —
ныне и присно...

Нужно отметить, что Николай Наместников владеет обширным арсеналом художественных средств. Вот, например, образец прекрасной звукописи:

Желтый клен.
Журавлиный клин.
Небыль?
Сон?
Неба синь...

Сравнения? Они сочны и неожиданны. У поэта клены «*рыжи, как лисы»,* кони чалы, «*как горизонты»,* а подходящий к прохожим на улице парнишка «*тихий, как ветер в жите*».

Можно отметить не один десяток интересных, оригинальных метафор. Поэт использует мифологические и библейские образы, также можно отметить его богатую лексику.

Николай Наместников много путешествует по родному краю. И конечно же, не случайно одним из главных образов в его творчестве стал образ дороги. А дорога — это всегда поиск, стремление ощутить себя частью родной земли. У Николая Наместникова есть прекрасное стихотворение, давно уже знакомое читателям «Нёмана», — «*Дорога повернула на Отчизну*». И сегодня вдумчивый читатель, ознакомившись с книгой «*Время яблок»,* поймет, что с этой дороги поэт никогда не свернет.

Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

Литературное содружество

Великая гуманистическая миссия

2015 год — Год 70-летия со дня Великой Победы — объявлен в странах СНГ Годом Ветерана. Тема Великой Отечественной войны в литературе Беларуси всегда занимала и продолжает занимать особое место. На XV Международном съезде славистов в Минске в сентябре 2013 года была презентована новая книжная серия Издательского дома «Звязда» — «Созвучие сердец», цель которой — познакомить читателя с лучшими произведениями, созданными в основном в постсоветское время поэтами и прозаиками, представителями стран, входящих в Содружество Независимых Государств. Серия основана в 2013 году, автор идеи и руководитель проекта — Лилия Ананич. Выпуск издания осуществляется по заказу и при финансовой поддержке Министерства информации Республики Беларусь.

Книга «Не ведая границ. Казахстан — Беларусь» продолжает на новом уровне сотрудничество наших писателей и поэтов, у истоков которого Зыгмунт Сераковский, Бронислав Залесский, Адольф Янушкевич, Жамбыл, Янка Купала, Якуб Колас, Ильяс Жансугуров, Халижан Бекхожин, Максим Танк. Защищали и освобождали белорусскую землю Адий Шарипов (его именем названа улица в Гомеле), Жубан Молдагалиев, Жумагали Саин, Сагингали Сеитов. Отряд Саши (так Адия Шарипова называли партизаны) вошел в состав 2-й Клетнянской бригады, комиссаром которой он и стал. О военном прошлом — повести А. Шарипова «История одного полушубка», «Дочь партизана» и другие, переведенные на многие языки мира. Широко известна его монография «Жизнь и творчество Ж. Саина». В Казахстане издавались произведения Якуба Коласа, Максима Танка, Ивана Шамякина, Петруся Бровки, Алеся Адамовича, Василя Быкова, Максима Богдановича. На страницах журналов «Полымя», «Нёман», «Маладосць» и других публиковались «Казахстанские блокноты», «Целинные дневники» белорусских писателей, поэтов, публицистов и т. д.

В серии «Созвучие сердец» издано восемь книг: две книги в серии «Беларусь — Россия» — «С думой о Родине» и «Звездный родник»; «Счастливая встреча. Беларусь — Азербайджан», «Люблю тебя, Отчизна. Беларусь — Армения», «Золотая струна. Беларусь — Украина», «Светлая даль. Беларусь — Таджикистан», «Святая любовь. Беларусь — Туркменистан». Под одной обложкой книги «Не ведая границ» объединены произведения 12 казахстанских и 10 белорусских авторов. «Язык отцов, язык тысячелетий» — первой строчкой стихотворения Олжаса Сулейменова назван раздел, в который вошли произведения Мухтара Омаровича Ауэзова «Путь Абая» (отрывок), Калихана Искакова «Запах молока», Абиша Кекилбаева «Возвращение», Оралхана Бокеева «Камчигер» и поэзия Мукагали Макатаева, Кадыра Мырзалиева, Нурлана Оразалина, Фаризы Онгарсыновой, Олжаса Сулейменова, Валерия Михайлова, Любови Шашковой и Н. Алпамыскызы.

В Предисловии «Откуда мы пришли и куда путь свой вершим?..»

к казахско-белорусскому тому директор Издательского дома «Звязда» — главный редактор газеты «Звязда» Алесь Карлюкевич пишет о своем восприятии казахской литературы: «Космическое осмысление О. Сулейменовым Слова и «Слова о полку Игореве» дало один из главных уроков, научило быть читателем, но не соглашателем, научило еще больше любить свое, родное, но не за счет чужого, а во имя открытия чужого и бесконечного». Белорусский издатель и литературовед находит точные и образные слова, раскрывая в наших литературах этнокультурную идентичность и определяя выход в мировую литературу: «Постижение себя, утверждение себя — это и открытие мира».

А. Карлюкевич встраивает национальные литературы в мировой контекст: «Мир открытий без казахской литературы был бы гораздо меньше. И когда в Беларуси, России, других краях и весях кто-то выберется в новую дорогу, в его дорожной котомке, в арсенале его духовного оружия непременно займут достойное место произведения писателей Казахстана». Непохожесть белорусской и казахской литератур способствует не только интересу друг к другу, но и позволяет ярко показать взаимное видение народов через литературу, ведь «каждый народ осознанно, полуосознанно или неосознанно — несет свою идею, свой мир представлений и о себе, и о других».

В ряду учителей А. Карлюкевич называет Абая, М. Ауэзова: «Давно прочитав «Абая», сейчас перечитываю новый перевод великой эпопеи, осуществленный А. Кимом. Энциклопедия казахской жизни — пожалуй, из тех книг, которые нельзя не прочитать, нельзя не осмыслить. Вот как раз этого всеобъемлющего представления о других народах, их своеобразии, отличительных чертах нам сегодня и не хватает. Постижение себя, утверждение себя — это и открытие мира…» Казахстан и казахская литература входят в творчество и судьбу белорусов. В Минске открыт барельеф М. О. Ауэзову, улица и средняя школа № 143 белорусской столицы носят его имя. Заведующая школьной библиотекой, учителя литературы проводят большую воспитательную работу и знакомят подрастающее поколение с казахской литературой и культурой. Старшеклассники пишут сочинения, победители конкурса «Что я знаю о Казахстане?» по приглашению руководства Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова во главе с директором школы Д. Бочаровым посетили родину Абая и М. О. Ауэзова, побывали в Семипалатинске и Усть-Каменогорске. В Доме дружбы г. Минска были проведены конференции, посвященные А. Кунанбаеву и С. Сейфуллину, поэтический вечер О. Сулейменова и др.

Раздел книги, в котором помещены произведения писателей Беларуси и Казахстана, «Не ведая границ» — «Я вечности пою…» открывает «Партизанский парад» Янки Сипакова и завершают стихотворения Любови Турбиной.

Разрушенный послевоенный Минск — не только город, который освобождают партизаны. В рассказе Я. Сипакова «Партизанский отряд», как в ретроспекции, воссозданы картины военной жизни главных героев и города, которого «совсем нет. Повсюду одни руины, битый кирпич, щебень». Кадры старой кинохроники, давние фотографии партизанского парада заставляют Радослава вновь и вновь не только вспоминать военное детство, но и видеть то, что не попало в кадр, что «именно тогда было и теперь само собою всплывало в памяти». Минск не просто в руинах. Бывшие дома «израненно глядели на улицы». Да и улиц, собственно говоря, не было, они выглядели мертвыми и заброшенными. И повсюду пепел, пепел и пепел. Город уже не был городом. Город был сплошным пожарищем. Заканчивалась вторая неделя после освобождения. В обволакивающей тишине звуки мирных забот растворялись и делались «незаметными, как дуновение ветра, звон солнечных лучей, шелест деревьев, оставшихся живыми».

Радослав в ожидании гостя из Иркутска слушает магнитофонную запись рассказа о параде одного из партизан и узнает себя. Это он, худенький-худенький мальчонка, заросший-заросший, что и ушей не видно, в огромной, как решето, шапке, подбежал и подарил партизану букетик васильков («Стоп, стоп, стоп! Не спеши, магнитофон. Ему хочется снова услышать тот цокот и снова увидеть того мальчугана…»). Мальчугана, вернувшегося с мамой в разрушенный дом, уцелевший меж руин уголок на втором этаже, занавешенный скатертью, сохраненной матерью в партизанах. Главное: «У него был свой дом». И ему посчастливилось проехать перед трибуной и молодым, красивым маршалом Черняховским (вскоре погибнет на передовой) на одной лошади с командиром лесного отряда. Не было таких парадов нигде в мире, кроме, возможно, Югославии.

Темная, как длинная ночь, оккупация будет десятилетиями повторяться в снах и воспоминаниях тех, кто пережил ее. В снах герои переживают трагические моменты своего детства (фрагмент повести «Лица и лик» Владимира Саламахи), пытаясь уберечь своих детей от шалости и необдуманных решений. В прозе белорусских писателей — уроки доброты и сострадания, человечности и мудрости, высокой нравственности: «Человек создан не только для труда, но и для отдыха. И за душой смотреть должен». Ярко, колоритно выписаны характеры главных и второстепенных героев, речь каждого индивидуализирована. Волнуют их вопросы жизни и смерти, вечности и мироздания: «Когда я умру, а умру // когда-нибудь я, это точно, // родню и друзей соберу. // Мы будем беседовать молча» (Владимир Скоринкин).

А в мирное время «вечер шалью серебристого тумана // укрывает и затягивает в сон» и сны, «как призраки, плывут в тумане стылом // смутными обрывками молитв». Память-контрапункт проходит через прозу и лирическую поэзию белорусских авторов. У выстылой осени в котомке заплечной хранятся «приблудные тени, что исподволь память калечат, // приблудные тучи, что путь поливают слезами, // чтоб искренность стала стеною высокой меж нами» (Владимир Марук). Красавицам послевоенных лет посвящает стихотворение Любовь Турбина, тонкий лирик и проникновенный поэт. Изящны и глубоки «Триолеты» Михаила Позднякова.

Самоотверженность и героизм капитана Шагалова во время мощного циклона во имя радости в глазах больного ребенка и надежды на выздоровление (рассказ «Пушок» Анатолия Сульянова) трогает душу читателя так же, как и светлая печаль, мужество в борьбе с прогрессирующей болезнью в рассказе Алены Браво «Homo vitreus» (Человек стеклянный). О равнодушии и нравственном выборе, долге и принципах морали рассказ Анатолия Андреева «Эффект лотоса». Со страниц удивительной книги, согретой теплом сердец ее авторов, мы узнаем о том, что в деревне Колбы на Полесье растет могучий дуб, в тени которого во время прохождения военной службы в 1916—1917 годах любил сидеть Александр Блок. Сохранилась в деревне и капличка (часовенка), что поэт срисовал в свой альбом. Об этом — стихотворение Валерия Гришковца «Взлетают в небо аисты высоко»:

Ах, этот дуб, запутавшийся в небе!
Не знать нам дум, что зреют в желудях.
О доблестях, о родине, о хлебе?..
Где суть искать нам — в кроне ли, в корнях?..

В журналах «Простор» и «Нёман» за 2009—2010 годы представлены рубрики «Содружество» и «Сябрына»: литература стран СНГ». «Сябрына» открывается статьей А. Карлюкевича «Солнце Абая и Купалы»: «В дружбе, согласии, уважении друг к другу и жить становится легче. Понимая это, и «Нёман», журнал, известный некогда на всем пространстве Советского Союза, обретает новых друзей, восстанавливает связи со старыми. Публикация переводов казахской поэзии и прозы — хорошее тому подтверждение». В рубрике белорусского журнала опубликованы поэзия и «Слова назида-

ния» Абая, глава из романа М. Ауэзова «Путь Абая» — «Абай. Возвращение», поэтическое творчество Н. Оразалина, Ж. Дарибаевой, И. Оразбаева, Б. Искакова, М. Макатаева, В. Михайлова. О новом переводе романа М. Ауэзова «Путь Абая» пишет Л. Шашкова, с Г. Бельгером беседует Е. Зейферт. В седьмом номере журнала «Простор» за 2009 год одна из рубрик «Содружество литератур» открывается статьей Л. Шашковой «Пути взаимного сближения». Читатель имеет возможность познакомиться с творчеством А. Карлюкевича, М. Метлицкого, Н. Ветошевич, И. Чароты.

В 2014 году в Минске по заказу и при финансовой поддержке Министерства информации Республики Беларусь издан первый на просторах СНГ альманах «Созвучие», задача которого — всемерно способствовать популяризации национальных литератур стран СНГ. Под одной обложкой опубликованы проза и поэзия азербайджанских, армянских, белорусских, казахстанских, кыргызских, молдавских, российских, таджикских, туркменских, узбекских, украинских литераторов. Казахстан представлен рассказом К. Искакова «Запах молока», поэзией В. Михайлова и Л. Шашковой. «Женщины в наших судьбах, или Вечер поэзии для двоих» Ч. Айтматова и М. Шаханова в равной степени презентуют Кыргызстан и Казахстан. Выступая на первом Форуме писателей и культурологов «Культурное наследие в диалоге традиций» (Минск, 2008), лауреат Государственной премии Республики Беларусь М. Метлицкий отметил важность и ценность того, чем мы наполним наши литературные отношения, как выстроим диалог. «Поэты и деятели культуры раздвигают границы человеческого духа», — так глубоко символично заканчивается статья «Полюбив поэта, полюбишь его народ» в альманахе «Созвучие» М. Метлицкого, благодаря которому Абай заговорил по-белорусски. В своей работе над поэтическими переводами казахского классика М. Метлицкий особо подчеркивает, что «когда перед тобой настоящий поэт, надо просто окунуться в его стихию, надо просто ею жить и дать ему возможность остаться им же на твоем уже родном языке». Не менее важным, чем оригинальное творчество поэтов и прозаиков стран СНГ, является публикация в альманахе «Созвучие» статей, эссе и интервью критиков и мастеров художественного слова о развитии национальных литератур на постсоветском пространстве и творческом сотрудничестве. С точки зрения «проблемы другого и идентичного в национальных стереотипах писателей, принадлежащих к другой литературе» (Р. Флорак), представляют интерес статьи А. Карлюкевича «От Бреста до Барановичей: адреса русской литературы в Беларуси», «Стихи, которые лечат сердце», В. Лозовской «Белорусские писатели в Татарстане», П. Ольсового «Отличный здесь народ! Петро Глебка в Таджикистане», М. Берлежа «Следы пустыни: белорусские писатели в Туркменистане в XIX—XX вв.», К. Ладутько «Агагельды Алланазаров и Беларусь».

Особо значимы в плане компаративистики, литературных связей и художественного перевода, основная миссия которого — знакомить читателей с мировой литературой, новые белорусские издания. В 2010 году вышла в свет Антология переводов М. Метлицкого «Сопричастность», объединяющая переводы из поэзии Азербайджана, Армении, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Венгрии, Грузии, Индии, Испании, Казахстана, Канады, Китая, Кубы, Латвии, Польши, России, Турции, Туркменистана, Украины, Черногории, Чили, Сербии, Туркменистана, Узбекистана, Молдовы. Книга переводной поэзии доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой теории литературы Белорусского госуниверситета В. Рагойши «Глаза в глаза, мысль в мысль» включает раздел «Из казахской поэзии». На белорусском языке опубликованы стихотворения поэта и литературоведа С. Сеитова «Моя анкета», «Брест», «Минск», «Константин Заслонов» и т. д.

В уникальную антологию «Францыск Скарына на мовах народаў свету»

(Минск, 2014) вошли переводы классика белорусской литературы на 64 мировых языках. Составители книги выражают благодарность К. Бакбергенову за организацию поэтических переводов на казахский (Улугбек Есдаулетов), курдский (Гасане Хаджисулейман), уйгурский (Гульнар Аутова), корейский (Ким Бён Хак) языки. Литературным связям посвящена новая книга А. Карлюкевича «Братэрства». В сентябре 2014 года в рамках «круглого стола» «Созвучие: литература как зеркало эпохи» в Дни белорусской письменности в Национальной библиотеке состоялась презентация сайта «Созвучие» (sozvuchie.zviazda.by), на котором размещены новые материалы о национальных литературах стран СНГ. Казахстан представлен весьма солидно научными статьями, аналитическими материалами и рецензиями Кирилла Ладутько «Казахстанский вариант», «Надежда для всех», Уалихана Калижанова «Культурный код народа Казахстана», Шериаздана Елеукенова «Новая литература нового Казахстана», Бейбута Мамраева и Светланы Ананьевой «Книга — фундамент духовной культуры», Анны Негиной «Казахстанская составляющая в мировом литературном процессе», Светланы Ананьевой «Великий Абай», Диляры Шариповой «Памятник Абаю в Ташкенте», Любови Шашковой «Писательские встречи на белорусской земле» и ее поэтическими произведениями, интервью Валерия Михайлова радио «Азаттык» «Во время голода в Казахстане погибло 40 % населения» и «Там, где кончается асфальт» — «Литературной газете», статьей Веры Савельевой «Наш современный роман как жанровый микс и некоммерческий проект», рецензией Натальи Батраковой на «Чернобыльскую молитву» Светланы Алексиевич и так далее.

«Между Смоленском и Оршей» называется одно из стихотворений Валерия Гришковца, включенных в сборник «Не ведая границ», в оформлении издания которого использован фотоснимок фрагмента слуцкого пояса приблизительно 1760 года.

Порубежье — это не только граница, но и место встречи: «И здесь, и там — до хруста — сладко спится, // Когда светла, как этот сад, душа». Не ведая границ, струйкой к небу, от дома к дому вьются дымки в осеннем воздухе.

Тут все давным-давно вражды не знает.
Граница. Сад. Спаситель на кресте.
Объединяют нас?.. Разъединяют?..
А вот и солнце! Всем. Одно. Везде.

Художественная литература и художественный перевод продолжают великую гуманистическую миссию в XXI веке. Язык отцов, язык тысячелетий сближают культуры, литературы и народы, создавая единое духовное пространство. Наши книги становятся, по образному и точному выражению А. Карлюкевича, «новым светом, новым духовным оружием, позволяющим не бояться обращать свой взор на планетарные масштабы времени». Национальные литературы расширяют сферы влияния друг на друга, включаясь в контекст межкультурного диалога.

Светлана АНАНЬЕВА

Литературное содружество

«Созвучие» без границ

Литературно-художественная тема в современном Интернет-издании

Сегодняшнее состояние литературно-художественной периодической печати требует от ее издателей и учредителей вести активный поиск новых читателей, новых потребителей информации. Уже давно в прошлом остались времена, когда, к примеру, журналы «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Иностранная литература» выходили миллионными тиражами. И у белорусских литературно-художественных изданий («Нёман», «Полымя», «Маладосць», «Крыніца») тиражи были в десятки раз больше нынешних. Один из путей поиска читателя — выход в Интернет-пространство.

Издательский дом «Звязда» на своем сайте zviazda.by пошел дальше. Размещая в электронном пространстве Интернет-версии журналов «Нёман», «Полымя», «Маладосць», «Вожык», газеты «Літаратура і мастацтва», модераторы добавили и еще одну важную составляющую — Интернет-страницу «Созвучие»: «Литература и публицистика стран Содружества» (www.sozvuchie.zviazda.by).

Что же собой представляет «Созвучие»? Какие цели и задачи ставят перед собой организаторы этого электронного медийного проекта? Какое жанровое многообразие отражается в данном ресурсе? Во-первых, толчком к созданию «Созвучия» стала многогранная деятельность Издательского дома «Звязда» по сплочению литературных сил стран Содружества на «белорусской площадке». Начиная с 2007 года, в Минске проводится международный «круглый стол» писателей разных стран. Каждый год — под разным названием, но с общей идеей — «Художественная литература как путь друг к другу». Всегда в дискуссиях на тематических площадках «круглого стола» принимают участие руководители литературно-художественного масс-медиа. Только из России в обсуждении в том числе насущных проблем распространения печатного художественного слова приняли участие главные редакторы «Литературной газеты», журналов «Иностранная литература», «Роман-газета», «Юность», «Сибирские огни», «Вологодский Лад» и др. Во-вторых, «Звязда» выступает книжным издателем произведений писателей дальнего и ближнего зарубежья. В 2013 году Издательский дом подготовил и выпустил в свет серию книг «Созвучие сердец», в которой была представлена литература стран Содружества, созданная после 1991 года. За 2007—2014 гг. в Издательском доме «Звязда» вышли книги Евгения Евтушенко, Валентина Распутина, Алеся Кожедуба, Любови Турбиной, Валерия Казакова, Александра Черняка, Бориса Костина (Российская Федерация), Севиндж Нурукызы, Чингиза Али оглу (Азербайджан), Агагельды Алланазарова (Туркменистан), Михайлы Слабошпицкого (Украина) и др. И в-третьих, сложилась большая практика продвижения белорусского художественного слова в другие страны, другие культуры. Только за последнее десятилетие «белорусские номера», подборки белорусской прозы и поэзии увидели свет в литературно-художественных журналах, газетах России, Армении, Казахстана, Азербайджана, Таджикистана, Туркменистана и других стран. В переводе на другие языки вышли отдельные книги современных

писателей — в Душанбе, Ашхабаде, Баку, Киеве, Набережных Челнах. Вся эта работа, многообразная деятельность по расширению международных связей и способствовала поиску новых медийных средств, позволяющих объединять пространство, устанавливать коммуникативные отношения как между авторами-писателями, публицистами, так и читателями. Это и подтолкнуло к созданию «Созвучия».

Спроектирована Интернет-страница следующим образом. Существуют ссылки на следующие «окна» или подстраницы: «Главная», «Новости», «Книги», «Абай шествует по планете». «Главная» выводит интернет-читателя на разделы, каждый из которых представляет отдельную страну СНГ: «Литературный Азербайджан», «Литературная Армения», «Литературная Беларусь», «Литературный Казахстан», «Литературный Кыргызстан», «Литературная Молдова», «Литературная Россия», «Литературный Таджикистан», «Литературный Туркменистан», «Литературный Узбекистан», «Литературная Украина». «Новости» отражают наиболее информационные материалы, здесь выставляются сообщения, заметки, репортажи, информационные корреспонденции. То есть те материалы, которые только что, в оперативном порядке, попадают в редакцию «Созвучия» (параллельно они представлены и в разделах по странам). «Книги» — информация о книжных новинках, которые представляют белорусскую литературу на русском и других языках, информация о тех книгах, которые переведены с языков стран Содружества на белорусский язык. Отдельное тематическое пространство отражено в разделе «Абай шествует по планете». Поэтому об этой части электронного международного проекта расскажем более подробно.

Абай — классик казахской литературы. Просветитель, чье имя, чьи произведения и сегодня влияют на развитие литературы Казахстана, на мировоззрение казахского народа в целом. Музыкант, философ, яркий мыслитель, общественный деятель, основоположник казахской письменной литературы, фактически первый ее классик. Он проявил себя как реформатор национальной культуры в духе ее сближения с русской и европейской культурой на основе просвещенного либерального ислама.

Сегодня Абай является одним из самых издаваемых классиков казахской литературы. Существует целое направление в истории и теории литературы — абаеведение. В разделе «Созвучия» «Абай шествует по планете» представлены литературоведческие и историко-литературные статьи, искусствоведческие эссе, очерки, репортажи, тексты стихотворений Абая в переводе на белорусский и другие языки. Всего раздел «Абай шествует по планете» работает на трех языках — русском, белорусском, казахском. Материалы выставляются в Интернет-пространстве на языках оригиналов. О жанровом многообразии, как и о тематическом характере, убедительно рассказывают названия Интернет-«публикаций»: «Казахстанская составляющая в мировом литературном процессе», «Памятник Абаю в Ташкенте», «Писательские встречи на белорусской земле», «Рецепция творчества Абая Кунанбаева в дальнем зарубежье», «Потомки — последователи Абая», «Абай и его герои в изобразительном искусстве Казахстана», «Круговорот времени в поэзии Абая и А. Фета», «Пушкин и Абай — поэты ренессансного типа», «Постижение Абая». Среди авторов раздела «Абай шествует по планете» — доктор филологических наук, профессор, ректор Атырауского государственного университета имени Х. Досмухамедова Б. Мамраев, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой казахской литературы Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Центрально-Азиатского университета Алма Тусунова, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом изобразительного искусства Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, доктор филологических

наук, профессор Мериаздан Елеукенов, кандидат филологических наук, доцент Серикаазы Корабай, лауреат Государственной премии Республики Беларусь поэт Микола Метлицкий, кандидат искусствоведения Диляра Шарипова и др. Активным модератором раздела «Абай шествует по планете» является заведующий отделом мировой литературы и международных связей Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова Министерства образования и науки Казахстана Светлана Ананьева. Благодаря ее деятельной поддержке в «Созвучие» поступают материалы, еще не опубликованные в печатных масс-медиа, что делает работу раздела «Абай шествует по планете» особенно ценной.

Наверное, следующим проектом «Созвучия» станет создание отдельной Интернет-страницы, отдельного раздела о другом классике казахской литературы — Мухтаре Ауэзове. Из последних материалов, размещенных в пространстве «Литературный Казахстан», «Созвучие» презентует статью сына великого писателя — Мурата Ауэзова «Воплотивший Степь в бессмертном слове».

Приведем небольшую цитату, которая очень четко определяет мировоззрение автора книги «Путь Абая»: «Гуманитарное и художественное наследие Мухтара Ауэзова выдержало испытание временем. Сегодня его творчество достойно входит в XXI век, и пока казахи будут оставаться народом-нацией, со своим языком, культурой и духовностью, такие его произведения, как «Путь Абая», конечно, будут с этим народом.

Я сейчас по возрасту старше Мухтара Ауэзова в его земной жизни. Он ушел на 64-м году, а мне 72 года. Я поэтому совершенно спокоен. У меня нет к нему отношения по восходящей — физически мы сравнялись. Как-то, будучи в Японии, в Хиросиме, я нашел место, где, по его дневникам, он был в 1957 году. И там у меня с ним произошел диалог. Я ему задавал вопрос: «Ты много ездил по миру, писал об Америке, Индии, а вот о Японии не оставил ничего, хотя столько времени — 45 дней — ты сражался здесь против атомной бомбы». К сожалению, нет опубликованных вещей о периоде его пребывания в Японии. А он мне объяснял, почему так произошло. То есть, у меня был с ним диалог, и я пользовался преимуществом возраста. Но возраст, конечно, не дает оснований для ощущения преимущества. Я знаю, что он — гениальный писатель, великий гражданин, мыслитель, и свое место в этой субординации я очень хорошо понимаю.

Он действительно гениальный человек. В нем какая-то особая мудрость, мужество, природная мощь таланта — все это в совокупности дало ему возможность создать удивительную книгу — «Путь Абая»...»

Согласитесь, не зная Мухтара Ауэзова, всего культурного пространства Казахстана, не понимая многих составляющих в историко-культурном национальном строительстве, вряд ли так детализированно можно осмыслить место и роль классика в казахстанской культуре. В этом и заключается особенная ценность в работе «Созвучия»: авторами многих статей, очерков, других материалов, размещенных в электронном пространстве, выступают специалисты, осознающие роль и место национальных литератур в мировом формате.

Согласитесь, к таким словам Мурата Ауэзова не может быть недоверия: «...Нужно было удержать уходящую цивилизацию, причем это нужно было сделать с предельной достоверностью, с предельной полнотой. И сейчас у нас многие писатели, вышедшие из аула, возвращаются благодарной памятью к родным местам. И они пишут об ауле, казахской действительности. Но это уже воспоминания, реставрация былого через рассказы старших, это не та органика национального бытия во всей его полноте, в которой захватил его М. Ауэзов. Это уже осколки того великого мира. У современных писателей уже нет того многомерного чувствования, естественного пребывания в стихии традиционной казахской жизни, это либо ностальгия, воспоминание, либо реставрация по осколкам. В этом и состоит поразительная особенность романа. Недаром Каныш Сатпаев

назвал его «энциклопедией казахской жизни XIX века». И действительно, богатейшая информация для кого хотите — музыковедов, литературоведов, законоведов, этнографов и т. д. То есть обычаи, ритуалы, суд, борьба партий за власть — здесь есть все. Роман феноменален в смысле охвата событий, поэтому Анатолий Ким, которого, я считаю, судьба привела сюда для осуществления важной миссии — достойного перевода «Пути Абая» на русский язык, — влюблен в этот роман. Он говорит, что это — роман всех народов, без преувеличения, гениальное произведение. Ким сам потрясен богатством мира кочевника. Здесь показаны и захоронение, и свадьба, ушедший мир явлен в романе как абсолютно свежий, полно живущий мир. И тут еще одна особенность. Ким мне говорил во время перевода: «Удивительно, какое многолюдье в этом романе. Причем появляется персонаж, человек, у него маленькая функция, но точно называется его имя, очень короткая характеристика — и уже живет этот человек! Он не связан действием ни с кем другим, но это грандиозная мозаика, в которой нет лишней детали, это симфония, в которой ни один звук не является лишним». Но я-то думаю, почему этот роман был написан? Мухтар Ауэзов принял решение о написании именно такого произведения во времена коллективизации. Когда опустела степь, остались эти сиротливые юрты без людей, собаки-трупоеды, необходима была компенсация — и он своим воображением, талантом населяет обезлюдевшую степь, эту вселенную живыми людьми — множеством казахских типажей: мужчины, женщины, дети, старики, старушки. Это поразительно, это совершенно осознанный выбор модели произведения. Вот что Мухтар Ауэзов сумел осуществить...»

Обращение к одному и второму из классиков определяет дальнейшие пути развития «Созвучия». Вероятно, было бы правильным расширить страноведческий формат Интернет-страницы за счет внимания к наиболее известным персонажам национальных литератур. Вероятно, сложно определить, кому отдать предпочтение в расширении электронного диапазона странички «Литературная Россия». Пушкину, Лермонтову или Гоголю?.. Или — Тургеневу, Достоевскому или Толстому?.. Но, вероятно, понятно, что «Литературный Кыргызстан» мог бы стать богаче с попыткой показать жизнь и творчество Чингиза Айтматова, в «Литературной Украине» следовало бы выделить Тараса Шевченко. В «Литературном Туркменистане» не хватает «персонализации» Махтумкули, в «Литературной Армении» — Аветика Исаакяна или Сильвы Капутикян. Современность невозможно осмысливать в полной мере без осознания традиций прошлого, без соприкосновения с историческим опытом.

В материалах, размещенных на Интернет-странице «Созвучие», основу составляют тексты литературно-художественных жанров: баллада, лирическое стихотворение, очерк, новелла, повесть, сказка, роман, поэма, эпиграмма, эссе, рассказ, послание и др. Выделяются в отдельную группу жанры литературной критики: литературный портрет, статья, обзор, рецензия и др. В разных разделах главенство берут те или другие группы жанров. Связано это прежде всего с характером коммуникативных связей модераторов сайта. У «Созвучия» есть сеть корреспондентов, которые помогают «нарисовать» портрет современного развития национальных литератур стран Содружества Независимых Государств. Это и является главной задачей электронного художественно-публицистического проекта, учрежденного на сайте Издательского дома «Звязда».

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Читайте литературу и публицистику стран Содружества в Интернет-проекте «Созвучие» Издательского дома «Звязда». www.sozvuchie.zviazda.by.

ФИЛИППОВ Сергей Владимирович. Родился в 1953 г. в Москве. Окончил Московский институт химического машиностроения. Член литературной студии «Вешняки». Печатался в журналах «Ковчег», «Белый Ворон», «Великоросс», «Арина», «Новый Енисейский литератор», «Зарубежные задворки», «Наша улица», «Склянка», «ЛикБез», «Огни над Бией», «Невский альманах» и др. Живет в Москве.

СЛАВЯНИН Виктор Петрович. Родился в 1943 г. на хуторе Пинчуки Васильковского района Киевской области. Окончил Киевский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах Украины, России, Беларуси, Молдовы, Канады, США и др. Живет в Москве.

ИСАКОВ Петр Николаевич. Родился в 1937 г. в с. Вышняя Озерна Щигровского района Курской области. Член Союза писателей, Союза журналистов России. Прозаик, публицист, драматург. Автор более двадцати пяти книг, в том числе — семи сборников поэзии, книги исторических пьес «Во глубине России», исторических поэм и др. Живет в Железногорске.

ХАНИНОВА Римма Михайловна. Родилась в 1955 г. в с. Успенка Локтевского района Алтайского края. Окончила филологический факультет Калмыцкого государственного университета. Калмыцкий поэт, прозаик, драматург, переводчик, журналист, литературовед. Автор поэтических сборников «Зимний дождь», «День влюбленных», «Умная мышка», монографий и др. Живет в г. Элиста (Калмыкия).

ГЕРМАНСКИЙ Николай Семенович. Родился в 1953 году. Окончил Воронежский государственный педагогический институт. Автор книг «И каяться, и верить, и любить...», «Возвращение». Протоиерей, настоятель Свято-Никольского храма поселка Ракитное Белгородской области, благочинный Ракитянского и Краснояружского округа, почетный гражданин Ракитянского района.

ШМИДТ Катрин. Родилась в 1958 году в Готе (Тюрингия, ГДР). Изучала психологию в Йенском университете, окончила Литературный институт. Автор романа «Ты не умрешь», сборника рассказов «Finito. Все в прошлом» и др. Лауреат одной из самых престижных литературных премий Германии «Deutscher Buchpreis». Живет в Берлине (Германия).